

КИТАЙСКАЯ ЛИНГВИСТИКА И СИНОЛОГИЯ

Тезисы докладов
международной конференции

Российский государственный гуманитарный университет
Институт лингвистики

*Сборник посвящен памяти выдающегося советского
и российского лингвиста Тань Аошуан (1931-2017)*

КИТАЙСКАЯ ЛИНГВИСТИКА И СИНОЛОГИЯ

Тезисы докладов
международной конференции

Москва, 3–5 октября 2019 г.

Москва
2019

УДК 811.581(08)
ББК 81.2Кит.я43
К 45

Редакционная коллегия

А.Д. Дурыманова (РГГУ); Т.В. Ивченко (РГГУ), *ответственный редактор*; А.Д. Павлова (ВУ МО РФ); М.Б. Рукодельникова (РГГУ); Н.Г. Семенова (РГГУ); Л.С. Холкина (РГГУ), *секретарь*

К 45 **Китайская** лингвистика и синология : Тезисы докладов международной конференции. Москва, 3–5 октября 2019 г. – М. : РГГУ, 2019. – 452 с.

ISBN 978-5-7281-2533-4

В сборник вошли материалы, представленные в виде докладов на международной конференции «Китайская лингвистика и синология». Сборник состоит из трех частей. Часть 1, лингвистические исследования, включает в себя материалы по теоретической грамматике, стилистике, прагматике, истории и диалектам китайского языка. Часть 2 посвящена вопросам преподавания китайского языка. Часть 3, синология, включает в себя материалы докладов по обществу и государству, литературе и переводоведению, культуре и религии в Китае.

Для лингвистов, филологов, преподавателей, историков, культурологов и всех интересующихся Китаем.

УДК 811.581(08)
ББК 81.2Кит.я43

ISBN 978-5-7281-2533-4

© Российский государственный гуманитарный университет, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	21
-------------------	----

Часть I. Лингвистические исследования

<i>Банкова Людмила Львовна</i> Квантитативные фразеологические единицы в китайском языке: постановка проблем	25
<i>Ван Тяньцзяо 王天焦</i> Когнитивные модели концептуальной метафоризации в китайской фразеологии с компонентом 'добро'	29
<i>Воропаев Николай Николаевич</i> О роли ритма в создании потока китайской речи	33
<i>Воропаев Николай Николаевич, Ма Тяньюй 马天玉</i> Прецедентные имена и персонажи Китая: как быстро и эффективно их изучать	37
<i>Го Жуй 郭锐</i> Основные принципы выделения значений служебных слов	42
<i>Грунтов Илья Александрович, Мазо Ольга Михайловна</i> Танван, ганьгоу, утунь в контексте языковых союзов Цинхая-Ганьсу	44
<i>Гурьян Наталья Викторовна, Карпенко Сергей Юрьевич</i> Сино-русские идиолекты Приморского края: к постановке проблемы	49
<i>Дун Сюфан 董秀芳</i> Морфологические особенности китайских сложных слов с копулятивным типом связи: типологический взгляд.....	55
<i>Дондокова Максара Юрьевна</i> К проблеме единообразия перевода топонимов с русского на китайский язык	59
<i>Дрейзис Юлия Александровна</i> Современные проблемы письменной фиксации литератур на китайских тополектах	63
<i>Дурьманова Анастасия Дмитриевна</i> Континуум частей речи древнекитайского: свободное изменение или отсутствие исходной синтаксической функции лексемы?	67
<i>Завьялова Ольга Исааковна</i> Инновационная программа изучения языков, диалектов и локальных культур в Китае	71
<i>Ивченко Тарас Викторович</i> «Проблемы скрытой грамматики» Тань Аошуан: некоторые теоретические и практические выводы	75

<i>Калинин Олег Игоревич, Мавлеев Руслан Рафаэлевич</i> Метафоричность китайского языка как типологическая особенность	79
<i>Карапетянц Артемий Михайлович</i> Научная и педагогическая деятельность Тань Аошуан	83
<i>Карапетянц Артемий Михайлович</i> Функциональная грамматика Тань Аошуан и ее применение в обучении китайскому языку	88
<i>Кисель Полина Олеговна</i> К вопросу о «пустом дополнении» в расчленяемых словах лихэцы, построенных по глагольно-объектной модели	92
<i>Колпачкова Елена Николаевна</i> Аппликативные конструкции в современном китайском языке	96
<i>Круглова Екатерина Дмитриевна</i> Проблема определения терминологии явления «японизм» в лексикологии современного китайского языка	100
<i>Кубатиева Александра Алановна</i> Результативные и направительные конструкции как случай ассиметричной сериализации в современном китайском языке	104
<i>Ли Тао 李桃</i> Типичные ошибки в употреблении дискурсивного маркера 的时候 deshíhou ‘когда / в то время, как’ русскими студентами, изучающими китайский язык	108
<i>Лобанова Татьяна Николаевна</i> Лингвистический анализ китайского политического медиадискурса: дискурсивные практики (на примере анализа выпусков канала «CCTV 中文国际» за 2018-2019 гг.)	110
<i>Ма Сяохуэй 马晓辉</i> Сравнительный анализ семантики «бояться» и «怕» (怕)	114
<i>Наний Людмила Олеговна</i> Семантические переходы в поле ‘прямой’	117
<i>Наумова Ксения Михайловна</i> Личность и индивидуальность в китайской языковой картине мира	121
<i>Немтинова Алена Владимировна</i> Исследование навыка выделения грамматической структуры предложения при устном переводе с китайского языка на русский	125
<i>Пан Анна Владимировна</i> Сравнительный анализ функционирования эвфемизмов в языке прессы материкового Китая и Тайваня (Китай)	128

<i>Сбоев Александр Николаевич</i> Латинизация китайского языка (на примере китаеязычной интернет-коммуникации)	132
<i>Семенов Кирилл Игоревич</i> Стратегии преобразования русских фонетических заимствований в китайском языке: фонетика, морфемика, графика	136
<i>Симатова Софья Андреевна</i> Предикационная структура сообщения в диалогическом тексте на китайском языке	139
<i>Су Муюань 苏牧原</i> Заметки об истории китайской фразеологии	143
<i>Ульянова Ксения Анатольевна</i> Стилистические особенности китайского делового дискурса	147
<i>Фэн Юэ 冯月</i> Этноспецифичная модель времени в китайской лингвокультуре	152
<i>Чечина Наталья Юрьевна</i> Особенности терминологизации общепотребительной лексики современного китайского языка (на примере экономического дискурса СМИ КНР)	156
<i>Шатравка Анна Владиславовна</i> Звукоподражания в грамматической системе китайского языка	159
<i>Шевцова Наталья Ивановна</i> Приветственное слово как жанр и его характеристика (на примере китайского языка)	163
<i>Bogushevskaya Victoria</i> “Open up your mind and see like me”: Neurocognitive Processes for Reading Chinese Characters	166
<i>Chen Hanzhu 陈瀚竹</i> (In)definiteness in a Language Without Articles: a Study of the Syntax-Pragmatics Interface in Mandarin Chinese	172
<i>Du Rongyue 杜容玥, Fan Yang 范阳, Hsu Yu-Yin 许又尹</i> Word Recognition in Mandarin Chinese: An Eye-tracking Study	176
<i>Gao Yang 高扬</i> Principle of Generalized Distribution and Interpretation of Difficult Words and Sentences in Ancient Chinese Books	179
<i>Guo Yiyang 郭伊阳</i> Measuring Time: the Syntactic Position of Duration Phrases in Chinese.....	182
<i>He Muxuan</i> How Are <i>bu</i> and <i>mei</i> Syntactically Distributed in Mandarin Chinese: A Syntax-Semantics Discussion	186

<i>Jiang Yubin</i> 蒋玉斌	
The Amount of Oracle Bones and Characters on Oracle Bone Inscriptions of Shang & Zhou Dynasty: Retrospect of the Fundamental Collecting and Collating During 120 Years and Prospect of the Study of Bone Inscriptions	190
<i>Kholkina Liliya</i>	
Non-quantitate Usage of Numerals 百 bǎi ‘hundred’, 千 qiān ‘thousand’ and 萬 wàn ‘ten thousands’ in Classical Chinese	193
<i>Kwong Charles</i> 鄭龔子	
Middle Chinese Rhymes & Modern Mis-rhymes: the Case of Entering Tones	195
<i>Li Luyao</i> 李露瑶	
The Phonetic Change Pattern of Vowel in Tongtai Dialect	199
<i>Li Wenxi</i> 李文曦	
Comparative Study of “V-qilai+AP” and “V-zhe+AP” in Chinese	202
<i>Lina Adnan Mohammad Alrababh</i> 林娜, <i>Ng Tiensze</i> 黄天仕	
‘Straight’ in lexical typology	207
<i>Ma Yue</i> 马钺	
The Historical Evolution of Words With the Meaning of “sprain” in Chinese	211
<i>Ng Tiensze</i> 黄天仕	
A Finiteness Function Analysis of “le”: the Review of Semantic and Function of “le” Study by Tan Aoshuang	213
<i>Pellin Tommaso</i>	
The area of <i>wangluo</i> 网络 ‘internet’ and <i>wangluo yuyan</i> 网络语言 ‘internet language’ in “Language Situation in China” Reports	217
<i>Qiang Si</i> 墙斯	
Re-discussing the Origin of 快 kuài in Expressing ‘fast’	221
<i>Starostin George</i>	
Affixation in Old Chinese: Distinguishing Realistic Reconstructions from Phantom Morphemes	225
<i>Wang Zhaonan</i>	
Grammaticalization Chain of “shu” (‘belong’) in Chinese	228
<i>Xiao Lin</i> 肖琳	
Aktionsart (or Type of Process) and Its Parameters in Chinese	230
<i>Xu Jin</i>	
Establishment Conditions of Chinese Asymmetric Pairing Structure “big (large) / small (little) + noun”	233
<i>Xu Shuangzhou</i> 徐双胄	
Lexicalisation: A Study of Military-Themed Chengyu	237
<i>Zhang Yan</i> 张雁	
How Did the Verb “pao” (跑) Have the Meaning ‘running’?	242

<i>Zhang Yumei 张玉梅</i>	
Communication of East and West: A Comparison of Traditional Chinese Xunguxue and Ancient Hermeneutics	246

Часть II. Вопросы преподавания

<i>Балоян Марианна Ашотовна, Григорян Наира Лерниковна</i>	
Информационные технологии в обучении китайскому языку (мит-ап группы как средство обучения китайскому языку)	251
<i>Демидова Татьяна Васильевна, Соловьева Татьяна Михайловна</i>	
К вопросу о лексических приоритетах в преподавании китайского языка	255
<i>Демченко Ксения Александровна</i>	
Информационные технологии в обучении китайскому языку в школах РФ: использование или интеграция?	259
<i>Иоффе Татьяна Владимировна</i>	
Технологизация процесса обучения аналитическому чтению на китайском языке	263
<i>Ишутина Юлия Александровна</i>	
Конструирование национальной идентичности в школе	267
<i>Калинин Олег Игоревич</i>	
Стилистика китайского языка как учебная дисциплина. Почему важно изучать стилистику?	271
<i>Калита Анна Викторовна</i>	
К постановке проблемы обучения монологической речи на китайском языке с использованием технологии развития критического мышления	274
<i>Кралина Екатерина Дмитриевна</i>	
Особенности обучения китайскому языку студентов поколения Z	277
<i>Малых Оксана Андреевна</i>	
Методика формирования фонологической компетенции студентов, изучающих китайский язык в условиях трилингвизма	280
<i>Масловец Ольга Александровна</i>	
Интенциональность и диалог культур в обучении китайскому языку	282
<i>Митькина Евгения Иосифовна, Сомкина Надежда Александровна</i>	
Разработка заданий олимпиады по китайскому языку: проблемы и решения	286
<i>Могжанова София Андреевна</i>	
Применение виртуальной реальности в обучении китайскому языку в ВУЗах	290

<i>Назарова Сайера Анваровна</i> Проблема интерференции в процессе обучения китайскому языку	294
<i>Павлова Алена Дмитриевна</i> Вводно-фонетический интерактивный курс по китайскому языку	298
<i>Рукодельникова Мария Борисовна</i> Грамматический комментарий в школьном учебнике китайского языка. Баланс между традиционным подходом и современной методикой преподавания	302
<i>Салазанова Ольга Александровна</i> Вопросы теории обучения аудированию в средней школе: система упражнений в учебнике китайского языка	306
<i>Трощинский Павел Владимирович</i> Китайский язык в юриспруденции: от общего к частному	301
<i>Цзи Цзинцзин 季晶静</i> Исследование ключевых (тематических) слов учебника «Пресса на китайском языке» посредством текстового корпуса и анализ трудности текстов	314
<i>Чжан Сюэцзин</i> Сопоставительный анализ учебных изданий «Новый практический курс китайского языка» (на русском языке) и «Новые горизонты: интегральный курс китайского языка»	318
<i>Шакирова Светлана Айратовна</i> Сравнительный анализ традиционной и коммуникативной методики преподавания грамматики китайского языка на примере повествовательных предложений с простым глагольным сказуемым	321
<i>Jin Mengyao 金夢瑤</i> Compilation of Chinese Culture Textbook With Traditional Chinese Medicine as Theme for Second Language Learners	325
<i>Liu Yanting 劉彥廷</i> The Influences of Contextual Tightness and Semantic Transparency for CLS Learners on Understanding Chinese 4-characters Idioms	327

Часть III. Синология

<i>Ван Лююань</i> Лексикологические исследования в русской синологии XX века	333
<i>Варенов Андрей Васильевич</i> Хтонические хищники оленных камней Монголии и их китайские соотечественники	337
<i>Глушкова Светлана Юрьевна</i> Смайлы в коммуникации китайской молодежи	343

<i>Ершов Александр Валерьевич</i> Государственные административные органы советских районов Китая и КНР в период 1931–1958 гг.	346
<i>Ефименко Мария Владимировна</i> Особенности общества эпохи Западное Чжоу (1027–771 гг. до н.э.) на основе археологических памятников восточной части реки Фэн	349
<i>Иванченко Надежда Вадимовна</i> Фразеологический аспект китайского языка как усиление культурного фона в международных отношениях КНР	354
<i>Изнатенко Александр Владимирович</i> Особенности драматургии в период после «Культурной революции» на примере пьесы Ша Есиня «Градоначальник Чэнь И» (1980)	357
<i>Кондратова Татьяна Ивановна, Салтанова Надежда Юрьевна</i> Трансформация традиционных образов и мотивов китайских народных сказок в романе Юй Хуа «Братья»	360
<i>Коробова Анастасия Николаевна</i> Тяньцзинь в окуляре «подзорной трубы» – о новом историческом романе Фэн Цзицая	364
<i>Круглов Владислав Владиславович</i> Проблемы перевода и интерпретации текстов-переложений Бяньвэнь	367
<i>Лемешко Юлия Геннадьевна</i> Детские замки долголетия: обряды, связанные с первым годом жизни (на материале народной картины няньхуа)	371
<i>Лепнева Мария Леонидовна</i> Императорские обеты в китайском буддизме: цели императора Юнчжэна при проведении церемонии передачи императорских обетов в 1734 г.	375
<i>Мирзиева Лейсан Рифхатовна, И Яньпин</i> Композиционное и художественное своеобразие «Рокового выстрела» Хань Шаогуна	380
<i>Насирова Саодат Абдуллаевна</i> Языковая политика в Китае: идентификация общественно- политической терминологии	384
<i>Осокин Александр Владимирович, Брылёва Наталья Анатольевна</i> Заметки к образу Сюэ Бао-чай в романе Цао Сюэ-Циня «Сон в красном тереме»	388
<i>Попова Галина Сергеевна</i> Шу-цзин («Канон записей») и И-Чжоу-шу («Неканонические записи Чжоу»): сходство и отличие	392
<i>Пороль Полина Вадимовна</i> Стихотворение Н. Гумилева «Слово» в рецептивной эстетике китайского перевода	396

<i>Пороль Полина Вадимовна, Хуан Юньшэн</i>	
Образ «надломленной ивы» в стихотворении Ли Бо «Весенней ночью в Лояне слышу флейту»	400
<i>Рябинина Ирена Алексеевна</i>	
Гуманная педагогика как альтернатива современной системы обучения в Китае (использование чань-буддистских и даосских традиций)	405
<i>Стручалина Галина Валерьевна</i>	
Творческая школа переводчика: опыт сопоставительного анализа перевода и оригинала поэтического текста	409
<i>Чэнь Ваньжоу</i>	
Менталитет и формирование базовых ценностей (на материале русского и китайского языков)	413
<i>Чэнь Хао</i>	
О переводе иностранных энциклопедий в Китае	417
<i>Юй Ван, Мартынов Дмитрий Евгеньевич</i>	
Анализ культуры чайного пути и купечества провинции Шаньси в период династии Мин и Цин	421
<i>Cho Wonil 趙源一, Um Younguk 嚴英旭</i>	
A Study on the Modern Meaning of Xunzi Political Thought	426
<i>Liu Yameng 刘雅萌</i>	
The Evolution of the Relationship Between “Loyalty” and “Filial Piety” and the Transformation of the Ideology of the Han Wei Period	429
<i>Stirpe Luca</i>	
Observations on Late-Ming Dynasty Detective Fiction	431
<i>Terol Gabriel</i>	
Daoism and Religion in the 21st Century in China	434
<i>Varriano Valeria</i>	
Television Literature: a Successful Literary Genre of Today’s China	437
<i>Wei Yi 韦祎</i>	
Thousands of Circumstances and Manners: The New Change of Object-Chanting Literatures in the Mid-Tang Dynasty	440
<i>Zhang Jingning 张靖宁, Ren Xiaofei 任晓霏</i>	
Study on the Spread of the «Three-Character Classic» in Russia	444
Именной указатель	448

Contents

Foreword	21
----------------	----

Part I. Linguistic research

<i>Bankova Liudmila Lvovna</i> Quantitative Phraseological Units in Chinese: Defining the Problem	25
<i>Wang Tianjiao</i> 王天焦 Cognitive Models of Conceptual Metaphorization in Chinese Phraseology with the Component 'Good'	29
<i>Voropaev Nikolai Nikolaevich</i> On the Role of Rhythm in the Creation Flow of Chinese Speech	33
<i>Voropaev Nikolai Nikolaevich, Ma Tianyu</i> 马天玉 Precedent Names and Characters of China: How to Learn Them Quickly and Efficiently	37
<i>Guo Rui</i> 郭锐 Distinguishing the Meaning of "Empty" Words: Basic Principals	42
<i>Gruntov Iliya Aleksandrovich, Mazo Olga Mikhailovna</i> Tangwang, Gangou, Wutun within Qinghai Gansu Sprachbund	44
<i>Gurian Natalia Viktorovna, Karpenko Sergey Yuryevich</i> Sino-Russian Idiolects of Primorsky Krai: Problem Statement	49
<i>Dong Xiufang</i> 董秀芳 Morphological Features of Coordinate Compounds in Chinese From the Typological Perspective	55
<i>Dondokova Maksara Yurievna</i> The Problems of Translation Russian Nominations Into Chinese	59
<i>Dreyzis Yulia Aleksandrovna</i> Contemporary Problems of Writing in Chinese Topolects	63
<i>Durymanova Anastasia Dmitrievna</i> Continuum of Lexical Categories in Ancient Chinese: a Shift Or the Total Absence of the Basic Syntactic Function?	67
<i>Zavyalova Olga Isaakovna</i> Innovative Program of Preservation of Languages, Dialects and Local Cultures in China	71
<i>Ivchenko Taras Viktorovich</i> Tan Aoshuang's "Problems of Hidden Grammar": Some Theoretical and Practical Implications	75
<i>Kalinin Oleg Igorevich, Mavleev Ruslan Rafaelevitch</i> The Metaphorical Character of the Chinese Language as a Typological Feature	79

<i>Karapetyanz Artemiy Mihaylovich</i> Scientific and Pedagogical Activity of Tan Aoshuang	83
<i>Karapetyanz Artemiy Mihaylovich</i> Tan Aoshuang's Functional Grammar and Its Application in Teaching Chinese	88
<i>Kisel Polina Olegovna</i> Revisiting the «Dummy Object» in Verb-object Separable Words Liheci	92
<i>Kolpachkova Elena Nikolaevna</i> Applicative Constructions in Modern Chinese	96
<i>Kruglova Ekaterina Dmitrievna</i> The Problems of Terminological Definition of Japanese Loans in Modern Chinese Linguistics	100
<i>Kubatieva Alexandra Alanovna</i> Resultative and Directional Constructions As a Case of Asymmetrical Serialization in Modern Chinese	104
<i>Li Tao 李桃</i> Typical Errors Using 的时候 <i>deshihou</i> 'when' from Russian Students Studying Chinese	108
<i>Lobanova Tatiana Nikolaevna</i> A Linguistic Analysis of Chinese Political Media Discourse: Discursive Practices (Using Releases 2018-2019 of the Channel «CCTV 中文国际»)	110
<i>Ma Xiaohui 马晓辉</i> Comparative analysis of semantics "boyatsya" ('to be afraid') and 怕 (<i>pa</i>).....	114
<i>Naniy Ludmila Olegovna</i> Semantic Shifts in the Semantic Field 'straight'	117
<i>Naumova Ksenia Mikhailovna</i> Personality and Individuality in the Chinese Linguistic World View	121
<i>Nemtinova Alena Vladimirovna</i> The Study of the Skill of Identifying the Grammatical Structure of a Sentence When Interpreting From Chinese Into Russian	125
<i>Pan Anna Vladimirovna</i> The Comparative Study of the Functioning of Euphemisms in the Media Discourse of Mainland China and Taiwan (China)	128
<i>Sboev Aleksandr Nikolaevich</i> The Chinese Language Latinization (on the Materials of Chinese Internet Communication)	132
<i>Semenov Kirill Igorevich</i> Adaptation Strategies of Russian Phonetic Loanwords in Chinese: Phonetic, Morphological and Semantic Aspects	136
<i>Simatova Sofya Andreevna</i> Predicational Structure of a Message in a Chinese Dialogical Text	139

<i>Su Muyuan</i> 苏牧原	
Notes on the History of Chinese Phraseography	143
<i>Ulyanova Ksenia Anatolevna</i>	
Stylistic Features of Chinese Business Discourse	147
<i>Feng Yue</i> 冯月	
Ethno-Specific Model of Time in Chinese Linguistic Culturology	152
<i>Chechina Natalia Yuryevna</i>	
Features of Terminologization of Common Vocabulary in the Modern Chinese (on the Example of Economic Discourse of Chinese-Language Media)	156
<i>Shatravka Anna Vladislavovna</i>	
Onomatopoeias in Grammatical System of the Chinese Language	159
<i>Shevtsova Natalia Ivanovna</i>	
Welcome Speeches as a Genre and It's Characteristics (in the Chinese Language)	163
<i>Bogushevskaya Victoria</i>	
"Open up your mind and see like me": Neurocognitive Processes for Reading Chinese Characters	166
<i>Chen Hanzhu</i> 陈瀚竹	
(In)definiteness in a Language Without Articles: a Study of the Syntax-Pragmatics Interface in Mandarin Chinese	172
<i>Du Rongyue</i> 杜容玥, <i>Fan Yang</i> 范阳, <i>Hsu Yu-Yin</i> 许又尹	
Word Recognition in Mandarin Chinese: An Eye-tracking Study	176
<i>Gao Yang</i> 高扬	
Principle of Generalized Distribution and Interpretation of Difficult Words and Sentences in Ancient Chinese Books	179
<i>Guo Yiyang</i> 郭伊阳	
Measuring time: the Syntactic Position of Duration Phrases in Chinese	182
<i>He Muxuan</i>	
How Are <i>bu</i> and <i>mei</i> Syntactically Distributed in Mandarin Chinese: A Syntax-Semantics Discussion	186
<i>Jiang Yubin</i> 蒋玉斌	
The Amount of Oracle Bones and Characters on Oracle Bone Inscriptions of Shang & Zhou Dynasty: Retrospect of the Fundamental Collecting and Collating During 120 Years and Prospect of the Study of Bone Inscriptions	190
<i>Kholkina Liliya</i>	
Non-quantitate Usage of Numerals 百 <i>bǎi</i> 'hundred', 千 <i>qiān</i> 'thousand' and 萬 <i>wàn</i> 'ten thousands' in Classical Chinese	193
<i>Kwong Charles</i> 鄺龔子	
Middle Chinese Rhymes & Modern Mis-rhymes: the Case of Entering Tones	195

<i>Li Luyao</i> 李露瑶	
The Phonetic Change Pattern of Vowel in Tongtai Dialect	199
<i>Li Wenxi</i> 李文曦	
Comparative Study of “V-qilai+AP” and “V-zhe+AP” in Chinese	202
<i>Lina Adnan Mohammad Alrababh</i> 林娜, <i>Ng Tiensze</i> 黄天仕	
‘Straight’ in Lexical Typology	207
<i>Ma Yue</i> 马钺	
The Historical Evolution of Words With the Meaning of “sprain” in Chinese	211
<i>Ng Tiensze</i> 黄天仕	
A Finiteness Function Analysis of “le”: the Review of Semantic and Function of “le” Study by Tan Aoshuang	213
<i>Pellin Tommaso</i>	
The area of <i>wangluo</i> 网络 ‘internet’ and <i>wangluo yuyan</i> 网络语言 ‘internet language’ in “Language Situation in China” Reports	217
<i>Qiang Si</i> 墙斯	
Re-discussing the Origin of 快 <i>kuài</i> in Expressing ‘fast’	221
<i>Starostin George</i>	
Affixation in Old Chinese: Distinguishing Realistic Reconstructions from Phantom Morphemes	225
<i>Wang Zhaonan</i>	
Grammaticalization Chain of “shu” (‘belong’) in Chinese	228
<i>Xiao Lin</i> 肖琳	
<i>Aktionsart</i> (or Type of Process) and Its Parameters in Chinese	230
<i>Xu Jin</i>	
Establishment Conditions of Chinese Asymmetric Pairing Structure “big (large) / small (little) + noun”	233
<i>Xu Shuangzhou</i> 徐双胄	
Lexicalisation: A Study of Military-Themed Chengyu	237
<i>Zhang Yan</i> 张雁	
How Did the Verb “pao” (跑) Have the Meaning ‘running’?	242
<i>Zhang Yumei</i> 张玉梅	
Communication of East and West: A Comparison of Traditional Chinese Xunguxue and Ancient Hermeneutics	246

Part II. Chinese Language Teaching

<i>Baloyan Marianna, Grigoryan Naira</i>	
Information Technologies in Learning Chinese (Meet-Up Groups as a Means of Learning the Chinese Language)	251
<i>Demidova Tatiana Vasilievna, Soloveva Tatiana Mikhailovna</i>	
On the Issue of Lexical Priorities in Teaching Chinese	255

<i>Demchenko Ksenia Aleksandrovna</i>	
Information Technology in the Teaching of the Chinese Language in Russian Schools: the Use or Integration?	259
<i>Ioffe Tatiana Vladimirovna</i>	
Technologization of the Process of Teaching Analytical Reading in Chinese	263
<i>Ishutina Yuliya Alexandrovna</i>	
Construction of National Identity at School	267
<i>Kalinin Oleg Igorevich</i>	
Stylistics of the Chinese Language as an Academic Discipline. Why is it Important to Study Stylistics?	271
<i>Kalita Anna Victorovna</i>	
Defining the Problem of Learning Chinese Monologue Speech Using Critical Thinking	274
<i>Kralina Ekaterina Dmitrievna</i>	
Features of Teaching Chinese to Students of the Generation Z	277
<i>Malykh Oksana Andreevna</i>	
The Technology of Forming the Phonological Competence of Students Learning Chinese (Mandarin) Under the Conditions of Trilingualism	280
<i>Maslovets Olga Alexandrovna</i>	
Intentionality and Dialogue of Cultures in Teaching Chinese	282
<i>Mitkina Evgeniya Iosifovna, Somkina Nadezhda Aleksandrovna</i>	
Development of Tasks for the Academic Olympics in the Chinese Language: Problems and Solutions	286
<i>Mogzhanova Sofiya Andreevna</i>	
Applying of Virtual Reality for the Chinese Language Graduate Education	290
<i>Nazarov Sayyora Anvarovna</i>	
The Problem of Interference in Teaching the Chinese Language	294
<i>Pavlova Alena Dmitrievna</i>	
Interactive Phonetic Online Course in Chinese	298
<i>Rukodelnikova Maria Borisovna</i>	
Comments on Grammar in Chinese Textbook for the Secondary School. The Balance Between the Traditional Approach and Contemporary Teaching Methods	302
<i>Salazanova Olga Aleksandrovna</i>	
Some Issues of the Theory of Teaching Listening in the Secondary School: the System of Exercises in the Textbook of Chinese	306
<i>Troshchinskiy Pavel Vladimirovich</i>	
Chinese Language in Law: From General to Specific	310
<i>Ji Jingjing 季晶静</i>	
Studying Key (Thematic) Words From the Textbook “Pressin Chinese”, Text Difficulties: Corpus Analysis	314

<i>Zhang Xiaojing</i> 张晓静	
Study on the Compilation of the Country-Specific Textbook of Teaching Chinese by Comparing «New Practical Chinese Textbook» (in Russian) and «New Horizons: Integral Chinese Course»	318
<i>Shakirova Svetlana Airatovna</i>	
Comparative Analysis of the Traditional and Communicative Teaching Method of Teaching the Chinese Grammar by Declarative Clause With Simple Verbal Predicate as the Example	321
<i>Jin Mengyao</i> 金夢瑤	
Compilation of Chinese Culture Textbook with Traditional Chinese Medicine as Theme for Second Language Learners	325
<i>Liu Yanting</i> 劉彥廷	
The Influences of Contextual Tightness and Semantic Transparency for CLS Learners on Understanding Chinese 4-characters Idioms	327

Part III. Sinology

<i>Wang Liyuan</i>	
Lexicological Researches in Russian Sinology of 20th Century	333
<i>Varenov Andrei Vasilievich</i>	
Chthonic Predators of Mongolian Stag Stones and Their Chinese Counterparts	337
<i>Glushkova Svetlana Yurievna</i>	
Smiles in Chinese Youth Communications	343
<i>Ershov Alexander Valerevich</i>	
State Administrative Bodies of the Soviet Areas of China and PRC During 1931–1958	346
<i>Efimenko Mariia Vladimirovna</i>	
Features of the Western Zhou Society (1027–771) Based on the Archeological Sites of the Eastern Feng River	349
<i>Ivanchenko Nadezhda Vadimovna</i>	
Phraseological Aspect of the Chinese Language as Intensification of the Cultural Background in International Relations of the PRC	354
<i>Ignatenko Aleksandr Vladimirovich</i>	
Peculiarities of Dramaturgy in the Period After the “Cultural Revolution” on the Example of the Sha Esin’s Play “Gradonal Chen Yi” (1980)	357
<i>Kondratova Tatiana Ivanovna, Saltanova Nadezhda Yurievna</i>	
The Transformation of the Traditional Images and Motifs Chinese Folk Tales in the Novel Yu Hua «Brothers»	360

<i>Korobova Anastasia Nikolaevna</i>	
Tianjin in the “Monocular Telescope” Eyepiece – a New Historical Novel by Feng Jikai	364
<i>Kruglov Vladislav Vladislavovich</i>	
Problems of Translation and Interpretation of Transformation Texts Bianwen	367
<i>Lemeshko Yuliya Gennadevna</i>	
Hundred Family Lock: Rites Connected With the First Year of Life (by The Material of Folk New Year Picture)	371
<i>Lepneva Mariia Leonidovna</i>	
Imperial Vows in Chinese Buddhism: Goals of the Yongzheng Emperor At Arranging Imperial Vows Transmission Ceremony in 1734	375
<i>Mirzeva Leisan Rifhatovna, Yi Yanpin</i>	
Compositional and Literary Originality of the “Qiangshou”, Written by Han Shaogong	380
<i>Nasirova Saodat Abdullayevna</i>	
Language Policy in China: Identifying Socio-Political Terminology	384
<i>Osokin Alexander Vladimirovich, Bryleva Natalia Anatolievna</i>	
Notes on the Character of Xue Baochai in Cao Xueqin’s Novel “A Dream of Red Mansions”	388
<i>Popova Galina Sergeevna</i>	
Shu-Jing (“The Book of Documents”) and Yi-Zhou-Shu (“Lost Book of Zhou”): Similarity and Difference	392
<i>Porol Polina Vadimovna</i>	
N. Gumilyov’s Poem «The Word» in Receptive Aesthetics of the Chinese Translation	396
<i>Porol Polina Vadimovna, Huang Yunsheng</i>	
The Image of the «Broken Willow» in Li Bai’s Poem «Listening To The Flute At Spring Night In Luoyang»	400
<i>Ryabinina Irena Alexeevna</i>	
Humanitarian Pedagogics as an Alternative to the Present Day Education System in China (Use of Ch’an School and Traditions)	405
<i>Struchalina Galina Valerevna</i>	
Translator’s Creative Practice: Comparative Analysis of the Interpreter’s Version and the Original Poetic Text	409
<i>Chen Wanrou</i>	
Mentality and the Formation of Basic Values (Based on Russian and Chinese Material)	413
<i>Chen Hao</i>	
About Translation of Foreign Encyclopedias in China	417
<i>Yu Wang, Martynov Dmitry Evgenevich</i>	
Analysis of the Culture of the Tea Road and Merchants of Shanxi Province During the Ming and Qing Dynasty	421

<i>Cho Wonil</i> 趙源一, <i>Um Younguk</i> 嚴英旭	
A Study on the Modern Meaning of Xunzi Political Thought	426
<i>Liu Yameng</i> 刘雅萌	
The Evolution of the Relationship Between “Loyalty” and “Filial Piety” and the Transformation of the Ideology of the Han Wei Period	429
<i>Stirpe Luca</i>	
Observations on Late-Ming Dynasty Detective Fiction	431
<i>Terol Gabriel</i>	
Daoism and Religion in the 21st Century in China	434
<i>Varriano Valeria</i>	
Television Literature: a Successful Literary Genre of Today’s China	437
<i>Wei Yi</i> 韦祎	
Thousands of Circumstances and Manners: The New Change of Object-Chanting Literatures in the Mid-Tang Dynasty	440
<i>Zhang Jingning</i> 张婧宁, <i>Ren Xiaofei</i> 任晓霏	
Study on the Spread of the «Three-Character Classic» in Russia	444
Name Index	448

Предисловие

Идея провести международную лингвистическую конференцию, посвященную научному наследию Тань Аошуан (1931–2017), появилась сразу после кончины Тань лаоши. Очевидными были и масштаб ее личности, и необходимость оценить ее вклад в мировое китайское языкознание. Было также очевидно, что в этом направлении до сих пор сделано слишком мало.

Усилия учеников и коллег, поддержанные Артемием Михайловичем Карапетьянцем – мужем Тань Аошуан, вылились в данную конференцию.

Тань Аошуан (1931-2017)

Тематический охват докладов отражает широту научных интересов Тань Аошуан: фонетика, грамматика, семантика, языковая картина мира, диалектология, методика преподавания китайского языка.

«География» участников представляет ведущие китаеведные центры России, Китая и Европы, включая ИСАА при МГУ им. М.В. Ломоносова, в котором Тань Аошуан преподавала с 1966 года, Институт востоковедения РАН, Институт Дальнего Востока РАН, МГИМО, Военный университет, Московский государственный лингвистический университет, Российский государственный гуманитарный университет, Санкт-Петербургский государственный университет, Дальневосточный государственный федеральный университет, Пекинский университет, Нанкинский университет, Китайский университет Гонконга и другие вузы и научные центры.

Тань Аошуан родилась и жила на стыке разных культур: китайской, немецкой, русской. Отсюда, видимо, умение видеть любую проблему под разными углами зрения, часто весьма неожиданными. Отсюда, наверное, колоссальная трудоспособность, требовательность к себе и предельная научная и человеческая честность, которые всегда были ее кредо. Это видно и по ее работам: ни одной проходящей статьи, ни одной не проработанной мысли.

Тань лаоши задала очень высокую планку – научную, педагогическую, человеческую. Задача конференции, посвященной ее памяти, соответствовать этому уровню и, по возможности, идти дальше в осмыслении того, чему Тань Аошуан посвятила свою жизнь: осмысление китайского языка и культуры и их места в мировом наследии.

Преподавание китайского языка было значительной частью творческой жизни Тань лаоши. Она постоянно повторяла, что ее теория и научные работы выросли из практической необходимости понять, почему студенты говорят неправильно, и попытки научить их говорить правильно. Отсюда такое внимание методике преподавания китайского языка в материалах конференции.

В процессе подготовки конференции организационный комитет столкнулся с трудной задачей. Среди множества присланных интересных и талантливых работ нужно было отобрать самые интересные и талантливые, соответствующие тематике конференции, попытаться уместить все принятые доклады в короткие три дня конференции. Нельзя сказать, что это полностью удалось: у нас, к сожалению, не получилось избежать предсказуемых ошибок субъективности. Мы приносим свои искренние извинения всем, чьи тезисы по тем или иным причинам не удалось включить в насыщенную программу конференции. Мы очень надеемся, что наши недоработки и огрехи удастся исправить в следующий раз.

Организационный комитет пользуется возможностью выразить свою самую искреннюю благодарность Российскому государственно-му гуманитарному университету, Институту лингвистики и ректору РГГУ Александру Борисовичу Безбородову за оказанные поддержку и помощь в проведении такого сложного научного мероприятия. Особенно хотелось бы поблагодарить проректора по научной работе Ольгу Вячеславовну Павленко, которая с самого начала в рабочем режиме курировала подготовку конференции и сделала ее проведение практически возможным.

Организационный комитет конференции

Часть I

Лингвистические
исследования

Квантитативные фразеологические единицы в китайском языке: постановка проблемы

Банкова Людмила Львовна

*Нижегородский государственный лингвистический
университет им. Н.А. Добролюбова
(Нижний Новгород)*

Quantitative Phraseological Units in Chinese: Defining the Problem

Bankova Liudmila Lvovna

*Linguistics University of Nizhny Novgorod
(Nizhny Novgorod)*

Abstract. Due to such a peculiarity of the Chinese mentality as specificity, one of the distinguishing features of the Chinese language is a great number of numerals which are used as word-building elements. There are also numerals in Chinese phraseology. Phraseological units containing numerals are herein referred to as quantitative phraseological units. The existence of such units represents interest for researchers whereas this study is marked by two distinctive features. Firstly, as opposed to other studies both in Russian and foreign linguistics, the analyse is does not attempt to compare the Chinese phenomena to other languages. Secondly, the research is guided by the idea that Chinese numerals are represented in the language by different sets of numbers: the rod set, the formal set, the Heavenly Stems set and the Earthly Branches set, the Suzhou set, the Roman set and the Arabic set. Previously, only the rod numerals participating in phraseology have been subjected to studies. This research extends the limits of subject matter by including the Chinese characters of the traditional Heavenly Stems and the Earthly Branches sets onto the focus of numerals analysis. The other sets are excluded because they are mere variations of the rod set and correspond to different characters, not concepts.

Keywords: Chinese language; numerals; Chinese phraseology; sets of numerals; quantitative phraseological units; rod numerals; the Heavenly stems and the Earthly branches.

Одной из характерных черт китайского фразеологического корпуса является обилие фразеологических единиц (далее – ФЕ), содержащих числительные: «汉民族对数词特别偏爱, 使用频率特别高... Hànmínzú duì shùcí tèbié piān'ài, shǐyòng pínǜ tèbié gāo. Ханьцы питают особое пристрастие к числительным, частота использования которых необычайно высока» [Ding 2003: 69]. Связано это с тем, что «...ментальность носителей китайского языка намного сильнее тяготеет к конкретности, чем образ мыслей представителей европейских народов...» [Корнилов 2014: 295], поэтому «...китайский язык во много раз активнее других языков использует в качестве словообразовательных элементов числа» [Корнилов 2014: 297]. Для сравнения, в русском языке только 13 ФЕ содержат числа [Нелюбова et al. 2019: 235].

При исследовании ФЕ, в состав которых входят числительные, прежде всего необходимо определиться с терминологией. В китайской лингвистической традиции подобные фразеологизмы именуются 数词成语 shù cí chéngyǔ числовыми идиомами [Ding 2003: 67]). В отечественном языкознании встречаются такие обозначения, как «нумерологические фразеологические единицы» [Гизатуллина 2004, Муратова 2015, Сакаева 2008], фразеологические единицы с числовым компонентом [Пасечник 2009], «нумеративные фразеологические единицы» [Пелипенко 2008, Шакиров 1985, Шао 2009], «фразеологизмы с компонентом 'числительное'» [Пикуль 2010], «числовые фразеологизмы» [Чу 2016]. Мы предлагаем термин «квантитативные фразеологические единицы».

По сравнению с другими областями китайского языка фразеологический аспект является наиболее изученным, в том числе функционирование числительных во фразеологии. Подобными исследованиями во фразеологическом корпусе китайского языка занимались такие китайские языковеды, как Ма Гофань, Ни Баоюань, Яо Пэнцы, Чжан Чжигун, Дин Сюэцзюй, Цзян Янь. Под крылом российской науки рядом китайских исследователей (Чу Цзычэн, Хуан Цинхуа, Цуй Хун Ень, Ди Яогуанг) были написаны работы соответствующей тематики. В отечественной лингвистике вопрос представленности числительных в корпусе китайской фразеологии затрагивали А.П. Рогачев, О.А. Корнилов, И.В. Войцехович, Н.Н. Коротков, Ю.Л. Кроль, А.М. Котов, А.А. Торопов, А.А. Хаматова, М.Г. и Л.И. Прядохины, И.Д. Кленин, В.Ф. Щичко, З.И. Баранова, В.Э. Скрамных. Отметим, что отечественные исследования фразеологии, касающиеся числительных, носят преимущественно компаративный и/или культурологический характер, то же самое происходит и в китайской синологии, где сопоставление проводится преимущественно с английским языком.

От всех проводившихся ранее исследований, как в китайской, так и отечественной науке о языке, наше исследование обладает двумя принципиальными отличительными чертами. Во-первых, оно является прежде всего лингвистическим и не имеет компаративного характера. Во-вторых, мы исходим из того, что числительные могут быть представлены несколькими комплектами цифр: обычными (小写 xiǎoxiě), формальными (大写 dàxiě), комплектами Небесные стволы и Земные ветви (天干地支 tiāngān dìzhī), сучжоускими (苏州码子 sūzhōu mǎzi), арабскими и римскими (阿拉伯和罗马数字 ālābó hé luómǎ shùzì) [Банкова 2017]. До этого в круг исследуемых единиц были включены только ФЕ, структуропорождающий компонент которых записан обычными цифрами (小写 xiǎoxiě) без учета вышеприведенного положения.

Нами установлено, что во фразеологическом корпусе китайского языка присутствуют цифры из обычного комплекта и комплектов Небесные стволы и Земные ветви. Арабские, римские и сучжоуские цифры, будучи знаками (цифрами), представляют собой лишь код записи денотата, в то время как обычные цифры и Небесные стволы и Земные ветви являются концептами, заключая в себе культурные смыслы. Числительные, записанные цифрами формального комплекта, также не включены в круг исследования, поскольку значение числительных принадлежат, во-первых, к периферии их семантических полей и, во-вторых, области применения цифр обычного и формального комплектов не пересекаются. Другими словами, при выполнении цифрами формального комплекта функции числительных, акцент делается на их «цифровую», внешнюю, знаковую природу.

В связи с вышесказанным, квантитативные ФЕ представляется целесообразным анализировать отдельно по комплектам входящих в них числительных.

В рамках исследования квантитативных ФЕ будут проанализированы следующие аспекты:

- модели построения квантитативных ФЕ;
- их тематическая наполненность;
- проявляемые коннотативные смыслы во внутренней форме ФЕ;
- функционально-стилистические особенности.

Таким образом, научная новизна нашего исследования заключается в том, что оно, будучи преимущественно лингвистическим, проводится в расширенных рамках за счет включения квантитативных единиц, представляющих имя числительное не только в виде обычных цифр, но и символами комплектов Небесные стволы и Земные ветви.

Литература

- Банкова Л.Л. Китайские комплекты цифр // *Иностранные языки в высшей школе*. Рязань. 2017. № 2(41). С. 56–60.
- Гизатуллина Л.Р. Нумерологические фразеологические единицы в английском и татарском языках: дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2004. 231 с.
- Корнилов О.А. Жемчужины китайской фразеологии. 3-е изд., испр. и доп. М.: КДУ, 2014. 346 с.: ил.
- Муратова Р.Т. Нумерологические фразеологические единицы в тюркских языках (лингвокультурологический аспект) // *Вестник Адыгейского государственного университета*. Сер. 2: Филология и искусствоведение. 2015. Вып. 1(152). С. 71–77.
- Нелюбова Н.Ю., Хильтбруннер В.И., Ершов В.И. Отражение иерархии ценностей в пословичном фонде русского и французского языков // *Вестник Российского ун-та дружбы народов*. 2019. № 1. С. 223–243.
- Пасечник Т.Б. Лингвокультурологический анализ фразеологических единиц с числовым компонентом в русском языке в сопоставлении с английским: дис. ...канд. филол. наук. М., 2009. 217 с.
- Пелипенко Л.М. Когнитивно-семиотические и лингвокультурные особенности нумеративных фразеологических единиц (на материале английского и русского языков): дис. канд. филол. наук. Майкоп, 2016. 208 с.
- Пикуль С.Ю. Фразеологизмы с компонентом «числительное» в аспекте перевода (на материале испанского и русского языков) // *Социокультурные проблемы перевода: сборник научных трудов*. Воронеж: Изд-во Воронежск. гос. ун-та, 2010. Вып. 9. С. 294–298.
- Сакаева Л.Р. Структурно-грамматическая организация нумерологических фразеологических единиц антропоцентрической направленности русского, английского, татарского и таджикского языков // *Ученые записки Казанского гос. ун-та*. 2008. №6. С. 197–201.
- Чу Цзычэн. Коннотативная семантика имен числительных во внутренней форме фразеологических единиц: на примерах русских слов один, первый и китайского слова yī // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. 2016. № 4. С. 4–12.
- Шакиров А.С. Семантико-типологический анализ нумеративных фразеологических единиц в разносистемных языках: дис. ... канд. филол. наук. Самарканд, 1985. 161 с.
- Шiao Наньси. Нумеративные устойчивые выражения в русском языке: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2009. 183 с.
- Ding Xiuju. Explaining Quantitative Phraseological Units in Chinese // *Ciluxuekan*. 2003. №176. P. 67-70 (丁秀菊. 数词成语的文化阐释).

Когнитивные модели концептуальной метафоризации в китайской фразеологии с компонентом 'добро'

Ван Тяньцзяо 王天焦

*Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород)*

Cognitive Models of Conceptual Metaphorization in Chinese Phraseology with the Component 'Good'

Wang Tianjiao 王天焦

*N. I. Lobachevsky State University
of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod)*

Abstract. The paper deals with cognitive models of conceptual metaphorization in Chinese phraseology, taking the Chinese phraseological units with the component 'goodness' as analytic materials. It is shown that conceptual metaphor as an important cognitive strategy plays an important role in understanding abstract ethical concepts such as goodness that are essential components of the language picture of the world, that the concept of goodness in Chinese phraseological units is consistently presented as a real concrete thing, as a correct direction, as an ideal place, as a Higher Substance. It is concluded that in the process of describing the conceptual metaphorical models of the ethical concept 'goodness', its cognitive models largely determine the national cultural significant features of the fragments of the Chinese language picture of the world, which are embodied in Chinese phraseology. Chinese phraseology also reflects not only the signs of the national spiritual and material culture, the reality of the ethical habitat, but also certain formats of knowledge about the world, models of linguistic mental representation, and the ways of seeing abstract ethical concepts through specific sensual experience.

Keywords: cognitive models; conceptual metaphors; ethical concept 'goodness'; language picture of the world; phraseology.

Данная статья посвящена изучению когнитивных моделей концептуальной метафоризации этического концепта «добро», чтобы показать их концептуально-метафорические особенности, выраженные и закрепленные в языковой картине мира этноса, национально-культурная специфика которой отображается в китайской фразеологии с компонентом 'добро'. В качестве методов исследования использован метод традиционного лингвистического описания и метод концептуального анализа.

В научной парадигме когнитивной лингвистики метафора больше не рассматривается ни в лексико-семантическом плане как словесное обозначение [Петров 1990: 135], ни в стилистическом плане как риторический троп [Ungerer, Schmid 2001: 153], а в познавательном плане – как элемент мышления человека, воплощающий базовые когнитивные процессы, которые связаны с получением новой информации о мире [Кубрякова и др. 1996: 55], и со способами представления этого нового знания в сознании [Скребцова 2011: 34], и суть которых заключается в осмыслении одного концепта в терминах другого концепта, более сложного явления – в терминах более простого, уже известного в опыте [Kovecses 2010: 7].

В языковой картине мира этноса, рассматриваемой как наивная модель мира, в которой отражается определенный способ восприятия мира [Апресян 1986: 5], формирующейся системой ключевых концептов и связывающих их инвариантных ключевых идей [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005: 10], познание и понимание абстрактных концептов в среде действия языка всегда осуществляется в терминах конкретных концептов, это вполне соответствует механизму действия когнитивной метафоры.

Поскольку фразеология выступает носителем культурных смыслов нации в концентрированном виде: фразеологизмы не только отражают особенности национальной культуры, мировоззрение этноса, его этические и эстетические нормы, систему идеалов и ценностей [Верещагин, Костомаров 1990: 68], но и содержат максимум культурно-значимой информации о культурно-национальной рефлексии субъекта [Телия 1996: 9]. Так что китайские фразеологизмы попадают в сферу нашего исследовательского внимания.

Первая когнитивная модель – это концептуально-метафорическая модель представления добра как реальной конкретной вещи (сущности, существа). Всем известно, что познание и понимание этических концептов должно происходить в терминах относительно конкретных концептов. Иными словами, эта модель отражает тот факт, что люди проецируют полученное из опыта знание о реальных вещах на добро, чтобы легче представить себе суть данного концепта. В этом случае некоторое глагольное действие с объектами, приписан-

ное именно к концепту «реальной конкретной вещи», успешно перенесено к языковому выражению абстрактного концепта «добро», что эксплицитно отображено в следующих китайских фразеологизмах: 隐恶扬善 (yǐn è yáng shàn – *спрятать зло и показать добро*), 择善而从 (zé shàn ér cóng – *выбрать добро и следовать за ним*), 作善降祥 (zuò shàn jiàn xiáng – *делать/творить добро и будет проявляться благо*), 寸长片善 (cùn cháng piàn shàn – *плюс дюймов и добро нитью*), 改恶为善 (gǎi è wéi shàn – *превратить зло в добро*), 弃恶从善 (qì è cóng shàn – *бросать зло и следовать за добром*) и т.д.

Вторая когнитивная модель – это концептуально-метафорическая модель представления добра как правильного направления. Фундаментальная метафора «жизнь есть путешествие» отражает тот факт, что в любом случае нам приходится сделать выбор направлений, по которым все должны двигаться вперед в жизни. При этом через призму этой когнитивной модели концептуальной метафоризации, отраженной в китайских фразеологизмах 择善而从 (zé shàn ér cóng – *выбрать добро и следовать за ним*), 弃恶从善 (qì è cóng shàn – *бросать зло и следовать за добром*), 改行作善 / 改行从善 (gǎi háng wéi shàn / gǎi háng cóng shàn – *изменить злодейство и следовать за добром*) и т.д., этический концепт «добро» входит в китайскую картину мира как пространственно-ориентированное представление.

Третья когнитивная модель – это концептуально-метафорическая модель представления добра как идеального места. Выше уже было подробно показано, что для любого путешествия целью выбора правильных направлений является добраться до идеального места. Этический концепт «добро» в этом случае, с одной стороны, выступает самым прототипическим членом в категории вышестоящего уровня «этика» и находится в положительной части оценочной шкалы нравственного характера, с другой стороны, становится нашей жизненной целью. В связи с этим признаки и функции концепта «идеальное место» успешно переносятся к концепту «добро» посредством данной когнитивной модели, отображенной в китайском фразеологизме 止于至善 (zhǐ yú zhì shàn – *добраться до идеального места*).

Четвертая когнитивная модель – это концептуально-метафорическая модель представления добра как Высшего Существа. Добру в этом случае могут быть приписаны свойства, атрибуты и функции, в норме присущие Высшему Существу, чаще всего – Богу. Так, например, Богу присущи многие характеристики, самая главная из которых – это возможность убедить верующих бросать все отрицательное и выбрать все положительное. Тем не менее, во всех видах религиозной деятельности совершенно особое место занимает молитва Богу, поэтому и фразеологизм 好善厌恶 / 好善嫉恶 (hào shàn è / hào shàn jí è – *молиться добру и злиться на зло*) отражает модель подобной идеи – добро,

как Бог, обращает верующих в такую сторону, в которую направлены положительные вещи типа счастья.

В заключение отметим, что в ходе описания когнитивных моделей этического концепта «добро» мы получаем модель овеществления добра как реальной конкретной вещи, модель пространственного ориентирования добра как правильного направления, модель пространственного представления добра как идеального места, и модель обожествления добра как Высшего Существа. Таким образом, в китайских фразеологизмах отражаются не только приметы национальной духовной и материальной культуры, реалии среды обитания этноса [Маслова 2001: 1], но и определенные кванты знания о мире, модели лингвистической ментальной репрезентации.

Литература

- Апресян Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // *Семантика и информатика*. 1986. № 28. С. 5-33.
- Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: лингвострановедческое в преподавании русского языка как иностранного. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Русский язык, 1990. 246 с.
- Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира сб. ст. М.: Языки славянской культуры, 2005. 544 с.
- Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. 254 с.
- Маслова В.А. Лингвокультурология. М.: Академия, 2001. 183 с.
- Петров В.В. Метафора: от семантических представлений к когнитивному анализу // *Вопросы языкознания*. 1990. № 3. С. 135-146.
- Скребцова Т.Г. Когнитивная лингвистика: Курсы лекций. СПб.: филологический факультет СПбГУ, 2011. 256 с.
- Телия В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «языки русской культуры», 1996. 288 с.
- Kovecses Z. Metaphor: a practical introduction. Oxford: Oxford university press, 2010. 375 p.
- Ungerer F., Schmid H.J. An Introduction to Cognitive Linguistics. Beijing: Foreign Language Teaching and Research Press, 2001. 384 p.

О роли ритма в создании потока китайской речи

Воропаев Николай Николаевич

*Институт языкознания Российской
академии наук (Москва)*

On the Role of Rhythm in the Creation Flow of Chinese Speech

Voropaev Nikolai Nikolaevich

*The Institute of Linguistics, Russian
Academy of Sciences (Moscow)*

Abstract. Chinese speech is based on the laws of rhythm, according to which speech cycles in a statement are formed from two, three, four mono-syllabic words or polysyllabic words consisting of a corresponding number of syllables. These laws also apply to multi-syllable linguistic units, so rhythmic rules are one of the important foundations of their formation. An important consequence of the rhythmic requirements for the quantitative units of the Chinese language is that the same reference is carried out in speech with the help of a quantitative unit of different composition: one-syllable, two-syllable, etc. The desire for predominantly double-syllable rhythmic groups in speech also leads to a radical transformation of the vocabulary in the language: for many two-syllables a return to the original form becomes impossible, and in Chinese dictionaries of abbreviated words such words are given with the comment “yicihua” ‘has already become a word’. Rhythmic patterns also appear at the level of syntax and grammar. The ability to correctly operate syllabic morphemes plays an extremely important role, both in the creation and in the understanding of the flow of Chinese speech. We suppose that it is necessary to explain to students more specifically the rhythmic rules for choosing quantitative variants of words in Chinese. Indeed, although the theoretical description and explanation of these phenomena has existed for a long time, in practical teaching of the Chinese language in most cases this aspect has not yet been adequately covered.

Keywords: Chinese language; Chinese speech; rhythm; rhythmic rules.

Китайская речь строится по законам ритма, согласно которым речевые такты в высказывании формируются из двух, трёх, четырёх односложных слов или многосложных слов, состоящих из соответствующего числа слогов [Чжао 1986: 4-6; Касевич, Венцов, Спешнев 1999: 22-24]. Эти законы распространяются также и на многосложные лингвистические единицы, поэтому одной из важных основ их формирования являются ритмические правила [Софронов 2007: 61-62].

Важным следствием ритмических требований к количественным единицам китайского языка является то, что одна и та же референция осуществляется в речи с помощью количественной единицы разного состава: однослога, двуслога и т.д. [Софронов 1996: 34].

Примеры: 国 guó ↔ 国家 guójiā ‘страна; государство’, 车 chē ↔ 汽车 qìchē ‘автомобиль’, 报 bào ↔ 报纸 bàozhǐ ‘газета’, 家 jiā ↔ 家庭 jiāting ‘семья’, 官 guān ↔ 官员 guānyuán ‘чиновник’, 主要翻译 zhǔyào fānyì ↔ 主翻 zhǔfān ‘основной переводчик’, 直接投资 zhíjiē tóuzī ↔ 直投 zhítóu ‘прямые инвестиции’, 北京大学 Běijīng dàxué ↔ 北大 Běidà ‘Пекинский университет’.

Причины возникновения, существования и выбора вариантов – ритмические, семантические, стилистические, синтаксические, прагматические.

Примечательно, что стремление к преимущественно двусложным ритмическим группам в речи ведёт и к коренной трансформации лексики в языке, например: 化学肥料 huàxué féiliào → 化肥 huàféi ‘химическое удобрение’, 绘画作品展览 huìhuà zuòpǐn zhǎnlǎn → 画展 huàzhǎn ‘выставка картин’, 飞机场 fēijīchǎng → 机场 jīchǎng ‘аэропорт’. 车站的名字 chēzhàn de míngzì → 站名 zhàn míng ‘название станции или остановки’, где возврат к исходной форме становится невозможным, и в китайских словарях сокращённых слов такие слова даются с пометкой 已词化 yǐcíhuà ‘уже превратилось в слово; стало лексемой’ [Юань 2002: 146, 147, 153].

Чжоу Сяобин, Чжао Синь и другие пишут, что «китайский язык по своей природе очень чувствителен к ритмической гармонии», и приводят конкретные примеры [Чжоу, Чжао 2002: 8-9]. Ритмические закономерности проявляются также на уровне синтаксиса и грамматики. Например, Н.Н. Коротков, исследуя природу словоизменительных форм китайского языка и грамматические категории, указывает на такие дополнительные экстравербальные факторы, как ритмо-мелодические условия [Коротков 1968: 352-353].

На страницах своей монографии «Проблемы скрытой грамматики» Тань Аошунан, например, в седьмой главе «Временные операторы» при описании показателя *le* пишет: «...следует обратить внимание на функцию частицы *le*, связанную не с обязательным выражением её собственного значения, а с организацией ритмики языка. Она запол-

няет недостающий «такт», без которого предложение представляется грамматически неправильным. Например, пропозиция (14) *Мы сейчас обсуждаем [этот вопрос]* допускает следующие варианты оформления предикации: (14а) *Women zai taolun*, (14б) *Women zheng zai taolun*, (14в) *Women zheng zai taolun zhe*, (14г) *Women zheng zai taolun zhe ne*, однако невозможно (14д) * *Women zheng taolun*.

Несмотря на то, что вариант (д) ничем не примечателен со смысловой точки зрения, данная ритмическая организация с учётом выделения предикативного слова *taolun* 'обсуждать' нарушает норму языка. Сравните следующие выражения пропозиции: (15) *Он сейчас занят*: (15а) *Ta zai mang*, (15б) *Ta zheng zai mang*, (15в) *Ta zheng mang zhe*, (15г) *Ta zheng mang zhe ne*, (15д) *Ta zheng zai mang zhe ne*, при невозможности простого (15е) * *Ta zheng mang*.

Вышеописанные требования уместны лишь при введении ситуации в поле зрения, а не при функционировании высказываний как частей других сообщений. При универсальной коммуникативной категории (УКК) "сообщение" требуется полнота смысла, и введение показателя *zheng* без показателя *zai* или *ne* лишает сообщение законченности, что формально-ритмически выражается в отсутствии необходимых тактов» [Тань 2002: 379-380].

В этой же главе в разделе «Нетривиальные случаи употребления *zhe* и *zai*» Тань Аошун рассматривает группу примеров с *zhe* и приходит к выводу, что «ключ к таким употреблением *zhe* следует искать в сфере ритмической структуры языка, которая находится в тесном взаимодействии с его смысловой структурой» [Тань 2002: 382].

В заключение своей монографии Тань Аошун также пишет: «В тех случаях, когда у глагольных основ значение предела или результата уже выражено способом действия, направительные и результативные морфемы несут выделительную функцию. Их употребление мотивируется стилистическими или ритмическими требованиями» [Тань 2002: 819].

Таким образом, важную роль в китайском языке, в котором основными единицами являются слоговые морфемы, играет ритмическая структура речи, стремящаяся к симметричному распределению единиц по синтагмам (параллелизму). Здесь прослеживается явная тенденция к объединению слогоморфем в двусложные образования, составляющие элементарные ритмические единицы. Эта тенденция, ставшая уже правилом для словообразования, проникает и на синтаксический уровень, становясь не только фактором стилистики, но и частую грамматически обязательным правилом.

Умение правильно оперировать слоговыми морфемами китайского языка с учётом ритмических требований играет чрезвычайно важную роль, как в создании, так и в понимании потока китайской речи.

Сунь Линь пишет, что «у иностранцев возникает много проблем с китайским ритмом. Иногда это вызывается непониманием важности ритма, подменой ритма смысловым членением...» [Сунь 1997: 55].

Полагаем, необходимо более целенаправленно объяснять обучающимся ритмические правила выбора количественных вариантов слов китайского языка, восполнять пробелы в этой сфере составлением специальных лексико-грамматических комментариев, создавать системные описания разного рода явлений, связанных с изменением количественно-слового состава одного и того же китайского слова или словосочетания в потоке речи. Ведь хотя теоретическое описание и объяснение этих явлений существует уже долгое время, в практическом преподавании китайского языка в большинстве случаев этот аспект до сих пор не освещается должным образом.

Литература

- Касевич В.Б., Венцов А.В., Спешнев Н.А. О ритмической структуре китайского текста // *Материалы научной конференции, посвящённой 50-летию образования КНР* (27-28 октября 1999 г.). СПб, 1999.
- Коротков Н.Н. Основные особенности морфологического строя китайского языка. М., 1968.
- Софронов М.В. Введение в китайский язык. М.: Муравей, 1996. 256 с.
- Софронов М.В. Китайский язык и китайская письменность. Курс лекций. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. 638 с.
- Сунь Линь. О ритме в китайском языке // *Вестник Московского университета, серия 13 Востоковедение*. М., 1997. С 53-57.
- Тань Аошуан. Проблемы скрытой грамматики: Синтаксис, семантика и прагматика языка изолирующего строя (на примере китайского языка) / Московский гос. ун-т; Ин-т стран Азии и Африки. М.: Языки славянской культуры, 2002. 896 с. (*Studia philologica*).
- Чжао Лошэн. Ритм китайского языка. Цзянсу, 1986.
- Чжоу Сяобин, Чжао Синь. Исследование наречия в аспекте преподавания китайского языка как иностранного. Пекин: Чжунго шэхуэйкэсюэ чубаньшэ, 2002 (周小兵, 赵新. 对外汉语教学中的副词研究)
- Юань Хуэй, Жуань Сяньчжун. Словарь сложносокращённых слов современного китайского язык. Пекин: Юйвэнь чубаньшэ, 2002. (袁晖、阮显忠主编. 现代汉语缩略语词典).

Прецедентные имена и персонажи Китая: как быстро и эффективно их изучать

Воропаев Николай Николаевич
Институт языкознания РАН (Москва)

Ма Тяньюй 马天玉
Московский педагогический государственный
университет (Москва)

Precedent Names and Characters of China: How to Learn Them Quickly and Efficiently

Voropaev Nikolai Nikolaevich
The Institute of Linguistics, Russian Academy
of Sciences (Moscow)

Ma Tianyu 马天玉
Moscow State Pedagogical University
(Moscow)

Abstract. The system of precedent phenomena (names, texts, situations, statements) is one of the tools for transmitting the “cultural memory” of a people from one generation to another and at the same time a way of uniting a nation around its cultural values and moral ideals. The precedent phenomena often act as moral standards of a nation, fixing its assessment of reality. All precedent phenomena are interrelated and actualize each other, they help you to find and analyze the most important and significant knowledge for members of a certain linguocultural community. This becomes especially important for a foreign speaker who studies the language, culture, mentality of another nation. The precedent names function as cultural signs, that is, such elements of discourse that are able to actualize the cultural knowledge of their country (information about historical and fictional events, characters, and other objects of the material and spiritual culture of the country) in the mind of a native speaker and to evoke certain emotions, thoughts, associations and memories of a native speaker of the linguocultural community. The paper presents a technolo-

gy for constructing linguocognitive directories, which is designed to help efficiently master information on precedent names mainly through specific language units, most of which are recorded in language dictionaries (phraseological units such as *chengyu*, *xiehouyu*, *guanyongyu*, verbal clichés, phrase calculation, quotes). The discursive actualizers given in the directories are all sorts of information about the linguistic and non-linguistic activities of members of the linguocultural community, through which the discourse makes an appeal to the referent of this precedent name.

Keywords: Chinese language; precedent phenomena; precedent names; linguocognitive directories.

Как известно, наиболее частотной группой precedentных имён (ПИ) являются precedentные антропонимы. Роль личности в истории развития человечества трудно переоценить. В современном же мире, когда стираются национальные и даже этнические границы, все более востребованными становятся исторические precedentы и личности, мифологические и литературные персонажи и сюжеты, обращение к которым активизирует историческую память определённого этноса и аккумулирует его жизненные силы в период рисков потерять свою самоидентификацию.

Precedentные имена функционируют в качестве культурных знаков, то есть таких элементов дискурса, которые способны актуализировать в сознании носителя языка культурные знания о своей стране (информацию об исторических и вымышленных событиях, персонажах, и прочих объектах материальной и духовной культуры страны) и вызывать у носителя языка данного лингвокультурного сообщества определённые эмоции, мысли, ассоциации, воспоминания.

Система precedentных феноменов (имён, текстов, ситуаций, высказываний) – это один из инструментов трансляции «культурной памяти» народа от одного поколения к другому и одновременно способ объединения народа вокруг его культурных ценностей и нравственных идеалов. Precedentные феномены часто выступают как нравственные эталоны нации, фиксирующие ее оценку реальности. Все precedentные феномены взаимосвязаны и актуализируют друг друга, они позволяют выделять и анализировать самые важные и значимые для членов определённого лингвокультурного сообщества знания. Это становится особенно важным для инофона, изучающего язык, культуру, менталитет другого народа.

Н.Н. Воропаевым [Воропаев 2012: 145-153] разработана технология построения лингвокогнитивных директорий, которая призвана помочь эффективно овладевать информацией о прецедентных именах в основном посредством конкретных языковых единиц, большинство из которых фиксируются в языковых словарях (фразеологизмы типа чэньюй, сехоуэй, гуаньюньюй, словесные клише, фраземы-калькуляции, цитаты). Создана типовая структура лингвокогнитивной директории прецедентного имени китайскоязычного дискурса:

- Референт1 ПИ
 - Референт2 ПИ
- (полагая, что два референта следует выделять в случаях, когда референтом ПИ является историческая личность (событие), и эта историческая личность (событие) использована в прецедентном художественном литературном тексте как важный персонаж (эпизод) и наделена в тексте дифференциальными признаками, которыми референт-историческая личность (событие) не обладал)
- Атрибуты референта ПИ
 - Дифференциальные признаки референта ПИ
 - Национальный инвариант восприятия референта ПИ
 - Национальный инвариант восприятия ПИ, используемый для характеристики людей, явлений, предметов
 - Варианты ПИ
 - Дискурсивные актуализаторы ПИ
 - Цитаты из прозы (ПВ2)
 - Цитаты из поэзии (ПВ2)
 - Фразеологизмы [типа чэньюй, сехоуэй, гуаньюньюй] (ПИ2/ПВ1)
 - Словесные клише (ПИ2/ПВ1)
 - Наименование прецедентного [текста-]источника (ПИ4)
 - Имена других основных сопутствующих прецедентных персонажей/событий/предметов (ПИ1/ПИ2/ПИ3/ПИ4)
 - Фреймовые произведения:
 - Фреймовые произведения литературы (посвящённые референту ПИ книги);
 - Фреймовые научные работы (статьи, исследования, доклады, посвящённые референту ПИ);
 - Фреймовые кинофильмы, мультипликационные фильмы, телевизионные сериалы, театральные представления, исторические реконструкции (посвящённые референту ПИ);
 - Памятники, музеи, сувениры, места религиозных отправлений (посвящённые референту ПИ);

- Двойники, использующие атрибуты или дифференциальные признаки референта ПИ1 для воссоздания его образа;
- Информационные сообщения (вербализации) прецедентных ситуаций, связанных с референтом ПИ (распространяемые в любой форме и на любых носителях: газеты, журналы, интернет, телевидение, радио, лекции и проч.).

Приведённые в директориях дискурсивные актуализаторы – это разного рода информация о языковой и неязыковой деятельности членов лингвокультурного сообщества, посредством которой в дискурсе осуществляется апелляция к референту данного ПИ и стоящему за ПИ представлению.

Количество и виды дискурсивных актуализаторов по каждому ПИ различны в разные периоды развития общества. В зависимости от того, насколько то или иное ПИ актуально для общества, арсенал дискурсивных актуализаторов увеличивается или сокращается и становится более или менее разнообразным.

Важными источниками для заполнения директорий являются такие работы как [Тань 2004; Chen, Hu, Li 1987; Chen 1999; He 2007; Li 2007; Li 2006; Zhu 1996] и подобные им, а также авторитетные и проверенные ресурсы сети Интернет.

Список сокращений

ПИ – прецедентное имя; ПИ1 – прецедентное имя-антропоним; ПИ2 – прецедентное имя-эвентоним (имя-наименование исторических и вымышленных событий, представляющее собой фразеологизм или словесное клише); ПИ3 – прецедентное имя-хрематоним (также оним любого типа, индивидуальное наименование единичного объекта материальной культуры Китая); ПИ4 – прецедентное имя-идеоним (также оним любого типа, индивидуальное наименование единичного объекта духовной культуры Китая); ПС – прецедентная ситуация; ПТ – прецедентный текст; ПВ1 – прецедентное высказывание-идиома, представляющее собой фразеологизм китайского языка любого типа, в основе которого лежат культурные, литературные и исторические сюжеты и который в дискурсе актуализирует прецедентные ситуации, имена и тексты; ПВ2 – прецедентное высказывание-цитата, представляющее собой цитату из литературного произведения или из высказывания широко известного референта ПИ.

Литература

- Воропаев Н.Н. Прецедентные имена в китайскоязычном дискурсе. Дис... канд. филол. наук. М., 2012. 315 с.
- Тань Аошун. Китайская картина мира: Язык, культура, ментальность. М.: Языки славянской культуры, 2004. 240 с. (Язык. Семиотика. Культура. Малая сер.).
- Chen Guanglei, Hu Qiguang, Li Xingjie. Famous popular expressions of ancient China. Shanghai, 1987. 249 p (陈光磊, 胡奇光, 李行杰. 中国古代名句辞典)
- Chen Xianchun. Precedent characters and events in the culture of China. Beijing: Beijing University Language and Culture Publishing House, 1999. 309 p.(陈贤纯. 中国文化中的典型人物与事件).
- He Yueqing. People of history. Beijing, 2007. 242 p.(何跃青. 历史上的那些人)
- Li Hanwen. Diangu [classical precedents] of China. Shenyang, 2007. 341 p. (李翰文. 中华典故)
- Li Yiyu. The origins of Chinese culture. Beijing, 2006. 390 p. (李一字. 中国文化的由来)
- Zhu Zuyan. Dictionary of citations. Chengdu: Sichuan Province Lexicographic Literature Publishing House, 1996. 694 p. (朱祖延. 引用语辞典)

Основные принципы выделения значений служебных слов

Го Жуй 郭锐

Пекинский университет (Пекин)

Distinguishing the Meaning of “Empty” Words: Basic Principals

Guo Rui 郭锐

Peking University (Beijing)

Abstract. The article proposes the classification of the Chinese language empty words 虚词 *xūcí* and their main features, mostly taking into account the semantics of the empty words. The article provides an analysis of 虚词 *xūcí* on the example of such words as 还 *hái*, 也 *yě*, 只 *zhǐ*, 才 *cái* и 就 *jiù*.

Keywords: empty words; semantics; Chinese.

Какое значение можно считать отдельным самостоятельным значением служебного слова? На данный момент единого метода определения этого не существует. В данной статье рассматриваются принципы выделения значений с точки зрения их разделения и объединения. Разделение значений должно проводиться в соответствии с принципами семантической структуры [Vicente 2017], то есть если в двух употреблениях служебного слова различается набор семантических компонентов или отношения между ними, то следует выделить два отдельных значения. При объединении значений необходимо

различать ядерное и обобщенное значения. Обобщенное значение – это результирующее значение, которое получается при взаимодействии семантики определенного компонента с другими факторами или контекстом, а ядерное значение – это единое значение, которое выделяется при анализе ряда обобщенных значений.

О выделении отдельных значений служебных слов можно говорить только в случаях различия ядерных значений, а если разница есть только в обобщающих значениях, то такие значения считать различными не следует. Выделение значений служебных слов в определенной степени относительно. Иногда оказываются корректными описания, выделяющие как большее, так и меньшее количество значений, когда и в случаях объединения, и в случаях разделения значений соблюдаются принципы однозначности и непосредственности.

В статье приводится анализ выделения значений служебных слов на примере 还 hái [Gao 2002] [Shen 2001], 也 yě [Ma 1982], 只 zhǐ [Guo 2010], 才 cái и 就 jiù.

Литература

- Gao Zengxia. The basic meaning of the adverb “还” // *Shijiehanyu jiaoxue*, 2. 2002. (高增霞. 副词“还”的基本义)
- Guo Rui. The semantics of the “只” and “都” // *Yufayanjiu he tansuo*, 15. 2010. (郭锐. “只”义句和“都”义句的语义等值)
- Ma Zhen. Talking about “也” // *Zhongguo yuyan*. 1982. Vol. 4. (马真. 说“也”).
- Shen Jiaxuan. Two clauses' structures related to the adverb “还” // *Zhongguo yuyan*. 2001. Vol. 6. (沈家煊. 跟副词“还”相关的两个句式)
- Vicente A. What words mean and express: semantics and pragmatics of kind terms and verbs // *Journal of Pragmatics*. 2017. Vol. 117. Pp. 231—244.

Танван, ганьгоу, утунь в контексте языковых союзов Цинхая-Ганьсу

Грунтов Илья Александрович
Институт языкознания Российской
академии наук (Москва)

Мазо Ольга Михайловна
Российский государственный гуманитарный
университет (Москва)
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Москва)

Tangwang, Gangou, Wutun within Qinghai Gansu Sprachbund

Gruntov Iliya Aleksandrovich
The Institute of Linguistics, Russian Academy
of Sciences (Moscow)

Mazo Olga Mikhailovna
Russian State University for the Humanities
(Moscow)
Higher School of Economics of National
Research University (Moscow)

Abstract. Qinghai Gansu Sprachbund in North-Western China is a result of profound long-lasting interaction between speakers of four language groups: Mongolic, Turkic, Bodic and Sinitic, belonging to two greater genetic families: Sino-Tibetan and Altaic. Our paper is focused on three Sinitic idioms, namely Tangwang (its speakers live side by side with speakers of Mongolic Dongxiang language in Dongxiang autonomous county of Gansu), Wutun (which is connected with Amdo Tibetan and Mongolic Bonan languages

in Qinghai), and Gangou (being in contact with Mongolic Mangghuer language in Minhe-Hui-Tu autonomous county of Qinghai). These languages lost some typical features of Sinitic languages and acquired a number of Altaic or Bodic linguistic phenomena, e.g. case and possessive marking, usage of plural markers, structure of causative and conditional constructions, quotation marking etc. We will compare the linguistic features and processes of these three idioms within a wider context including not only neighboring Bodic, Turkic and Mongolic languages, but also other Sinitic idioms of the region.

Keywords: Chinese dialects; Tangwang; Gangou; Wutun; Qinghai Gansu Sprachbund; morphological borrowings; loan translations.

На северо-западе Китая в провинциях Цинхай и Ганьсу сложилась уникальная лингвистическая ситуация. В этом районе в течение многих веков тесно взаимодействуют носители языков четырех разных групп: монгольской, тюркской, тибетской и синитической, относящихся к двум крупным языковым семьям – синотибетской и алтайской. Это привело к возникновению на данной территории сразу нескольких языковых союзов, включающих, в частности, следующие идиомы: дунсянский, баоаньский, минхэ, хуцзу, канцзя, шира-югурский, хошутский (монгольские языки), сарыг-югурский, саларский (тюркские языки), тибетский, в первую очередь, диалект Амдо (тибетские), а также китайские диалекты северного ареала гуаньхуа (подгруппа Центральной равнины) и языки танван, ганьгоу, утунь (синитические языки).

Исторически, за исключением царства Цинь на юго-востоке современной провинции Ганьсу, эта территория не была заселена ханьцами. Здесь проживали цяны и юэчжи, позже – сяньбийцы, отдельные регионы входили в состав Тибетской империи, Восточно-тюркского и Уйгурского каганатов, тангутского государства Си Ся и др. По коридору Хэси провинции Ганьсу проходил Великий шелковый путь. В 13 в. большая часть этой территории была завоевана монголами. При династии Мин эта территория начала активно заселяться ханьцами. Основным китайский диалект региона – северный вариант гуаньхуа, однако между говорами ханьцев и хуэйцев существуют существенные различия. Кроме того, после 1949 г., когда в этот регион переселились китайцы из других регионов страны, возникло разделение на старые и новые варианты местных диалектов: новый вариант возник под сильным воздействием путунхуа.

Тесное взаимодействие всех языков региона привело к значительным изменениям на всех языковых уровнях: фонологии, морфологии,

синтаксисе, семантике. В результате некоторые китайские говоры этой смешанной зоны утратили некоторые характерные черты китайской языковой группы и приобрели ряд других свойств, обычных для алтайских языков, в частности, падежное маркирование, притяжательные суффиксы и т.п.

Лингвистическому изучению этих языковых союзов были посвящены работы [Li 1987; Dwyer 1992; Janhunen 2007, 2012, 2015; Nugteren 2011; Slater 2003] и др. Отдельные аспекты языкового взаимодействия были рассмотрены в работах [Dede 2003, 2007; Mo 2009; Yang 2014; Lefort 2015; Peyraube 2017] и др. Проблематика языковых союзов затрагивается и в частных описаниях отдельных идиомов [Chen 1982; Zhu et al 1997; Sandman 2016; Dan 2017; Xu, Shaoqing 2017] и др.

В центре нашего доклада три идиома, относящиеся к синитическим языкам: танван (носители которого живут в тесном контакте с дунсянами в Дунсянском автономном уезде провинции Ганьсу), утунь (находящийся в языковом союзе с тибетским диалектом Амдо и баоаньским языком, его носители проживают в трех деревнях уезда Тунжэнь провинции Цинхай), ганьгоу (взаимодействующий с монгольским языком минхэ в Миньхэ-Хуэй-Туском автономном уезде провинции Цинхай). Эти языки подверглись настолько сильному влиянию соседних иноструктурных языков, что их зачастую относили к так называемым «смешанным языкам» (mixed languages). В большинстве работ особенности этих языков рассматриваются в противопоставлении грамматикам тибетского, монгольских языков и путунхуа. В рамках же нашего доклада мы проводим системное сопоставление контактных лингвистических явлений танвана, ганьгоу и утуня в контексте общих процессов, происходящих в подгруппе Центральной равнины, показываем какие явления возникают в результате контактов с алтайскими и тибетскими идиомами, а какие являются общими для китайских говоров региона.

В частности, в танване, ганьгоу и утуне выделяется целый ряд падежей. Как показывают работы [Dede 2003, 2007, Zhang 2013, Peyraube 2017] и др., в том регионе, где проживают монгольские и тюркские народы в китайских говорах выделяется от 2 до 4 падежей. Важно отметить, что эти падежи имеют ареальное распространение и характерны не только для этих трех языков, но и для ряда китайских говоров этого региона. В утуне и танване суффиксы множественного числа могут присоединяться не только к местоимениям и одушевленным существительным, но и к неодушевленным, что также характерно для говоров Снина, Ланьчжоу и др. К ареальным особенностям следует также отнести и структуру пассивных, каузативных, условных конструкций, предложений цели с глаголами движения, а также маркирование цитаций.

Литература

- Chen Naixiong. Wutunhua chutan [Начальные исследования языка Утунь] // *Minzuyuwen*, 1982. №1, 10-18.
- Dan Xu. The Tangwang Language. An Interdisciplinary Case Study in North-west China. Singapore: Springer Nature, 2017.
- Dede, Keith R. S. The Chinese language in Qinghai // *Studia Orientalia*, 2003. № 95, 321-346.
- Dede, Keith R. S. The origin of the anti-ergative [xa] in Huangshui Chinese // *Language and Linguistics*, 2007. № 8 (4), 863-881.
- Dwyer, Arienne M. Altaic elements in the Linxia Dialect: Contact-Induced Change on the Yellow River Plateau // *Journal of Chinese Linguistics*, 1992. № 20 (1), 160-178.
- Janhunen, Juha. Typological interaction in the Qinghai linguistic complex // *Studia Orientalia*, 2007. №101, 85-103.
- Janhunen J. On the Hierarchy of Structural Convergence in the Amdo Sprachbund // Pirkko Suihkonen, Bernard Comrie, Valery Solovyev (eds). *Argument Structure and Grammatical Relations*. Studies in Language Companion Series, 126. Amsterdam: John Benjamins, 2012. 177-189.
- Janhunen J. Describing and Transcribing the Phonologies of the Amdo Sprachbund // Gerald Roche, Keith Dede, Fernanda Pirie, Benedict Copps (eds). *Asian Highlands Perspectives 37 Centering the Local*, A Festschrift for Dr. Charles Kevin Stuart on the Occasion of his Sixtieth Birthday, 2015. 122-137.
- Lefort, Julie. Contact language in North-West Gansu: Chinese directional verbs structure calques in the Dongxiang language // Cao Guangshu, Redouane Djamouri, Alain Peyraube (eds.). *Language in contact in North China-Historical and synchronic studies*. Paris: EHESS-CRLAO, 2015. 385-408.
- Li Keyu. Qinghai Hanyuzhongde mou xie Aertai yuyan chengfen [Некоторые элементы алтайских языков в китайском языке Цинхая] // *Minzuyuwen*, 1987. №3, 27-32.
- Mo Chao. Gansu Hanyu fangyan yufa tedian zongshu [Обзор грамматических особенностей китайских диалектов Ганьсу] // *Xibei chengren jiaoyu xuebao*, 2009. №2, 29-32.
- Nugteren, Hans. Mongolic phonology and the Qinghai-Gansu languages. Utrecht, 2011.
- Peyraube, Alain. The case system in three Sinitic languages of the Qinghai-Gansu linguistic area // Dan Xu, Li Hui (eds.). *Languages and Genes in Northwestern China and Adjacent Regions*. Singapore: Springer Nature, 2017. 121-139.
- Sandman, Erika. A grammar of Wutun. PhD Thesis. University of Helsinki, 2016.
- Slater, Keith. A Grammar of Mangghuer: A Mongolic Language of China's Qinghai-Gansu Sprachbund. London: Routledge Curzon, 2003.
- Xu Dan, Shaoqing Wen. Formation of a "mixed language" in Northwest China-The case of Tangwang // Xu Dan, and Li Hui (eds.) *Language and Genes in Northwestern China and Adjacent Regions*. Singapore: Springer Nature, 2017. 87-105.
- Yang Yonglong. Qinghai Minhe Gangouhuade duo gongneng ge biaoji "ha"

- [Многозначный падежный показатель «на» языка ганьгоу Минхэ-хуэй-туского автономного уезда провинции Цинхай] // *Fangyan*, 2014. №3, 230-241.
- Zhang Ansheng. Ganqing Hehuang fangyan mingci de ge fanchou [Категория падежа существительных диалекта Хэхуан провинций Ганьсу и Цинхай] // *Zhongguo yuwen*, 2013. №4, 291-310.
- Zhu Yongzhong, Üjiyediin Chuluu, Keith W. Slater and Kevin Stuart. Gangou Chinese dialect: A comparative study of a strongly altaicized Chinese dialect and its Mongolic neighbor // *Anthropos* 92, 1997. 433-450.

Сино-русские идиолекты Приморского края: к постановке проблемы

Гурьян Наталья Викторовна

*Дальневосточный федеральный
университет (Уссурийск)*

Карпенко Сергей Юрьевич

*Дальневосточный федеральный
университет (Уссурийск)*

Sino-Russian Idiolects of Primorsky Krai: Problem Statement

Gurian Natalia Viktorovna

Far Eastern Federal University (Ussuriisk)

Karpenko Sergey Yuryevich

Far Eastern Federal University (Ussuriisk)

Abstract. The report will present a study of the modern form of the Chinese-Russian contact language, called within the framework of this project as Sino-Russian idiolects, currently observed in Primorsky Krai of the Russian Federation. It is planned to carry out a linguistic description of this contact language based on field records collected in 2016-2017. As a result of the project (1) a new body of data will be compiled in the form of oral records of Chinese who learned the Russian language in the conditions of natural communication (without classroom instruction); (2) linguistic analysis and preliminary description of Sino-Russian idiolects at different levels (phonological, morphological, syntactic and lexical) will be performed, in terms of their similarities and differences; (3) the mutual influence of such differently structured languages as Russian and Chinese will be studied on the material of the Sino-Russian idiolects of Primorsky Krai. The consequences of this influence will be specified. The acquisition of new data will allow us to compare them with the results of studies obtained earlier on the material of other variants of Chinese-Russian language contacts known in linguistics as Chinese-Russian pidgin.

Keywords: Russian-Chinese language contacts; contact languages; pidgin; Sino-Russian Idiolects.

Данная работа посвящена изучению современной формы китайско-русского контактного языка, возникшего в результате интенсивного русско-китайского взаимодействия, которое наблюдается в Приморском крае с середины 90-х годов XX в. С середины XIX в. по 1930-е гг. на территории Приморского края бытовал русский пиджин в его дальневосточном варианте, служивший основным средством общения коренных жителей с русскими. Этот пиджин вышел из употребления к 1960-м гг. [Перехвальская 2010]. Увеличение численности китайцев на территории Дальнего Востока началось с 90-х гг. XX в., что было связано с нормализацией китайско-советских, а затем китайско-российских отношений. К факторам, которые определяют высокую долю китайского населения в миграционном процессе на Дальнем Востоке, относят: геополитическое положение Дальнего Востока; высокий уровень незанятого населения в приграничных районах Северо-Восточного Китая; внешнеэкономическую стратегию Китая, направленную на поддержку экспорта рабочей силы; преобладание экономических мотивов в международных миграциях в приграничных регионах Дальнего Востока [Оглезнева 2010].

Идея проекта изучения идиолекта китайско-русского контактного языка принадлежит американскому лингвисту З. Фрайзингеру (Zygmunt Frajzyngier), профессору Департамента лингвистики Университета Колорадо в Боулдере (США), под руководством которого авторы настоящих тезисов занимаются исследованием сино-русских идиолектов с конца 2016 года.*

Из русско-китайских контактных языков наиболее изучен кяхтинский язык, сформировавшийся в XVIII в. в зоне русско-китайской приграничной торговли [Черепанов 1853; Александров 1884; Шухарт 1884; Врубель 1931; Шпринцин 1932, 1968, 1972; Козинский 1974; Беликов 1991; Мусорин 2004; Перехвальская 2006, 2008, 2013, 2014].

Несмотря на то, что за последние два десятилетия появилась целая серия публикаций по описанию русско-китайских пиджинов (работы Беликова В.И., Перехвальской Е.В., Ян Цзе, Федоровой К.С., Оглезневой Е.А., Шапиро Р., Ждановой Н.А. и др.), нельзя сказать, что эта тема исчерпана. Современные формы русско-китайских контактных языков, по-прежнему, остаются малоизученными, что подчеркивается в одном из последних исследований [Жданова 2016].

В большинстве работ упомянутые выше контактные языки воспринимаются и описываются как пиджины на русской основе [Ян Цзе

*В 2017 году в сборе аудиозаписей принимали участие студенты выпускного курса кафедры образования в области восточных языков и востоковедения Школы педагогики ДВФУ: Висарчук Н.О., Михайлова С.С., Яновская Я.Р., а также старший преподаватель кафедры Кравчук А.И.

2007], [Перехвальская 2006, 2008, 2013, 2014], [Оглезнева 2007, 2017], [Fedorova 2011, 2012], [Жданова 2016] и др.

Предварительный анализ речевых образцов, собранных коллективом проекта в 2016–2017 гг. на территории Приморского края, позволяет сформулировать иную суть гипотезы: каждый носитель китайского языка в процессе освоения русского языка, которое происходит в условиях естественной коммуникации (при ведении бизнеса, торговли или повседневного общения с русскоязычным населением) порождает собственный язык со своей фонологией и грамматикой. В нашем исследовании эти индивидуальные варианты контактного языка мы называем «сино-русскими идиолектами» [Frajzyngier (in press a, b)].

Такие факторы, как большая вариативность сино-русских идиолектов, а также односторонняя направленность коммуникации (на этих идиолектах разговаривают только китайцы при общении с русскоговорящим населением, русские же в общении с китайцами используют преимущественно нормативный язык, а между собой китайцы общаются на родном языке) не позволяют нам считать это новообразование пиджином [Frajzyngier (in press a, b)].

Первая коллекция записей включает спонтанные нарративы 8 носителей китайского языка, которые заняты на территории Приморского края в сферах деревообработки, торговли, сельхозработ, туристического и автомобильного бизнеса и пр. Один из информантов – житель приграничного города Суйфэньхэ. Все они осваивали русский язык без формального обучения – в условиях естественной коммуникации. Среди информантов представлены как мужчины, так и женщины в возрасте от 32 до 49 лет. Аудиозаписи нарративов расшифрованы и зафиксированы с помощью международного фонетического алфавита. Произведена глоссировка текстов, расстановка пауз, выполнен перевод на английский язык.

На основе имеющихся нарративов начато составление словаря с использованием он-лайн сервиса Google Sheets* (рис. 1). На данный момент словарь объединяет 8 индивидуальных словарей и насчитывает порядка 600 лексических единиц (ЛЕ)**. При дальнейшем документировании этого языка планируется расширять словарь. Заглавным словом в словаре выступает русский этимон, для которого

* В сборке словаря участвовал студент выпускного курса (2018 г.) Школы педагогики ДВФУ Белов В.О.

** Для сравнения: словарь Сибирского пиджина, составленный Е.В. Перехвальской на основе материалов Черепанова, Бичурина, Александрова, Шухардта, Яблонской, Врубеля, Шпринцина, а также аудиозаписей 1984 и 1991 гг., и представляющий собой попытку сведения воедино разновременных лексических материалов, насчитывает 680 слов [Перехвальская 2008: 217–239].

указывается английский эквивалент, отмечается категориальный статус (part of speech), целевая форма (target form). Кроме того, приводятся разные варианты одной и той же ЛЕ, если таковые встречаются в речи информантов.

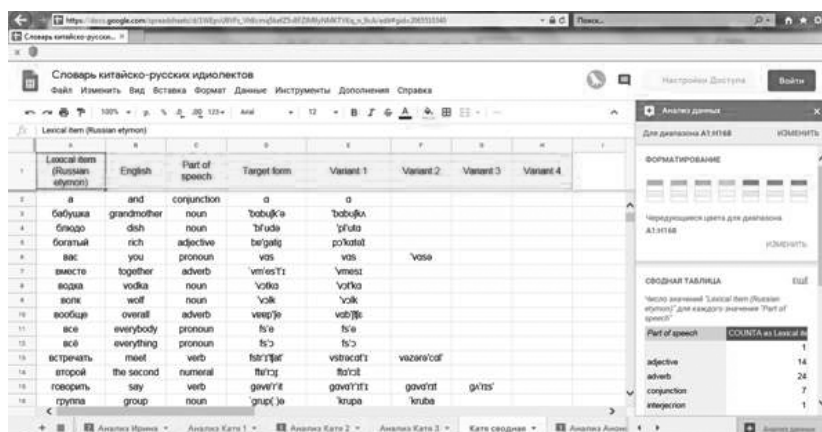

Рис. 1. Фрагмент словаря сино-русских идиолектов

К примеру, в одном из текстов представлены следующие варианты ЛЕ:

ЛЕ	Вариант 1	Вариант 2	Вариант 3
друзья	dəlu'z'ja	dru'z'ja	
маленькие	'malin'g'e:	'mal'en'k'i	
большой/большие	bal''fɔj	bal''ʒɔje	
чтобы	'fɔɔbi	'fɔɔbi	'ʒɔɔbi
русский/русские	'lusigə	'ruzg'ɪ	

В дальнейшем на основе анализа особенностей фонологии, грамматики и лексики планируется выявить и описать: 1) какие функции кодируются в сино-русских идиолектах и какие формы используют говорящие для реализации этих функций; 2) до какой степени идиолекты отличаются и что в них общего.

Литература

- Александров А. Маймачинское наречие // *Русский филологический вестник*. 1884. Т. XII, № 3. С. 160–163.
 Беликов В. И. Русский этнолект дальневосточного пиджина // *Восток: прошлое и будущее народов: тез. докл. и сообщ. IV Всесоюзной конференции востоковедов* Т. 1. М.: Наука, 1991. С. 26–29.

- Врубель С.А. Русско-китайские языковые скрещения // *Культура и письменность Востока*. 1931. № 7–8. С. 131–140.
- Жданова Н.А. Современный русско-китайский пиджин Забайкалья в структурно-системном и коммуникативном аспектах: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Улан-Удэ, 2016. 224 с.
- Козинский И.Ш. К вопросу о происхождении кяхтинского (русско-китайского) языка. Генетические и ареальные связи языков Азии и Африки. Тезисы докладов. М.: Наука, 1974, С. 36–38.
- Мусорин А.Ю. Лексика кяхтинского пиджина // *Функциональный анализ языковых единиц*: Межвуз. Сб. науч. тр. Новосибирск: НГПУ, 2004. С. 79–86.
- Оглезнева Е.А. Русско-китайское взаимодействие на дальневосточных территориях России: историко-лингвистический очерк. Слово: фольклорно-диалектологический альманах. 2010. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russko-kitayskoe-vzaimodeystvie-na-dalnevostochnyh-territoriyah-rossii-istoriko-lingvisticheskiy-ocherk> (дата обращения 04.05.2019).
- Оглезнева Е.А. Русско-китайский пиджин. Опыт социолингвистического описания. Благовещенск: Изд-во Амурского гос. ун-та, 2007. 264 с.
- Оглезнева Е.А. Современный русско-китайский пиджин: к вопросу о его территориальном варьировании и эволюции // *Приграничный регион в историческом развитии: партнёрство и сотрудничество*: материалы междунар. науч. конф.: [в 3 ч.] / Забайкал. гос. ун-т; [гл. ред. Е. В. Дроботушенко]. Чита: ЗабГУ, 2017. Ч. 2. С. 166–169.
- Перехвальская Е. В. Исследования по русским пиджинам: сборник статей. Москва, Берлин: Директ-Медиа, 2014. 224 с.
- Перехвальская Е. В. Русские пиджины. СПб.: Алетейя, 2008. 363 с.
- Перехвальская Е. В. Русско-китайский пиджин и русский «интерязык» // *Acta linguistica petropolitana*: Труды института лингвистических исследований РАН. СПб., 2013. С. 331–345.
- Перехвальская Е. В. Сибирский пиджин (Дальневосточный вариант). Формирование. История. Структура: дис. ... д-р. филол. наук: 10.02.19. СПб, 2006. 282 с.
- Черепанов С. И. Кяхтинское китайское наречие русского языка // *Известия Имп. Академии наук по Отделению рус. языка и словесности*. Т. II. Вып. 10. СПб., 1853. С. 370–377.
- Шпринцин А. Г. О заимствовании китайской речью русской лексики // *Страны и народы Востока*. Выпуск XIII. Страны и народы бассейна Тихого океана. Книга 2. М.: Наука, 1972. С. 182–191.
- Шпринцин А.Г. О русско-китайском диалекте на Дальнем Востоке // *Страны и народы Востока*. Вып. VI. М.: Наука. ГРВЛ, 1968. №. 6. С. 86–100.
- Шпринцин А.Г. Проблема китайско-русского диалекта в освещении С.А. Врубеля // *Революция и письменность*. 1932. № 1–2 (11–12). С. 103–113.
- Шухарт Г. Маймачинское наречие // *Русский филологический вестник*. 1884. Т. XII. № 4. С. 318–320.
- Ян Цзе. Забайкальско-маньчжурский препиджин // *Вопросы языкознания*. 2007. № 2. С. 67–74.

- Fedorova K. Interethnic communication and cultural memory in the Russian-Chinese border area // *Translating cultures: Intercultural mediation in literature, linguistics and the arts* / Eds. Hogan C., Rentel N. and Schwerter S. Stuttgart: Ibidem Verlag, 2012, p. 197–214.
- Fedorova K. Language contacts on the Russian-Chinese border: the ‘second birth’ of Russian-Chinese trade pidgin // *Perpetual motion? Transformation and transition in Central, Eastern Europe and Russia* / Eds. Bhambry T., Griffin C., Hjelm T., Voronina O. London : School of Slavonic and East European Studies, UCL: 2011, p. 72–84.
- Frajzyngier Z., Gurian N., Karpenko S. (in press a). Emerging phonology under language contact: The case of Sino-Russian idiolects // *Journal of Language Contact*.
- Frajzyngier Z., Gurian N., Karpenko S. (in press b). Language contact: the first-generation // *Handbook of language contact*. 2nd ed / Ed. by R. Hickey. Wiley.

Морфологические особенности китайских сложных слов с копулятивным типом связи: типологический взгляд

Дун Сюфан 董秀芳

Пекинский университет (Пекин)

Morphological Features of Coordinate Compounds in Chinese From the Typological Perspective

Dong Xiufang 董秀芳

Peking University (Beijing)

Abstract. The article proposes a classification of Chinese coordinate compounds, taking into account the semantics of the components, what part of speech they belong to, as well as semantic relations between the components. The reasons for the widespread use of coordinate compounds in Chinese are also analyzed.

Keywords: coordinate compounds; morphology; typology; Chinese.

Китайский – язык с развитым корнесложением, в нем довольно много сложных слов с копулятивным типом связи. В этом проявляется одна из особенностей языков восточноазиатского региона. Сложных копулятивных слов в китайском не просто много с количественной точки зрения, их отличает также большое разнообразие видов.

1. С точки зрения частеречной принадлежности компонентов, входящих в состав сложного слова, среди них имеется определенное количество относящихся к категории существительного, так и к кате-

гории прилагательного или глагола. При этом количество сложных слов с глагольными компонентами значительно выше, чем в других языках. Компоненты существительных, глаголов и прилагательных могут образовывать наречия, состоящие из двух антонимичных корней, например 横竖 *héngshù* 'в любом случае' (букв. 'горизонталь-вертикаль'), 好歹 *hǎodǎi* 'так или иначе' ('хороший – дурной'), 死活 *sǐhuó* 'во что бы то ни стало/ни в какую' ('жить – умирать'). С точки зрения того, компоненты какой части речи подаются на «вход» и какие в результате корнесложения получаются на «выходе», китайские данные демонстрируют большое разнообразие возможных видов, причем нередко происходит смена частеречной принадлежности. С точки зрения синтаксической позиции слова с копулятивным типом связи демонстрируют большую свободу. Если, например, в германских языках сложные слова копулятивного типа могут занимать только позицию определения, то в китайском они также могут выступать в роли подлежащего и дополнения.

2. С точки зрения семантики, руководствуясь разными критериями, можно выделить несколько способов классификации копулятивных слов.

2.1. *Слова с синонимичными корнями, слова с корнями одной семантической группы, слова с антонимичными корнями.*

Например, слова с синонимичными корнями: 眼目 *yǎnmù* 'глаза' (букв. 'глаз-глаз'), 歌唱 *gēchàng* 'петь' (букв. 'песня-петь'), 肥胖 *féipàng* 'толстый' (букв. 'толстый-толстый'); слова с корнями одной семантической группы: 手足 *shǒuzú* 'братья' (букв. 'руки-ноги'), 高富帅 *gāofùshuài* 'высокий-богатый-красивый'/'идеальный мужчина'; слова с антонимичными корнями: 是非 *shìfēi* 'споры' ('истина-ложь'), 'высокий и низкий'/'высота' (高低 *gāodī*), 'большой и маленький'/'размер' (大小 *dàxiǎo*), 'включать и выключать'/'переключатель' (开关 *kāiguān*).

Примечательно, что в китайском языке довольно большое количество сложных копулятивных слов именно с антонимичными корнями. Виллнерс [Weijer et al. 2012] разделяет языки на два типа: те, в которых четко осознается антонимичная связь, и те, в котором антонимичная связь не осознается. Показателями осознания антонимичной связи является широкое использование антонимов в текстах или в семантике. Китайский язык относится к первому типу. Большое количество сложных копулятивных слов с антонимичными корнями демонстрирует, что антонимы активно используются в построении семантических связей языка.

2.2. *Сложные гиперонимы и гипонимы*

Аркодия и др. [Arcodia et al. 2010], исходя из семантики слова, предлагают разделять сложные копулятивные слова на гиперонимы

и гипонимы. Гипероним выражает родовое понятие в отношении которого множества объектов. Например, 房屋 fángwū ‘жилой дом’ состоит из компонентов 房 fáng ‘дом’ и 屋 wū ‘комната’, и передает родовое понятие ‘место для проживания’. Гипоним же выражает частную сущность, подчиненную общему понятию. В сложном слове-гипониме при объединении компонентов образуется понятие, гипонимическое по отношению к каждому из компонентов. Например, английское *singeractor* (‘певец’–‘актер’) передает более узкое понятие, чем каждый из компонентов по отдельности. В китайском языке, в отличие от европейских, гиперонимы превалируют над гипонимами.

2.3. Сложные слова с компонентами из одного или разных семантических полей

В зависимости от того, к одному или разным семантическим полям относятся два компонента сложного слова, можно выделить два типа. Например, слово 温暖 wēnnuǎn ‘теплый’ (букв. ‘теплый-теплый’) относится к первому типу, так как оба корня принадлежат к семантическому полю температуры. Ко второму типу относятся такие слова как, например, 高冷 gāolěng ‘высокомерный’ (букв. ‘высокий-холодный’), где первый корень относится к семантическому полю высоты, а второй к полю температуры, и 寒酸 hánsuān ‘неимущий’ (букв. ‘холодный-кислый’), где первый корень принадлежит к семантическому полю температуры, а второй – вкуса. Стоит отметить, что среди прилагательных английского языка слова второго типа практически отсутствуют.

3. В китайском очень развиты четырехиероглифические идиомы с копулятивной моделью управления.

В четырехсложной идиоме, как правило, первая и вторая пара иероглифов являют собой сложные копулятивные слова, причем корни из первой и второй пар являются либо синонимами, либо словами со сходной семантикой: 铜墙铁壁 tóngqiángtiěbì ‘медные стены, железные валы’/‘неприступная крепость’, 花言巧语 huāyánqiǎoyǔ ‘цветистая речь, искусный язык’ / ‘пышные слова’, 千难万险 qiānnánwànxiǎn ‘тысяча трудностей и десять тысяч опасностей’ / ‘бесчисленные опасности и преграды’, 前思后想 qiánsīhòuxiǎng ‘сначала подумать, после обдумать’ / ‘ломать голову’, 赴汤蹈火 fùtāngdǎohuǒ ‘плыть через кипяток, ступать по огню’ / ‘идти на любые жертвы’, 眉清目秀 méiqīngmùxiù ‘брови изящны, глаза красивы’ / ‘тонкие черты лица’.

4. Исторические причины появления сложных копулятивных слов.

4.1. Тенденция к увеличению числа двусложных слов

Сложные слова с копулятивным типом связи полностью отвечали требованиям растущего словаря двусложных слов, не изменяя при этом значений изначальных односложных слов. В современном язы-

ке двуслоги с копулятивным типом связи также не теряют своей привлекательности, ср. 拨打电话 bōdǎdiànhuà ‘набирать номер телефона’ / ‘толкать-ударять телефон’.

4.2. Изменения семантики лексемы и появление нового сложного копулятивного слова

С течением времени некоторые семантические параметры исчезают, в результате чего некогда семантически различные однослоги приобретают схожий смысл. Например, в жизнеописании Вэй Куна в Шуцзине сказано: «Изготавливая глиняную посуду, обжигай (陶 táo) [ee], изготавливая металлическую посуду, оплавляй (冶 yě) [ee]». Разница между процессами 陶 táo и 冶 yě очевидна только с учетом такого параметра как объект воздействия. Впоследствии это противопоставление исчезло, и 陶冶 táo yě ‘вылеплять’ стало двусложным глаголом с копулятивным типом связи между компонентами.

Литература

Weijer Joost van de, Paradis Carita, Willners Caroline, Lindgren Magnus. Evaluative polarity of antonyms // *Lingue e Linguaggio*, 2012. 2(2), p. 199-214. DOI: 10.1418/38786.

Arcodia Giorgio Francesco. Coordinating Compounds // *Language and Linguistics Compass*. 2010. Volume 4, Issue 9, p.1197-1243.

К проблеме единообразия перевода топонимов с русского на китайский язык

Дондокова Максара Юрьевна

*Московский государственный институт
международных отношений (Москва)*

The Problems of Translation Russian Nominations Into Chinese

Dondokova Maksara Yurievna

*Moscow State Institute of International
Relations (Moscow)*

Abstract. The article is devoted to the study of the problems of translation Russian nominations into Chinese, namely inaccurate transmission of values. The uniformity of the translation of geographical names is new for many reasons, including the need to address it in terms of economic and tourist attractiveness. The article deals with two problems of uniformity of translation of place names from Russian into Chinese. The first is a variation of the translation of the prefix “za” which means behind or tans-, in the various place names, the second – the translation of place names that have etymological significance in other languages, on the example of place names of Buryat origin of the East coast of lake Baikal. The author studied the available translations and proposed some of their alternative options, taking into account the etymological and tourist significance.

Keywords: translation of geographical names; translation to Chinese; Buryat (Mongolian) place names; translation of the place named “Zabaikalie”.

Современные процессы развития общества и регионов способствуют расширению границ, так в процесс глобализации активно включаются не только крупные города и уже известные регионы, но и небольшие поселки и даже деревни. Новые возможности требуют своевременного решения сопутствующих вопросов. Так, определенной систематизации требуют топонимы, которые ранее не были переведены или были переведены неточно.

Исследовательских работ посвященных проблеме перевода топонимов на китайский язык мало, главным образом сводятся к отдельным статьям. В подробном анализе топонимов маньчжурского происхождения А. Лиджиев отмечает необходимость подробного изучения в контексте исторических, культурных проблем населения Дальнего Востока и взаимоотношений с другими народами этого региона [Лиджиев 2016: 189].

Топоним – это имя собственное, которое относится к любому объекту, природному или созданному человеком. От характера именуемых объектов можно выделить: гидронимы; оронимы; спелеонимы; микротопонимы; ойконимы; урбанонимы. Общее свойство всех топонимов это отражение социальных, экономических и географических аспектов жизни человеческого общества. «Основная функция топонимов – это выделение, индивидуализация, идентификация именуемых объектов среди других объектов» [Ожегов 1992: 307]. Топонимы представляет особый интерес не только для местных жителей, но и для иностранных гостей.

Перевод топонимов сейчас приобрел актуальность. Теоретическая ономастика стремится выявить универсальные закономерности в функционировании такого класса лексики, как имена собственные. Указанные в ономастике категориальные признаки онимов применимы к именам собственным в любом языке. Однако приемлемыми в анализе имен собственных во всех языках мира их можно признать не всегда, т.к. кроме европейской, существуют другие ономастические системы и обуславливающие их культуры [Хамаева 2015: 28].

Современные названия многих топонимов, имея национальное происхождение, достаточно сложные по звуковому составу, такие как Тарбагатай, Баргузин, Чивыркуй и др. Такие названия несут в себе национальный колорит, историческую нагрузку, определенные легенды и влияют на самосознание местного населения. Поэтому правильное понимание топонимов важно и интересно, не только заезжим гостям, но и иностранным туристам. В силу того, что основной способ перевода топонимов – это транскрипция, это представляет некоторые трудности при переводе на китайский язык.

Первым вопросом при переводе топонимов можно назвать необходимость единообразия используемых иероглифов, это наглядно
60

показано в вопросе перевода Забайкальского края, который имеет два варианта 后贝加尔边疆区 (Hòu bèijiā'ěr biānjiāng qū / Забайкальский край) [Инвестиционные предложения... 2015: 5] и 外贝加尔边疆区 (Wài bèijiā'ěr biānjiāng qū / Забайкальский край). Примечательно, что вариант 后贝加尔边疆区 (Hòu bèijiā'ěr biānjiāng qū / Забайкальский край) чаще используется в документах, формируемых в Автономном Районе Внутренняя Монголия КНР, а вариант 外贝加尔边疆区 (Wài bèijiā'ěr biānjiāng qū / Забайкальский край) больше используется в документах из провинции Хэйлунцзян КНР. В силу того, что регион является приграничным, активный документооборот представлен именно с указанными административными единицами. В обоих случаях представлен смешанный перевод смысловой плюс фонетическая калька, но разница в приемах перевода приставки «за» в слове «забайкальский». С учетом того, что наряду с понятием «Забайкалье» существует понятие «Прибайкалье», которое обозначает район, расположенный западнее озера Байкал, целесообразно использование элементов 前 (qián / до, перед, пре-) и 后 (hòu / ху / за, после) в указанных названиях, как 前贝加尔地区 (Qián bèijiā'ěr dìqū / Пребайкальский район) [Чайный путь 2016: 25] и 后贝加尔边疆区 (Hòu bèijiā'ěr biānjiāng qū). В словаре «Новый русско-китайский справочник географических названий России» [Новый русско-китайский справочник географических названий России 2003: 222] Забайкалье, как и все производные этого слова, переводятся как 外贝加尔地区 (Wài bèijiā'ěr dìqū / Забайкальский район). Спорное использование морфемы 外 (wài / вай / вне-, внешний) в составе топонима «Забайкалье» дополняется его непостоянством относительно других случаев перевода топонимов с приставкой «за», так например, Заангарское плато 外安加爾高原 (Wài ān jiā'ěr gāoyuán / Заангарское плато), 扎沃尔日斯克区 (Zhā wò'ěr rì sīkè qū / Заволжский район). Прием фонетической кальки целесообразен при переводе названий, где морфема «за» не является приставкой со значением географического положения, а частью корневой основы, например, Забелино 扎别利诺 (Zhā bié lì nuò / Забелино), Забияка 扎比娅卡湾 (Zhā bǐ yà kǎ wān / Залив Забияка). Переводы, представленные в словаре, не представляют систему и очередной раз демонстрируют необходимость подробного анализа и индивидуального подхода к проблеме перевода топонимов на китайский язык, так топонимы с одной корневой основой имеют разные формы перевода Заочье 外奥卡河地区 (Wài ào kǎ hé dìqū / район Заочье) и Заокский 扎奥克斯基 (Zhā ào kèsī jī / Заокский) [Новый русско-китайский справочник географических названий России 2003: 222]. Кроме того, если перевод рассматривать в связке с приставкой «при», например, Прибайкальский район в словаре указан как 贝加尔湖沿岸区 (Bèijiā'ěr hú yán'àn qū / Прибайкальский район), где отсутствует перевод морфемы

«при», но есть «沿岸» (Yán'àn / побережье). Такой же способ применяется при переводе Приангарья (Ангара) 安加拉沿岸地区 (Ān jiā lā yán'àn dìqū / Приангарский район), хотя в том же значении приставка «при» в топониме Приаргунский район (в бассейне реки Аргунь) используется перевод фонетической транскрипции 普利额尔古纳斯克区 (Pǔlǐéěrgǔnà sīkèqū / Приаргунский район).

Активное региональное сотрудничество России и Китая требует точного и единообразного перевода русских топонимов на китайский язык. Помимо того, что необходимо избежать расхождений в переводе одних и тех же объектов, следует учитывать и культурные нюансы номинаций. Культурно-историческое содержание особо значимо с точки зрения актуального сегодня туристического сотрудничества.

Литература

- Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка (С-Я). М.: Азъ, 1992. 660 с.
- Лиджиев А.Б. Топонимы маньчжурского литературного произведения «Ода Мукдену, написанная императором» // *Вестник института комплексных исследований аридных территорий*. 2016, Т.2. С. 183-192.
- Хамаева Е.А. Китайские антропонимы: монография. Иркутск : МГЛУ ЕАЛИ, 2015. 308 с.
- Инвестиционные предложения республики Бурятия. Улан-Удэ: Фонд регионального развития республики Бурятия, 2015. С.127 (布里亚特共和国投资建议).
- Чайный путь – Великий чайный путь Китая-Монголия-Россия / Международный туристический справочник, 2016. С. 120 (中蒙俄万里茶道).
- Новый русско-китайский справочник географических названий России / ред. Чжоу Ин. Пекин: Шанъу иньшу гуань, 2003. (新编俄罗斯地名译名手册 / 周英).

Современные проблемы письменной фиксации литератур на китайских тополектах

Дрейзис Юлия Александровна

*Институт стран Азии и Африки
Московского государственного
университета имени
М.В. Ломоносова (Москва)*

Contemporary Problems of Writing in Chinese Topolects

Dreyzis Yulia Aleksandrovna

*Institute of Asian and African Studies
of Moscow State University (Moscow)*

Abstract. The paper is devoted to the description of the relationship between the sound and the graphic components in modern and contemporary literature produced in the many Sinitic languages of China. In determining the relationship between the national written standard (Putonghua / Goyu) and other Sinitic languages, one encounters the problem of interpreting the meaning of the Chinese term fangyan, which is usually translated as “dialect”, being, however, quite distant from it. Using instead the term topolect, as proposed by Victor Mair, we try to enumerate the main reasons for the marginalization of contemporary topolect writing. They are closely connected with the history of the modern vernacular and the formation of the current standard, with the socio-political situation in the Greater China, the popular perception of its linguistic stratification and the very nature of the Chinese script. The only exception to date among the marginalized topolects of China is the case of rapidly evolving written Cantonese in Hong Kong, that produces a great deal of contemporary topolect texts.

Keywords: Chinese dialects; Chinese characters; contemporary literature; linguistic typology.

При определении соотношения между общенациональным письменным стандартом современного китайского языка (pǔtōnghuà пунтуа 普通话 /guóyǔ гоюем 國語) и другими синитическими языками, мы упираемся в проблему толкования смысла китайского термина фанъянь fāngyán 方言, который обычно переводят как «диалект» и при помощи которого обозначаются такие сущности, как северокитайский (гуаньхуа guānhuà 官话; мандарин; Mandarin), y wú 吴, юэуэ 粤 (кантонский; Cantonese), сянь xiāng 湘, хаккакэjiā 客家, гань gàn 贛, южный и северный минь mǐn 闽 и другие.

Современные определения фанъянь в большинстве своём в той или иной степени ориентируются на понятие «диалекта», но никогда полностью не эквивалентны ему. В качестве примера можно привести три условия Син Гунваня [Син 1982: 4], предложенные для признания речи членов двух сообществ фанъянь, а не отдельными языками:

1. они используют общий стандартный язык;
2. они используют одну и ту же письменность;
3. они могут общаться напрямую или могут общаться с небольшим услием.

Син быстро отходит от третьего пункта, заявляя, что «мы не можем просто принять способность общаться (таньхуа tánhuà 谈话) как стандарт для различия между фанъянь и языком» [Син 1982: 4]. Это означает, что он в большей степени опирается на первые два условия, но они не имеют ничего общего с определением того, что является или не является диалектом.

Различия между основными китайскими фанъянь в области фонологии, лексики, орфографии и грамматики настолько велики, что носитель одного из них не может понять смысл текстов, записанных на другом. Это совершенно другое соотношение, чем в случае вэньяня 文言 (классического китайского; Literary Sinitic), письменно фиксируемого вернакуляра (байхуа báihuà 白话)* и смешанного вэньянизированного (бань вэнь бань бай bànwén bànbái 半文半白) идиома – престижных и нелокальных форм, которые читаются грамотными людьми по всему Китаю в соответствии с произношением их местного фанъянь. Письменный китайский, за очень редкими исключениями, всегда ограничивался каким-либо типом классического китайского или одного из северокитайских диалектов, поскольку для других языков группы никогда не разрабатывались орфографические нормы, которые были бы признаны значительной частью их носителей.

Именно поэтому синологи предлагают различные новые варианты перевода термина фанъянь, чтобы уйти от варианта, привязанного

* В язычных регионах под байхуа (паква:) имеется в виду не общенациональный стандарт, а местная устная норма кантонского (юэ).

к «диалекту». Джон Де Фрэнсис в своей книге «The Chinese Language: Fact and Fantasy» предлагает термин регионалект [De Francis 1984: 53-67]. Нам представляется более удачным термин Виктора Мэра то-полект – наиболее нейтральный и точный перевод китайского фан-ьянь [Maig 1991: 7].

Несмотря на то, что у многих сегодня существует сильное желание писать на своём родном тополекте, есть ряд факторов, препятствующих простой реализации какого бы то ни было работающего сценария. Прежде всего, это тот факт, что китайская иероглифика идеально подходит для записи классического китайского, но плохо приспособлена для записи практически всего остального. Таким образом, в течение почти двух тысячелетий (примерно с 1200 г. до н.э. до примерно VIII в. н.э.) использование иероглифов было почти полностью ограничено фиксацией классического китайского. Даже сегодня, после ста лет продвижения общенационального языка общественными реформаторами, существует сильная тенденция уходить в использование вэньянизированного стиля, потому что он так легко сочетается с устройством китайской письменности.

Второй фактор – отсутствие традиции создания текстов на региональных вернакулярах. Действительно, до середины правления Тан (618–907) не было даже прецедента письменной фиксации вернакуляра. Первоначальные попытки такой фиксации были чреваты орфографическими и другими ошибками, и базой письма оставался вэньянь (с добавлением лишь относительно небольшого количества вернакуляра). В течение средневекового периода в значительной степени под эгидой популярного буддизма, письменный койне получил довольно прерывистое развитие [Maig 1994]. Койне продолжал эволюционировать в последующие века, пока не превратился в ранний вариант гуаньхуа при монголах, байхуа báihuà 白話 при маньчжурах, а затем стал современным стандартным языком после движения «четвёртого мая» (1919) и при поддержке правительств Китайской Республики и КНР.

Третий фактор, сдерживающий эволюцию региональных вернакуляров, – это сильные предубеждения против их использования; на них неизменно навешивается ярлык грубого и вульгарного.

Четвёртый фактор – прямой политический запрет на создание текстов на региональных вернакулярах. В частности, до отмены военного положения 14 июля 1987 года на Тайване создание текстов на языке минь приравнивалось к подрывной деятельности, можно было понести наказание за составление словарей и учебных материалов на южном минь / тайваньском (тайюй táiyǔ 台語) или даже за устное использование тайваньского в общественных местах, таких как школы, правительственные органы, СМИ и так далее [Maig 2003].

Подобный жёсткий контроль в отношении местных вернакуляров, противопоставленных стандарту, всё ещё действует в материковом Китае. По мере того, как общенациональный стандарт расширяет свои возможности по всей стране через образование, СМИ, торговлю и другие каналы, петля вокруг шеи региональных вернакуляров неутомимо сжимается. Сегодня, примерно в третьем поколении после введения общенационального стандарта, молодые люди начинают чувствовать себя более комфортно, говоря на путунхуа, чем на своём родном языке.

Как следствие этих четырёх факторов литература на тополектах маргинализуется. Изменения в отношении к ней можно наблюдать только в последние десять-двадцать лет. Единственное исключение – это юэязычный Гонконг, где есть те, кто активно ищет способы письменной фиксации разговорной речи [Snow 2004].

Funding

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00429) в Институте языкознания РАН.

Литература

- De Francis J. The Chinese Language: Fact and Fantasy. Honolulu: University of Hawaii Press; 1984.
- Mair V. H. What Is a Chinese «Dialect / Topolect»? Reflections on Some Key Sino-English Linguistic terms // *Sino-Platonic Papers*. 1991; 29: 1-31.
- Mair V. H. Buddhism and the Rise of the Written Vernacular in East Asia: The Making of National Languages // *Journal of Asian Studies*. 1994. 53.(3). P. 707-751.
- Mair V. H. How to Forget Your Mother Tongue and Remember Your National Language. 2003. [Электронный ресурс]. URL: <http://pinyin.info/readings/mair/taiwanese.html> (дата обращения 03.05.2019)
- Snow D. Cantonese as Written Language, The Growth of a Written Chinese Vernacular. Hong Kong: Hong Kong University Press; 2004.
- Син Гунвань. Базовые знания по исследованию китайских тополеков. Учан: Хуачжун гунсюэюань чубаньшэ; 1982. (邢公畹.汉语方言调查基础知识)

Континуум частей речи древнекитайского: свободное изменение или отсутствие исходной синтаксической функции лексемы?

Дурыманова Анастасия Дмитриевна

*Российский государственный гуманитарный
университет (Москва)*

Continuum of Lexical Categories in Ancient Chinese: a Shift Or the Total Absence of the Basic Syntactic Function?

Durymanova Anastasia Dmitrievna

*Russian State University
for the Humanities (Moscow)*

Abstract. The paper deals with the problem of lexical categories in the Ancient Chinese language. The main questions are as follows: (1) do lexical categories exist? (2) if yes, how can they be distinguished? I analyzed several nouns from the treatise “Lunheng” (I A.D.) and analyzed their properties: quantity of predicative usage of nominal categories, lexeme compatibility with distinctive nominal or predicative markers, lexeme’s semantics (physical object, abstraction, property etc.). According to these criteria, I proposed a method of defining the basic syntactic function of a lexeme and a method of defining lexeme’s place on a continuum of lexical categories, where one pole is a pole of a prototypical noun and the other – a prototypical verb, the space between them is occupied with the lexemes sharing both poles’ properties in more or less degree. Based on this we may say that a lexeme’s syntactic function shift doesn’t indicate the total absence of the basic syntactic function but may be the marker of a lexemes’ basic syntactic function existence and its possibility to a shift.

Keywords: continuum; lexical categories; syntactic function; prototypical noun.

Древнекитайский язык, являясь языком без морфологии, представляет для исследователей нерешенную задачу в вопросе выделения частей речи. Для определения принадлежности лексемы к той или иной части речи приходится применять синтаксические и семантические критерии, а также прибегать к помощи лексики языка и прагматики. Однако большинство китайстов выделяют по крайней мере два класса слов: существительные и глаголы [Яхонтов 1965: 40-46; Никитина 1982: 3-28].

Жесткая структура китайского предложения с фиксированным порядком слов позволяет определять синтаксическую позицию лексемы. Довольно большое число лексем при этом могут выступать как в функции предиката (характерной для глаголов), так и в функции глагольного аргумента (типичной для имен). При этом лексемы, которые традиционно считаются существительными, реже употребляются в предикативной позиции, чем глаголы – в аргументных позициях (хотя это явление все же нельзя назвать исключительным). Семантика существительного позволяет предположить насколько частотной может быть у него предикативная функция: слова, обозначающие предметы, редко выступают в функции предиката, в отличие от слов, обозначающих состояния или абстрактные понятия. В связи с этим возникает вопрос: если некоторая лексема может употребляться в разных синтаксических позициях, то доказывает ли это отсутствие у данной лексемы исходной синтаксической функции или же ее способность изменять свою исходную синтаксическую функцию? [Kieviet 2016: 74].

Мы рассмотрели разные свойства существительных в древнекитайском языке: частотность их употребления в той или иной синтаксической функции (например, частотность употребления именных лексем в функции предиката), семантика лексемы (означают ли они объект, качество, абстракцию), сочетаемость лексемы с характерными предикативными или именными показателями (например, именная лексема+объектное местоимение 之 zhī = предикативная функция, отрицательная частица 非 fēi+именная лексема = именная функция). На основании полученных результатов мы попытались привести ряд аргументов в пользу существования исходной синтаксической функции у лексем, а также сделали выводы о возможной исходной синтаксической функции той или иной лексемы.

Для исследования мы выбрали памятник эпохи империи Хань «Луньхэн» (I в. н.э.), так как, в отличие от других памятников данного периода, он наиболее точно, насколько это возможно, передает живую речь ханьского периода. Авторское словотворчество и намеренная архаизация слога присутствуют в нем лишь в небольшой степени [Karlgren 1952: 51-80].

Все обнаруженные в данном тексте существительные в несвойственной им функции предиката были проанализированы по вышеуказанным параметрам (частотность в той и другой синтаксической функции, семантика, сочетаемость с характерными показателями). Полученные числовые данные, наравне с типологическими, позволяют понять эволюцию предикативной функции у того или иного существительного, то есть выяснить, явилась ли она результатом авторского творчества, особенностью диалекта той местности, где написан памятник, или же отражением стандартов живой речи определенного периода.

Важным фактором появления у существительного предикативной функции может быть скрытая морфология [Branner 2005: 1-45; Schuessler 2007], которая была обнаружена в ходе фонологической реконструкции древнекитайского языка [Старостин 1989]. Скрытой морфологией считается значимое фонетическое чередование в пределах одного слова, не отражающееся на письме, например, 王 (wáng – *whaŋ) – правитель / ван, но 王 (wàng – *whaŋ-s) – править. Подобные случаи скорее стоит расценивать как две разных лексемы с разной исходной синтаксической функцией – именной и предикативной.

Понятия существительных и глаголов скорее можно представить в виде континуума, где с одной стороны будет абсолютная идеальная субстантивность, а с другой – абсолютная идеальная глагольность, между которыми будут располагаться лексемы, разделяющие характеристики и того и другого полюса в большей или в меньшей степени. Так, например, именные лексемы, обозначающие физический объект, как ‘колея’, сравнительно редко употребляются в предикативной функции, обозначают некоторый объект, сочетаются с показателями, характерными для имен. Лексемы, обозначающие качество, например, ‘быть выгодным’, чаще употребляются в предикативной функции, семантически затруднительно определяются в категорию либо имени (‘выгода’), либо предиката (‘быть выгодным’), успешно сочетаются с характерными предикативными показателями, в то же время сохраняют возможность сочетаться с именными показателями. Эти свойства позволяют расположить эти две лексемы на разных участках континуума имя – глагол; лексемы же при этом сохраняют за собой исходную синтаксическую функцию (в данном случае именную) и набор присущих именной лексеме категориальных свойств. Так, слово ‘колея’ будет ближе расположено к полюсу абсолютной субстантивности, нежели ‘выгода’, при этом обе эти лексемы будут в большей степени удалены от полюса абсолютной глагольности, нежели от полюса субстантивности.

Литература

- Никитина Т. Н. Грамматика древнекитайских текстов. Л., 1982. 148 с.
- Старостин С.А. Реконструкция древнекитайской фонологической системы. М., 1989. 728 с.
- Яхонтов, С. Е. Древнекитайский язык. М., 1965. 105 с.
- Branner D. On Early Chinese Morphology and its Intellectual History // *Journal of the Royal Asiatic Society* for 2003. 2005. P. 1-45.
- Karlgren B. New excursions in Chinese Grammar // *Bulletin №24 of the Museum of Far Eastern Antiquities*. Stockholm, 1952. P. 51-80.
- Kieviet P. A grammar of Rapa Nui the language of Easter Island. Ridderkerk, 2016. 607 p.
- Schuessler A. ABC Etymological dictionary of Old Chinese. Honolulu, 2007. 658 p.

Инновационная программа изучения языков, диалектов и локальных культур в Китае

Завьялова Ольга Исааковна

*Институт Дальнего Востока
Российской академии наук (Москва)*

Innovative Program of Preservation of Languages, Dialects and Local Cultures in China

Zavyalova Olga Isaakovna

*The Institute for Far Eastern Studies
of Russian Academy of Sciences (Moscow)*

Abstract. Modern China with its Chinese dialects and more than 100 languages of national minorities is still a linguistically very diverse country. However, many language varieties have already disappeared or are in the process of disappearing within its territory. A new program of investigation and preservation of languages, dialects and local cultures using innovative technologies was adopted in 2015 and is under realization in China.

Keywords: languages of China; Chinese dialects; language diversity; preservation of language varieties and local cultures.

В сентябре 2018 г. ЮНЕСКО, Министерство образования Китая и Государственный комитет по работе в области языка и письменности провели в Чанша, административном центре провинции Хунань, первую в своем роде международную конференцию, посвященную проблемам защиты языкового разнообразия в современном мире. В феврале 2019 г. по материалам конференции была опубликована «Декларация Юэлу», которую назвали в честь основанной при династии Северная Сун знаменитой академии, одного из престижных образовательных центров конфуцианского Китая [Баоху 2019]. Академия Юэлу располагалась на территории современного Чанша, важнейшего центра в ареале современных диалектов группы Сян. В 1903 г. она была преобразована в высшее учебное заведение нового типа и в 1926 г. переименована в Хунаньский университет. Сотрудничество ЮНЕСКО с Китаем в области изучения и охраны языков возникло далеко не случайно. С одной стороны, Китай продолжает оставаться чрезвычайно разнообразной в языковом отношении страной. С другой – в Китае уделяется огромное внимание изучению и по возможности сохранению десятков языков народов Китая и многочисленных диалектов китайского языка.

Известно, что те или иные языковые разновидности исчезали и продолжают исчезать полностью, частично или локально на территории разных государств. Так, в современном Китае два этноса из официального списка народов страны числятся полностью утратившими родные языки с переходом на китайский. Мусульмане хуэй, переселившиеся в Китай большей своей частью в период монгольской династии Юань, исходно говорили на разных языках, но уже при династии Мин стали использовать в качестве родных разные китайские диалекты. Гораздо позже перешли на китайский маньчжуры, язык которых имел при династии Цин статус официального «государственного». Заметим при этом, что на острове Хайнань этноним хуэй все же употребляется по отношению к чамам, говорящим на одном из австронезийских языков, а небольшое число носителей маньчжурского языка по-прежнему живет на Северо-Востоке страны. Еще один исторический пример – полностью перешла на китайские диалекты та тюркоязычная группа («уйгуры»), которая боо лет тому назад переселилась с территории современного Синьцзяна в провинцию Хунань. К народам, большей своей частью утратившим родные языки сравнительно недавно, относят включенных в официальный список *шэ*, *туцзя* и *гэлао* [Дай Цинся 2009: 24–25]. Некоторые малочисленные этносы стали использовать в качестве родных языки соседних малых народов. Так, живущие в Синьцзяне узбеки и татары уже большей своей частью говорят на уйгурском или казахском языке [Дай Цинся 2009: 19–20].

Ускоренному исчезновению языков и диалектов в современном Китае способствует ряд факторов. Не последнее место занимает растущая мобильность населения и его рост в городах. Важнейший фактор – совершенствование системы образования и продолжающаяся кампания по распространению официального языка *путунхуа*. Вытеснение языков и диалектов тесно связано также со стремительным развитием китайского Интернета, его «звучащими» программами на *путунхуа* и числом пользователей 802 млн чел. в 2018 г. [China focus 2018].

Исследования языков и диалектов были инициированы в Китае в довоенные годы, продолжены вскоре после образования КНР и возобновлены с началом периода «реформ и открытости». Одна из важнейших задач, которые были поставлены перед лингвистами и специалистами в области компьютерных технологий, – информатизация наиболее значимых языков страны. По данным на 2017 г., в китайском Интернете присутствуют 140 сайтов на языках народов Китая с использованием 12 вариантов письменных систем, в том числе особых традиционных [Чжунго юйянь вэньцзы 2018: 062]. При создании мобильных устройств, позволяющих устно переводить на языки и с языков народов Китая, внедряются новейшие технологии, связанные с искусственным интеллектом. В 2015 г. принята новая, самая масштабная в современном мире программа обследования и сохранения на современных носителях языков, диалектов и языковых составляющих локальных культур. Для тех, кто участвует в обследованиях, был опубликован справочник с опросными анкетами и инструкциями. По данным на 2017 г., из 900 намеченных в программе пунктов с китайскими диалектами было обследовано уже 693 пункта, из 300 пунктов с языками малых народов – 188, из 100 пунктов с особыми местными обычаями – 75, из 200 пунктов с исчезающими языками и диалектами – 117 пунктов [Чжунго юйянь вэньцзы 2018: 52–57]. В том же 2017 г. вышли из печати первые 20 томов серии «Лингвокультурный фонд Китая». В ближайшем будущем планируется опубликовать еще одну серию, посвященную исчезающим языкам, и новый вариант «Атласа китайских диалектов», первое трехтомное издание которого под редакцией профессора Цао Чжиюня увидело свет в 2008 г. И наконец, главное инновационное достижение в рамках программы – по результатам обследований уже создана беспрецедентная онлайн-платформа, которая дает возможность не только специалистам, но также обычным пользователям Интернета просмотреть и прослушать видео и аудио записи разного объема и содержания, сделанные в сотнях разных пунктах по всей стране [Чжунго юйянь вэньцзы 2018: 055–056].

Литература

«Баоху юй цуцзин шицзе юйянь доянсин “Юэлусюаньянь”» фабухуэй цзай Бэйцзин цзюйсин: [В Пекине прошла презентация «“Декларации Юэлу” о защите и содействии сохранению языкового разнообразия в мире»]. 2019. [Электронный ресурс]. URL: http://www.china-language.gov.cn/yw/gjywx/201902/t20190225_30747.html (дата обращения 02.05.2019) (“保护与促进世界语言多样性《岳麓宣言》”发布会在北京举行).

Дай Цинся. Чжунго шаошу миньцзу юйянь вэньцзы: [Языки и письменные системы малых народов Китая]. Пекин, 2009. (戴庆厦. 中国少数民族语言文字)

Чжунго юйянь вэньцзы ши фачжань баогао: [Доклад о развитии языка и письменности в Китае]. Пекин, 2018. [Электронный ресурс]. URL: http://www.moe.gov.cn/s78/A18/moe_807/201707/t20170706_308841.html (дата обращения 02.05.2019) (中国语言文字事业发展报告2018).

China focus: China has 802 million internet users. 2018. [Электронный ресурс]. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2018-08/21/c_137405424.htm (дата обращения 02.05.2019).

«Проблемы скрытой грамматики» Тань Аошуан: некоторые теоретические и практические выводы

Ивченко Тарас Викторович

*Российский государственный гуманитарный
университет (Москва)*

Tan Aoshuang's "Problems of Hidden Grammar": Some Theoretical and Practical Implications

Ivchenko Taras Viktorovich

*Russian State University
for the Humanities (Moscow)*

Abstract. The thesis proposed attempts to provide some thoughts concerning theoretical and practical implications based on Tan Aoshuang's seminal book "Problems of Hidden Grammar: Syntax, Semantics and Pragmatics of an Isolating language (the case of Chinese)". The book proposes a holistic approach to the grammar and semantics of Chinese, providing us with a powerful descriptive and explanatory tool, which requires more profound implementation. The paper endeavours to show what ideas of Tan Aoshuang still need further elaboration, through which they might significantly improve theoretical description and practical learning of Chinese.

Keywords: Chinese; hidden grammar; semantics; semantic properties; syntactic structure.

С момента выхода в 2002 году в издательстве «Языки славянской культуры» труда Тань Аошуан «Проблемы скрытой грамматики: синтаксис, семантика и прагматика языка изолирующего строя (на примере китайского языка)» (далее «Проблемы скрытой грамматики») [Тань 2002] прошло уже 17 лет, а значимость этой книги до сих пор остается недооцененной в мировой и, как ни странно, отечественной синологии. В обзорах достижений советской и российской синологии, встречающихся в работах российских китаеведов, в лучшем случае сообщается о внушительном объеме труда Тань Аошуан, а также отмечается подробность анализа грамматики китайского языка, в нем данного. В некоторых же исторических очерках, посвященных развитию китаистики в СССР и России, данная монография не упоминается вообще. Таким образом, попытка оценить теоретическое значение «Проблем скрытой грамматики» и необходимость сделать выводы, основывающиеся на теоретических открытиях Тань Аошуан, представляются весьма актуальными.

Тань Аошуан, фактически, впервые удалось представить все аспекты грамматики китайского языка как части единой синтактико-семантической системы, в которой одинаково значимы как выраженность грамматической категории каким-либо показателем, так и ее невыраженность. Другими словами, маркированный и немаркированный варианты репрезентации некоторого грамматического значения подчиняются четким (хотя и нередко весьма сложно формулируемым) дистрибутивным правилам. В результате тезис о «необязательности» выражения грамматических категорий в китайском языке был, фактически, опровергнут: факт немаркированности в некотором контексте не следует путать с понятием «необязательности».

Монография Тань Аошуан начинается с анализа синтаксической структуры простого предложения, порядка слов и актуального членения. Вопрос выделения частей речи, который до этого в течение нескольких десятилетий занимал центральное место практически во всех дискуссиях о китайском языке, в монографии вообще не рассматривается. И это не случайно. Как убедительно показано в «Проблемах скрытой грамматики», грамматические (дистрибутивные) классы в китайском языке в силу их немаркированности не имеют четкой границы, представляя собой синтактико-семантические классы/множества с некоторой зоной «пересечения» между собой. При этом глаголы и прилагательные (предикативы), взятые вне контекста, обладают свойством семантической и грамматической аморфности.

Для анализа порядка слов в простом предложении оказываются малопродуктивными попытки разработки единой схемы синтаксического представления структуры предложения со стандартной схемой заполнения синтаксических позиций (подлежащее–сказуемое–до-

полнение или тема–рема), так как способ реализации семантических актантов на синтаксическом уровне и количество синтаксических позиций зависят от семантического класса, к которому относится сказуемое данного предложения.

Для каждого семантического класса предикатов имеет смысл говорить о своем способе заполнения синтаксических позиций, при этом следует выделять немаркированный и маркированный порядки слов для данного класса предикатов. При ограниченности синтаксических позиций (особенно пост-предикативных) каждый семантический тип предикатов имеет свой способ «открывания синтаксических позиций» и свой «механизм разрешения конфликтных ситуаций при расстановке слов».

Есть механизмы общие для большинства семантических типов предикатов, а есть такие, которые характерны только для одного класса или ограниченного количества классов. С другой стороны, порядок слов выполняет крайне важную коммуникативную функцию, в результате чего семантический тип предиката, синтаксическая структура и коммуникативная функция высказывания накладываются друг на друга, образуя сложную систему. В результате, описание функционирования любого показателя (например, показателя *le*) не обладает описательной силой без анализа особенностей семантического и коммуникативного сдвига, который данный показатель производит в предикатах разного типа. Описание показателя самого по себе не обладает объяснительной силой, так как особенности его функционирования видны лишь в системе, то есть в соотношении с другими показателями, семантическими особенностями и количеством синтаксических позиций у предиката данного типа и коммуникативной функцией высказывания.

Отсюда следует важный практический вывод относительно методики преподавания китайского языка. Как неоднократно подчеркивала Тань Аошуан, ее концепция возникла из практической необходимости дать непротиворечивое объяснение механизма функционирования китайского языка студентам, поэтому воплощение ее теории в новых учебных пособиях кажется абсолютно логичным.

Учитывая сказанное выше, можно утверждать, что на начальном этапе изучения китайского языка необходимо вводить такие понятия как семантический тип предиката, коммуникативная функция высказывания и количество синтаксических позиций. На этом фундаменте будет потом выстраиваться все описание такого изолирующего языка как китайский. В учебнике «Учебник китайского языка. Новый практический курс» А.М. Карапетянца и Тань Аошуан сделана попытка реализовать именно эту концепцию. Необходимо дальнейшее развитие этого направления.

Совершенно очевидно, что идеи Тань Аошуан, изложенные в «Проблемах скрытой грамматики», требуют всестороннего теоретического осмысления и практического воплощения в новых учебных и методических разработках.

Литература

Тань Аошуан. Проблемы скрытой грамматики. М.: Языки славянской культуры, 2002. 896 с.

Метафоричность китайского языка как типологическая особенность

Калинин Олег Игоревич

*Военный университет Министерства
обороны Российской Федерации (Москва)*

Мавлеев Руслан Рафаэлевич

Независимый исследователь (Москва)

The Metaphorical Character of the Chinese Language as a Typological Feature

Kalinin Oleg Igorevich

*Military University of the Ministry of Defense
of the Russian Federation (Moscow)*

Mavleev Ruslan Rafaelevitch

Independent Researcher (Moscow)

Abstract: Broadly speaking, perceived by us as a universal means of figurativeness, and, as a result of a persuasivity, Metaphor can be calculated quantitatively with reference to a specific speech message. At the same time, the calculation of the metaphor power index (MPI) in a comparative manner allows conclusions to be drawn regarding the “metaphoricity” (persuasiveness) of one or another discourse in different languages. Practical research of military-political discourse in various genre manifestations in Russian and Chinese languages invariably demonstrates a high level of metaphorization of texts in Chinese, which allows us to conclude that metaphorization is a typological feature of Chinese. This hypothesis is supported by significant empirical research and requires the discussion of a wide range of specialists in the field of Chinese.

Keywords: typology; metaphor; military-political discourse; metaphor strength index; discourse metaphor.

1. Метафора давно является объектом исследования разных направлений лингвистики. Рассматривая метафору с учетом трех ее составляющих – семантической, функциональной и структурной, лингвисты разных эпох и научных школ брали за основу разные аспекты метафоры, уделяя внимание то форме, то значению, то воздействию. [Чудинов 2003, Lakoff 1980]

2. Понимая метафору как средство имплицитной образности, мы можем посредством анализа силы метафоры конкретного текста делать выводы о прагматических и когнитивных характеристиках дискурса. Метафора, являясь средством концептуализации окружающей действительности, может являться эффективным средством речевого воздействия на коллективного адресата в контексте определенного дискурса.

2. Мы опираемся на гипотезу о возможности подсчета метафоричности дискурса и его последующей классификации.

3. В нашем исследовании мы будем опираться на широкое понимание метафоры, то есть определяя тот или иной уровень метафоричности предложения или сверхфразовой единицы, мы предполагаем, что данная единица нашего исследования содержит выражение, наделенное определенной степенью образности, то есть значение некой лексической единицы, входящей в состав словосочетания, предложения или сверхфразовой единицы, не соответствует своему прямому денотативному значению. При этом непосредственная форма реализации этой образности для нас не важна. [Москвин 2007]

4. Основными этапами нашего исследования стали:

а) Подбор материала исследования;

б) Классический лингвистический анализ или процедура идентификации исследования, описанный в широком круге исследований [Калинин 2016];

в) Подсчет метафоричности текста методом определения индекса силы метафоры. Индекс силы метафоры рассчитывается на основе индекса частотности метафоры (MFI, Metaphor Frequency Index), индекса интенсивности метафоры (MII, Metaphor Intensity Index) и индекса содержания метафоры (MCI, Metaphor Content Index).

5. Индекс силы метафоры (MPI) раскрывает характер метафорического стиля финансового, политического, медиа, иного дискурса. Допустим, что индекс силы метафоры у различных адресантов будет отличаться. И тот, кто использует менее интенсивные метафоры, вызывающие слабые эмоции или не вызывающие их вовсе, получает более низкие значения индекса силы метафоры (MPI) по сравнению с оппонентами. Полученное в результате исследований К. де Ландшер среднее значение индекса силы метафоры в публичных выступлениях равно 5. В данном случае цифра «5» является точкой отсчета: ин-

декс силы метафоры (MPI) со значением выше 5 указывает на «метафорический стиль» дискурса, ниже 5 – на «содержательный стиль» и низкую метафорическую силу дискурса [De Landtsheer 2009, De Landtsheer 2011].

6. В качестве материала исследования нами выбрано 6 текстов военно-политического дискурса: два программных выступления на Церемонии открытия Международного форума «Один пояс - один путь» от 14 мая 2017 года Преседателя КНР Си Цзиньпина [Си Цзиньпин 2017] и Президента Российской Федерации Путина В.В. [Путин 2017] общим объемом 3735 и 1237 слов соответственно, Белая книга национальной обороны КНР и Военная доктрина Российской Федерации общим объемом 17401 и 6502 слова соответственно, а также тексты новогодних поздравлений лидеров обеих стран.

7. Индекс силы метафоры (MPI) в речи Председателя КНР Си Цзиньпина составил 11,95, что свидетельствует о намерении китайской стороны убедить присутствующих на форуме глав государств и представителей бизнеса в необходимости развития масштабного инфраструктурного проекта «Один пояс – один путь», который был предложен лично Председателем КНР. Речь Президента РФ В. В. Путина также обладает высоким уровнем персуазивности, подтвержденным достаточно большим значением индекса силы метафоры (MPI), которое составляет 8,87. [Фомин, Мавлеев 2017]

8. Результаты нашего исследования показывают, что метафоричность китайского военно-политического дискурса значительно выше метафоричности русскоязычного военно-политического дискурса.

Нами были исследованы сходные по своему характеру, прагматическим и экстралингвистическим характеристикам тексты на русском и китайском языках. Методика позволяет игнорировать разницу в объеме текстов на разных языках.

9. Индекс интенсивности и индекс содержания метафоры для текстов дискурсов и на русском и на китайском языках почти одинаковы. При этом частотность метафор в текстах китайскоязычного дискурса значительно выше. Тем самым, китайский военно-политический дискурс оказывается более «метафорическим», то есть более эмоциональным, ориентированным на воздействие, а русский военно-политический дискурс относится к типу более информационно-ориентированных дискурсов. Воздействие и в русском дискурсе, безусловно, играет определенную роль, но тем не менее, судя по результатам данного исследования значительно меньшую, чем в текстах на китайском языках.

Принимая во внимание метафоричность как имплицитную персуазивность, мы можем прийти к выводу, что китайский военно-политический дискурс более персуазивен и ориентирован на воздействие,

чем русский. Его повышенная «эмоциональность, образность» является с одной стороны характеристикой самого китайского языка, где языковой традицией предопределяется широкое использование фразеологии, ярких эпитетов и красочных сравнений, с другой стороны, это безусловно отдельная дискурсивная особенность, которую нельзя не принимать во внимание при анализе и переводе текстов.

Литература

- Си Цзиньпин. [Речь на Церемонии открытия Международного форума «Один пояс — один путь»] 14.05.2017. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.beltandroadforum.org/n100/2017/0514/c24-407.html> (дата обращения 14.05.2019) (习近平在“一带一路”国际合作高峰论坛开幕式上的演讲)
- Путин В.В. [Выступление на церемонии открытия Международного форума «Один пояс, один путь»]. 14.05.2017. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/54491> (дата обращения 14.05.2019)
- Калинин О.И. Опыт проведения контент-анализа политических медиа-текстов (на примере китайского языка) // *Политическая лингвистика*. 2016. №2 (56). Екатеринбург: УрГПУ, 2016. С. 65-73.
- Москвин В.П. Русская метафора: Очерк семиотической теории. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 184 с.
- Фомин А.Г., Мавлеев Р.Р. Политическая метафора как эффективное средство воздействия (на материале выступлений Председателя КНР Си Цзиньпина и Президента РФ В. В. Путина в рамках международного форума «Один пояс – один путь») // *Политическая лингвистика*. Екатеринбург, 2017. № 6 (66). С. 112–121
- Чудинов А.П. Политическая лингвистика. Екатеринбург: Уральский гуманитарный институт, 2003. 194 с.
- De Landtsheer C. Collecting political meaning from the count of metaphor // *Metaphor and Discourses* / A. Musolff, J. Zink (eds.). 2009. P. 73—96.
- De Landtsheer C. Methods for the study of political metaphor in leadership studies: paper presented at the Conference of ECPR, Glasgow, September 3—6, Univ. of Glasgow. 2011.
- Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by*. Chicago: The Univ. of Chicago Pr., 1980.

Научная и педагогическая деятельность Тань Аошуан

Карапетьянц Артемий Михайлович

*Институт стран Азии и Африки
Московского государственного
университета имени
М.В. Ломоносова (Москва)*

Scientific and Pedagogical Activity of Tan Aoshuang

Karapetyanz Artemiy Mihaylovich

*Institute of Asian and African Studies
of Moscow State University (Moscow)*

Abstract. Tan Aoshuang contributed to the description of Chinese dialects, to the development of functional grammar of the Chinese, to the description of the Chinese language picture of the world. Being a member of the worldwide associations for teaching Chinese, she put a lot of effort into teaching Chinese and is the author of several textbooks.

Keywords: Tan Aoshuang; dialects; theoretical grammar of Chinese; Chinese language.

Научная деятельность Тань Аошуан охватывает период ее пребывания в России вплоть до ее болезни в начале 10-х годов этого века. С 1956 по 1966 г. она работала на Гостелерадио, где постепенно выросла до редактора-стилиста текстов, переведенных носителями китайского языка. В процессе этой работы она сталкивалась с проблемой неадекватности представленных текстов стилистическим нормам, связанной прежде всего с влиянием русского текста на его отображение средствами китайского языка. Эту проблему она пыталась осмыслить, вывести какие-то общие закономерности, что непосредственно отразилось на ее деятельности по преподаванию китайского языка, которую она начала в 1966 г. в ИСАА при МГУ.

Результатом работы в этом направлении явился «Учебник современного разговорного китайского языка», окончательный вариант которого был опубликован в 1983 г. издательством «Наука» (Главная редакция восточной литературы) и переиздан в 1988 г. (еще одно переиздание в издательстве URSS, 2017 г.). Этим учебником не один десяток лет пользовалась вся страна. Он получил высокую оценку и в КНР (диалоги из него даже вошли впоследствии в официальные материалы для подготовки к экзаменам HSK). Учебник Тань Аошуан, наряду с важными методическими новшествами, содержал полноценные толкования вводимых языковых единиц, написанные на уровне современного (не тому времени, а данному моменту) понимания лингвистической семантики.

Направлением непосредственной научной работы Тань Аошуан первоначально избрала диалектологию, поскольку, наряду с нормативным китайским языком, она владела сычуаньским, шанхайским и кантонским диалектами. Исследования в этой области в стране только еще начинались. Еще во время работы в Гостелерадио Тань Аошуан прикреплялась к аспирантуре ИСАА, где ею руководил А.П.Рогачев, но неудачно. С начала работы в ИСАА она стала писать под руководством М.К.Румянцева кандидатскую диссертацию «Система тонов в кантонском диалекте (экспериментальное исследование)», которую защитила в 1972 г. Это был первый в мировой лингвистике экспериментальный анализ тоновой системы этой манифестации китайского языка. Эта работа, наряду с описанием не изученного ни в теоретическом, ни в практическом отношении языкового материала, впервые формулирует важный вывод о том, что для восприятия языкового тона существен не только диапазон изменения частоты основного тона, но и скорость этого изменения. В опубликованной только в 1984 г. одной из трех статей [Тань Аошуан 1984], отражающих результаты работы в этом направлении (были еще публикации 1972 и 1974 гг.), Тань Аошуан

писала: «для слуха весьма значимой оказывается динамика процесса, которая и оценивается крутизной» [Тань Аошуан 1984: 50]. Деятельность Тань Аошуан в области диалектологии получила высокую оценку в научной среде (в частности, ее работами заинтересовался Вяч. Вс. Иванов) и позволила включить ее имя в список лингвистов, содержащийся в авторитетном «Лингвистическом энциклопедическом словаре» (1990). Работу по фонетике и фонологии китайского языка на этом Тань Аошуан практически окончила (была еще одна публикация по проблемам инициали *v* 的 в гуаньхуа).

С начала преподавания китайского языка в ИСАА Тань Аошуан занималась углубленным изучением семантики и прагматики современного китайского языка с проекцией результатов исследования на преподавание китайского языка. В основу ее метода была положена задача порождения высказываний, эквивалентных их цели или переводимому материалу. Для этого в серии статей, опубликованных в «Вестнике московского университета», она разработала и применила к китайскому языку теорию универсальных коммуникативных категорий, аналогичную теории речевых актов лингвистической философии. В статье 1990 г. она писала: «К идее разграничения языковых типов в связи с экспликацией коммуникативных установок говорящего я пришла независимо от знакомства с теорией речевого акта Дж. Остина и Дж. Серля и других ее приверженцев в процессе преподавания китайской устной речи, и она постепенно формировалась при написании учебника разговорного языка. Попытка сформулировать эту идею была сделана мною в докладе, прочитанном в 1983 г. на Ломоносовских чтениях в ИСАА при МГУ, а потом в статье, опубликованной в 1985 г. Мой подход к высказываниям как к продукту речевой деятельности с самого начала преследовал практическую цель выработки метаязыка, который позволил бы устанавливать связь между глубинной, универсальной организацией языка и его поверхностной синтаксической структурой» [Тань Аошуан 1990: 60].

В то время современные семантические идеи только проникали в отечественную науку, в Институте языкознания под руководством Н.Д. Арутюновой создавалась группа «Логический анализ языка». И когда по рекомендации В.Я. Порхомовского Тань Аошуан сделала доклад в группе «Неявная пропозициональная установка в контексте полемики (на материале китайского языка)», она была принята с распростертыми объятьями (ее даже попросили прочесть доклад второй раз, чтобы лучше его понять) и стала одной из любимых учениц Н.Д. Арутюновой. Именно статья, написанная по этому докладу (до начала работы в группе!), была включена в сборник лучших работ группы с момента ее создания (1988-1995).

В 1995 году на филологическом факультете МГУ Тань Аошуан защитила докторскую диссертацию, которую в 2002 г. оформила в монографию «Проблемы скрытой грамматики. Синтаксис, семантика и прагматика языка изолирующего строя», изданную «Языками славянской культуры» в серии *Studia Philologica*. Эта монография по сути дела представляет собой достаточно полную современную грамматику китайского языка, по своей методологии превосходящую классическую грамматику Ли и Томсон. За нее Тань Аошуан получила Ломоносовскую премию МГУ за 2008 г.

До конца жизни Тань Аошуан занималась вопросами совершенствования методики преподавания китайского языка, видя в этом процессе верификацию своей грамматической концепции. Грамматические положения ее теоретических изысканий в области функциональной грамматики легли в основу «Учебника китайского языка. Новый практический курс» (2004), который, как и монография 2002 г., еще ждет надлежащей оценки. К сожалению, идеи, положенные в основу этого начального учебника китайского языка, не воплощены должным образом даже в лучших новейших учебниках китайского языка.

Тань Аошуан около 10 лет была постоянным членом правления «Всемирной ассоциации преподавателей китайского языка» от России, одним из основателей и председателем правления «Российской ассоциации преподавателей китайского языка», организованной прежде всего по ее инициативе. Она также активно участвовала в альманахе «Изучение китайского языка», издаваемом ассоциацией, публикуя там материалы, необходимые для преподавателей китайского языка. Тань Аошуан участвовала в нескольких конференциях «Всемирной ассоциации преподавателей китайского языка», в симпозиумах различных европейских ассоциаций, имела контакты со многими видными китайскими лингвистами, в особенности с Син Фуи (она входила в состав редколлегии издаваемого им в противовес 中国语文 Zhōngguó yǔwén журнала 汉语学报 Hànyǔ xuébào).

Она читала лекции в Амхертском колледже, общалась и вела переписку с ведущими американскими лингвистами в области лингвистической семантики. Результаты своей научной работы Тань Аошуан неизменно использовала и в своих обязательных теоретических курсах. В последние годы, наряду с годовым курсом функциональной грамматики китайского языка, она читала курс по лингвострановедению. Свои работы по лингвокультурологии она объединила в сборник «Китайская картина мира. Язык, культура, ментальность», вышедший в серии *Series Minor* «языков славянской культуры» двумя изданиями (2004, 2012).

В конце жизни у Тань Аошуан возникли проблемы с мозговым кровообращением. Но она до конца старалась учиться. Уже будучи тяжело больной и оставив работу в университете, она регулярно посещала лингвистические семинары Ю.Д. Апресяна в Институте проблем передачи информации.

Литература

- Тань Аошуан. Функциональная значимость участков частотного контура тонов (на материале кантонского диалекта) // *Вестн. Моск. ун-та, сер. 13 Востоковедение*. 1984, № 4.
- Тань Аошуан. Актуальное членение и универсальные коммуникативные категории высказываний в китайском языке // *Вестн. Моск. ун-та, сер. 13 Востоковедение*, 1985, № 4.
- Тань Аошуан. Методы сопоставительных исследований типологически различных языков на семантико-синтаксическом и прагматическом уровнях // *Вестн. Моск. ун-та, сер. 13 Востоковедение*. 1990, № 2.

Функциональная грамматика Тань Аошуан и ее применение в обучении китайскому языку

Карапетьянц Артемий Михайлович

*Институт стран Азии и Африки
Московского государственного
университета имени
М.В. Ломоносова (Москва)*

Tan Aoshuang's Functional Grammar and Its Application in Teaching Chinese

Karapetyanz Artemiy Mihaylovich

*Institute of Asian and African Studies
of Moscow State University (Moscow)*

Abstract. Tan Aoshuang developed a functional description system for the Chinese language, considering the purpose of the speech act and describing the conditions for using or omitting (hiding) grammatical indicators. This system formed the theoretical basis of her textbook of Chinese as a foreign language.

Keywords: Tan Aoshuang; functional grammar; Chinese language teaching.

Грамматическая теория Тань Аошуан выросла из ее педагогической деятельности в двух направлениях. Первое и основное – практика, сначала редактирования китайских переводов с русского, затем преподавания китайского языка (прежде всего разговорного, но и полного курса на ОСИПЛе филфака) [Тань Аошуан 1997]. Второе направление – чтение годовичного курса функциональной грамматики китайского языка в ИСАА МГУ. Первоначально в основу ее подхода легло сопоставление эквивалентных высказываний и текстов – русских и китайских. Потом она обратила особое внимание на правила порождения китайского текста с заданным смыслом. Суть ее метода, опирающегося на типологию китайского языка, заключается в реконструкции механизма функционирования показателей, которые, передавая грамматическое значение, появляются не облигаторно, а только в случае необходимости соответствующего уточнения [Тань Аошуан 2002].

Важной его составляющей также является понятие исходной синтаксической конструкции, связанной с определенным речевым актом. Эта конструкция – исходный член синтагматической парадигмы, в котором грамматическое членение совпадает с актуальным. В коммуникативном плане это нейтральная коммуникативная структура, в которой расположение семантических актантов соответствует иерархии по шкале актантов исходной коммуникативной важности. Эквивалентность высказываний определяется Тань Аошуан по двум параметрам – коммуникативной цели и функциональной перспективе. Первый из этих параметров понимается ею как определенный речевой акт, второй – как актуальное членение. Сопоставление эквивалентных высказываний позволяет найти соответствие между выражениями значений русского и китайского языков и уточнить сам перечень грамматических значений, поскольку, когда разные формы одного языка передаются одной формой в другом, эта последняя и в нем передает два разных значения. Таким образом достигается большая полнота описания этого второго языка и подтверждается мысль Гете о том, что «кто не знает ни одного иностранного языка, не знает своего собственного».

Грамматические признаки по Тань Аошуан могут выражаться не только грамматическими актуализаторами, но и полуслужебными словами. Так, глагол 来 lái «приходить» имеет положительное значение признака приуроченности к акту коммуникации, а глагол 去 qù «уходить» – отрицательное значение. Поэтому высказывание 你干嘛来? Nǐ gàn ma lái? следует понимать в настоящем времени «Зачем ты приехал?», а высказывание 你干嘛去? Nǐ gàn ma qù? – в будущем «Зачем ты поедешь?». В прошедшем времени последнее высказывание можно понять только после появления актуализатора 了 le: 你干嘛去了? Nǐ gàn ma qù le? – Но при использовании модальной конечной

частицы 呢 ne, передающей значение нелогичности поведения субъекта действия с точки зрения говорящего (противительный контекст), однозначность форм утрачивается. Поэтому предложение 你干嘛去呢? Nǐ gàn ma qù ne? допускает два прочтения: «Зачем же ты тогда поедешь?» и «Зачем же ты тогда поехал?».

Идеи Тань Аошуан о моделировании владения языком реализованы в окончательном виде в «Учебнике китайского языка. Новый практический курс» А.М.Карапетьянца и Тань Аошуан. В нем с самого начала воспитывается понимание логики текста и вводятся типы речевых актов. Уже в уроке 7, текст которого представляет собой диалог Губо (Г) и Паланки (П), вводится понятие о коммуникативных типах и эксплицируется последовательность естественных речевых актов (причем для каждого случая указывается акцентное выделение):

Г 这是你的车吗? zhè shì nǐ de chē ma? *осведомление* (Паланка везет его на машине)

П 这不是我的车, 这是我妈妈的车。Zhè bú shì wǒ de chē, zhè shì wǒ māma de chē. *коррекция* (*опровержение + сообщение*)

Г 那是她的书吗? Nà shì tā de shū ma? *уточнение* (видит в машине книгу)

П 那是她的书。Nà shì tā de shū. *подтверждение*

Г 你妈妈是大夫吗? Nǐ māma shì dàifu ma? *осведомление* (книга по медицине)

П 是, 她是大夫。Shì, tā shì dàifu. *подтверждение*,

В вводном курсе (уроки 1-14) грамматические объяснения в привычном понимании практически отсутствуют. Но уже в уроке 4 упоминается естественный порядок слов П-С, а предложения с качественным сказуемым объясняются как сообщения «о состоянии некоего лица, которое является *субъектом* описываемой ситуации. Такой субъект одновременно является исходным пунктом сообщения – его *темой*. Состояние субъекта <...> является тем новым, ради чего делается сообщение, т.е. его *ремой*». На этом материале вводится понятие участника ситуации.

Гораздо большее значение в учебнике придается выработке правильного использования грамматических актуализаторов. По этому поводу Тань Аошуан писала: «...необходимо четко определить: а) когда маркировка обязательна; б) когда соответствующий показатель не употребляется, так как нужная информация уже передана другими средствами (оба случая предполагают облигаторность, только не грамматическую, а семантико-прагматическую); в) когда употребление показателя факультативно, т.е. зависит от стилистических соображений – выделения того, что говорящий считает важным. Другими словами, надо отвечать на вопрос, почему в данном месте тот или иной показатель эксплицируется или, наоборот, скрывается».

В конце цитаты можно видеть намек на заголовок ее функциональной грамматики китайского языка – монографии «Проблемы скрытой грамматики».

В той же итоговой статье Тань Аошуан формулирует следующее заключение: «Под языковой формой, разумеется, подразумевается не только синтаксическое представление предложения. Для нас важна и его интонационная структура. В сознании обучаемого каждая вводимая в процессе обучения поверхностная структура должна непременно соотноситься с неким семантико-прагматическим представлением, отражающим намерения говорящего. Именно такой механизм действует при использовании родной речи. Только при таком подходе у студента появляется ощущение осмысленного говорения...».

Литература

Тань Аошуан. Проблемы скрытой грамматики. Синтаксис, семантика и прагматика языка изолирующего строя на примере китайского языка. М., 2002.

Тань Аошуан. Новая концепция преподавания китайского языка // *Вестн. Моск. ун-та, сер. 13. Востоковедение*. 1997, № 2.

К вопросу о «пустом дополнении» в расчленяемых словах лихэцы, построенных по глагольно-объектной модели

Кисель Полина Олеговна

*Санкт-Петербургский государственный
университет (Санкт-Петербург)*

Revisiting the «Dummy Object» in Verb-object Separable Words Liheci

Kisel Polina Olegovna

*Saint Petersburg State University
(Saint Petersburg)*

Abstract. The paper is dedicated to separable words liheci with «dummy object» in modern Chinese. It seems appropriate to separately distinguish two types of «dummy object» and, accordingly, two subgroups of liheci with such kind of object. The first subgroup includes liheci, in which the nominal component semantically duplicates the meaning of the verbal component. The second subgroup is represented by liheci, in which nominal component is a generic object. We exercised a number of diagnostic tests, which represent the inserting of the following elements: classifiers, numerals, pronouns, adjectives etc. The analysis of combinatorial qualities of the separable words of two subgroups exposed different functions of elements in the preposition to nominal component («dummy object») of liheci. On this basis it may be concluded, that there are different levels of formal and semantic unity of polysyllable's components. In some cases, the semantic relations between verbal and nominal components are strong and inserted element semantically refers to the whole complex. In other cases, inserted element in the preposition to «dummy object» establishes attribute relationship directly with the nominal component. As a result, «dummy object» acquires referential status and the full construction becomes a free phrase.

Keywords: separable words; liheci; dummy object; verb-object compound; verbal component; nominal component.

В данном исследовании предпринимается попытка выявления сочетаемостных особенностей расчленяемых слов лихэцы, в которых именной компонент является «пустым дополнением», и определения функциональной нагрузки вставок в препозиции к именным компонентам такого типа расчленяемых слов.

«Семантически обесцвеченный» именной компонент при глаголе в отечественной синологии было принято трактовать как «пустой объект» («пустое дополнение»). С.Е. Яхонтов определял такое дополнение как «наиболее обычный, наиболее характерный объект действия» [Яхонтов 1957: 39]. А.А. Драгунов отмечал, что такое дополнение лексически ничего нового в значение глагола не вносит и требуется лишь для оформления глагольного корня [Драгунов 1952: 119].

В ходе исследования нами была выдвинута гипотеза, что глагольно-объектные лихэцы с «пустым дополнением» могут различаться характером семантических реляций между компонентами. Были выделены две подгруппы данных лихэцы:

К первой подгруппе были отнесены **расчленяемые слова, в которых «пустое дополнение» по семантике дублирует глагольный компонент**, например: 洗澡 *xǐzǎo* ‘мыться, принимать ванну’ (букв.: ‘мыть, купаться’ + ‘купанье, ванна’), 睡觉 *shuìjiào* ‘спать’ (букв.: ‘спать’ + ‘сон’), 游泳 *yóuyǒng* ‘плавать’ (букв.: ‘плавать’ + ‘плавание’).

Во вторую подгруппу вошли **лихэцы, в которых «пустое дополнение» представляет собой генерический, или родовой объект**, наиболее характерный для действия, обозначенного компонентом глагольным, например: 付款 *fùkuǎn* ‘выплачивать’ (букв.: ‘платить, выплачивать’ + ‘сумма, деньги’), 懂事 *dǒngshì* ‘понимать, разбираться’ (букв.: ‘понимать’ + ‘дело’), 走路 *zǒulù* ‘идти’ (букв.: ‘идти’ + ‘путь, дорога’) и др.

На эмпирическом материале были продемонстрированы возможные сценарии дистантного употребления компонентов лихэцы, полученные в результате оформления именного компонента такими вставками, как счетные комплексы, числительные, местоимения, слова с количественной семантикой, простые и распространенные определения.

В рамках подгруппы **расчленяемых слов, в которых «пустое дополнение» по семантике дублирует глагольный компонент**, были получены следующие основные результаты:

1. Универсальное счетное слово 个 *gè* ‘штука’ при именном компоненте, как правило, служит для глагольной квантификации. Случаи постановки других счетных слов единичны.

2. Именные компоненты, являющиеся связанными морфемами, при наличии в препозиции к ним числительного (как правило, еди-

ницы) могут выступать в качестве счетных слов при глагольном компоненте, передавая значение однократности действия.

3. Указательные местоимения, формально находясь в препозиции к именному компоненту *лихэцэ*, обычно актуализируют всю ситуацию в целом.

4. Формально находясь в препозиции к именному компоненту, неопределенные/вопросительные местоимения относятся как ко всему глагольному комплексу в целом, так и непосредственно к именному компоненту.

5. Некоторые именные компоненты формально принимают в препозиции определения, которые относятся к называемой ситуации в целом и могут функционировать как дополнение или обстоятельство при глагольном компоненте в результате некоторых синтаксических трансформаций.

В рамках подгруппы **расчленяемых слов, в которых «пустое дополнение» является генерическим, или родовым объектом**, были получены следующие основные результаты:

1. Счетное слово $\uparrow$ *gè* 'штука' в препозиции к именному компоненту служит для квантификации ситуации.

2. В случае маркирования именной группы показателем $\uparrow$ *gè* и указательным местоимением она становится референтной, родовой именной компонент соотносится с явлением внеязыковой действительности.

3. В препозиции к именному компоненту допускается постановка различных счетных слов. Именная группа при таком оформлении обретает референцию.

4. В ряде случаев родовой именной компонент принимает в препозиции числительное и сам выступает в качестве глагольного счетного слова и меры действия.

5. Между компонентами возможно употребление различных единиц с количественной семантикой, которые, с семантической точки зрения, могут относиться как непосредственно к именному компоненту, так и к глагольному комплексу в целом.

6. Допускается постановка указательных местоимений *这 zhè* 'этот' и *那 nà* 'тот' в препозиции к родовому именному компоненту, который в результате такого оформления обретает референцию и становится полноценным участником ситуации.

7. В препозиции к родовому именному компоненту часто допускается постановка местоимения *什么 shénme*, которое, как правило, относится ко всему глагольному комплексу, но в редких случаях устанавливает атрибутивные отношения непосредственно с именным компонентом.

8. Допускается постановка определений в препозиции к родовому компоненту. Образованный расчлененный комплекс становится свободным словосочетанием, компоненты которого, принимая собственное оформление, могут функционировать в качестве отдельных членов предложения.

9. Допустимы случаи постановки косвенных дополнений и обстоятельств длительности в препозиции к родовому компоненту лихэцы.

Таким образом, можно сделать вывод, что при расчленении **лихэцы, в которых «пустое дополнение» по семантике дублирует глагольный компонент**, семантическая спаянность полисиллаба побеждает над формальным расчленением и вставные элементы, с семантической точки зрения, относятся, как правило, ко всему комплексу.

В то время как при расчленении **лихэцы, в которых «пустое дополнение» является генерическим, или родовым объектом**, формальная вставка может устанавливать полноценные атрибутивные отношения уже непосредственно с именным компонентом. Генерические объекты могут обретать референциальный статус и являться полноценными участниками ситуации, в результате чего расчлененная конструкция становится свободным словосочетанием.

Литература

- Драгунов А.А. Исследования по грамматике современного китайского языка. Части речи. М.-Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1952. 231 с.
- Яхонтов С.Е. Категория глагола в китайском языке. Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1957. 181 с.

Аппликативные конструкции в современном китайском языке

Колпачкова Елена Николаевна

*Санкт-Петербургский государственный
университет (Санкт-Петербург)*

Applicative Constructions in Modern Chinese

Kolpachkova Elena Nikolaevna

*Saint Petersburg State University
(Saint-Petersburg)*

Abstract. The paper focuses on a description of the semantic and syntactic features of applicative constructions in modern Chinese. Applicatives occur as a valence-increasing operation with a special marker attached directly to the verbal morpheme, then a derived combination of the verbal and the valence-changing morphemes takes a grammatical suffix for a certain aspectual meaning. There are a number of different applicative markers in modern Chinese, most of them correlate to homonymous adpositions. Which verb takes which valence-increasing markers has to be lexically specified. The syntactic function of applicative markers is to expand the argument structure of the predicate by one with an thematically peripheral argument or adjunct, and the specific meaning may vary depending on the original argument structure and lexical meaning of the verb. With respect to the transitivity of the verbal lexeme, modern Chinese has applicative constructions formed both from transitive and intransitive verbs. On the example of the benefactive, the first and probably most widespread type of applicatives, we consider possible strategies for coding arguments, the interposition of them in the linear structure of the sentence, and their semantic properties, the possessive relations between applicative and basic objects in particular. Modern Chinese has a possessive variant of applicative construction that is marked with word order only.

Keywords: modern Chinese; Chinese language; verbal argument structure; valence-increasing operation; applicative constructions; applicative; dative.

В различных языковых традициях об аппликативах говорят при описании синтаксических конструкций, маркированных на глаголе, с целью кодировать как прямое дополнение, необязательный в исходной конструкции периферийный аргумент или адъюнкт [Peterson 2007: 1], когда к глаголу присоединяется специальный показатель, указывающий, что состав обязательных партиципентов увеличился на одну единицу, прототипически бенефактив. Несмотря на позиционирование современного китайского языка (СКЯ) как не имеющего аппликативных конструкций в самом представительном на сегодняшний день типологическом обзоре [Polinsky 2005], в последнее время это мнение в литературе оспаривается. Для китайского языка в [Lu et al. 2015] аппликативы определяются более узко, как «a small group of markers that occur immediately after the main verb and are also used as coverbs to mark Recipients (gěi 'to'), Locatives/ Directionals (zài 'in, on, at') and Directionals (dào 'to, towards')». Китайский материал обнаруживает соответствие основным признакам аппликативной конструкции, сформулированным в [Бугаева 2010].

Например:

(1a) 小王写了一封信。

<i>XiǎoWáng</i>	<i>xiě-le</i>	<i>yī-fēng</i>	<i>xìn</i>
Сяо_Ван	писать-PFV	один-CLSF	письмо
'Сяо Ван написал письмо'			

(1б) 小王给母亲写了一封信。

<i>XiǎoWáng</i>	<i>gěi</i>	<i>mǔqīn</i>	<i>xiě-le</i>	<i>yī-fēng</i>	<i>xìn</i>
Сяо_Ван	DAT	мать	писать-PFV	один-CLSF	письмо
'Сяо Ван написал матери письмо'					

(1в) 小王把地址写给母亲。

<i>XiǎoWáng</i>	<i>bǎ</i>	<i>dìzhǐ</i>	<i>xiě-gěi</i>	<i>mǔqīn</i> .
Сяо_Ван	ACC	адрес	писать-APPL	мать
'Сяо Ван написал матери адрес'				

В СКЯ основным средством кодирования основных участников является порядок слов, прототипически представленный как SVO. Трехместные предикаты могут иметь вводимый беспредложно в постпозиции к глаголу непрямой объект, выраженный одушевленным существительным или личным местоимением. Для субъекта, кроме порядка слов, иных специализированных средств кодирования не существует, тогда как для остальных глагольных аргументов возможно маркирование специальными показателями. Для кодирования необязательных аргументов и адъюнктов используются различные единицы отглагольного происхождения, обычно трактуемые как предлоги. Для некоторых из них обнаруживается позиционная вариативность, ср. (1б) и (2):

- (2) 小王送了一束花给母亲。

Xiǎo Wáng song-le yī-shù huā gěi mǔqīn
 Сяо_Ван подарить-PFV один-CLSF цветы DAT мать
 ‘Сяо Ван подарил букет цветов матери’

В аппликативных конструкциях число обязательных аргументов при глаголе оказывается на одно больше, чем в базовой конструкции, послужившей ей основой. В СКЯ эта валентностно-повышающая операция технически реализуется путем присоединения к глаголу аппликативного показателя, непосредственно примыкающего к глагольной морфеме:

- (3) 南朝鲜队以1:3败给了西班牙队。

Náncháo xiǎn duì yǐ 1:3
 Южная_Корея команда INSTR 1:3
bài-gěi-le Xībānyá duì
 проиграть-APPL-PFV Испания команда
 ‘Команда Южной Кореи проиграла испанской со счетом 1:3’

- (4) 眼泪扑簌簌地落在了碗里。

Yǎnlèi pūsùsù de luò-zài-le wǎn-li
 слезы ручьем ADV опускаться-APPL-PFV миска-LOC
 ‘Слезы ручьем лились в миску’

При аппликативизации дополнение, которое появляется в аппликативной конструкции (аппликативный объект), занимает ближайшую к глаголу позицию, вторую по значимости в иерархии членов предложения после подлежащего, смещая базовый объект. При этом, как было показано в [Колпачкова 2018], беспредложно вводимое в постпозиции к глаголу существительное не обязательно является прямым дополнением, опора исключительно на позиционный критерий оказывается неэффективной, аппликативизации подвергаются конструкции только с пациентивным участником. Семантика аппликативного объекта определяется значением глагола, но только до некоторой степени:

- (5) 厂长把这项专利卖给了德国公司。

Chǎngzhǎng bǎ zhè-xiàng zhuānli
 Директор ACC DEM-CLSF патент
mài-gěi-le Déguó gōngsī
 продать-APPL-PFV Германия компания
 ‘Директор завода продал этот патент немецкой компании’

В СКЯ с двухместными глаголами количество обязательных аргументов может расширяться введением третьего участника как атрибута базового объекта. В таких контекстах аппликативизация реализуется исключительно через порядок слов и представляет собой «низкий аппликатив» в типологии [Pylkkänen 2002] или «применный

аппликатив» в терминологии [Пшехотская 2011], когда семантические отношения между аппликативом и базовым объектом носят поссесивный характер. Как представляется, наличие/отсутствие генетивного показателя 的 *de* при этом значения не имеет [Zhang 2015: 945], поскольку внешний посессор всегда занимает инициальную позицию в атрибутивной синтагме и имеет сферу действия, обязательно затрагивающую базовый объект:

(6) 小王喝了老婆三瓶酒。

Xiǎo Wáng hē-le lǎo pó sān-píng jiǔ
Сяо Ван пить-PFV жена три-CLSF вино
'Сяо Ван выпил у жены три бутылки вина'

Семантика ситуации, обозначаемой трехместными предикатами, предполагает два сценария кодирования аргументов, в зависимости от роли третьего участника – Реципиента или Источника. Базовой реализацией является дативная конструкция, типичная для глаголов с донативной семантикой, глаголов передачи информации и др., между которыми внутри группы обнаруживаются комбинаторные различия, вплоть до невозможности аппликативизации.

Литература

- Бугаева А. Ю. Аппликативные конструкции в айнском языке // *Вопросы языкознания*. 2010. №4. С. 55-80.
- Колпачкова Е.Н. Маркирование актантов двухместных предикатов в современном китайском языке // *Валентностные классы двухместных предикатов и их вариативность в разноструктурных языках* / С.С.Сай (отв. ред.). СПб: ИЛИ РАН. 2018. С.456-479.
- Пшехотская Е. А. Конструкции с несубкатегоризованным дативом в русском языке. // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды ИЛИ РАН* / Н.Н.Казанский (отв. ред.). Т.7, Ч.3. СПб.: Наука, 2011. С.410-416.
- Lu Bingfu, Zhang Guohua, Bisang Walter. Valency classes in Mandarin // *Valency classes in the worlds languages*. Volume 1, Introducing the framework, and case studies from Africa and Eurasia / Ed. Malchukov A., Comrie B. Berlin, Boston: De Gruyter Mouton, 2015. P. 709-764.
- Polinsky, Maria. Applicative Constructions // Dryer, Matthew S., Haspelmath, Martin (eds.) *The World Atlas of Language Structures Online*. Leipzig, 2013: URL <https://wals.info/chapter/109> (Accessed on 04.10.2019).
- Peterson, David A. Applicative Constructions. Oxford: Oxford University Press. 2007.
- Pylkkänen, Liina. Introducing arguments. Thesis (Ph. D. in Linguistics). Massachusetts Institute of Technology, 2002.
- Zhang Bin (eds.). *A descriptive grammar of modern Chinese*. Beijing: Shangwu yinshuguan, 2015. 张斌主编 《现代汉语描写语法》，商务印书馆，北京，2015年.

Проблема определения терминологии явления «японизм» в лексикологии современного китайского языка

Круглова Екатерина Дмитриевна
Санкт-Петербургский государственный
университет (Санкт-Петербург)

The Problems of Terminological Definition of Japanese Loans in Modern Chinese Linguistics

Kruglova Ekaterina Dmitrievna
Saint Petersburg State University
(Saint Petersburg)

Abstract. The article analyzes the questions of terminological definition of such a unique lexical phenomenon as Japanese loans in the Chinese language. Formation of this kind of words can be possible only in case of interaction of languages with main character written culture - Chinese and Japanese. Japanese loans are a result of a long cooperation of languages and cultures of China and Japan, that reflect not only the history and current state of relations between the two countries, but also the trends of development of society of Asian countries in General and each country in particular. This function of Japanese loanwords as historical and social reflector as well as their lexical and grammatical characteristics and features of word formation caused a high interest of linguists to this phenomenon and generated points of view on its definition. For Russian and European scientists the main decisive point is graphical constituent of Japanese loans, while for Chinese linguists more important are phonetics and semantics. The observations of sinologists-linguists helped us to make a conclusion that there are two large groups of borrowings from the Japanese language - phonetic and graphic loans. Phonetic loans are designed to fill language gaps and denote the purely Japanese context for the diversification of the Chinese language. Graphic borrowing includes semantic Japanese loans, secondary and returned loans.

Keywords: Japanese loanwords; graphic loans; Chinese lexicography.

Общие культурные корни Японии и Китая обусловили длительный период их непрерывного лингвокультурного обмена, результатом которого стали лексические заимствования – в китайском языке это так называемые «японизмы». Их уникальность и неоднозначность породила разные взгляды на определение языковедами его терминологии.

В.И. Горелов первым употребил термин «японизм» по отношению к данному виду лексики, описав это явление как особый вид заимствований, записанных китайскими иероглифами, и по внешнему виду и словообразовательной структуре не отличающихся от китайских слов. В массиве заимствованной лексики китайского языка, образованной семантическим способом, он относит японизмы к подгруппе структурных калек* [Горелов 1984: 147]. В своем исследовании лингвист апеллирует к термину 日语汉读 rìyǔ hàndú – «японские слова, произносимые по-китайски». В.В. Иванов также не признает самостоятельную природу японизмов и отождествляет их с вторичными заимствованиями – результатом вторичного освоения иностранной лексики, сначала японским, а потом китайским. Это явление стало возможным потому, что эти слова состоят из лексических элементов, в свое время взятых японцами из китайского языка и образованных по китайским словообразовательным моделям [Иванов 1973: 25]. О японских заимствованиях как отдельном пласте лексики китайского языка впервые пишет О.А. Бехтерева. Она предлагает делить их на «собственно японизмы» 日语汉读 rìyǔ hàndú и «лексемы, пришедшие из японского языка, но в самом японском языке представляющие собой не исконные элементы, а перевод терминов из западных языков». Последние делятся на 新造借词 xīnzào jiècí «новообразованные заимствования» и 回归借词 huíguī jiècí «обратные заимствования». К новообразованным заимствованиям она относит «лексемы, созданные японцами путем комбинирования китайских знаков», а к обратным заимствованиям – «лексемы, уже существовавшие в древнекитайском языке и заимствованные японцами для перевода иностранных терминов» [Бехтерева 2016: 21].

Более подробно рассмотрены результаты языковых контактов Китая и Японии западными учеными. Итальянский лингвист Фредерико Масини изучал формирование современной китайской лексики в период с 1840 по 1898 годы и ее эволюции в национальный язык КНР. В указанный период в китайский язык проникало большое количество иностранной лексики – в особенности японских заимствований,

* При калькировании этого типа копируется словообразовательная модель лексической единицы. Структурные кальки заимствуют внешнюю форму иноязычного слова и дают буквальный перевод его структурных элементов.

о которых Масини пишет как о «графических» (graphic loans), противопоставляя им европейские заимствования, которые он относит к «фонетическим» (phonemic loans) [Masini 1993]. Норвежский лингвист китайского происхождения Чэнь Хайцзинь, также использует термин *japanese loan words*, однако заимствования имеют ограниченный семантико-деривационный охват: все заимствованные слова китайского языка делятся на фонетические (phonemic) и графические* (graphic), к последним и относятся японизмы [Chen 2014: 17].

Китайские лингвисты Гао Минкай и Лю Чжэньтань вводят термин «слова японского происхождения» (日语来源词 *rìyǔ láiyuáncí*), к которым относят три типа заимствований – исконно японские слова, европейская терминология, переведенная японцами с использованием китайских иероглифов, и европейская терминология, переведенная японцами с помощью китайских слов [Gao, Liu 1958: 2-3]. Описывая последний лексический пласт, Гао Минкай использует термин 词侨归国 *cíqiáo guīguó* «слова, вернувшиеся на Родину» и утверждает китайское происхождение данной лексики, ставя под сомнение термин «графические заимствования». Цэнь Цисян делит иностранные слова в китайском языке на «прямые» заимствования 训读字 *xùndúzì* и «непрямые» 间接外来词 *jiànjiē wàiláicí*. К первым он относит слова, заимствованные из языка-донора без участия языка-посредника, в процессе перехода не прямых заимствований участвует третий язык. Это пришедшие в китайский язык заимствования на рубеже 19-20-х веков, когда с началом реставрации Мэйдзи в японском языке появляется большое количество европейских научно-технических терминов. Термины записывались кандзи, но произносились в соответствии с японской транскрипцией кунъёми, отличной от китайской. При заимствовании таких слов китайским языком устанавливается соответствующее данному иероглифу произношение [Сен 1990: 2-3].

В ходе нашего исследования, собрав и проанализировав точки зрения отечественных, западных лингвистов на данный вопрос, мы пришли к выводу, что термином «японизм» можно назвать лексические единицы, перешедшие из японского языка в китайский, которые условно можно поделить на две большие группы – фонетические и графические заимствования. Фонетические заимствования предназначены для заполнения языковых лакун и обозначения сугубо японских реалий или для диверсификации китайской лексики. Графические заимствования включают собственно графические (семантические) японизмы, вторичные и обратные заимствования. Первые

* Графические заимствования представляют собой частный случай семантических заимствований – перенимается и семантическая, и графическая формы иностранного слова, при этом произношение определяет язык-реципиент, независимо от языка-донора.

представляют собой слова, обозначающие явления японской культуры, вторые – графические заимствования японской каллиграфии с европейского языка, третьи – существовавшие некогда в китайском языке слова, которые по той или иной причине не нашли применения в китайском языке, однако, частотны в Японии.

Японизмы – лексическое явление, заслуживающее отдельного внимания и комплексного исследования. Ввиду исключительных особенностей способов их образования, длительности существования, типологического разнообразия, они стоят особняком в массиве иностранных заимствований в китайском языке. По этим причинам требуется решить проблему терминологии данного явления и установить, какие лексические единицы попадают под определение «японизм», и продолжать их системное описание и изучение.

Литература

- Бехтерева О.А. Японские заимствования в китайском языке: периодизация и адаптация. Иркутск, 2016.
- Горелов В.И. Лексикология китайского языка. Москва: Просвещение, 1984. 216 с.
- Иванов В.В. Терминология и заимствования в современном китайском языке. Москва: Просвещение, 1973. 176 с.
- Cen Qixiang. A Dictionary of Foreign Words Loan Words in Chinese. Beijing: Shangwu yinshuguan, 1990. (岑麒祥. 汉语外来语词典)
- Chen Haijing. A Study of Japanese Loanwords in Chinese. University of Oslo: Master's Thesis, 2014. 125 p.
- Masini Federico. The Formation of Modern Chinese Lexicon and Its Evolution Toward a National Language: The Period from 1840 to 1898 // *Journal of Chinese Linguistics Monograph Series*, No. 6, 1993. 301 p.
- Gao Mingkai, Liu Zhengtan. A study of Loanword in Modern Chinese Language. Beijing: Wenzigai chubanshe, 1958. (高名凯, 刘正田. 现代汉语外来词研究)

Результативные и направительные конструкции как случай асимметричной сериализации в современном китайском языке

Кубатиева Александра Алановна

*Российский государственный
гуманитарный университет (Москва)*

Resultative and Directional Constructions As a Case of Asymmetrical Serialization in Modern Chinese

Kubatieva Alexandra Alanovna

*Russian State University
for the Humanities (Moscow)*

Abstract. The notion of serialization and serial verb constructions (SVCs) in various languages including modern Mandarin Chinese have been widely discussed. This paper attempts to analyze resultative (*jieguo buyu*) and directional (*quxiang buyu*) multi-predicate constructions as a subclass of *asymmetrical SVCs* with one of its (two or three) components belonging to a grammatically or syntactically restricted class. I begin with a brief overview of serialization criteria and then analyze the text corpus of modern Chinese (*Lancaster Corpus of Mandarin Chinese* of 40000 sentences) using language processing tools to achieve quantitative results describing resultative and directional constructions' features related to described SVC criteria. This procedure allows proving that these constructions in their actual use satisfy SVC criteria and should be qualified as *asymmetrical SVC*.

Keywords: SVC; serialization; Chinese; resultative construction; Chinese directional complement.

Данное исследование посвящено результативным (*jieguo buyu*) и направительным (*qixiang buyu*) конструкциям современного китайского языка. Они будут рассмотрены нами как частный случай сериальных глагольных конструкций (СГК). На сегодняшний день четкое определение СГК не сформулировано, однако определения, приводимые в работах, можно свести к следующей формулировке: *последовательность из двух и более глаголов без эксплицитно выраженных показателей сочинения, подчинения и любой другой синтаксической зависимости между ними.*

В исследованиях, посвященных этому явлению, выделяют следующие критерии для определения последовательности глаголов как СГК [Aikhenwald, Dixon 2006: 21-37]:

1. Моноклаузалность – СГК должна находиться в рамках одной клаузы.
2. Маркирование грамматических значений – в СГК маркер грамматических значений должен быть общим, а отдельные компоненты СГК не могут маркироваться иным от общего значением или дополнять его. [Aikhenvald, Dixon 2006: 8]
3. Выражение единого события
4. Общие аргументы – входящие в СГК глаголы должны иметь общий внутренний аргумент (не агенс) [Collins 1997: 463]. Также при СГК не бывает дублированных ролей, т.е. не может быть, к примеру, двух пациенсов или инструментов. [Durie 1997: 340]
5. Единый просодический контур – отсутствие просодического шва между компонентами СГК.

Для первичного разделения таких конструкций мы можем воспользоваться композиционным критерием, по которому СГК разделяются на два типа [Aikhenvald, Dixon 2006]:

- Симметричные СГК – элементы, формирующие конструкцию, из грамматически и\или семантически неограниченных классов.
- Ассиметричные СГК – один\несколько элементов из грамматически и\или семантически ограниченного класса (например, глаголы движения).

Представленная выше формулировка является обобщенной, и, как следствие, в работах, посвященных изолирующим языкам, к СГК относят конструкции с самыми разными структурными и семантическими свойствами. К примеру, в исследованиях, посвященных китайскому языку, СГК называют одновременно конструкции с клаузой в роли подлежащего и конструкции с сентенциальным актантом:

- (1) **xue Menggu hua hen bu ronggyi**
 учить монгольский язык очень NEG простой
 ‘Учить монгольский язык не просто’ [Li, Thompson 1981: 603]

- (2) wo **quan** ta **nian** yi
я уговаривать он учить медицина
'Я уговорил его изучать медицину. [Li, Thompson 1981: 603]

Поэтому данная работа исследует ограниченный подкласс поли-предикативных конструкций, чтобы решить следующие задачи:

- понять, удовлетворяют ли рассмотренные конструкции параметрам сериализации, которые выделяются исследователями;
- проанализировав корпусные данные, понять обладают ли эти конструкции общими свойствами, и, следовательно, возможно ли их объединение в общий класс СГК.

Китайские результативные и направительные конструкции имеют следующую структуру.

Направительные:

а) Трехкомпонентные образуются по схеме: смысловой глагол + глагол направления движения + глагол направления по отношению к говорящему.

- (3) qing zhan **qi** lai
пожалуйста **стоять вверх** **приходить**
'Пожалуйста встаньте.'

б) Двухкомпонентные образуются по схеме: смысловой глагол + глагол направления движения.

- (4) songshu **pa** **shang** le shu
белка **карабкаться вверх** PFV дерево
'Белка забралась на дерево'

Результативные образуются по схеме: смысловой глагол + результативный компонент.

- (5) shu dou **mai** **wan** le
книга **весь** **продавать закончить** PFV
'Все книги проданы'

Смысловой глагол выбирается из открытого списка, а остальные компоненты конструкций из закрытого.

В качестве материала для данного исследования был использован корпус *Lancaster Corpus of Mandarin Chinese* (LCMC) объемом около 40 000 предложений. Корпус был аннотирован с помощью инструментов *Stanford Core NLP*. Мы получили два типа разметки: по частям речи и по синтаксическим зависимостям. Из получившегося размеченного корпуса мы извлекли сочетания единиц, размеченных как глагол, с результативными\направительными элементами из закрытого списка. Проанализировав комбинации направительных и результативных компонентов, описанных выше, с единицами, которые были размечены CoreNLP как глаголы, мы пришли к следующим выводам:

- конструкции с результативным и направительным значением удовлетворяют трём операционализированным критериям: моноклаузалность, общий внутренний аргумент, общий грамматический маркер и могут считаться ассиметричными СГК;
- двухкомпонентные направительные конструкции более частотны в корпусе. Скорее всего, это связано с тем, что глаголы направления движения (которые выступают в роли второго компонента направительных СГК) более грамматикализованы;
- исследуемые конструкции проходят тест на область действия отрицания, который, по-видимому, является универсальным для определения моноклаузалности;
- постановка единого видовременного маркера между компонентами СГК или же после всей конструкции коррелирует с количеством компонентов в ней;
- общий внутренний аргумент в конструкциях чаще всего является прямым объектом. Наличие внутреннего аргумента слабо коррелирует с количеством компонентов в конструкции.

Исследование данной темы в перспективе поможет сделать понятие сериализации более операционализированным, а также выявить элементы СГК, которые более подвержены грамматикализации на данном этапе эволюции китайского языка.

Список сокращений

NEG - negative; PFV - perfective.

Литература

- Aikhenvald A, Dixon R. (eds.). Serial verb constructions: A crosslinguistic typology. Oxford: Oxford University Press; 2006.
- Collins C. Argument sharing in serial verb construction // *Linguistic Inquiry*. 1997; 28(3): 461-497.
- Durie M. Grammatical structures in verb serialization // Alsina A, Bresnan J, Sells P. (eds.). *Complex predicates*. Stanford: CSLI Publications; 1997. p. 289-354.
- Li Ch, Thompson S. Mandarin Chinese: A functional reference grammar. Berkeley: University of California Press; 1981.

Типичные ошибки в употреблении
дискурсивного маркера 的时候 *deshihou*
'когда / в то время, как' русскими студентами,
изучающими китайский язык

Ли Тао 李桃

Российский государственный
гуманитарный университет (Москва)

Typical Errors Using 的时候 *deshihou*
'when' from Russian Students Studying Chinese

Li Tao 李桃

Russian State University
for the Humanities (Moscow)

Abstract. The paper presents the error analysis of Russian students in their learning of discourse maker 的时候 *deshihou*, 'when'. It discusses the rules of using 的时候 *deshihou*, 'when' in Chinese, and analyse the errors in using based on a corpus study.

Keywords: discourse marker; error analysis; Chinese study; *deshihou*.

Цель данной работы – проанализировать употребление темпорального дискурсивного маркера (Temporal Discourse Marker, далее TDM) [Fraser 2005] 的时候 *deshihou* ‘когда/в то время, как’ и его контекстных вариантов в текстах русскоязычных студентов, изучающих современный китайский язык. В задачи статьи входит описать употребление TDM 的时候 *deshihou* ‘когда/в то время, как’ и его контекстных вариантов в корпусе рассказов по картинкам, и систематизировать ошибки, которые студенты делают при употреблении этого маркера.

В работе на корпусном материале был рассмотрен пятьдесят один случай употребления лексической единицы 时候 *shihou*, ‘время’, в том числе сорок один случай употребления “VP 的时候” (VP *deshihou*), ‘когда VP / в то время, как VP’ в качестве темпорального дискурсивного маркера в текстах студентов, изучающих китайский язык, и текстах носителей китайского языка. Анализ показал, что основной тип ошибок связан с неумением разграничить значения одновременности и последовательности. Кроме того, были обнаружены и некоторые другие типы ошибок, в частности связанные с неправильным употреблением порядка слов в конструкции 当... 的时候 *dang... deshihou*, ‘когда... /в то время, как...’ и с неправильным выбором предикатов связанных временными отношениями.

Результаты исследования могут быть полезны как для уточнения значения и правил употребления TDM 的时候 *deshihou* ‘когда / в то время, как’, так и для усовершенствования соответствующих разделов учебников и методических пособий в практике преподавания китайского языка как иностранного.

Литература

Fraser Bruce. A Theory of Discourse Markers, 2005, [Электронный ресурс]
URL: <http://people.bu.edu/bfraser/> (дата обращения 03.05.2019)

Лингвистический анализ китайского
политического медиадискурса: дискурсивные
практики (на примере анализа выпусков канала
«CCTV 中文国际» за 2018-2019 гг.)

Лобанова Татьяна Николаевна

Московский государственный областной
университет (Москва)

A Linguistic Analysis of Chinese Political Media
Discourse: Discursive Practices (Using Releases
2018-2019 of the Channel «CCTV 中文国际»)

Lobanova Tatiana Nikolaevna

Moscow Region State University (Moscow)

Abstract. *Do the languages we speak shape the way we see the world? Do the Chinese media construct or reflect modern political reality? Politicisation of the media: threat or opportunity to democracy? The current report deals with the discursive practices in the media on foreign policy issues in China's political media discourse. There search gives thorough consideration to mediatexts in 2018-2019 of the CCTV 中文国际 channel on hot topics such as "Trade wars between China and the USA in 2018" etc. By using methods of qualitative and quantitative content analysis, as well as critical discourse analysis, we study how the China's media identify "hot topic" foreign policy issues. The investigation was carried out within the tradition of Critical Discourse Analysis (R. Wodak, Cillia and Reisigl). We analyse censored news in the Chinese media CCTV 中文国际 in 2018-2019, going beyond current text-dominated approach in censorship studies. All media releases are studied for analysis. With a combination of quantitative and qualitative approaches we find evidence that political constructs dominate in the Chinese media. The discursive practices of Chinese media 2018-2019 are specific and unique. Our analysis has significant implications not only to a comprehensive understanding of political censorship in Chinese internet, but also to information control and manipulation in the post-text era. We implement new research on political discourse and show Chinese media textual linguistic peculiarities (based on the particular channel analysis).*

Keywords: China's political media discourse; the China's media; critical discourse analysis; discursive practices in the media; content analysis.

Исследование посвящено теоретическому и эмпирическому анализу взаимодействия трех подсистем – медиадискурса, современных Интернет-медиа и политики – в контексте современного Китая и его медиасистемы. Медиатизация коммуникаций с ее фейк-ньюс, дигитальными войнами позволяет мультимедийными средствами создавать образы геополитических субъектов и политических акторов. Актуальным является изучение механизмов формирования, функционирования и воздействия китайской медиасреды, эффективного инструмента китайской внутренней и внешней политики. Понимание этих механизмов даст возможность представить степень воздействия китайской медиасреды на общество «Срединного государства» изнутри, а во внешней политике – создать противодействие китайской информационной экспансии. Для Китая – это еще и вынужденная процессами глобализации мера: бурный рост экономики при нехватке естественных богатств толкает Китай к источникам сырья и рынкам сбыта вне страны. СМИ постепенно превратились в некий «дискредитирующий локомотив» КПК и КНР. Определенная закрытость страны обуславливает необходимость квалифицированного рассмотрения медиадискурса [Matheson 2005] в КНР.

Цель в рамках междисциплинарного подхода – апробировать аналитическую концепцию китайского политического медиадискурса и его дискурсивные практики на материалах конкретной выборки. Объект исследования – китайский политический медиадискурс, предмет – лингвистический анализ китайского политического медиадискурса (далее – КПМ) через дискурсивные практики на базе выборки медиатекстов 2018-2019 гг. выпусков новостного аналитического канала CCTV 中文国际.

КПМ – разновидность манипуляционного дискурса. КДА – молодая наука и новая методология: большинство ссылок датируются 1990-ми годами. По мнению Г. Кресса КДА в 1990-е гг. становится отдельной теорией, открывающей новое направление в современной лингвистике [Тичер и др. 2017: 201]. При становлении методологии КДА с 1989 г. сформировались различные подходы: нам перспективным представляется дискурсивно-исторический подход Р. Водак (the discourse-historical approach DHA) [Wodak et al 2009]. Исторический дискурс-метод анализирует уровень содержания и отношения в интервью, этапы дискуссий и т.д.; в его основу также положена теория планирования текста, позволяющая идентифицировать намерения говорящих и экстралингвистические факторы производства текста [Wodak et al. 2009]. Процедура такого КДА-подхода рассматривается исследователями как герменевтическая и интерпретативная [Hidalgo 2011; Paltridge 2012].

Для исследования выбрана платформа-канал китайского медиа-сегмента – CCTV 中文国际: медиаресурс КПК.*

Рассмотрим один из выпусков передачи с военно-политическим обозревателем Чжан Чжаочжунуном на канале CCTV 中文国际 от 5 мая 2018 г.** Введение эксперта – мощный пропагандистский прием и один из видов риторического аргумента к авторитету.

Е.г. “特朗普决定要对中国 500 亿美元的中国产品收 25% 惩罚性关税涉及到 10 个领域 1300 多种商品” *Tèlǎngpǔ juédìng yào duì zhōngguó 500 yì měiyuán de zhōngguó chǎnpǐn shōu 25% chéngfǎxìng guānshuì shèjìdào 10 gè lǐngyù 1300 duō zhǒng shāngpǐn* [Трамп решил ввести 25%-ный карательный тариф на китайскую продукцию стоимостью в 50 миллиардов долларов США, включающую более 1300 наименований в 10 различных областях]. Номинация «карательный тариф» характеризует агрессию Трампа и США в целом в отношении Китая.

Е.г. “波音的这个股民就开始对自己就对上号了... 股市就跌了 5%” *Bōyīnde zhège gǔmín jiù kāishǐ duì zìjǐ jiù duì shàng hàole... gǔshì jiù diēle 5%* [Инвесторы «Боинга» таким образом начали противостоять сами себе... Фондовый рынок опустился на 5%]. Такой вывод делает Чжан Чжаочжун о результатах введения 25% пошлин на грузовые авиаперевозки для инвесторов компании «Боинг».

Для дальнейшего анализа обратимся к выпуску канала CCTV 中文国际 от 6 июля 2018 г.***

Е.г. “中国商务部: 美征税行为是典型 “贸易霸凌主义” *Zhōngguó shāngwùbù: Měi zhēng shuì xíngwéi shì diǎnxíng “màoyì bà líng zhǔyì* [Министерство торговли Китая: новое налогообложение США – типичное «торговое захватничество»]. Метафоризация и подобная номинация в стилистике государственных структур КНР – яркое образное средство создания образа США.

Введение китайских и зарубежных экспертов из сферы экономики и финансов:

Е.г. “专家: 贸易战两败俱伤负面效应已显现” *Zhuānjiā: Màoyì zhàn liǎngbàijùshāng fùmiàn xiàoyìng yǐ xiǎnxiàn* [Эксперт: в торговой войне обе стороны терпят поражение: негативные последствия уже дают о себе знать].

* CCTV4 中文国际. URL: [http:// https://www.youtube.com/channel/UCnAsZ46UTeFEgwOEwMezngQ](http://https://www.youtube.com/channel/UCnAsZ46UTeFEgwOEwMezngQ) (дата обращения 16.02.19).

** 波音公司慌了, 中美贸易战系列特别节目第三期 — 飞机篇. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=fAr8wQ-A5Gg> (дата обращения 04.01.19).

*** 美发史上规模最大贸易战中国宣布反击! 2018 07 06 | CCTV 中文国际. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=AmZtemfflsE> (дата обращения 03.01.19).

E.g. “诺贝尔经济学奖得主 《纽约时报》 专栏的作家保罗·克鲁格曼： “特朗普似乎对 “实力” 深想不疑： 他深信凭借美国的实力， 其他贸易伙伴最终都会屈服” Nuò bèi'ěr jīngjì xué jiǎng dézhǔ “niǔyuē shíbào” zhuānlán de zuòjiā bàoluó kèlǔgémàn: “Tèlǎngpǔ sīhū duì “shí lì” shēn xiāng bù yí: Tā shēnxìn píngjiè měiguóde shí lì, qítā mào yì huǒbàn zuìzhōng dūhuì qūfú” [Пол Кругман, лауреат Нобелевской премии по экономике, ведущий рубрики “Нью-Йорк Таймс”: «Кажется, Трамп безоговорочно верит в свою мощь: он убежден, что, полагаясь на мощь США, другие торговые партнеры в конечном итоге уступят»].

Анализ выборки показывает, что китайские медиа-дискурсы руководствуются заданными фреймами при создании своих медиатексто-тематических передач. КДА-подход Р. Водак в трехмерной аналитической модели – содержание, стратегии аргументации и лингвистическая реализация – позволяет интерпретировать образы и определять внешнеполитические приоритеты руководства КНР. CCTV 中文国际 оказывает существенное влияние на когнитивные, коммуникативные и собственно лингвистические характеристики этого типа речевой коммуникации. КПМ продуцирует дискурсивные практики с идеологическими результатами, и, соответственно он обладает дискурсообразующими свойствами. Идеологические результаты способствуют воспроизводству симулякров и неравных отношений, в том числе в международной сфере и отношениях.

Литература

- Тичер С., Мейер М., Водак Р., Веттер Е. Методы анализа текста и дискурса. Харьков: Гуманитарный центр, 2017. 356 с.
- Hidalgo Tenorio. Critical Discourse Analysis: An overview // *Nordic Journal of English Studies*. Vol 10. № 1(2011). Pp. 183-210.
- Matheson Donald. Media Discourses: Analysing Media Texts. Maidenhead: Open University Press, 2005. 206 p.
- Paltridge B. Discourse Analysis. London, New Delhi, New York: Bloomsbury Academic, 2012. 282 p.
- Wodak Ruth, Cillia Rudolf De, Reisigl Martin, Liebhart Karin. The Discursive Construction of National Identity. Edinburgh University Press, Edinburgh, 2nd ed., 2009. 276 p.

Сравнительный анализ семантики «бояться» и «怕» (pa)

Ма Сяохуэй 马晓辉

*Столичный педагогический
университет (Пекин)*

Comparative Analysis of Semantics “boyatsya” ('to be afraid') and 怕 (pa)

Ma Xiaohui 马晓辉

Capital Normal University (Beijing)

Abstract. Semantic analysis is a common method for analyzing the semantics of a word. “Fear” and “怕” (pa) are a couple of words with similar meanings. In Chinese and Russian explanatory dictionaries, these words have the meaning “to be afraid”, “to be frightened”, “not to resist”, “to worry,” etc. In addition to the verbal sense, “fear” and “怕” have non-verbal ways of using, but they have differences. Using the method of semantic analysis of the Moscow semantic school for comparative study, we can effectively identify the differences between words and avoid mistakes.

Keywords: semantic analysis; verb meaning; comparison.

«Бояться» и «怕» pà – глаголы психического состояния, во многих значениях схожи по смыслу и в использовании, но также имеются определенные различия. Использование метода семного анализа Московской семантической школы в процессе изучения поможет углубить понимание этих двух слов и избежать ошибок в использовании.

С помощью метода примеров, использованного в «Толково-комбинаторном словаре современного русского языка» [Мельчук, Жолковский 1984], нами был проведён сравнительный анализ «бояться» и «怕», цель – найти сходства и различия между двумя словами в структуре использования. Примеры взяты из Национального корпуса русского языка, «Словаря современного китайского языка» (пятое издание) [ССКЯ 2005] и нескольких других словарей русского языка, например, «Толковый словарь русского языка» (под редакцией Дмитриева) [ТСРЯ 2003], «Толковый словарь русского языка» (под редакцией Ожегова) [Толковый словарь русского языка 2010]. В результате анализа мы обнаружили:

- 1) сравнивая «бояться₁» с «怕₁» (pà₁), можно увидеть, что самая большая разница в том, что за «怕₁» (pà₁) могут следовать прилагательные, а за «бояться» – нет. Кроме того, придаточные предложения, используемые вместе с «бояться», могут быть преобразованы в последовательно-связанные предложения при использовании «怕₁» (pà₁);
- 2) сравнивая «бояться₂» с «怕₂» (pà₂), можно увидеть, что структура «怕₂» (pà₂) более разнообразна. И в некоторых предложениях значение «怕₂» (pà₂), за которым следует существительное, аналогично значению предложения после него;
- 3) при сравнении «бояться₃» с «怕₃» (pà₃) очевидное различие заключается в том, что «бояться₃» имеет смысл слова «возможно», причем только в единственном числе первого лица. Хотя отправитель действия невидим, он все же может быть четко различен по форме глагола. Из-за отсутствия изменений в форме слова «怕₃» (pà₃) его необходимо проанализировать и оценить его роль в предложении. Пример см. в книге Гао Цзэнся [Gao 2003].

Из приведенного сравнительного анализа видно, что так называемые синонимы в китайском и русском языках не являются синонимами в полном смысле. Слова отличаются или по значению, или в словосочетаниях, или по структуре использования. Применение метода семного анализа московской семантической школы для описания и анализа слов на китайском языке полезно для более глубокого понимания лексического значения и использования, а также способствует развитию межязыкового перевода и устранению влияния родного языка.

Литература

- Мельчук И., Жолковский А. Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. Вена, 1984.
- ССКЯ – Словарь современного китайского языка. Пекин: Шанъуиньшугуань, 2005 (现代汉语词典).
- ТСРЯ – Толковый словарь русского языка / Дмитриев. М.: АСТ, Астрель, 2003.
- Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. М., 2010.
- Gao Zengxia. Chinese Worry-Cognitive Modality Words Grammaticalization of “怕”, “看”, and “别” // *Zhongguo shehui kexue yanjiusheng xueyuanbao*, 2003, №1. (高增霞 .汉语担心-认识情态词 “怕”、“看”、“别”的语法化)

Семантические переходы в поле ‘прямой’

Наний Людмила Олеговна

Российский государственный гуманитарный
университет (Москва)

Semantic Shifts in the Semantic Field ‘straight’

Naniy Ludmila Olegovna

Russian State University
for the Humanities (Moscow)

Abstract. In recent decades, typological studies of adjectives have attracted the attention of an increasing number of scientists. In this paper, semantic shifts in the field *straight* are investigated on the material of three languages: Russian, English and Chinese. There are several approaches to this kind of research. We used the method of diagrams of semantic shifts developed by the Moscow Lexical Typology group (MLexT) based on the frame approach. Our task was to find out how specific the semantic shifts in the semantic field *straight* are: which components of meaning are more stable and might be represented in any language, and which are more likely to change from one language to another.

Keywords: straight; semantic shifts; semantic field; lexical typology.

Введение

Поле *прямой* – богатый источник для семантических переносов. Интересно потому, что кроме стандартных метафорических и метонимических переходов для лексем со значением ‘прямой’ характерно развитие в сторону фокусных и дискурсивных частиц, что является началом процесса грамматикализации (в широком смысле, ср. определение Хоппера и Траугот [Hopper, Traugott 2003]). Ранее типологичес-

кие исследования прилагательных со значением 'прямой' проводились весьма поверхностно, например, в статье Франсуа [François 2008: 167] приводится лишь упрощенная семантическая карта поля *прямой* в английском и французском языках. В работе Ченки [Cienki 1998: 107-150] подробно рассматриваются только метафорические переносы у слов со значением 'прямой' в нескольких языках. Мы же берем небольшое число языков (русский, английский и китайский), но рассматриваем их более подробно.

Центральными значениями поля мы брали идеи прямой формы и движения по прямому пути (как тесно связанные друг с другом), в русском – *прямой* и *прямо*, в английском – лексемой *straight*, в китайском – 直 *zhí*. Примеры ниже взяты в основном из корпусов: Национальный корпус русского языка, British National Corpus, Корпус пекинского университета и ресурс Jukuu.

1. Общие направления семантических переходов в поле **прямой**

Следующие направления метафорических переходов оказались общими для трех языков: 1) обозначение непосредственной связи между двумя точками пространства; 2) обозначение непосредственной связи между двумя субъектами или событиями; 3) обозначение точности / конкретизации направления, времени или места действия; 4) характеристика способа коммуникации как наиболее информативного.

1.1 Метафора непосредственной связи подчеркивает отсутствие между двумя объектами или событиями посредника. Данную метафору можно условно описать так: «если между точкой А и точкой В нет промежуточной точки С, то путь от А до В прямой».

(1) **прямой** поезд / ехать **прямо** в Москву

(2) *zhí háng jīngjìkèwèi quánfèi jīpiàofèiyòng*
прямой.рейс эконом.место полный.плата билет.расходы
 полная плата за место экономкласса в **прямом** рейсе

(3) *I came in April, sixty-one here **straight** from India.*

1.2 От непосредственной связи в физическом пространстве происходит дальнейший перенос в более абстрактную зону – зону взаимоотношений между субъектами и зависимости между событиями. Здесь сохраняется идея отсутствия в описываемой ситуации третьего действующего лица:

(4) **прямая** связь / **прямо** зависеть

(5) *zhíxiáqū (прямой.управлять.район) район **прямого** подчинения / zhíxuǎn (прямой.выбирать) **прямые** выборы*

1.3 Значение точности / конкретизации в том или ином виде при-

сутствует во всех трех языках, но сочетаемость различается. В китайском описание действий в направлении чего-либо:

- (6) Fēng yìgèjìnrde chuī, **zhí** wǎng bózilǐ guàn.
ветер беспрестанно.ATR дуть **прямо** PREP шея.IN поливать
*Ветер дует не переставая, задует **прямо** в шею.*

В русском и английском языке *прямо* и *straight* могут не только подчеркивать смысл стоящего после них предлога, но и конкретизировать место или время действия, начальный или конечный пункт и т.д.

- (7) ...если он может, **прямо** сегодня и встретимся.

- (8) *But he was turning and I didn't hit **straight**.*

1.4 Метафора на речевое поведение тоже реализуется во всех трех языках. *Прямой* тут означает отсутствие установок или посторонних идей, которые могли бы усложнить путь от А к В: *говорить прямо* – это говорить то, что думаешь, *прямой человек* / *direct person* и *прямой характер* / **zhí xìngzì** ‘прямой характер’ описывают прямолинейное и искреннее поведение.

1.5 Еще одна метафора проявилась только в двух языках: в китайском и английском. Связана с идеей непрерывности последовательности:

- (9) Yǔ méiyǒu tíngguò, **zhíxiàlè** yīyè.
дождь NEG остановиться.EXP **прямо**.падать.PRF один.ночь
*Дождь не останавливался, лил всю ночь **напролет**.*

- (10) *I slept and lounged for two days **straight**.*

2. Специфичные направления семантических переходов в поле **прямой**

2.1 В русском языке обнаружилось несколько специфичных дискурсивных значений, подчеркивающих отношение говорящего к предмету высказывания: обычно это выражение восхищения или недовольства:

- (11) ...**прямо** как кость в горле! / **Прям** завидно / **Прямо** Вах!

Кроме того, *прямо* может выражать возражение или сомнение:

- (12) Ну, знаешь, так **прямо** уж и от Робеспьера? / Да я **прям** не знаю... / **Щас прямо!**

В английском языке это значение упоминается только в онлайн словаре современного сленга, то есть, вероятно, появилось не так давно:

- (13) *Damn, that girl was **straight** hideous. (Urban dictionary)*

2.2 В китайском языке есть специфичное значение, в котором объединяется идея постоянства некоторого состояния и его интенсивность:

- (14) ... wèilǐ nánshòuǐjile, zhí xiǎng tù.
желудок.IN нестерпимый.крайне **прямо** хотеть тошнить
...желудку очень плохо, **все время** подташнивает.

2.3 Специфичной для английского языка является метафорический перенос на немедленность действия. Для выражения этого значения используются устойчивые сочетания *straight away/ straight off*, но могут употребляться и *straight* или *directly* без предлога:

- (15) *I'll fetch up the bath to you **straight*** (Oxford Dictionary)

2.4 В английском языке существует целая ветвь значений, связанная с идеей правильности, приведения чего-либо в порядок (в том числе и в абстрактном смысле):

- (16) *he made sure his tie was **straight*** (Oxford Dictionary)

- (17) *Perhaps if we tried to get things **straight** in our minds now, it might hurry the enquiry along.*

Также *straight* может описывать соответствие общепринятым нормам:

- (18) *We know he's **straight**. / My boyfriend is **straight**.* (Urban dictionary)

Эта ветвь развивается, видимо, из идеи симметричности, которая тоже отчасти заключена в исходном значении лексем поля *прямой*.

Заключение

Часть направлений развития метафорических значений являются общими для поля *прямой* в русском, английском и китайском языках. Это подтверждает идею Дж. Лакоффа и М. Джонсона [Lakoff, Johnson 1980] о наличии общего для носителей всех языков когнитивного механизма упорядочивания действительности. При этом существуют и специфичные для каждого из языков семантические переходы, часто это дискурсивные значения, являющиеся первым шагом на пути грамматикализации.

Литература

- Cienki A. STRAIGHT: An image schema and its metaphorical extensions // *Cognitive Linguistics* 1998. 9, 2; P. 107–149.
François A. Semantic maps and the typology of colexification: Intertwining polysemous networks across languages // Vanhove M. (ed.). *From Polysemy to Semantic Change: Towards a Typology of Lexical Semantic*. [Studies in Language Companion Series 106]. Amsterdam — New York: Benjamins; 2008. P. 163–215.
Hopper P., Traugott E. *Grammaticalization*. Cambridge: Cambridge University Press; 2003.
Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago Press; 1980.

Личность и индивидуальность в китайской языковой картине мира

Наумова Ксения Михайловна

*Санкт-Петербургский государственный
университет (Санкт-Петербург)*

Personality and Individuality in the Chinese Linguistic World View

Naumova Ksenia Mikhailovna

*Saint Petersburg State University
(Saint Petersburg)*

Abstract. It is well-known fact that Chinese society is traditionally family and group-oriented. Meanwhile, in the era of globalization, we need to understand the possible cultural misunderstandings that may arise during intercultural communication. Thus, the paper aims at not only looking deeply into the concepts of ‘personality’ (个人 *gèrén*) and ‘individuality’ (个性 *gèxìng*) in the Chinese linguistic worldview, but also at giving its cultural background and illustrating the difference between them. Moreover, we will show that the notion of ‘individuality’ (个性 *gèxìng*) is very different from the Western culture. In order to do so, the semantic field of these two words will be built and about 100 examples each from the Chinese language corpora will be analyzed. So, the paper might be of great use for the teachers of ICC, as well as for the people who are interested in Chinese mentality and its lingvoculture.

Keywords: Chinese culture; linguistic world view; individuality; personality; family.

В современных условиях глобализации и универсализации в языке, как одном из важнейших составляющих любой национальной культуры, отражающем общую для всех его носителей коллективную философию и представление об устройстве мира [Корнилов 2014], особенно стало заметным, что коннотативные компоненты лексической семантики могут значительно отличаться в зависимости от того, с позиции какой культуры мы их оцениваем. В данной работе рассматриваются представления о личности и индивидуальности, существующие в китайской языковой картине мира (КЯКМ). Как уже не раз отмечалось в исследованиях, трактовка этих понятий носителями китайского языка значительно отличается от понимания данных феноменов в западной лингвокультуре, где индивидуальность возведена в ранг наивысших ценностей общества наряду с либерализмом и демократией. Данное положение можно проиллюстрировать на примере сопоставительного анализа входящих в лексико-семантическое поле 人 rén 'человек' лексических единиц 个人 gèrén 'личность' и 个性 gèxìng 'индивидуальность' [СКСКЯ, 2019].

В Поднебесной исторически сложилось особое, отличное от западных стран, понимание индивидуальности в силу крайне высокой роли семьи как основной единицы общественно-политического устройства еще со времен Конфуция. Регулятором взаимоотношений, как известно, выступало понятие Пяти основных норм человеческих отношений (五伦 wǔlún), которое, помимо всего прочего, предполагало полное подчинение родительской воле. Ради интересов группы, ради общей выгоды от индивида ожидается готовность пожертвовать всем, в этом заключается принцип холизма. Он же предполагает достижение личных целей и решение проблем через родственные и клановые связи [Введение в востоковедение 2013]. Неслучайно, выражение 自己 zìjǐ 'сам' понималось как «я и мое близкое окружение, семья». Среди носителей китайской культуры не принято восхвалять личные достижения и выделять себя из коллектива: «Если “человек” по-китайски звучит как жэнь (人), то чтобы перевести понятие “индивидуальность” или “личность” обычно просто говорят гэ жэнь (个人) – “отдельно взятый человек” или “каждый человек”. Само такое определение просто выделяет отдельного человека из толпы, но не дает ему права на индивидуализм, на отдельный внутренний мир, самостоятельную оценку истории или ситуации» [Маслов 2013: 58].

В китайском языке в понятие 'личность' принято включать: 个人 gèrén 'отдельный человек, [частное] лицо, личность, индивидум; я (говорящий о себе), сам', 个性 gèxìng 'личность; индивидуальность; характер; правосубъектность', 人身 rénshēn 'туловище; будд. брeнная оболочка (человека); характер; личность', 人格 réngé 'характер; личность; индивидуальность; человеческое достоинство', 人 rén 'человек,

люди, честь, гражданин, работник; 身分 shēnfēn ‘общественное положение; статус; квалификация, звание, личность; престиж, авторитет; ID’, 人物 rénwù ‘личность; фигура; действующее лицо; персонаж (книги, пьесы)’. Из всех вышеупомянутых лексических единиц, имеющих в своем значении семантический компонент ‘личность’, нас в рамках данного исследования интересовали лексемы 个人 gèrén и 个性 gèxìng.

Анализ языкового материала выявил следующие единицы в одном синонимическом ряду с лексемой 个人 gèrén ‘личность’: 本人 běnrén ‘тот самый человек; я, сам; лично; 个体 gètǐ ‘индивид; особь; индивидуальный, единоличный; 私 sī ‘частный; личный; эгоистический; корыстный; тайный; незаконный’, а к антонимам относятся слова 集体 jí‘tǐ ‘коллектив, группа; коллективный’ и 团体 tuántǐ ‘коллектив; группа; организация’. Среди дейктических элементов китайского языка, реализующих потребность человека представить себя окружающим, обнаруживается ряд прономинальных единиц: 我 wǒ ‘я, сам; самоличный, частный, личный; 己 jǐ ‘местоим. себя; сам, собственный; 自我 zìwǒ ‘сам, себя; я; 咱 zán, zá ‘я, мы; мой, наш; 俺 ǎn ‘диал. я’.

Сопоставительный анализ комбинаторных возможностей лексемы 个性 gèxìng ‘индивидуальность’ и ее синонимического ряда, включающего также 禀性 bǐngxìng ‘природные задатки; дарования; характер, натура; 赋性 fùxìng ‘натура, задатки, характер; 本性 běnxìng ‘характер, натура; особенности, склонности; старые привычки; 天性 tiānxìng ‘характер, природа; врожденные данные; инстинкт; 特性 tèxìng ‘особенность, свойство, характерная черта; 生性 shēngxìng ‘врожденное качество (свойство)’, и антоним - слово 共性 gòngxìng ‘общее свойство, общий характер; общность’, показал, что в КЯКМ индивидуальность (个性 gèxìng) используется преимущественно для описания произведений искусства, каллиграфии, авторского стиля, т.е. относится к творческой сфере жизни человека, той области, где китаец может выразить свои личные переживания и эмоции, создать что-то новое, выйти за некоторые социальные рамки. 个人 gèrén ‘личность’, наоборот, используется в более широком контексте, описывая как морально-нравственные чувства, так и материальные стороны жизни.

Представление об индивидуальности в китайской культуре оказывается значительно уже, чем в западно-европейской. Более того, несмотря на все нарастающее влияние западной культуры, в Поднебесной достаточно негативно воспринимают проявление индивидуальности: «Если кого-то назвали индивидуалистом, то это равнозначно предателю своего народа» [Штритматер 2006: 204]. Очевидно, что Поднебесная не торопится следовать прозападным либеральным ценностям, а стремится модернизировать идеальный образ человека (人的现代化 réndè xiàndàihuà), вернув традиционное представление о

Пяти добродетелях (五常 wǔcháng) и “благородном муже” (君子 jūnzǐ), которое включает в себя актуальные для современного китайского общества ценности: доброта, самосовершенствование, бережливость, преданность, любознательность, соблюдение церемоний и уважение к старшим [Pan 2012]. Все это лишний раз подтверждает тот факт, что, скорее всего, индивидуальность так и останется прозападной ценностью в китайском обществе.

Литература

Введение в востоковедение: Общий курс. СПб.: Каро, 2013.

Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М.: КДУ, 2014.

Маслов А. А. Китай и китайцы. О чем молчат путеводители. М.: Рипол классик, 2013.

Штритматер К. Инструкция по применению: Китай. М.: Аякс-Пресс, 2006.

Pan Xingyu. The Gentleman Personality and the Modernization of Man // *Xuelilun*, 2013 (3): 38-40. (潘星宇. 君子人格与人的现代化 // 学理论)

СКСКЯ – Сбалансированный корпус современного китайского языка. [Электронный ресурс]. URL:<http://corpus.zhonghuayuwen.org/> (дата обращения 01.05.2019)

Исследование навыка выделения грамматической структуры предложения при устном переводе с китайского языка на русский

Немтинова Алена Владимировна

*Институт стран Азии и Африки
Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова (Москва)*

The Study of the Skill of identifying the Grammatical Structure of a Sentence When Interpreting From Chinese Into Russian

Nemtinova Alena Vladimirovna

*Institute of Asian and African Studies
of Moscow State University (Moscow)*

Abstract. The article is dedicated to the study of the degree of formedness of skills for identifying the grammatical structure of a sentence when interpreting a written text from Chinese into Russian at the stage of internal speech. The experiment was attended by senior students studying Chinese (natural language – Russian). The study used the method of registration of eye movements – oculography. The experiment took place in two stages: at the first stage, students were presented with sentences of various lexical and grammatical levels of complexity in Chinese. The quantitative indicators of the parameters of the oculomotor activity (the number of fixations and the number of return saccades) were taken into account at the stage from the moment the sentence was presented on the monitor screen until the beginning of the interpreting. In the group of successful test subjects, the skill of identifying the grammatical structure of the sentence is strengthened and automated, in the group of unsuccessful test subjects the skill is not automated, the operations of identifying the grammatical structure of the sentence are influenced by obfuscating factors. The study of the skill of identifying the grammatical structure of the sentence of students has shown that the use of the method of oculography in the educational process is possible as a diagnostics of students' achievements and conducting control checks of the level of skills and abilities.

Keywords: interpreting; skill; oculomotor activity; psychophysiology

Эффективность деятельности переводчика с восточного языка (в нашем случае – с китайского) зависит от уровня профессиональных знаний и практических умений. Известно, что перевод с языков изолирующего типа представляет собой сложный процесс, особенности межкультурной коммуникации, трудности перевода с китайского языка описаны в трудах А. М. Карапетьянца, Тань Аошуан, В. Ф. Щичко и других авторов [Карапетьянц, Тань Аошуан 2001; Тань Аошуан 2002; Щичко 2007].

Основой любой профессиональной деятельности является навык. Тема формирования навыка представлена в работах многих исследователей, таких как П. К. Анохин, Н. А. Бернштейн, Л. С. Выготский, П. Л. Гальперин, Л. В. Занков, А. Н. Леонтьев, Р. С. Немов, К. К. Платонов, С. Л. Рубинштейн, Ж. Пиаже и др.

По определению С.Л. Рубинштейна «навыки, это автоматизированные компоненты сознательного действия человека, которые вырабатываются в процессе его выполнения» [Рубинштейн 2005: 454-457]. Навыки формируются на основе вторичной автоматизации и это понятие может быть «распространено не только на двигательные сознательного выполнения, но и на всякие другие действия или акты, в том числе и на мыслительные операции» [Рубинштейн 2005: 454-457]. Интеллектуальный навык – это совокупность автоматизированных приемов, действий, используемых для решения умственных уже ранее встречающихся задач. Навык зависит от обучаемости, которая, «в широком смысле слова, выступает как проявление общих способностей человека, выражающих познавательную активность субъекта и его возможности к усвоению новых знаний, действий, сложных форм деятельности» [Рубинштейн 2005: 342].

Многими авторами (И. С. Алексеева, Р. К. Миньяр-Белоручев, В. С. Виноградов и др.) перевод рассматривается как особый вид речемыслительной деятельности человека, и, поэтому ее можно исследовать с использованием психофизиологических методов, к которым относится окулография (метод регистрации движения глаз), позволяющий проследить стратегию перемещения взгляда при чтении текста на китайском языке на этапе внутренней речи.

В настоящей работе изучалась степень сформированности навыка выделения грамматической структуры предложения при чтении на этапе внутренней речи, соответствующий этапу лексико-грамматического развертывания речевого высказывания модели А.А. Леонтьева, при устном переводе письменного текста с китайского языка на русский [Леонтьев 2014]. Эксперимент состоял из двух этапов: на первом этапе студенты переводили предложения различного лексического и грамматического уровня сложности, на втором – проводился обучающий эксперимент, позволяющий студентам быстро и эффективно

преодолевать трудности перевода с китайского языка. Анализировались параметры глазодвигательной активности (количество фиксаций на иероглифах, количество возвращений к иероглифам) на этапе от момента появления предложения на экране монитора до момента начала устного перевода.

В эксперименте приняли участие студенты старших курсов ИСАА, изучающие китайский язык (естественный язык – русский). Для определения степени сформированности навыка выделения грамматической структуры предложения был организован эксперимент с введением сбивающего (осложняющего перевод) фактора в виде незнакомой лексики.

По результатам устного перевода испытуемые были разделены на две группы: успешные (не допустившие ошибок при переводе) и неуспешные (допустившие значительное количество ошибок при переводе). В группе успешных испытуемых навык выделения грамматической структуры предложения упрочен и автоматизирован, даже в условиях действия сбивающего фактора. В группе неуспешных испытуемых – выделение грамматической структуры предложения в условиях действия сбивающего фактора затруднено, что свидетельствует о недостаточной степени сформированности и автоматизации исследуемого навыка. На втором этапе неуспешные студенты обучались правильно выделять грамматическую структуру предложения с помощью специально разработанных методических приемов.

Таким образом, исследование навыка выделения грамматической структуры предложения у студентов показало, что применение метода окулографии возможно как в качестве диагностики достижений обучающихся, проведения контрольных срезов уровня навыков и умений, так и для обучения.

Литература

- Карапетьянц А. М., Тань Аошуан. Учебник классического китайского языка взньянь. Начальный курс. М.: Муравей, 2001. 384 с.
- Леонтьев А. А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. Изд. стереотип. М.: URSS. 2014. 312 с.
- Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2005. 715 с.
- Тань Аошуан. Проблемы скрытой грамматики: Синтаксис, семантика и прагматика языка изолирующего строя (на примере китайского языка). М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 896 с.
- Щичко В. Ф. Китайский язык. Теория и практика перевода. М.: АСТ Восток-Запад, 2007. 223 с.

Сравнительный анализ функционирования эвфемизмов в языке прессы материкового Китая и Тайваня (Китай)

Пан Анна Владимировна

*Санкт-Петербургский государственный
университет (Санкт-Петербург)*

The Comparative Study of the Functioning of Euphemisms in the Media Discourse of Mainland China and Taiwan (China)

Pan Anna Vladimirovna

*Saint Petersburg State University
(Saint Petersburg)*

Abstract. This research examines the functioning of euphemisms and euphemistical expressions, as well as the phenomenon of linguistic manipulation in Chinese and Taiwanese media discourse. The importance of this research stems from the fact that the existing works of Russian sinologists do not provide sufficient coverage of the issue. The author examines the main functional aspects of using euphemisms in media texts, and describes the euphemisms' capacity as being instruments of linguistic manipulation. It cannot be denied that euphemism plays a significant role in the contemporary media discourse, however it should be mentioned that this research mainly focuses on the occasional, individually determined and contextual euphemisms rather than on the traditional ones, since the former exert greater manipulative effect on the audience due to their novelty. The case-study done as a part of this research draws a comparative analysis on the frequency of use of euphemisms in the media texts in the mainland China and Taiwan (China).

Keywords: euphemism; linguistic manipulation; media discourse; Taiwan media; mainland China media.

Эвфемизация – на сегодняшний день явление столь же социальное, сколь и языковое. Функция маскировки неприятных явлений действительности как сущностный признак эвфемизма все чаще стала включаться в определение этого понятия, что свидетельствует о высокой актуальности этого феномена в современном мире. Данная функция играет особенно важную роль в контексте ее использования в текстах средств массовой информации.

Современная политическая ситуация вокруг Китая, важнейшие события экономической и общественной деятельности на материке широко освещаются в прессе по обе стороны Тайваньского пролива, однако, оценки происходящего зачастую в корне отличны, что не может не свидетельствовать о процессе воздействия на общественное мнение через язык прессы. Изучение эвфемизации как средства манипулирования сознанием через язык СМИ позволяет глубже понять процессы, происходящие в двух рассматриваемых регионах.

Способность эвфемизмов соответственно намерениям коммуникатора скрывать, а зачастую и искажать суть информации, содержащейся в сообщении, делает их незаменимым инструментом языковой манипуляции. Стоит отметить, что не все эвфемизмы соответствуют поставленной задаче. Говоря о манипуляции, мы говорим о скрытом воздействии, а потому традиционные эвфемизмы, чьей изначальной целью было указать на денотат, хотя и в более мягкой, завуалированной форме, и об особенностях употребления которых были одинаково осведомлены как коммуникатор, так и реципиент, едва ли могут считаться инструментом манипуляции. Таким образом, наибольший интерес для нас в данном контексте представляют окказиональные эвфемизмы.

Поскольку в настоящее время языковая манипуляция является одним из ключевых аспектов деятельности средств массовой информации, эвфемия стала достаточно распространенным явлением в текстах прессы, выступлениях политических деятелей и других источниках политической коммуникации, что дало повод многим исследователям говорить о политической эвфемии как о новом феномене языка современной прессы.

Особенностями политической эвфемии являются ориентированность на массовую аудиторию, способность сглаживать конфликтные ситуации, а также допущение искажения фактической информации [Сафина 2014].

Среди функций политических эвфемизмов исследователями выделяются следующие [Ge 2005: 5-14]:

- Изменение отношения масс к определенным фактам или событиям в необходимом коммуникатору ключе;

- Защита имиджа правящих сил, уклонение от обсуждения нелицеприятных событий или ненадлежащего поведения (взяточничество, пренебрежение должностными обязанностями);
- Соккрытие истинного положения дел, подтасовка фактов;
- Уклонение от вопросов, требований, просьб, комментариев на провокационные или чувствительные темы.

В основном эвфемия присутствует на лексическом уровне, соответственно, необходимые коммуникатору цели достигаются при помощи употребления определенных слов и выражений, способных воздействовать на восприятие сообщения реципиентом (генерализация значения, использование элементов с диффузной семантикой, дипломатических клише, метафор, терминологии, фразеологизмов и иноязычных заимствований), однако имеют место и синтаксические приемы, такие как намеренное усложнение структуры предложения.

В настоящем исследовании путем сопоставительного количественного анализа была исследована частотность использования эвфемизмов на примере новостной темы, имеющей большое международное значение и вызвавшей определенный резонанс в прессе как в рассматриваемых регионах, так и за его пределами, а именно – торговой войны США и КНР.

В качестве эмпирического материала исследования использовались материалы статей крупнейших изданий и новостных порталов материкового Китая (人民日报 *Rénmín rìbào*; 新浪新闻 *Xīnlàng xīnwén*, крупный новостной агрегатор, включает в себя статьи одного из крупнейших новостных изданий 新华网 *Xīnhuá wǎng*; 财新 *Cáixīn*) и Тайваня (自由时报 *Zìyóu shíbào*, 苹果日报 *Píngguǒ rìbào*, 联合报 *Liánhébào* и 中国时报 *Zhōngguó shíbào*).

Основными понятиями, фигурирующими в статьях на тему китайско-американской торговой войны, являются 中美贸易战 *zhōngměi màoùyìzhàn* ‘китайско-американская торговая война’, 中美贸易冲突 *zhōngměi màoùyìchōngtū* ‘китайско-американский торговый конфликт’ и 中美贸易摩擦 *zhōngměi màoùyìmóscā* ‘китайско-американские торговые трения’.

В период эскалации конфликта в течение 2018 года материковые СМИ использовали первые два понятия, отражавшие характер противостояния и, несомненно, вызывавшие определенную реакцию у аудитории (тревожность, агрессию). Однако, как только было достигнуто временное перемирие до заключения окончательных соглашений в конце 2018 – начале 2019 гг., в текстах основных материковых СМИ понятия «торговая война» постепенно было замещено более нейтральным понятием «торговые трения», что свидетельствует о нежелании

СМИ провоцировать негативную реакцию общественности во время двусторонних переговоров.

Очевидно, что в материковой прессе в данном случае в качестве эвфемистического приема имеет место генерализация значения – лексемы с выраженной негативной коннотацией «война», «конфликт» заменяются единицей с более размытым, общим значением.

Что же касается тайваньских СМИ, то в них, напротив, конфликт Китая и США в подавляющем большинстве случаев характеризуется как «война». Среди причин подобного употребления, помимо политических, можно назвать относительно высокий уровень коммерциализации СМИ на Тайване, что обуславливает стремление привлечь читателей громкими заголовками.

Таким образом, можно отметить, что в тексте материковых и тайваньских СМИ наблюдаются существенные различия в стратегиях употребления эвфемизмов, благодаря которым осуществляется репрезентация политической позиции каждого из регионов на конкретный период времени. Дальнейшее исследование языка прессы двух рассматриваемых регионов также показывает расхождения в выборе языковых средств, используемых для освещения одних и тех же тем.

Литература

- Сафина Р.А. Политическая эвфемия в функционально-прагматическом и дискурсивном аспектах // *Филология и культура*. 2014. №2(36). С. 51-57.
- Ge Xinxin. The politics of euphemis: classification, functioning and principles. Jilin daxue, 2005. P.45. (葛新新. 政治委婉语: 分类, 机制及原则)

Латинизация китайского языка (на примере китаеязычной интернет-коммуникации)

Сбоев Александр Николаевич

*Дальневосточный федеральный
университет (Владивосток)*

The Chinese Language Latinization (on the Materials of Chinese Internet Communication)

Sboev Aleksandr Nikolaevich

*Far Eastern Federal University
(Vladivostok)*

Abstract. The process of Chinese language latinization goes back to 1958, when Pinyin alphabet was created. The usage of Pinyin alphabet for a longtime was limited only by the sphere of education, where alphabet acted as an “extra tool” for hieroglyph studying. Nowadays the usage of pinyin alphabet is rather wider: Chinese words in dictionaries are listed in alphabetical order; alphabet is used for typing hieroglyphs on the keyboard; words written in letters are widely used in Chinese Internet communication, etc. It is worth to notice that some of the literal words currently used in Chinese-language Internet communication are borrowings from other languages (mostly from English). But this article is focused on wholly Chinese words that have been written only in Pinyin alphabet without tone diacritics. Is it possible that a letter writing in Pinyin alphabet will replace the traditional hieroglyphic writing? Today it seems absurd, but time will show.

Keywords: internet communication; letter words; pinyin; latinization; alphabet.

В настоящее время вопрос латинизации китайского языка не стоит так остро, как это было до создания буквенного алфавита пиньинь цзыму в 1958 году. Как считает Чжоу Югуан: «Фонетический алфавит пиньинь цзыму достиг только статуса «транскрипции», но не официальной «алфавитной письменности»» [Чжоу Югуан 1989: 388]. Здесь следует отметить, что термин транскрипция в отношении пиньинь цзыму употреблен не совсем корректно, правильной было бы назвать это фонетическим алфавитом, так как отдельная буква данного алфавита может обозначать не только одну фонему. Как отмечал Н.А. Спешнев: «Китайский алфавит не может служить эквивалентом фонетической транскрипции, что особенно наглядно выявляется в тех случаях, когда речь идет об описании звуков их комбинаторных вариантов, ассимиляции, эризации» [Спешнев 1980: 6]. А.Н. Алексахин называет пиньинь цзыму «звуко-буквенным стандартом слова» и, соглашаясь с китайскими лингвистами, полагает, что преимущество данного вида записи слов в экономии: вместо десяти тысяч иероглифов применяются всего 26 букв латинского алфавита [Алексахин 2010: 20].

Еще в период разработки алфавита пиньинь цзыму находились как его сторонники, так и противники. Сторонники латиницы исходили, прежде всего, из того, что иероглифы являются пережитком прошлого, они отрывают Китай от мирового развития, к тому же иероглифическая письменность сложна для изучения. Противники же, наоборот, были против разрушений тысячелетней истории [Алпатов 2013: 305].

Как считают китайские лингвисты Чэн Таоань и Чэн Чжюнь: «Начиная с 80-х годов прошлого века в Китае отказались от плана латинизации китайского языка, и сейчас «Проект фонетического алфавита КЯ» является лишь системой знаков, обозначающих чтение иероглифов, эту систему не стоит рассматривать как самостоятельное письмо» [Cheng 2012]. Чжан Фэн и Ма Сюэдань вообще говорят о том, что «Пиньинизация китайского языка непременно приведет к утрате интереса к китайскому языку» [Zhang 2010: 728]. Что же касается современного этапа латинизации китайского языка, то в настоящее время в китайском языке появляется все больше слов, в записи которых присутствуют буквы.

Главный редактор словаря буквенных слов Лю Юнцюань выделяет несколько классификаций буквенных слов:

1. В зависимости от принадлежности букв к тому или иному алфавиту.
2. В зависимости от однородности написания.
3. В зависимости от формы написания.
4. В зависимости от количества букв.
5. В зависимости от местоположения букв в слове [Liu 2008: 322-323].

В данной работе мы решили проследить проявление процесса латинизации китайского языка в интернет-коммуникации.

Латинизация китайского языка в интернет-коммуникации проявляется в двух аспектах: буквенных заимствованиях (это слова в полной записи как в языке-источнике, так и всевозможные виды буквенных сокращений) и буквенных словах на основе пиньинь цзыму.

Так, например, буквенные слова, представленные в «Словаре интернет-языка Синьхуа» [Wang 2012], можно разделить на несколько групп:

1. Буквенные аббревиатуры от английских слов.
2. Буквенные слова, записываемые первыми буквами алфавита пиньинь.
3. Буквенные слова, заимствованные из японского языка и записываемые латинскими буквами.
4. Английские слова, записанные в том же виде, как они используются в языке-оригинале.
5. Буквенные слова, состоящие из одной буквы.
6. Китайские слова, написанные полностью записью алфавита пиньинь, но без указания тона.
7. Буквенные слова, внешне отражающие то, что они обозначают.

Наиболее интересным на наш взгляд представляется тенденция к записыванию слов китайского языка полностью буквами алфавита пиньинь цзыму без соответствующего диакритического знака.

Китайские слова в полной записи с использованием алфавита пиньинь цзыму в интернет-коммуникации используются в следующих случаях:

1. Для замены:

- 1.1. Замена табуированного слова, то есть слово, записанное алфавитом пиньинь, используется как эвфемизм.
- 1.2. Для замены слова, которое редко используется, к тому же нет времени искать его в выпадающей строке при наборе на клавиатуре.
- 1.3. Для замены иероглифа, который читается иначе на диалекте.
- 1.4. При замене сразу нескольких слов, имеющих одинаковое чтение.

2. Для привлечения внимания.

3. В качестве звукоподражания.

Не Сяоли [Nie 2017: 40] считает, что существует две основные проблемы с использованием слов в полной записи с помощью пиньинь цзыму:

1. Неунифицированное написание. Буквенные слова могут начинаться то со строчной, то с прописной буквы и даже быть полностью записаны прописными буквами.
2. Раздельное или слитное написание между словами. В интернет-коммуникации пользователи могут нарушать правила раздель-

ного (через пробел) написания отдельных слов и слитного написания одного слова, даже если оно состоит из нескольких слогов.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что латинизация китайского языка в эпоху интернационализации и компьютеризации переживает новый этап. В китайязычной интернет-коммуникации нередко встречаются слова, записанные латинскими буквами. Это заимствованные слова в исходном написании, сокращенные иностранные слова и слова, записанные с помощью алфавита пиньинь цзыму. Слова, полностью записанные с помощью пиньинь в интернет-коммуникации, не имеют знака тона, и их значение определяется в первую очередь контекстом. Мы отмечаем, что говорить о полной замене иероглифического письма на буквенное преждевременно, ведь использование буквенного слова в интернет-коммуникации всегда обусловлено какими-то дополнительными мотивами, однако происходящие сейчас процессы в китайском языке требуют внимания и дальнейшего исследования.

Литература

- Алексахин А.Н. Алфавит китайского языка путунхуа. Буква – фонема – звук речи – слог – слово. 2-е изд., испр. и доп. М.: Восточная книга; 2010. 184 с.
- Алпатов В.М. Размышления над книгой В.М. Алексеева «Китайская иероглифическая письменность и её латинизация» // *Общество и государство в Китае* / Ин-т востоковедения РАН, 2013. Том 43, № 2. С. 271-285.
- Спешнев Н.А. Фонетика китайского языка. Ленинград, 1980. 141 с.
- Чжоу Югуан. Модернизация китайского языка и письменности // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. XXII: Языкознание в Китае. 1989. С. 376-398.
- Cheng Taoan, Cheng Zhiyong. Chinese character Latinization doubt // *Guangming ribao*, 2012. №11. (程陶庵, 程志泳. 汉字拉丁化疑义)
- Liu Yongquan. Chinese alphabet dictionary. Beijing: Waiyu jiaoxue yu yanjiu chubanshe, 2008. 332 P. (刘涌泉. 汉语字母词词典)
- Nie Xiaoli. The Use of Chinese Phonetic Alphabet in Network Language and Its Standardization // *Leshan shifan xueyuan xuebao*, 2017. №2. 36-57 p. (聂小丽. 网络语言中汉语拼音文字的使用及其规范化问题)
- Wang Lei. Xinhua Network Language Dictionary. Beijing: Shangwu yinshuguan, 2012. P. 233. (汪磊. 新华网络语言词典)
- Zhang Feng, Ma Xuedan. Talking about about “Chinese Pinyinization” // *Ditan jingji yu kexue fazhan*, 2010. №6. 725-727 p. (张丰, 麻雪丹. 也谈“汉语拼音化”)

Стратегии преобразования русских фонетических заимствований в китайском языке: фонетика, морфемика, графика

Семенов Кирилл Игоревич

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Москва)*

Adaptation Strategies of Russian Phonetic Loanwords in Chinese: Phonetic, Morphological and Semantic Aspects

Semenov Kirill Igorevich

*Higher School of Economics of National
Research University (Moscow)*

Abstract. The use of the European phonetic borrowings in Chinese is not a very popular field in language science. However, this is a relevant linguistic issue because it complicates the work for NER, PoS-tagging and other tasks of natural language processing. In our work, we assumed that for a particular European language X there is a strategy of matching, firstly, proper spoken syllables and, secondly, proper written characters. Our goal was to discover the overall process of a loan word adaptation in Chinese, from its initial form to its written shape in Chinese characters. Thus it tackled phonetic, semantic and graphical transformations on the material of Russian loan words to Chinese. We did it in order to both cover this field in fundamental perspective of language contact phonology, and to create a theoretical background for the future algorithms of Chinese NLP. In future, these algorithms will be aimed at recognition, detection and back-transliteration of the borrowed words from European languages in Chinese texts.

Keywords: Chinese; Russian; language contacts; phonetic loan words; NLP; N-grams.

Процесс фонетической адаптации слов из европейских языков в китайский сопряжен с рядом проблем. К ним можно отнести, во-первых, фонетические: большая разница в фонетических системах китайского и европейских языков; высокий уровень омофонии у китайских слогов. Вторая группа проблем – графические: отсутствие отдельного набора символов для передачи заимствований (как это, например, существует в японском); вариативность в прочтении иероглифов; отсутствие пробелов в китайской орфографии. Изучение этих проблем важно как для фундаментальной лингвистики, так и для компьютерной, где от качества подходов к анализу заимствований будет зависеть результат многих других алгоритмов. Однако на данный момент фундаментальных и компьютерных исследований, посвященных фонетическим заимствованиям в китайском языке, немного, поэтому проблема теоретических выкладок и технических эвристик в этой области стоит все еще очень остро [Wong et al 2010: 39-40].

Данная работа посвящена анализу фонетических, семантических и графических трансформаций, которые происходят с русскими заимствованиями в китайском языке.

Вначале в парадигме Теории Оптимальности было проведено сравнение стратегий адаптации согласных в китайском языке, которые приходят из русских и из европейских заимствований. В качестве образца для сравнения была взята работа [Miao 2005], где рассматриваются заимствования из английского, немецкого и итальянского языков. В контексте фонетики также была предпринята попытка объективно и на основе ряда современных источников (в том числе работ [Ин, Шипановская 2016] и [Перехвальская 2008]) оценить структурное и лексическое влияние русско-китайского пиджина на адаптацию современных русских заимствований в путунхуа.

Было также проведено статистическое исследование русских заимствований имен собственных на материале вхождений из Интернета. Во-первых, было проанализировано соответствие норм транслитерации имен собственных (на данных агентства Синьхуа [Синьхуа 1997]) и узуса. Последний был получен путем автоматического агрегирования заголовков статей китайской Википедии (<https://zh.wikipedia.org/wiki/>) при помощи инструментария программы Wikidata (<https://query.wikidata.org/>); таким образом было собрано более 10 000 интересующих нас имен собственных. Полученные нами данные указывают на достаточно сильное расхождение между нормой и узусом.

Во-вторых, была исследована статистика использования семантических элементов, используемых в фонетических заимствованиях. Была рассмотрена как частотность классификаторов, так и перевод адъективных элементов в именах собственных («Нижне-» в «Нижнекамск» и т.д.). Анализ показал высокую частотность классификаторов

почти во всех категориях имен собственных (кроме населенных пунктов), а анализ адъективных элементов – распределение частотности их перевода в зависимости от того, к какому семантическому классу относится тот или иной элемент.

Наконец, был проведен анализ наиболее частотных иероглифических N-грамм, встречающихся в заимствованиях из русского. Исследование показывает, что наиболее частотные биграммы и триграммы либо вообще не встречаются в контрольном корпусе текстов, либо имеют достаточно малую частотность.

В перспективе мы предполагаем продолжить работу как в фундаментальной, так и в прикладной сфере. Фундаментальные исследования необходимо провести в разделе адаптации кластеров согласных, а также трансформаций гласных и влияния европейского ударения на китайский тон. Что касается компьютерной составляющей, то планируется создать полноценный алгоритм по выделению имен собственных, заимствованных из русского в китайский.

Литература

- Ин Ц., Шипановская Л.М. Русские заимствования в китайском языке как результат языковых контактов // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2016. Т. № 7(61): в 3-х ч. Ч. 1. С. 144–152.
- Перехвальская Е.В. Русские пиджины. СПб: Алетейя, 2008.
- Miao R. Loanword Adaptation in Mandarin Chinese: Perceptual, Phonological and Sociolinguistic Factors. Stony Brook University, Dec. 2005.
- Wong K.-F., Li Wenjie, Xu Ruifeng, Zhang Zheng-sheng (eds.) Introduction to Chinese Natural Language Processing. Morgan & Claypool Publ, 2010.
- Синьхуа (ред.). Справочник по переводу русских имен и фамилий. Пекин: Шаньху иньшугуань (Commercial Press), 1997 (新华. 俄语姓名译名手册).

Предикационная структура сообщения в диалогическом тексте на китайском языке

Симатова Софья Андреевна

*Московский городской педагогический
университет (Москва)*

Predicational Structure of a Message in a Chinese Dialogical Text

Simatova Sofya Andreevna

Moscow City University (Moscow)

Abstract. The paper deals with the problem of a Chinese dialogical text structural analysis. From the perspective of the predicational conception of a human language (prof. V.A. Kurdyumov), predicational structure of an utterance and a message in a dialogue appears in “modus + dictum” (utterance) and “address + modus + dictum” (message) combinations respectively. Address, modus and dictum are interpreted through the notions of topic and comment, which are defined in the framework of the predicational conception as characterized and characterizing elements, existed on any language level. Modus is an external topic to dictum, and address is an external topic to modus-dictum unity. Modus and address are obligatory elements of any sentence said, but they not always get an explicit expression. The full explicit predicational structure (address + modus + dictum) can be found very often in a Chinese dialogical text, it has two main types: 1) “address (external topic to modus-dictum unity) → modus of a speaker (external topic to dictum) → dictum (comment)”; 2) “address + modus of a listener (external topic to dictum) → dictum (comment to the previous element, topic to the next element) → interactive element (external comment to dictum with an implicit address)”. Such constructions reflect a specificity of a dialogical text in comparison with a monologic one, particularly, pragmatic and interactive components of a dialogue’s cognitive structure.

Keywords: predicational conception; message; topic; comment; dictum; modus; address

В рамках динамического подхода к языку В. фон Гумбольдта российским лингвистом В.А. Курдюмовым на базе китайского языкового материала была создана предикационная концепция, которая описывает язык через наблюдение над реализуемыми в нем предикационными преобразованиями [Курдюмов 1999]. Согласно предикационной концепции, предикация представляет собой непрерывный процесс «переработки» базовых языковых структур. Базовые языковые структуры (идеи), в свою очередь, – это элементарные бинарные образования, включающие топик (предицируемый компонент) и комментарий (предицирующий компонент). Анализ текста в рамках предикационной концепции языка предполагает вычленение из текста обозначенных бинарных структур и описание отношений, существующих между ними.

Можно выделить два основных структурных типа текста: монолог и диалог. Отличие диалогического текста от монологического, по мнению известного дискурсолога Т.А. ван Дейка, заключается, прежде всего, в том, что когнитивная модель диалога помимо пропозиционального компонента содержания, обязательно включает еще прагматический и интерактивный компоненты [Dijk 1984]. Присутствующие в китайском диалогическом тексте отношения типа топик – комментарий, вероятно, должны каким-то образом отражать обозначенные три компонента содержания диалогического текста. Мы полагаем, что реализация указанных компонентов через отношения типа топик – комментарий в высказываниях в составе реплик диалогического текста формирует предикационную структуру диалога.

Мы интерпретируем пропозициональный, прагматический и интерактивный компоненты диалога через понятия диктума, модуса и адреса предикационной концепции языка. Диктум представляет собой неприсвоенное и необращенное сочетание топика и комментария, или абстрактную идею. Модус есть внешний топик по отношению к диктуму, который делает его присвоенным конкретным говорящим. Адрес – это еще более внешний топик к единству модуса и диктума, который делает диктум обращенным к конкретному слушающему.

Модус и адрес присутствуют в любом сообщении, однако не всегда получают эксплицитное выражение. Сообщение в рамках предикационной концепции представляет собой обращенное высказывание, а высказывание в свою очередь – присвоенный диктум (диктум соответствует предложению на поверхностном синтаксическом уровне) [Курдюмов 1999: 202]. При анализе диалогических текстов на китайском языке мы обнаружили варианты экспликации предикационной структуры высказывания и сообщения в виде сочетаний «модус + диктум» и «адрес + модус + диктум» соответственно.

Первый вариант – это экспликация модуса говорящего в так называемых конструкциях эксплицитной модальности, где первая часть (эксплицитный модус) представляет собой сочетание местоимения 1 лица ед.ч. и соответствующего глагола*: 我觉得 Wǒ juéde → 刘易阳这孩子 Liú Yìyáng zhè hái zi → 挺好 tǐng hǎo (Я считаю → этот паренек Лю Иян → очень хороший). В данном случае, эксплицируя рационально-оценочный модус, говорящий принимает на себя ответственность за сказанное. Иногда, когда для коммуникации важно мнение третьего лица, не принимающего участия в диалоге, может эксплицироваться модус этого лица: 她不同意 Tā bù tóngyì → 女儿 nǚér → 住在这里 zhù zài zhèlǐ (Она не соглашается → дочь → жить здесь). Общая схема сообщения в представленных случаях: модус говорящего/третьего лица + диктум.

Второй вариант – это совместная экспликация модуса и адреса, которая, по нашим наблюдениям, является более частым случаем в китайских диалогических текстах, нежели экспликация одного модусного компонента в конструкциях эксплицитной модальности. Это, вероятно, обусловлено интерактивной природой диалогического текста. Наиболее распространены два случая совместной экспликации модуса и адреса. Первый случай – это реализация на синтаксическом уровне полной структуры сообщения, которая уже была описана в рамках предикационной концепции языка [Курдюмов 1999: 205]: адрес (обращение) → модус/модус + адрес → диктум. Например: 我说, 童建业, 你也奇怪了 Wǒ shuō, Tóng Jiànyè, nǐ yě qíguài le. (Я скажу, Тун Цзянье, ты тоже странный). Предикационная структура данного сообщения выглядит следующим образом: Тун Цзянье (адрес) → я скажу (модус) → *ты тоже странный* (диктум). Иногда модусный компонент может быть оформлен дополнительным адресным элементом, выраженным местоимением 2 лица ед.ч.: 我跟你讲, 佳倩, 你傻呀 Wǒ gēn nǐ jiǎng, Jiāqiàn, nǐ shǎ ya. (Я скажу тебе, Цзяцянь, ты глупа). Предикационная структура сообщения: Цзяцянь (адрес) → я скажу тебе (модус + адрес) → *ты глупа* (диктум). Как видно из приведенных примеров, место постановки обращения (средства выражения «чистого» адреса) на поверхностном уровне может быть и не в начале предложения, но сам адрес все равно рассматривается как наиболее внешний топик в предикационной структуре.

Второй случай – это экспликация модуса слушающего совместно с устойчивыми интерактивными формами: 你说, 你这莫名其妙, 不是吗? Nǐ shuō, nǐ zhè mò míng qí miào, bù shì ma? (Ты скажи, это непостижимо, не так ли?); 你看, 我这些年变化不大, 是吧? Nǐ kàn, wǒ zhèxiē nián biànhuà bù dà, shì ba? (Ты посмотри, я не сильно изме-

* Здесь и далее знак «→» указывает на границу между предиклируемым и предиклирующим компонентами (топиком и комментарием).

нилась за эти годы, ведь так?). Первая часть сообщения (ты скажи/ты посмотри) выступает внешним топиком по отношению к диктуму, а конечные интерактивные конструкции (не так ли?/ведь так?) – это внешний комментарий к диктуму. Предикационная структура такого типа сообщения: модус слушающего + адрес (внешний топик) → диктум → интерактивный компонент, указывающий на адрес (внешний комментарий). В подобных сообщениях модус говорящего, как правило, тоже очевиден (коммуникативный модус директива), однако эксплицитное выражение в тексте получает именно модус слушающего.

Таким образом, диалогический текст на китайском языке отличается наличием предикационных структур с адресным и модусным компонентами. Гармоничное внедрение таких образований в текст обеспечивает присвоенность и обращенность идей участников диалога.

Литература

- Курдюмов В.А. Предикация и природа коммуникации: дис. ... докт. филол. наук. М., 1999. 263 с.
- Dijk van T.A. Dialogue and Cognition // Hintikka J., Vaina L. (eds.) *Cognitive Constraintson Communication. Representations and Processes*. Dordrecht; Boston: D. Reidel Publishing Company; 1984. p. 1–17.

Заметки об истории китайской фразеографии

Су Муюань 苏牧原

Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова (Москва)

Notes on the History of Chinese Phraseography

Su Muyuan 苏牧原

Moscow State University (Moscow)

Abstract. The Chinese idiom is the crystallization of the accumulation and precipitation of Chinese civilization, which is an important part of Chinese vocabulary. Using concise language to express profound connotation, idiom is the essence of language, which greatly enriched the language of Han nationality. With the development of the times, society and the growth of people's needs, the publication and circulation of Chinese idiom dictionary are increasing, dictionaries also come in many different forms and contents. This paper mainly defines the scope of Chinese idioms on the basis of previous studies from the perspective of the compilation of dictionaries. On this basis, the collected Chinese idiom dictionaries are classified from three different perspectives: the number of words collected by the dictionary, the reader object of the dictionary and the functional use of the dictionary, and then it has been carried out a series of specific explanations on the compilation process of the idiom dictionary, so as the reasons and characteristics of the various development stages of Chinese idiom dictionary compilation.

Keywords: idioms; Chinese idiom dictionaries; dictionary compilation; progress.

Как и в целом в истории китайской лексикографии, изложенной в работе Чжан Цзин «汉语成语词典编纂的发展与实践研究» («Исследование по разработке и составлению китайских фразеологических словарей», hàn yǔ chéng yǔ cí diǎn biān zuǎn de fā zhǎn yǔ shí jiàn yán jiū), в истории китайских словарей чэньюй можно выделить четыре этапа [Чжан 2018: 8].

Первый этап (1742–1948). Первым тематическим словарём чэньюй стал «满汉六部成语» («Маньчжурско-китайские чэньюй о шести ведомствах», mǎn hàn liù bù chéng yǔ), изданный в эпоху династии Цин в 1742 году (4 издания: 1742 г., издательство Хон Юань Тан, 1795 г., издательство Вэнь Шэн Тан, 1816 г., издательство Вэнь Шэн Тан, 1842 г., издательство Сяо Йо Тан), когда государственным языком был маньчжурский и чиновники шести ведомств (чинов, финансов, церемоний, наказаний, работ и военное) государственного аппарата, должны были переводить маньчжурские и китайские официальные документы.

Издание 1842 г. состоит из шести разделов и 2572 словарных статей: «吏部成语» (Чэньюй о ведомстве чинов, lì bù chéng yǔ) – 420 словарных статей, «户部成语» (Чэньюй о ведомстве финансов, hù bù chéng yǔ) – 801 словарная статья, «礼部成语» (Чэньюй о ведомстве церемоний, lǐ bù chéng yǔ) – 156 словарных статей, «兵部成语» (Чэньюй о ведомстве ведомства, bīng bù chéng yǔ) – 308 словарных статей, «刑部成语» (Чэньюй о ведомстве наказаний, xíng bù chéng yǔ) – 568 словарных статей, «工部成语» (Чэньюй о ведомстве строительных работ, gōng bù chéng yǔ) – 319 словарных статей. Важно отметить, что в этом словаре приводятся не только четырёхсложные чэньюй, но и различные виды китайских словосочетаний: существительные и глаголы, состоящие из двух китайских иероглифов, словосочетания, даже целые предложения; словарные единицы в словаре расположены в две колонки: первая содержит маньчжурские слова, вторая – их китайский перевод на вэньянь. В 1990 г. появился посвящённый этому словарю и основанный на нем специальный словарь, где подробно толковались все маньчжурские “готовые выражения” – «清代六部成语词典» («Словарь чэньюй о шести ведомствах династии Цин», qīng dài liù bù chéng yǔ cí diǎn) [Словарь чэньюй шести ведомств династии Цин 1990].

В этот период китайские словари чэньюй содержали в себе не менее пяти тысяч слов, что делало их достаточно большими словарями. Хотя они и назывались «словари чэньюй», около 80% процентов их содержания составляли не чэньюй. Среди словарей этого периода – «实用国文成语词典» («Практический китайский словарь чэньюй», shí yòng guó wén chéng yǔ cí diǎn) [Практический словарь чэньюй 1912], «成语汇编» («Сборник чэньюй», chéng yǔ huì biān) [Сборник чэньюй 1924].

Второй этап (1949–1980). В первое десятилетие после образования Нового Китая были опубликованы три словаря чэньюй, и хотя

количество чэньтэюй, собранных в них, все ещё было небольшим, но их толкования стали более полными и детальными. Среди словарей 1949–1980 годов – «简明成语辞典» («Краткий словарь чэньтэюй», jiǎn míng chéng yǔ cí diǎn) [Краткий словарь чэньтэюй 1957], «现代汉语成语词典» («Словарь чэньтэюй современного китайского языка», xiàn dài hàn yǔ chéng yǔ cí diǎn) [Словарь чэньтэюй СКЯ 1959]. Также этот период характеризуется созданием адресных словарей чэньтэюй, например, «中学生常用成语词典» («Обычный словарь чэньтэюй для средней школы», zhōng xué shēng cháng yòng chéng yǔ cí diǎn) [Обычный словарь чэньтэюй для средней школы 1980], с более чем 1000 словарными статьями, содержащими не только толкование значений чэньтэюй, но и примеры, а также указания о характере их употребления в разговорной речи.

Третий этап (1981–2000). Количество словарей, созданных за эти 20 лет, превысило количество тех, что были созданы в предыдущие два этапа. Некоторые крупные словари, которые были созданы ранее, обновлялись и совершенствовались. Так, издательство провинции Цзянсу опубликовало в 1981 г. «成语词典» («Словарь чэньтэюй», chéng yǔ cí diǎn) [Словарь чэньтэюй 1981], в котором впервые в словарной статье были указаны используемые в китайском языке варианты написания для некоторых чэньтэюй. В 1985 году вышел «汉语成语大词典» («Словарь чэньтэюй китайского языка», hàn yǔ chéng yǔ dà cí diǎn) [Словарь чэньтэюй КЯ 1985], а в 1989 году был издан «汉语成语考释词典» («Словарь по изучению китайских чэньтэюй», hàn yǔ chéng yǔ kǎo shì cí diǎn) [Словарь по изучению китайских чэньтэюй 1989], в котором впервые появились цитаты из древних текстов источников чэньтэюй.

В этот период было издано немало словарей объёмом около 10000 чэньтэюй. Был достигнут значительный прогресс в создании тематических словарей чэньтэюй с таблицами, указывающими расположение словарных единиц. Это такие словари, как «汉语成语大词典» («Большой словарь чэньтэюй китайского языка», hàn yǔ chéng yǔ dà cí diǎn) [Большой словарь чэньтэюй КЯ 1985], «分类成语词典» («Тематический словарь чэньтэюй», fēn lèi chéng yǔ cí diǎn) [Тематический словарь чэньтэюй 1985].

Четвёртый этап (2001–2017). С начала XXI века публикация словарей чэньтэюй стала более востребованной, их количество резко увеличилось, за 16 лет перевалив за сотню, а содержание пополнялось. Например, «万条成语词典» («Словарь десяти тысяч чэньтэюй», wàn tiáo chéng yǔ cí diǎn), изданный издательством образования Пекина в 2015 году [Словарь десяти тысяч чэньтэюй 2015], включает в себя около 20000 словарных статей, заголовочными единицами которых являются древние и современные чэньтэюй. Словарные статьи в таких словарях содержат описание произношения чэньтэюй, их толкование, примеры употребления, синонимы, антонимы, сферу применения. В некоторых словарях появляются иллюстрации: «汉语成语大词典»

(«Большой словарь чэньтэюй китайского языка», hàn yǔ chéng yǔ dà cí diǎn) [Большой словарь чэньтэюй КЯ 2002], «新华成语词典» («Словарь чэньтэюй Синьхуа», xīn huá chéng yǔ cí diǎn) [Словарь чэньтэюй Синьхуа 2002]. Существуют также «маленькие» словари чэньтэюй, составленные для школьников. Таков, например, «多功能小学生成语词典» («Многофункциональный словарь чэньтэюй для начальной школы», duō gōng néng xiǎo xué shēng chéng yǔ cí diǎn) [МФ словарь чэньтэюй 2014].

Литература

- Чжан Цзин. Исследование по разработке и составлению китайских фразеологических словарей», Гуансийский педагогический университет, 2018 (章静. 汉语成语词典编纂的发展与实践研究)
- Большой словарь чэньтэюй КЯ – Большой словарь чэньтэюй китайского языка / ред. Ли Ихуа, Лу Дешен. Сычуань: Сычуань цишу чубаньшэ, 1985 (汉语成语大词典 / 李一华, 吕德申)
- Большой словарь чэньтэюй КЯ – Большой словарь чэньтэюй китайского языка / ред. Ши Ши, Чжао Пейюй, Чунцин: Чунцин чубаньшэ, 2002 (汉语成语大词典 / 史式, 赵培玉)
- Краткий словарь чэньтэюй / ред. КэХуайцин. Шанхай: Шанхай наньхуа шуцзюй, 1957 (简明成语辞典 / 柯槐青)
- МФ словарь чэньтэюй – Многофункциональный словарь чэньтэюй для начальной школы / ред. Сунь Юньшэн, Пекин: Чжунго дабэйкэ цюаньшу чубаньшэ, 2014 (多功能小学生成语词典 / 孙运生)
- Обычный словарь чэньтэюй для средней школы / ред. ГаоГуанле, Цзилинь: Жэньминь чубаньшэ, 1980 (中学生常用成语词典 / 高光烈)
- Практический словарь чэньтэюй / ред. Чжан Юнсунь, Пекин: Чжунхуа иньшу цзюй, 1912 (实用国文成语词典 / 张永逊)
- Сборник чэньтэюй / ред. Чжан Венкуань, Чжу Хуандин, Шанхай: Шанхай наньхуа шуцзюй, 1924 (成语汇编 / 张文宽, 朱焕鼎)
- Словарь десяти тысяч чэньтэюй / ред. Хуан Чэнкунь. Сычуань: Сычуань цишу чубаньшэ, 2015 (万条成语词典 / 黄成坤)
- Словарь по изучению китайских чэньтэюй / ред. Лю Цзэси. Пекин: Шаньту иньшу гуань, 1989 (汉语成语考释词典 / 刘洁修)
- Словарь чэньтэюй / Управление образования города Чанчжоу. Цзянсу: Жэньминь чубаньшэ, 1981 (成语词典 / 常州市教育局)
- Словарь чэньтэюй КЯ – Словарь чэньтэюй китайского языка / Институт лингвистики Хубэйского университета. Хэнань: Жэньминь чубаньшэ, 1985 (汉语成语大词典 / 湖北大学语言研究室)
- Словарь чэньтэюй Синьхуа / ред. Сюй Чжэньшэн, Пекин: Шаньту иньшу гуань, 2002 (新华成语词典 / 许振生)
- Словарь чэньтэюй СКЯ – Словарь чэньтэюй современного китайского языка / Институт лингвистики Китайской академии наук, Пекин: Шаньту иньшу гуань, 1959 (现代汉语成语词典 / 中国科学院语言研究所)
- Тематический словарь чэньтэюй / ред. Ван Лицзя, Хоу Сюечао. Гуандун: Жэньминь чубаньшэ, 1985 (分类成语词典 / 王理嘉, 侯学超)

Стилистические особенности китайского делового дискурса

Ульянова Ксения Анатольевна

Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова (Москва)

Stylistic Features of Chinese Business Discourse

Ulyanova Ksenia Anatolevna

Moscow State University (Moscow)

Abstract. The paper deals with the common genres of written business Chinese language, such as 公文 gōngwén official documents. The genres are divided depending on whether the writer-reader relations are horizontal (equal statuses) or vertical (subordinate – superior and vice versa). Genres are also determined by the fact that formal Chinese language is used in the field of legislation, justice and management. The author analyses some aspects of stylistic differentiation of Chinese words and other units by means of passive or negative rhetoric.

Keywords: business Chinese language; official documents; genre; stylistic differentiation.

Дискурс – социально обусловленная формация текстов: речевые произведения, объединенные по ряду общих лингвистических (лексический, семантический, синтаксический состав) и экстралингвистических признаков (ситуация, традиция, ритуал) [Канашук 2011].

Официально-деловой дискурс делится на виды в зависимости от коммуникативной ситуации (устная – письменная форма, коммуникативная цель, статусы участников коммуникации) и рассматри-

вается в связи с категориями стиля и жанра. Стилеобразующим признаком выступает общность экстралингвистической основы текстов [Шейна 2011], жанрообразующим признаком – тематико-композиционная общность текстов. Основная форма функционирования официально-делового стиля – письменная, что обусловлено необходимостью документировать информацию [Стилистический энциклопедический словарь 2006: 274]. Для наименования документации в китайском используются термины 公文 *gōngwén* официальные бумаги (сокр. от 公务文书 *gōngwù wénshū*) или 应用文 *yìngyòngwén* деловые бумаги. Китайские исследователи выделяют 公文 *gōngwén*: 规范性公文 *guīfànxíng gōngwén* нормативные акты, 法规与规章性公文 *fǎguī yǔ guīzhāngxíng gōngwén* законодательная и организационная документация, 事务性公文 *shìwùxíng gōngwén* деловая документация, 专用性公文 *zhuānyòngxíng gōngwén* специальная документация [Дин 2013: 1].

Критерием классификации выступают взаимоотношения адресанта и адресата: 下行 *xiàxíng* сясин (вышестоящий нижестоящему), 平行 *píngxíng* пинсин (статусы адресанта и адресата равны), 上行 *shàngxíng* шансин (нижестоящий вышестоящему) [Дэн 1993: 41]. Если предполагается коллективный реципиент текста и определить статус коммуниканта невозможно, такие документы могут быть классифицированы как жанр 多行 *duōxíng* досин. Жанровое многообразие письменного делового дискурса представлено в Таблице 1.

Статусное ранжирование присутствует и на лексическом уровне с употреблением синонимов. Лексика делового стиля представлена функционально-стилистическими синонимами с частично совпадающими компонентами: 请 *qǐng* просить, 恳请 *kěn qǐng* настоятельно просить, 敬请 *jìng qǐng* [с уважением] просить, 拟请 *nǐ qǐng* осмеливаться просить, а также оттеночно-смысловыми синонимами (по признаку диапазон, степень): 参照执行 *cānzhào zhíxíng* руководствуясь ч-л исполнять – 贯彻执行 *guànnchè zhíxíng* последовательно выполнять; 拟定 *nǐdìng* предварительно разрабатывать, намечать – 制定 *zhìdìng* разрабатывать (~计划 *jìhuà* план). Данные корпуса Пекинского университета свидетельствуют о высокой степени стилистической маркированности книжной лексики официально-делового стиля вследствие меньшего количества словоупотреблений: к примеру, зафиксировано 146 словоупотреблений глагола 拟请 *nǐ qǐng* против 167254 словоупотреблений стилистически нейтрального глагола 请 *qǐng* [CCL, 2019]. Синонимичные глаголы различаются по типу присоединяемого объекта (по признаку абстрактный–конкретный): 制定 *zhìdìng* (глагол присоединяет объект большого масштаба, 制定法律 *zhìdìng fǎlǜ* составлять законопроект – 制订 *zhìdìng* составлять конкретный текст, 制订合同 *zhìdìng hé tong* составлять текст договора). Отбор специальной лексики жанрово детерминирован, что доказывает

Таблица 1

公文 gōngwén официальные бумаги					
1	2	3	4	5	6
上行 shàngxíng нижестоящий вышестоящему	规范性公文 guīfàn xìng gōngwén нормативные акты	法规性公文 fǎguī xìng gōngwén законо- дательная документация	规章性公文 guīzhāng xìng gōngwén орга- низационная документация	事务性公文 shìwù xìng gōngwén деловая документация	专用性公文 zhuānyòng xìng gōngwén специальная документация
下行 xiàxíng вышестоящий нижестоящему	报告 bàogào доклад, 请 示 qǐngshì запрос				
	决议 juéyì постановление, 决定 juédìng решение, 命令 mìnglìng приказ, 公报 gōngbào официальное сообщение, 公告 gōnggào обращение, 通告 tōnggào объявление, 通知 tōngzhī уведомление, 通报 tōngbào циркуляр, 批复 pīfù резолюция				

1	2	3	4	5	6
平行 píngxíng равные статусы коммуникантов	议案 yì'àn проект, 函 hán официальное письмо	条例 tiáolì регламент, 规定 guīdìng правила, 办法 bànfǎ положение, 细则 xìzè инструкция	制度 zhìdù установ- ление, 守 则 shǒuzé кодекс, 公 约 gōngyuē конвенция	计划 jìhuà план, 总结 zǒngjié отчет, 调查报告 diàochaobàogào отчёт о результатах исследования, 简报 jiǎnbào краткий отчет, 讲话稿 jiǎnghuàgǎo текст выступ- ления	经济公文 jīngjìgōngwén эко- номические документы: 合同 hétóng контракт, 协议书 xiéyìshū соглашение, 意向书 yìxiàngshū протокол о намерениях 司法公文 sīfǎgōngwén юридические доку- менты: 起诉状 qǐsùzhuàng исковое заявление, 上诉状 shàngsùzhuàng апелляционная жалоба, 答辩状 dǎbiānzhuàng отзыв на исковое заявление 礼仪公文 lǐyígōngwén этикетные письма: 邀请函 yāoqǐnghán письмо-приглашение, 感谢信 gǎnxièxìn письмо-бла- годарность, 慰问信 wèiwènxin письмо с выражением поддержки, 贺信 hèxìn письмо-поздравление, 倡议书 chāngyìshū письмо-пред- ложение, 外事公文 wàishìgōngwén дипломатические документы: 声 明 shēngmíng коммюнике, 条约 tiáoyuē международный догово- р, 照会 zhàohuì нота, 备忘录 bèiwànglù меморандум

статусно-ориентированный характер китайского делового дискурса. Жанр шансин отличается употреблением языковых средств, подчеркивающих уважительное отношение к вышестоящему: 请给予指示 qǐng jǐyǔ zhǐshì *прошу дать указания*, 望 wàng *надеяться*: 望回信 wàng huíxìn *надеюсь на Ваш ответ*.

Синтаксические особенности китайского делового дискурса: использование средств пассивной стилистики*, подчеркивающих обобщающий и точный характер изложения. Это синтаксическая конденсация в виде стяжения двух предложений в одно, а также эмфатические конструкции для смыслового выделения членов предложения: 各地区、各部门要统一思想, 落实责任, 切实做好有关工作 Gè dìqū, gè bùmén yào tóngyī sīxiǎng, luòshí zérèn, qièshí zuò hǎo yǒuguān gōngzuò *Все регионы и подразделения должны достичь идейного единства, нести ответственность и хорошо выполнять свою работу*.

Учитывая регламентированность жанра 公文 gōngwén, понимание жанровой классификации китайского делового дискурса позволяет избежать стилистических нарушений (немотивированное смешение пластов лексики, изменение порядка слов в предложении), что способствует оптимизации коммуникативного взаимодействия.

Литература

- Дин Хунжун. Язык и стилистика официальных документов. Пекин: Цзинцзи кэсюэ чубаньшэ, 2013. 290 С. (丁洪容. 公文语言与修辞)
- Дэн Кэминь. Основные сведения о практике деловой переписки. Кай-фэн: Хэнань дасюэ чубаньшэ, 1993. 334 с. (邓克敏. 应用写作技法指要)
- Канашук С.А. Структурные, стилистические и коммуникативные особенности текстов дискурса инструкций на современном этапе развития // *Язык и культура*. Томск: Издательство ТГУ, 2011. № 4 (16). С. 21-29.
- Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожиной. М.: Флинта, 2006. 696 с.
- Чэнь Вандао. Общие понятия стилистики. Шанхай: Фудань дасюэ чубаньшэ, 2012. 238 с. (陈望道. 修辞发凡)
- Шейна И.М. Единицы и способы языковой концептуализации в деловом письме: монография. Рязань: Изд-во Ряз. гос. ун-та им. С.А. Есенина, 2011. 340 с.
- CCL – Лингвистический корпус Пекинского университета [Электронный ресурс]. URL: http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus/ (дата обращения: 14.05.2019).

* Термин 消极修辞 xiāojí xīxí *средства пассивной, или негативной стилистики* предложен китайским лингвистом Чэнь Вандао в работе «Общие понятия стилистики» [Чэнь 2012].

Этноспецифичная модель времени в китайской лингвокультуре

Фэн Юэ 冯月

*Московский государственный лингвистический
университет (Москва)*

Ethno-Specific Model of Time in Chinese Linguistic Culturology

Feng Yue 冯月

Moscow State Linguistic University (Moscow)

Abstract. The article considers the ethno-specific model of time in the Chinese language world vision. Each language contains the spirit of the nation and the internal form. If we understand the form of a language, we can know the specific path to express thoughts that the language and its nation choose. Accordingly, the model of time in the Chinese language world vision has its own ethno-specific characteristics. According to Tan Aoshuang, in the Chinese language world vision, time is measured not only by length, it is compared with gold by the general graphic-semantic element 寸 (cun). Besides, anthropocentric model of time plays a very significant role in the language world vision. The interpretation of those words that reflect the ethno-specific model of time as the future or the past depends solely on which direction the speaker faces. Furthermore, in the time stream, Chinese people from antiquity pay considerable attention to their ancestors and often choose to move towards the past.

Keywords: ethno-specific model of time; Chinese language; Chinese language world vision; anthropocentric model of time; linguoculture.

Еще в 19 в. великий В. фон Гумбольдт указывал, что в каждом языке содержится «дух народа», то есть некая народная логика, в которой воплощен для конкретного народа особый способ освоения мира, модус номинации определенных явлений. Кроме того, он также замечал относительно внутренней формы языка: «Под формой можно понимать только закон, направление, метод действий» (здесь и далее цит. по [Радченко 2004: 250]). Тем не менее, Гумбольдт отмечал, что познавая форму конкретного языка, можно «познать тот специфический путь к выражению мыслей, который выбирает данный язык, а вместе с ним – и нация, которой он принадлежит». Духовное своеобразие нации рассматривается Гумбольдтом и как создатель языка, и как его порождение. Это, несомненно, созвучно с его теорией «духа народа».

Исходя из концепции внутренней формы языка В. фон Гумбольдта, специалист по китайскому языку и культуре, грамматист, профессор МГУ Тань Аошуан отмечала, что «в языковом сознании носителя отдельно взятого языка зафиксирован свой способ видения мира, совпадающий или не совпадающий со способом видения мира носителем другого языка» [Тань Аошуан 2004: 7]. В ее монографии «Китайская картина мира: Язык, культура, менталитет» рассматривается китайская модель мира в таких аспектах, как *пространство, время, семантика размера и др.*

В процессе анализа модели времени в китайской языковой картине мира автор монографии прежде всего отмечала, что «в языковой картине мира китайцев время измеряется не только по длине, оно сравнивается с золотом общим графико-семантическим элементом 寸 (цунь), как видно из популярной пословицы: 一寸光阴一寸金, 寸金难买寸光阴 Yícùn guāngyīn yīcùn jīn, cùn jīn nán mǎi cùn guāngyīn (Один цунь света и тени равняется одному цуню золота, но на цунь золота трудно купить цунь света и тени)» [Тань Аошуан, 2004: 37]. Такая логика по отношению к времени также отражается в строении иероглифа 时 shí (час, время) – левая часть «солнце», правая часть «цунь», их сочетание означает время (в древнем Китае время зафиксировано с помощью света и тени, например, древнейший инструмент для определения времени – гномон 日晷 rìguǐ). Это также говорит о том, что китайский иероглиф не только является письменной формой языка, но и непосредственно отражает мышление данного народа. Каждый иероглиф обладает обширным понятийным ареалом.

Далее профессор Тань Аошуан подчеркивает, что «в языковой картине мира китайцев сосуществуют две модели времени: линейно-историческая и традиционная, которую можно назвать антропоцентрической» [Тань Аошуан 2004: 33-34]. Последняя модель времени играет весьма значительную роль в китайской картине мира. К примеру, трудно определить значение таких иероглифов, отражающих

этноспецифичную модель времени, как векторные антонимы 来 lái (прийти) и 去 qù (уйти). По мнению ученого, здесь всегда существует какая-то координата, то есть «их интерпретация как будущего или прошлого зависит исключительно от того, в какую сторону повернут лицом говорящий» [Тань Аошун 2004: 40]. Если обратимся к будущему, то неизвестное из будущего придет к нам (将来 jiānglái будущее, 来年 láinián следующий год), прошлое уже прошло, используется 去, например 去年 qùnián (прошлый год), 过去 guòqu (прошлое). Если обратим лицо к прошлому, то ситуация окажется противоположной (来路 láilù, 来历 láilì происхождение, 去路 qùlù будущее). Такие временные выражения отражают эгоцентрическую модель времени китайцев.

Китайский лингвист Чжу Дунпин также разделяет подобное мнение. Но, кроме того, он указывает на то, что «человек как пассивный элемент в потоке времени, в этом процессе (повернуться) лицом к прошлому, спиной к будущему – это главная модель языкового восприятия времени в китайском языке» [Чжу 2009: 19]. Он отмечает, что человек в пространстве – активный элемент, так как он может менять место нахождения, а в потоке времени человек выступает только как пассивный элемент, он никак не может задерживать или останавливать время. Как Конфуций на берегу реки говорит, 逝者如斯夫, 不舍昼夜 Shì zhě rú sī fū, bù shě zhòuyè «время подобно этому потоку, течет и днем, и ночью». По мнению Чжу Дунпин, в потоке времени китайский народ выбирает: повернуться ли лицом к предкам, к старшим, то есть спиной на ту сторону, куда время течет. Китайский народ с древности уделяет значительное внимание своим предкам, от императора до обычных крестьян – обязательно поклониться предкам. Например, во время традиционного праздника Цинмин китайцы посещают могилы предков. Каждое поколение, каждый человек сознательно относит себя к истории своей семьи, требует от себя прославить предков (光宗耀祖 Guāngzōngyàozǔ). Итак, 前 qián (спереди) во временных выражениях в большинстве случаев означает прошедшее время, 后 hòu (позади) – будущее. Только тогда, когда мы активно делаем выбор, то повернемся лицом к будущему, например, 向前看 xiàngqián kàn *смотреть вперед*, 前进 qiánjìn *идти вперед*, но это крайне редкие случаи [Чжу 2009: 19]. Анализ слов с приставкой 前 в [ССКЯ 2002: 1010-1012] показал, что общий объем таких слов составляет 76; в 47 словах 前 означает время, в том числе в 42 словах 前 означает прошлое (前人 qiánrén, 前辈 qiánbèi *предки*, 前天 qiántiān *позавчера* и др.), и только в 5 словах 前 – будущее (前程 qiánchéng *карьера*, 前方 qiánfāng *вперед*, 前进 qiánjìn *идти вперед*, 前景 qiánjǐng *перспектива*, 前途 qiántú *будущее, карьера*). Кроме того, во втором случае обычно используется пространственная метафора.

Таким образом, модель времени в китайской лингвокультуре является более эгоцентрической, тем не менее, в потоке времени китайцы часто выбирают движение навстречу прошлому. Антропоцентричная модель отражается и в способах фрагментирования действительности. «При употреблении глаголов человек часто строго ограничивается от животных, артефактов и естественных классов» [Тань Аошуан 2004: 46]. Эти и другие существенные наблюдения, сделанные Тань Аошуан, позволяют сделать вывод о важности теории картины мира для современной китайской теории языка, в чем проявляется сходство лингвокультурологических тенденций в развитии науки о языке в Китае и России.

Литература

- Радченко О. А. Язык как мирозидание: Лингвофилософская концепция неогумбольдтианства. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Едиториал УРСС, 2004. 312 с.
- Тань Аошуан. Китайская картина мира: Язык, культура, ментальность. М.: Языки славянской культуры, 2004. 240 с.
- ССКЯ – Словарь современного китайского языка. Пекин: Шанъуинь шу-гуань, 2002. 1767 с. (现代汉语词典)
- Чжу Дунпин. Модель восприятия времени в китайском языке и связанные факторы. Дисс. докт. филол наук. Цзилиньский университет, 2009. 192 с (祝东平. 汉语时间感知模式与相关汉语因素研究)

Особенности терминологизации общеупотребительной лексики современного китайского языка (на примере экономического дискурса СМИ КНР)

Чечина Наталья Юрьевна

*Московский государственный лингвистический
университет (Москва)*

Features of Terminologization of Common Vocabulary in the Modern Chinese (on the Example of Economic Discourse of Chinese-Language Media)

Chechina Natalia Yuryevna

Moscow State Linguistic University (Moscow)

Abstract. The paper is devoted to the features of the economic vocabulary functioning in the materials of the Chinese-language media. Media materials reflect the major changes that are occurring in the life of society, primarily in the economic sphere. For China, the development of a market economy is of great importance, which is also reflected in the texts of the mass media. Media materials are sources of new information, their recipients are mainly the general public. Nevertheless, economics is a professional field of activity with its terminological system. The main task of media materials is to transfer information from specialists in this field to non-specialists. Thus, taking into account the abundance of terms, the texts of the economic media enrich the lexicon of listeners or readers. At the same time, an analysis of the texts of the Chinese-language media showed that an active process of terminologization (the transition of commonly used words to the category of terms is currently underway). This process has an impact on the daily communication of native speakers and is not enough studied on the material of modern Chinese.

Keywords: Chinese language; economic terms; terminologization; mass media; common vocabulary.

Политика реформ и открытости (改革开放 gǎigé kāifàng), курс на которую взяла КНР в конце 70-х гг. 20 века по инициативе Дэн Сяопина, привела к значительным изменениям во всех областях китайского общества и, в первую очередь, в экономике. В настоящее время Китай активно строит социалистическую рыночную экономику и проводит «политику открытых дверей». Экономические процессы постоянно находятся под пристальным вниманием общественности, и, естественно, оказывают влияние на содержание текстов масс-медиа. А материалы средств массовой информации, которые являются источником новой информации, направленной на широкую целевую аудиторию, обогащают лексический запас реципиентов. Экономический термин играет существенную роль в медийном тексте – формирует и ориентирует получателя сообщения, что отвечает его познавательным потребностям и интересам [Голованова 2008: 79]. «Термины не противостоят природе публицистики, напротив, они близки газетно-публицистическому стилю точностью номинации, глубиной обобщения понятия, однозначностью, лаконизмом выражения, составляющим один из важных компонентов эстетического идеала газетно-публицистического стиля. Вообще термины не выглядят чужеродными в газете именно вследствие книжно-письменной природы газетного языка» [Солганик 1981: 73]. Так как терминологическая и общеупотребительная лексика являются составляющими единого лексического состава общенародного языка, происходят процессы терминологизации и детерминологизации – переход общеупотребительной лексики в разряд терминов и наоборот. Рассмотрим более подробно процесс терминологизации. В ходе терминологизации общеупотребительной лексики реализуются процессы сужения или расширения семантики лексической единицы, различные типы переноса, т. е. процессы, приводящие в конечном итоге к переходу лексической единицы в терминосферу. В узком смысле под терминологизацией понимаются отдельные изменения в семантической структуре лексической единицы в процессе ее перехода в разряд термина (при таком понимании терминологизация оказывается одним из подвидов семантического способа) [Думитру 2008: 8]

Приведем некоторые примеры, взятые из материалов СМИ КНР: газеты «Жэньминьжибао», новостного агентства Синьхуа и др.

- (1) 23 日, 两市小幅低开, 开盘之后在热点板块的杀跌之下, 指数迅速走弱, 沪指一度跌破 3200 点。

23 rì, liǎng shì xiǎofú dī kāi, kāipán zhīhòu zài rèdiǎn bǎnkùai de shā diē zhī xià, zhǐshù xùnsù zǒu ruò, hùzhǐ yīdù diē pò 3200 diǎn.

23 числа торги на Шанхайской и Шэньчжэньской биржах открылись в небольшом минусе. Из-за продажи акций основных секторов фондового рынка после начала торгов индексы начали стре-

мительно падать, сводный индекс Шанхайской фондовой биржи Shanghai Composite снизился до 3200 пунктов.

В данном предложении используется общеупотребительное слово 板块 *bǎnkuài*, которое имеет следующие значения: 1) кусок плиты, плита; лист; доска; 2) блок, массив, часть; 3) геол. плита (тектоническая или литосферная). Здесь 板块 выступает в качестве финансового термина «ценные бумаги, акции определённого сектора фондового рынка».

(2) 在这之前, 亿达中国曾于 4 月 10 日公告称, 由于中民投被实施资产冻结, 在技术上导致亿达中国未偿还本金总额为 42.77 亿元的贷款触发提前赎回条款

Zài zhè zhīqián, yì dá zhōngguó céng yú 4 yuè 10 rì gōnggào chēng, yóuyú zhōng mǐn tóu bèi shíshī zīchǎn dòngjié, zài jìshù shàng dǎozhì yì dá zhōngguó wèi chánghuán běn jīn zǒng'é wèi 42.77 Yì yuán de dàikuǎn chùfā tíqián shù huí tiáokuǎn.

До этого Yida China Holdings 10 апреля объявила о том, что заморозка активов China Minsheng Investment Group технически создала условия для досрочного выкупа непогашенного займа по основному капиталу Yida China Holdings в размере 4 млрд. 277 млн юаней.

В данном примере 资产冻结 *zīchǎn dòngjié* имеет значение экономического термина «заморозка активов». Тем не менее, само по себе слово 冻结 *dòngjié* является общеупотребительным и имеет значение «замерзать; застывать; стать (о реке); замораживание, замерзание; мерзлота; мёрзлый».

В ходе анализа новостных статей экономического характера было выявлено, что в текстах масс-медиа наблюдается процесс терминологизации – перехода общеупотребительного слова в разряд термина. Терминологизация – неизбежное явление в процессе развития любого языка, и китайский язык не является исключением. Это динамический процесс, оказывающий влияние на повседневную коммуникацию носителей языка, при этом на материале современного китайского языка малоизученный. Можно с уверенностью полагать, что такое лингвистическое явление, как терминологизация, будет продолжать демонстрировать тенденцию активного развития, поэтому оно заслуживает дальнейшего тщательного изучения и анализа.

Литература

Голованова Е.И. Когнитивное терминоведение: учеб.пособие. Челябинск: Энциклопедия, 2008. 180 с.

Думитру Э. Особенности развития и современное состояние русской геоморфологической терминологии [Текст]: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008.

Солганик Г. Я. Лексика газеты (функциональный аспект). М.: Высшая школа, 1981. 112 с.

Звукоподражания в грамматической системе китайского языка

Шатравка Анна Владиславовна

*Российский государственный
гуманитарный университет (Москва)*

Onomatopoeias in Grammatical System of the Chinese Language

Shatravka Anna Vladislavovna

*Russian State University
for the Humanities (Moscow)*

Abstract. The article is devoted to the reflection of the functioning of onomatopoeia in the grammatical system of the Chinese language. Analysis of theories of scientists showed that there is no consensus regarding the place of onomatopoeias in the system of parts of speech of Chinese language. The main problem author solved is what class of words content or function are onomatopoeias.

Keywords: Chinese language, parts of speech, onomatopoeia.

В системе частей речи современного китайского языка особое место занимают звукоподражания (ономатопы), воспроизводящие голоса животных, звуки, то есть с помощью языковых средств языка создающие звуковые образы различных явлений. В разных языках один и тот же неязыковой звук, как правило, передается по-разному, поэтому в языке каждого народа существует свой набор звукоподражаний. Перед переводчиком часто встает дилемма: перевести звукоподража-

ние, используя похожее в языке перевода, либо передать с помощью транскрипции звуков китайского языка. Однако в этом случае возникает сложность, так как у читателя не всегда формируется правильное представление о том или ином звуке, ведь языковые образы в языках разных народов отличаются. Кроме того, некоторые переводчики опускают звукоподражания в переводе. Безусловно, это влияет на выразительность текста, лишает его той эмоциональной окраски, которую хотел передать автор оригинала.

Китайские лингвисты относят звукоподражание к области изучения грамматики (кроме Ван Ли, который считает звукоподражания экспрессивно-стилистическим средством [Ван Ляои 1954]). До сих пор остаются нерешенными следующие вопросы: 1) следует различать звукоподражания и междометия или считать, что они образуют один класс слов? 2) к какой категории слов – знаменательным или служебным – относятся звукоподражания? 3) являются ли звукоподражания отдельной частью речи или это, например, наречия?

Большинство ученых считают их служебными словами, но либо относят к ним также и междометия [Люй Шусян, Чжу Дэси 1951], либо, наоборот, рассматривают звукоподражания как подкласс междометий [Ли Цзиньси, Лю Шижун 1959]). Чэнь Шунун [Чэнь Шунун 1957] считает их подклассом наречий. Существует также мнение, что звукоподражания – это отдельный класс знаменательных слов [Чжэн Дэган, Ван Фань 1986].

Руководствуясь грамматическим критерием, предложенным А. А. Драгуновым [Драгунов 1952], и на основе анализа примеров из художественных произведений современных китайских писателей, можно сделать вывод, что звукоподражания могут самостоятельно выполнять синтаксические функции в предложении. Наиболее часто звукоподражание выступает в роли определения к глаголу. Эта функция приближает его к наречию, изображает звук, которым сопровождалось действие ...他们虽然肚子里饿的咕咕地叫，却也忍不住要笑 ...Tāmen suīrán dùzi lǐ è de **gūgū** de jiào, què yě rěn bù zhù yào xiào (...и хотя животы у них **урчали** от голода, они не могли сдержаться от смеха (Мао Дунь)). Как показывают примеры, определение к глаголу, выраженное звукоподражанием, предшествует глаголу и в большинстве случаев оформляется постпозитивной частицей 得 **dé**. Такое определение непосредственно примыкает к глаголу. Если в предложении есть другие определения к сказуемому (например, наречие) или показатель пассива, то они стоят перед звукоподражанием ...林大娘在里面打呃，又是喃喃地祷告 ...Lín dàniáng zài lǐmiàn dǎ è, **yòu shì nánán** de dǎogào (...Госпожа Линь кашляла в комнате и продолжала шептать слова молитвы (Мао Дунь)). 门被 «咚» 地撞开了。Mén bèi «**dōng**» dezhuàng kāile (Дверь со стуком открылась (Чжан Канкан)).

Часто после определения у глагола, функцию которого выполняет звукоподражание, можно встретить сочетание числительного, как правило, *yī* *один*, и существительного 声 *shēng* *звук*. Данная конструкция используется тогда, когда изображаемый звук единичный. Если звук повторяется несколько раз, то вместо числительного *yī* *один* употребляются другие числительные: ...咪呜咪呜地叫了两声 ...*Mīwū mīwū de jiàole liǎng shēng* (...дважды мяукнула (Мао Дунь)). Сочетание 声 *yī shēng* *один звук* – счетное слово к глаголу, может стоять после самого глагола, но обычно – перед ним. Звукоподражание часто получает оформление частицей 地 *de* или 的 *de*.

Звукоподражание в предложении может выполнять функцию сказуемого ...水在两旁大声地 哗哗, 哗哗 ...*Shuǐ zài liǎngpáng dàshēng de huā huā, huā huā* (...Вода громко журчала с обеих сторон (Ван Мэн)). Выполняя функцию сказуемого, звукоподражание приобретает некоторые свойства, характерные для предикатива. Подобно глаголу и прилагательному звукоподражания оформляются видо-временными показателями, например: ...这次火车确是哗啦了半天, «茶房!» ...*Zhè cì huǒchē què shì huālāle bàntiān, «Cháfáng!»* (...на этот раз в поезде на самом деле долго раздавалось: «Проводник!» (Лао Шэ)). Иногда звукоподражания в функции сказуемого имеют препозитивное определение. Следует отметить, что в современном китайском языке есть глаголы, образованные от звукоподражаний, поэтому возникают трудности при грамматическом анализе, где необходимо отделить одни от других. В словари китайского языка включают и звукоподражание, и образованный от него глагол. Основное отличие между – у глаголов второй слог произносится нейтральным тоном. Сравним: 咕唧 *gūjī* – хлюп, чмок и *gūji* – шушукаться, шептаться; 扑棱 *pūlēng* – хлоп и *pūlēng* хлопать.

Встречаются примеры, показывающие, что звукоподражания могут употребляться в роли глагольного дополнительного члена. Тогда звукоподражание обозначает звук, возникающий в результате действия или состояния. Например: 我脑袋里胀得嗡嗡的, 好像... *Wǒ nǎodai lǐ zhàng dé wēng wēng de, hǎoxiàng...* (У меня голова распухла так, что гудит, как будто... (Хэ Шигуан))

Звукоподражание может также выполнять в предложении функцию определения к имени: 叮铃叮铃的铃声响了 *Dīng líng dīng líng de língshēng xiǎngle* (Раздался звонок «дин-лин-дин-лин» (Ван Мэн)). Звукоподражание выступает в роли определения только к слову 声音 *shēngyīn* *звук* или другому слову, обязательным компонентом которого будет 声 *звук* (например, 铃声 *Língshēng* *звонок*, 水声 *shuǐshēng* *плеск воды*, 心跳声 *xīntiàoshēng* *удары сердца*, 响声 *xiǎngshēng* *звук*). Употребление звукоподражания усиливает значение существитель-

ного, конкретизирует его: например, писатель не просто говорит 'раздался звонок', но и изображает его звучание 'дин-лин-дин-лин'.

Часто звукоподражание выступает в качестве эквивалента предложения (функция, сближающая звукоподражания и междометия). Например: 沙沙沙! 外面像是风雨声 **Shāshāshā!** Wàimiàn xiàng shì fēngyǔ shēng (Ш-ш-ш! Снаружи словно послышался шум дождя и ветра (Лу Синь)).

Анализ материала показывает, звукоподражание – не просто слово, передающее звучание, это самостоятельная лексическая единица, способная выполнять синтаксические функции в предложении. Безусловно, звукоподражание не отвечает важному требованию при разграничении слов на знаменательные и служебные, т.к. не имеет лексического значения в узком смысле слова, однако грамматическая самостоятельность этой категории слов позволяет считать их знаменательной частью речи. Если придерживаться системы частей речи А.А. Драгунова, то звукоподражание следует выделить в отдельную категорию знаменательных слов, занимающую особое место в грамматической системе китайского языка.

Литература

Ван Ляои. Основы китайской грамматики / Пер. с кит. Г.Н. Райской. Под ред. А.А. Драгунова и Чжоу Сунъюаня. М.: Изд-во иностр. лит. 1954.

Драгунов А.А. Исследования по грамматике современного китайского языка. Т.1. Части речи. М., Л.: Изд-во АН СССР. 1952.

Люй Шусян, Чжу Дэси. О грамматике служебных слов. Каймин шудянь. 1951. (吕叔湘, 朱德熙. 语法虚词讲话)

Ли Цзиньси, Лю Шижу. Материалы по грамматике китайского языка. Шанъу иньшугуань. 1959. С.53. (李進喜, 刘石柱. 汉语语法教材)

ЧжэнДэган, Ван Фань. Звукоподражания в современном китайском языке // Гуйчжоу шифань дасюэ сюэбао: шэкэбан. 1986. № 1. С. 45-50. (郑德刚. 现代汉语的象声词)

Чэнь Шунун. Грамматика современного китайского языка. Хунань жэньминь чубаньшэ. 1957. (陈书农. 现代汉语语法)

Приветственное слово как жанр и его характеристика (на примере китайского языка)

Шевцова Наталья Ивановна

*Дальневосточный федеральный
университет (Владивосток)*

Welcome Speeches as a Genre and It's Characteristics (in the Chinese Language)

Shevtsova Natalia Ivanovna

*Far Eastern Federal University
(Vladivostok)*

Abstract. This article deals with structural and linguistic features of welcome speeches given by China's leaders. Relevance of the research is justified by the great attention, paid by researchers in various linguistic fields to this type of speech, which is regarded as a very important genre in international political discourse. The purpose of this article is to identify some structure and linguistic features of the text as a speech genre. The empirical material is based on welcome speeches given by China's leaders – Xi Jinping and Li Keqiang in the period of 2015-2019. A linguistic analysis of these texts has revealed a clear structure of welcome speeches, their main linguistic and stylistic characteristics and some particularities, determined by the Chinese language.

Keywords: welcome speech; speech genre; structural features; linguistic features; stylistic characteristics.

В последние годы в лингвистической среде пристальное внимание уделяется исследованию политического дискурса (ПД), так как правильно построенная политическая речь зачатую помогает решению важных межгосударственных проблем. ПД реализуется посредством многочисленных жанров, одним из которых является приветственное слово / приветственная речь (ПС/ ПР). ПС как малый жанр ПД становится объектом изучения не только в одном языке (русский, английский, немецкий), но и нескольких языках в сравнительном аспекте, например, паре языков русский – немецкий [Митягина, Махортова 2013], что помогает выявлению его как общих, так и отличительных черт.

Многоаспектный подход к этому жанру (психолингвистический, стилистический, прагматический) помогает, уяснив логику построения текстов, полнее описать его структурно-языковые черты, а в практическом плане дает возможность переводчику прогнозировать дальнейшее развертывание текстовой информации. Обобщение теоретических данных по общему исследованию публичной речи и конкретного жанра ПС/ ПР позволяет с учетом особенностей КЯ и анализа некоторых речей первых лиц КНР (Си Цзиньпина, Ли Кэцяна) выявить ее некоторые структурно-языковые особенности. Эти особенности определяются самим характером речи как публичной, носящей ритуальный характер, обладающей функцией убеждения реципиента в правильности предлагаемых действий и побуждения его к необходимости совместного претворения этих действий в жизнь. ПС используется в разных значимых ситуациях и событиях (встречи с первыми лицами государства, участие в международных форумах, заседаниях и т.д.) и ее роль во всех случаях одинакова важна. Целевая установка такой речи проявляется в устойчивости логической структуры как жанрового признака.

Структуру ПС в КЯ в целом можно представить как последовательность следующих составляющих: 1) обращение-приветствие к реципиенту /реципиентам; 2) выражение благодарности по случаю приглашения для участия в мероприятии; 3) подчеркивание исторической значимости этого мероприятия/события (для страны, стран-участников, региона, мира); 4) краткая история события с указанием ее положительных сторон; 5) директивные указания (цели) для дальнейшего развития отношений, важных не только для участвующих сторон, но региона и мира в целом; 6) обращение к участникам события с призывом к дальнейшему взаимодействию и выражение надежды на достижение успехов, одинаково важных для всех участников события и мира. К факультативным составляющим такой структуры могут относиться «вкрапления» - воспоминания/впечатления, имею-

щие отношение к личному опыту говорящего, но в контексте общей идеи повествования.

Прагматический аспект жанра проявляется не только в использовании эмоционально окрашенной лексики, разностилевых фразеологизмов, тропов [Алексеева 2004: 298-299], но и в употреблении концептуальной лексики. Концепты отражают главные для Китая понятия как внутренней жизни (*реформа, гармоничное общество, стабильное развитие, социализм с китайской спецификой*), так и внешней (*сообщество единой судьбы, шелковый путь, взаимовыгодное и дополняющее сотрудничество, стратегическое партнерство*). Продвижение основной идеи жанра реализуется через повторы как ключевых слов, так и основных понятий. Важная роль в ПС отводится стилистическим приемам, таким как параллельные построения, градация, оценочная лексика с положительной коннотацией. В текстах ПС выявляются и дополнительные функции предложений-обращений, которые выступают своего рода маркерами перехода от одной мысли /темы к другой. Китай предстает в ПС как ответственная страна, которая, хотя открыто не говорит о желании взять на себя лидерство в решении важных международных проблем, но активно призывает страны-участники события к их совместному решению.

Помимо этих черт ПС КЯ свойствен характерный ритм построения не только фраз, но и текста в целом (фоностилистический уровень), которые определяются типологическими особенностями самого языка.

Литература:

- Алексеева, И.С. Введение в переводоведение : учеб.пособие. СПб. : Филол. ф-т. СПб. гос. ун-та; М. : Академия, 2004. 352 с.
- Митягина В.А., Махортова Т.Ю. Дискурсивные реализации жанра: при-
ветственная речь // *Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 2, Языр
кознание*. 2013. № 3 (19). С. 128-134.

“Open up your mind and see like me”: Neurocognitive Processes for Reading Chinese Characters

Bogushevskaya Victoria

*Università Cattolica del Sacro Cuore
(Milan)*

Abstract. Reading processes require a dynamic integration of visual-orthographic, auditory-phonological and semantic networks. Recent neuro-linguistic studies have demonstrated that reading Chinese affects interactions among the usual brain regions specialised for these functions across languages and activates additional areas. Alphabetic word recognition processes are lateralized to the left cerebral hemisphere (LH). In contrast, non-phoneme based Chinese script has long been defined as a visual-to-meaning system, and the visuo-spatial properties of nonlinear writing suggested a holistic right-hemisphere (RH) dominance in reading. Since the majority (over 80%) of modern characters is phonosemantic, it makes them representative of the Chinese language more effectively than other kinds of characters. However, only 36% of all the phonological components are perfectly regular, and representations of semantic radicals have the potential to interfere with each other or be inconsistent, which constrains their phonological and/or semantic recognition. In Chinese character recognition, a RH advantage/bias is recruited for orthographic processing/perception tasks, while a LH is responsible for phonological tasks. Orthographic activation is faster than phonological processing, and holistic processing effect in visual recognition decreases with the level of expertise. “The visual word form area” is bilateral, and the LH middle frontal gyrus – the area specialized for handling visuo-spatial analysis and remembering complex visual patterns – plays a crucial role in Chinese reading, and is larger in Chinese speakers. Reading in alphabetic scripts recruits a “phonological route” connecting Broca’s area and Wernicke’s area, whereas reading in Chinese recruits a neural circuit linking Broca’s area and the supplementary motor area, responsible for planning complex sequential movements.

Keywords: Chinese character, reading Chinese, phonosemantic

Reading processes require a dynamic integration of visual-orthographic, auditory-phonological and semantic networks (Fig. 1). Psycho- and neurolinguistic experiments with the usage of recent technological breakthroughs have demonstrated that reading Chinese not only affects interactions among the usual brain regions specialised for these functions across languages, but also activates additional areas [Ge et al. 2015; Hsiao, Cottrell 2009b; Tan et al. 2001; Tan et al. 2005; Zhou et al. 2019].

Alphabetic systems follow the grapheme-to-phoneme conversion rules, a word's pronunciation is determined by such sublexical mapping principles as regularity or consistency [Lee 2017b: 214]; orthographies have a linear structure, and word visual recognition is lateralized to the left cerebral hemisphere (LH) [Hsiao, Cottrell 2009b: 885] (Fig. 2). The traditional assumption about Chinese reading has been that it works as a visual-to-meaning system, characters represent morphosyllabic information, and readers may be able to bypass phonology. Subsequent studies demonstrated that Chinese reading also involves phonology, which is activated simultaneously with orthographic recognition [Perfetti, Liu 2006: 226-227].

The majority (over 80%) of modern characters is phonosemantic (形声 *xíngshēng*, lit. 'form and sound'), which makes them representative of the Chinese language more effectively than other kinds of characters. About 72% of these characters have a left-right structure; clues for meaning and pronunciation of a character are separate and localized in two different parts of the character. Around 90% have their semantic radical (S) on the left and phonetic constituent (P) on the right [Lee 2017b: 214] (e.g., 钉 *dīng* 'nail', a SP character), and only 10% have the opposite arrangement (e.g., 顶 *dǐng* 'peak', a PS character).

Since the targeted root in the P part has undergone massive sound change diachronically [Behr 2010: 294], it has been reported [Shu, Wu 2006: 106-107] that, of all the P in modern standard Mandarin:

- 1) only 36% are perfectly regular, i.e., have exactly the same pronunciation as their phonetic component, including tone (e.g., 黄 *huáng* 'yellow', 璜 *huáng* 'a semi-circular jade pendant', 簧 *huáng* 'reed', 磺 *huáng* 'sulphur');
- 2) 48% give partial information, i.e.:
 - a. may have the same pronunciation but not the tone (e.g., 菲 *fēi* 'fragrant', 匪 *fěi* 'robber', 绯 *fēi* 'red', 翡 *fěi* 'kingfisher'),
 - b. share the same rimes (as in 板 *bǎn* 'board' and 贩 *fàn* 'peddler'),
 - c. share the same onsets (as in 坝 *bà* 'dam' and in the final particle 呗 *bei*);
- 3) 16% give no useful information (cfr.: 殆 *dài* 'dangerous', 怡 *yí* 'happy', 抬 *tái* 'raise', 笞 *chī* 'beat with a stick').

Chinese learners therefore become aware that it is unreliable to name a character based on its phonological component only.

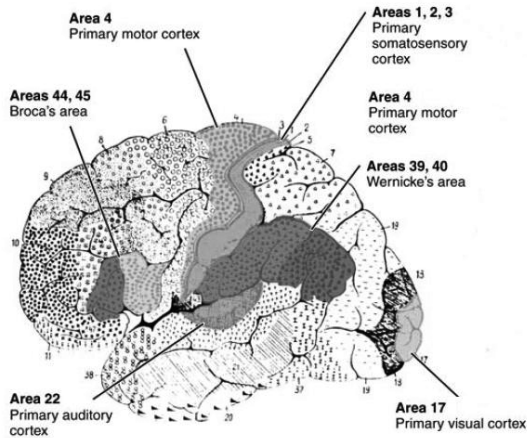

Figure 1. Brodmann's areas (BA) of the cerebral cortex [Betts et al. 2013: 559]*.

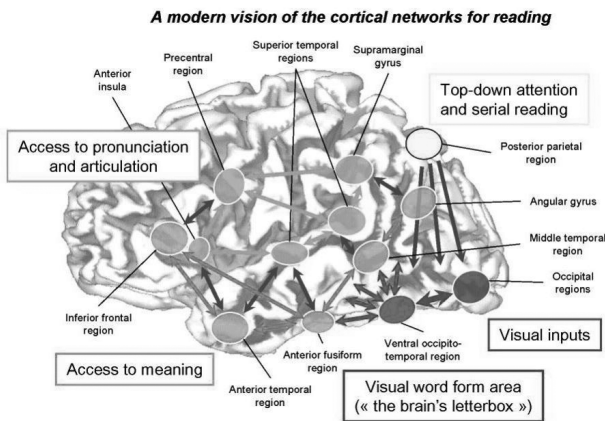

Figure 2. A modern vision of the cortical networks for reading [Dehaene 2009: 63]**

* Brodmann in 1909 identified total 53 cytoarchitectonic areas, whereas recently [Glasser et al. 2016] recognized as many as 180 areas per hemisphere.

** The information is first perceived by the occipital regions (BAs 17, 18, 19), then goes to "the visual word form area" (VWFA, "the brain's letterbox", located next to BA 37), which, in less than one-fifth of a second, extracts the identity of a letter string, and transmits this information to numerous regions, spread all over LH [Dehaene 2009: 55]. All regions in this graph are known to contribute to word reading, those in green and orange primarily contribute to spoken language processing. All connections are bidirectional and their detailed organization is not yet fully known [Dehaene 2009: 63-64].

Although semantic constituents aim to have the greatest impact on the mappings between orthography and semantic representations, these representations are not always consistent. E.g., the character 机 *jī* may activate several quite unrelated semantic representations – ‘opportunity’, ‘machinery’ and ‘wood’ – that have the potential to interfere with each other in the processing of the character 机 [Chen et al. 2006: 182–183] and constrain its recognition.

Early visual hemifield studies focusing largely on the visuo-spatial properties of nonlinear Chinese writing suggested a “holistic”, right-hemisphere (RH) dominance in reading [Chen et al. 2002: 1088]. Subsequent brain imaging has refuted this hypothesis. Chinese character recognition has usually exhibited a RH advantage/bias for orthographic processing/perception tasks and a LH advantage for phonological processing [Hsiao, Cottrell 2009b: 881]. Orthographic activation is faster than phonological processing [Lee 2017a: 160].

The experiment with the use of event-related potential techniques demonstrated that the processing of SP characters was lateralized to the LH (BA 20), whereas the processing of PS characters was bilaterally distributed [Hsiao, Liu 2010: 555, 557]. This effect may be due to higher visual similarity (i.e., a perceptual effect) among SP characters than PS characters [Hsiao, Cheung 2016: 367].

Holistic processing effect in visual Chinese character recognition decreases with the level of expertise. Chinese characters consist of features that are not clearly separable to non-experts. What Chinese readers have been trained for is the ability to separate and group individual features of the characters into discernible components. This effect is less clear in alphabetic languages, because novices can already discern the separation of letters [Hsiao, Cottrell 2009a: 461]. Nevertheless, the RH superior frontal and parietal regions (BAs 8/6, 7) and the bilateral cuneus (BA 19/18) in the visual system mediate the passive speaking of irregular characters [Tan, Siok 2006: 363].

Other neuroimaging and computational modelling experiments demonstrated that: 1) “The visual word form area” (BA 37) is bilateral for Chinese [Lee 2017a: 159]. 2) The LH middle frontal gyrus (BAs 9/46, 10, a region is just anterior to the premotor cortex (BA 6) [Tan et al. 2005: 8784]) – the area only occasionally observed in studies on alphabetic writing systems, and specialized for handling visuo-spatial analysis and remembering complex visual patterns (and provoked by semantic [Lu et al. 2007: 363] as well as homophony* decisions [Tan et al. 2001: 844]) – plays a crucial role in Chinese character recognition and reading [Lee 2017a: 159; Li et al. 2014:

* According to [Zhang et al. 2006: 273], 80% of the monosyllables (including tone) from the *Modern Chinese Dictionary* (Institute of Linguistics, 1985) correspond to more than one meaning, 55% correspond to five or more homophones.

513]. In addition, this area was determined to be larger in Chinese speakers than in English speakers [Tan, Siok 2006: 371]. 3) Reading in alphabetic scripts recruits a neural circuit connecting Broca's area and Wernicke's area (a "phonological route"), whereas reading in Chinese recruits a neural circuit linking Broca's area and the supplementary motor area (SMA, situated medially within BA 6) [Tan et al. 2005: 8784], responsible for planning complex sequential movements (including rhythmic sequences) and contributing to corticospinal pathways [Brodal 2010: 314, 317].

References

- Behr W. In the interstices of representation: ludic writing and the locus of polysemy in the Chinese sign. // de Voogt AJ, Finkel IL (eds.) *The idea of writing: play and complexity*. Leiden: Brill; 2010. p. 281-314.
- Betts JG, Desaix P, Johnson E, Johnson JE, Korol O, Kruse DH, Poe B, Wise JA, Young KA. *Anatomy and Physiology*. Houston: OpenStax; 2013.
- Brodal P. *The Central Nervous System: Structure and Function*. 4th ed. Oxford: Oxford University Press; 2010.
- Chen Y, Fu S, Iversen SD, Smith SM, Matthews PM. Testing for dual brain processing routes in reading: a direct contrast of Chinese character and pinyin reading using fMRI // *Journal of Cognitive Neuroscience*. 2002; 14(7): 1088-1098.
- Chen MJ, Weekes BS, Peng DL, Lei Q. Effects of semantic radical consistency and combinability on Chinese character processing // Li P, Tan LH, Bates E, Tzeng OJL (eds.) *The Handbook of East Asian psycholinguistics*. Vol. 1: Chinese. Cambridge: Cambridge University Press; 2006. p. 175-186.
- Dehaene S. *Reading in the Brain: The Science and Evolution of a Human Invention*. New York: Penguin Publishing Group; 2009.
- Ge J, Peng G, Lyu B, Wang Y, Zhuo Y, Niu Z, Tan LH, Leff, Leff AP, Gao JH. Cross-language differences in the brain network subserving intelligible speech // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2015; 112(10): 2972-2977.
- Glasser MF, Coalson TS, Robinson EC, Hacker CD, Harwell J, Yacoub E, Ugurbil K, Andersson J, Beckmann CF, Jenkinson M, Smith SM, Van Essen DC. A multi-modal parcellation of human cerebral cortex // *Nature*. 2016; 536(7615): 171-178. Available from: doi:10.1038/nature18933.
- Hsiao JH, Cheung K. Visual similarity of words alone can modulate hemispheric lateralization in visual word recognition: Evidence from modeling Chinese character recognition // *Cognitive Science*. 2016; 40(2): 351-372.
- Hsiao JH, Cottrell GW. Not all visual expertise is holistic, but it may be leftist // *Psychological Science*. 2009a; 20(4): 455-463.
- Hsiao JH, Cottrell GW. What is the cause of left hemisphere lateralization of English visual word recognition? Pre-existing language lateralization, or task characteristics? // *Proceedings of CogSci*. 2009b: 881-886.
- Hsiao JH, Liu T. Position of phonetic components may influence how written words are processed in the brain: Evidence from Chinese phonetic com-

- pound pronunciation // *Cognitive, Affective, & Behavioral Neuroscience*. 2010; 10(4): 552-559. Available from: doi:10.3758/CABN.10.4.552.
- Lee CY. Neurolinguistics, Overview // Sybesma R, Behr W, Gu Y, Handel Z, Huang CTJ, Myers J (eds.) *Encyclopedia of Chinese Language and Linguistics*. Vol. 3. Leiden: Brill; 2017a. p. 157-168.
- Lee CY. Sublexical processes for reading Chinese characters, neurolinguistic studies // Sybesma R, Behr W, Gu Y, Handel Z, Huang CTJ, Myers J (eds.) *Encyclopedia of Chinese Language and Linguistics*. Vol. 4. Leiden: Brill; 2017b. p. 214-218.
- Li P, Shu H, Liu Y. Neurocognitive approaches to the processing of Chinese // Huang CTJ, Li YHA, Simpson A (eds.) *The Handbook of Chinese Linguistics*. Oxford: John Wiley & Sons; 2014. p. 511-533.
- Lu J, Li KC, Wang XY, Shu H, Dong Q. Semantic judgment in Chinese character and picture: an fMRI study // *Zhongguo yixue jingxiang jishu*, 2007. №3, 361-363 p. (卢洁, 李坤成, 杨延辉, 王晓怡, 舒华. 汉语及图片语义加工机制的 fMRI 研究)
- Perfetti CA, Liu Y. Reading Chinese characters: orthography, phonology, meaning, and the Lexical Constituency Model // Li P, Tan LH, Bates E, Tzeng OJL (eds.) *The Handbook of East Asian psycholinguistics*. Vol. 1: Chinese. Cambridge: Cambridge University Press; 2006. p. 225-236.
- Shu H, Wu N. Growth of orthography-phonology knowledge in the Chinese writing system // Li P, Tan LH, Bates E, Tzeng OJL (eds.) *The Handbook of East Asian psycholinguistics*. Vol. 1: Chinese. Cambridge: Cambridge University Press; 2006. p.103-113.
- Tan LH, Liu HL, Perfetti CA, Spinks JA, Fox PT, Gao JH. The neural system underlying Chinese logograph reading // *Neuroimage*. 2001; 13: 836-846.
- Tan LH, Sprinks JA, Eden GF, Perfetti CA, Siok WT. Reading depends on writing, in Chinese // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2005; 102(24): 8781-8785.
- Tan LH, Siok WT. How the brain reads Chinese language: recent neuroimaging findings // Li P, Tan LH, Bates E, Tzeng OJL (eds.) *The Handbook of East Asian psycholinguistics*. Vol. 1: Chinese. Cambridge: Cambridge University Press; 2006. p.358-371.
- Zhou W, Zhang L, Shu H, Li P. Neural mechanisms for the processing of Chinese // Huang CR, Jing-Schmidt Z, Meisterernst B (eds.) *The Routledge Handbook of Chinese Applied Linguistics*. New York: Routledge; 2019. p. 659-672.

(In)definiteness in a Language Without Articles: a Study of the Syntax-Pragmatics Interface in Mandarin Chinese

Chen Hanzhu 陈瀚竹

Paris-Sorbonne University (Paris)

Abstract. For Chinese noun phrases, the complexity in the definite or indefinite interpretation and their position in sentence has been a controversial topic for a long time. The paper presents a detailed analysis of the interpretation of the noun phrases with different forms – *yi* (one) + classifier, Bare NPs and numeral NPs – in different positions in a sentence – the subject position and the object of *ba*. In Mandarin Chinese, a language which is claimed to have no definite and indefinite articles, *yi* + classifier NP is the lexical form mainly used for indefinite referents, while bare NPs and numeral NPs by themselves are neutral in respect of the interpretation of definiteness. And it is said that there is a strong tendency in Mandarin that the subject of a sentence or the object of *ba* has a definite reference. However, this concept is quite vague and needs further specification. After our counting up corpus of spoken and written Chinese, literature, news and scientific style, we found out that the indefinite NPs can occur in the subject position and the *ba*-NP position in Chinese sentences. Indefinite NPs can take the subject role with or without an existential syntactic marker, as for the indefinite *ba* NPs, they are actually indefinite reference NPs, which includes indefinite specific and, contrary to expectation, indefinite non-specific NPs and definite NPs.

Keywords: definiteness; bare NP; *yi*+classifier; numeral NP; *ba*-NP; indefinite non-specific; Mandarin Chinese.

It is well known that the Chinese is a language which is claimed to have no functional equivalents of the definite and indefinite article in western languages, by which the concept of definiteness has been biased. However it should be noted that definiteness is conveyed in every language, also including article less languages like Chinese, though in diverse ways.

We speak of definite vs indefinite term operators when the orientational parameter only concerns the question whether or not the intended referent is presumed to be already available in addressee's pragmatic information [Dik 1997: 184]. As the category of definiteness is universal, there are many means in Chinese, including lexical, morphological, and position in sentence, to indicate that a nominal phrase is definite or indefinite. From a morphological point of view, *yí* (one) + classifier NP has developed uses of an indefinite article[†], [Chen Ping 2004: 1129], while bare NPs and numeral NPs by themselves are neutral in respect of the interpretation of definiteness. As for the position in sentence, a number of linguists argue that the verb, in Mandarin Chinese, establishes by its position in a sentence the privileged position for the interpretation of the noun phrases (NP) as definite or indefinite. It is therefore possible to posit as a general rule that a noun is definite and indefinite according to whether it precedes the verb or follows it [Rygaloff 1973: 87]: therefore, it is said that the subject of a sentence or the object of a pretransitive has a definite reference [Chao Yuenren 1968: 343].

Most Chinese linguists agree that indefinite NPs cannot occur in the subject position in Chinese sentences, unless they are licensed with an existential syntactic marker [Coyaud, Paris 1976: 137; Zhu 2010]:

(1a) *一个人来看你。

<i>yí</i>	<i>gè</i>	<i>rén</i>	<i>lái</i>	<i>kàn</i>	<i>nǐ</i>
one	CLF	person	come	see	2SG

(1b) 有一个人来看你。

<i>yǒu</i>	<i>yí</i>	<i>gè</i>	<i>rén</i>	<i>lái</i>	<i>kàn</i>	<i>nǐ</i>
have	one	CLF	person	come	see	2SG

'Someone comes to see you / 'There is a person who comes to see you'

And also, most Chinese linguists agree that the use of the *ba* sentence is linked to a definite reference [Chao 1968: 343; Ding 1979: 95; Hashimoto 1971: 66; Lü 1979: 173- 175; Tan 1983; Zhu 1982: 187]:

(2a) 请来了一位大夫。

<i>qǐng</i>	<i>lái</i>	<i>le</i>	<i>yí</i>	<i>wèi</i>	<i>dàifu</i>
invite	come	PRF	one	CLF	doctor

'We invited a doctor to come.'

[†] It should be noticed that morphologically and in some cases also functionally *Yí* (one) + classifier NP has not yet been fully grammaticalized. See [Chen Ping 2004].

(2b) *把一位大夫请来了。

bǎ yí wèi dàifu qǐng lái le
BA one CLF doctor invite come PRF

However these concepts are quite vague and need further specification. After our counting up corpus of spoken and written Chinese, literature, news and scientific style, we found out that the *yí* (one) + classifier NPs can take the subject role without an existential syntactic marker in Chinese sentences:

(3) 刚要出去瞅瞅，一个人冒冒失失跑来了。

gāng yào chūqù chōuchōu, yí gè rén màomàoshīshī
just want go out to see one CLF person reckless
pǎo lái le
run come PRF

‘(He) was just about to go out and take a look, a person came running recklessly.’

In fact, we noticed here three types of situations: a. it is necessary to have the existential syntactic marker *you* before the *yí* (one) + classifier NPs; b. the existential syntactic marker *you* is optional; c. it is not appropriate to have the *you* for some sentences.

As for the ‘ba’ sentences, not only *yí* (one) + classifier NPs can occur in the *ba*-NP position, but also it could be interpreted differently, including indefinite specific interpretation, contrary to expectation, indefinite non-specific interpretation and definite interpretation. For example, the *ba* NP in the sentence below is necessarily indefinite non specific:

(4) 我想把一本中文小说译成英文，但还没决定译哪一本，你说译哪本好？

wǒ xiǎng bǎ yí běn zhōngwén xiǎoshuō yìchéng yīngwén,
1sg want BA one CLF Chinese roman translate English
dàn hái méi juédìng yì nǎ yí běn, nǐ shuō yì
but yet NEGdecide translate which one CLF 2SG say translate
nǎ běn hǎo
which CLF good

‘I intend to translate a Chinese novel into English, but (I) have not yet decided which one to translate. Tell me which one to translate.’

To understand the essence of definiteness, it is necessary to investigate the notion beyond the article systems of specific languages. So, in this presentation, we will focus first of all on how definiteness is expressed and encoded in Mandarin Chinese. Secondly, we will observe bare NPs, numeral NPs and *yi*+classifier NPs, in preverbal position, more precisely, the subject position and the *ba*-NP position. We will present cases where the indefinite NPs occur in the subject position with and without the existential syntactic marker *you*. Finally, we will analyze the interpretation of *yi*+classifier NPs and bare NPs in the *ba*-NP position.

List of abbreviations

CL – classifier; 2SG – second person singular; PRF – perfective; NEG – negative.

References

- Chao Yuan-ren. A grammar of spoken Chinese, Berkeley and Los Angeles: University of California Press; 1968.
- Coyaud Maurice, Paris Marie-Claude. Nouvelles questions de grammaire chinoise. Paris: Dunod et Saint Sulpice de Favières; 1976.
- Chen Ping. Identifiability and definiteness in Chinese // *The University of Queensland: Linguistics*. 2004; 6: 1129–84.
- Dik Simon C. K. Hengeveld (ed.) The theory of functional grammar, Part 1, The structure of the clause. Berlin, Allemagne, Etats-Unis, New York: Mouton de Gruyter; 1997.
- Ding Shengshu, et al. Xian dai Han yuyufajianghua. Pékin: Commercial Press; 1979. (丁声树. 现代汉语语法讲话)
- Hashimoto Anne Yue. Mandarin syntactic structures. *Chinil* 8; 1971.
- Rygaloff Alexis. Grammaire élémentaire du chinois. Paris, France: Presses universitaires de France; 1973.
- Tan, Aoshuang. Ucebnik sovremennogo kutajskogo razgovornogo jazyka. Moscou: Editions ‘Nauka’; 1983.
- Zhu Dexi. Yufa Jiangyi, Beijing, Chine: Commercial Press; 2010. (朱德熙. 语法讲义)

Word Recognition in Mandarin Chinese: An Eye-tracking Study

Du Rongyue 杜容玥

Shanghai Jiao Tong University (Shanghai)

Fan Yang 范阳

Shanghai Jiao Tong University (Shanghai)

Hsu Yu-Yin 许又尹

The Hong Kong Polytechnic University (HongKong)

Abstract. This study investigated the processing and recognition of Chinese characters by native speakers, specifically, it focused on how traditional Chinese characters are recognized and processed by simplified Chinese users. The current study conducted two eye-tracking experiments. The stimuli included 100 high-frequency characters (50 in traditional and 50 in simplified) and 50 sentences in simplified characters (embedded with target stimuli in traditional characters), which were manipulated across five types of Traditional-Simplified orthographic difference (Total Difference, Partial Difference, Simplified Radical, Part-to-All, Many-to-One). Among the five types of Traditional-Simplified orthographic difference, the error rate for the type “Total Difference” (with error rate 49%) was significantly higher than all other types, followed by Simplified Radical, Many-to-One, Part-to-All, and then Partial Difference. The eye-tracking data were analyzed using five measures, including first fixation duration, gaze duration, total viewing time, IA run count, and regressions in. The interest areas were categorized as top-bottom, left-right, and the whole region, depending on character structures. The results showed that the participants preferred to process radicals first (84.7%) rather than the whole character (15.3%). Also, they tended to pay more attention and spend more time on the right region than the left one, and their IA run count in the right was significantly more than that in the left. In sentences, contexts seemed to help reduce reading and comprehension difficulty but the participants’ fixations varied. They put their eyes on different positions of the target sentence with various duration, but all got the sentence clearly. The findings suggest effects of morphological awareness, types of orthographic inconsistency, and contextual cues in Chinese word recognition.

Keywords: word recognition; Chinese character; morphological awareness; orthographic inconsistency; eye-tracking.

This study aims to investigate effects of orthographic consistency and of morphological awareness in Chinese word recognition and comprehension among skilled native adult readers. Learning and recognizing Chinese words usually require a successful convergence of script-to-sound-and-meaning of one or more Chinese characters. While previous studies investigate the interaction and the influence of orthography and morphological awareness between different but similar languages [e.g., Paulesu et al., 2000 comparing English and Italian; Rau et al., 2015 comparing English and German], we find that Chinese provides a perfect context to further investigate this issue, with variation of simplified and traditional Chinese characters.

The current study aims to focus on a dynamic relationship between how people from different regions using either simplified or traditional characters perceive and process Chinese while both types of characters were presented. This study is the very first step of a larger project, which concentrated more on simplified Chinese users. The study employed an eye-tracking technique to explore these issues. The stimuli included 100 high-frequency characters (50 in traditional and 50 in simplified) and 50 sentences in simplified characters (embedded with target stimuli in traditional characters). The two sets of Chinese characters (traditional and simplified) were manipulated across 5 types of Traditional-Simplified orthographic difference (Total Difference, Partial Difference, Simplified Radical, Part-to-All, Many-to-One). For participants, they were selected based on some basic requirements that they must be simplified Chinese users and they were studying in the top ten universities in China, so that their literacy and comprehension ability can be assumed to be at a similar level. These participants' other information was also collected, which included genders, majors, and language backgrounds. In this study, two eye-tracking experiments were conducted. In Experiment 1, the participants were instructed to read the traditional characters in a natural way when the stimuli appeared on the monitor, and then they were asked to choose the correct sound or meaning of the character they just read. In experiment 2, the participants were requested to read a set of testing sentences carefully, one by one. Each testing sentence was followed by a reading comprehension question to ensure that the participants understand the target sentence.

As for the results, both behavior and eye-tracking data were analyzed. In experiment 1, the results showed that traditional Chinese characters which were in the total different condition were much harder, reflecting in an error rate of 49%, far more than other counterparts, which share no significance between each other. Moreover, the eye-movement data indicated that radicals play a dominant role in this recognition process. The participants preferred to process radicals first (84.7%) rather than the whole character (15.3%). Also, they tended to pay more attention and spend more time

on the right region (mean of dwell time: 986ms) than the left one (mean of dwell time: 368ms), and their IA run count in the right (mean:1.6448 times) was significantly more than that in the left (mean:1.0565 times). In experiment 2, there is an apparent difference between participants processing sentences with target traditional Chinese characters and without ones. It is more challenging when they are viewing former ones, with longer duration time (mean: 215.91ms >126.72ms) and more regressions. In addition, it has found that contexts seemed to help reduce reading and comprehension difficulty but the participants' fixations varied. They fixated on different positions of the target sentence with various duration. Also, regressions indicate that traditional Chinese characters stimulate more hesitation and regressions, but no trouble in understanding the whole sentence. Overall, we see that in simplified-Chinese-character environment, traditional Chinese characters, especially the ones belong to totally different, do make difficulty in understanding, but for single character, radicals provide evidence for participants to refer to the meaning and sound, and in sentences, the context helps.

References

- Paulesu E., McCrory E., Fazio F., Menoncello L., Brunswick N., Cappa S. F., et al. A cultural effect on brain function // *Nature Neuroscience*, 2000, 3, 91-96.
- Rau Anne K., Moll K., Snowling M. J., Landerl K. Effects of orthographic consistency on eye movement behavior: German and English children and adults process the same words differently // *Journal of Experimental Child Psychology*. 2015. 130, 92-105.

Principle of Generalized Distribution and Interpretation of Difficult Words and Sentences in Ancient Chinese Books

Gao Yang 高扬

*Zhejiang University of Finance and Economic
Dongfang College (Hangzhou)*

Abstract. Generalized grammatical distribution not only focuses on the adjacent components of Keywords in sentences, analyze the syntactic position occupied by words and their ability to combine with adjacent components, but also pay attention to the inter-restricted relations between non-adjacent co-existing elements; It can include combinatorial analysis of semantic roles, pragmatics elements, and also refer to the restriction on combinatorial relations by Chinese prosodic features. Through the investigation of the generalized distribution characteristics of Keywords, we can describe surface structure and deep structure of sentences effectively. When we do textual research on ancient word and phrases in ancient books, this kind of in-depth description also can effectively set up Chinese grammar structure which have social consensus in that period, thus we can effectively solve the text explanation difficulty caused by mistakes of punctuation, derivative words, missing words and some other problems, it can be regarded as an efficient method to solve dispute in interpretation of ancient books.

Keywords: distribution; difficult Words and Sentences; textual research, method.

Interpretation of difficult words and sentences in ancient Chinese books, which remains as a research emphasis for Chinese classical linguistics, has generated the classical hermeneutics: phonology. Although phonology comprises a variety of methods, the phenomenon of “ten scholars offering ten results” [Wang 2000: 518], which is pointed out by Mr.

Wang Li, can often be found in actual operations, which in turn makes it hard to make any conclusion with regards to the definition of difficult words and sentences. The fundamental reason lies in the lack of a method to confirm the meaning of words. On the basis of structural linguistics theories, Mr. Yang Fengbin explicitly proposes a method that sets “distribution” as the “principal axis” [Yang Fengbin 2016: 8], investigates the distribution characteristics of Keywords in difficult words and sentences, and conducts textual research on difficult words and sentences in ancient books in combination with other methods. It has proved to be successful in practical studies on “the Analects” and “Mengzi”, etc.

On one hand, we have inherited the grammatical textual research method of Mr. Yang on that basis. On the other hand, we have gradually found some aspects to be improved. We hold that in terms of investigating distribution characteristics of difficult words, we should not only investigate the grammatical position and the ability of integrating adjacent constituents of Keywords, but also inspect all the factors that affect the syntactical relation. It may include the co-occurrence elements without adjacency, the semantic role elements in a sentence, i.e. the dominant elements, the valence elements, or the positional and distribution characteristics of argument, as well as the distribution characteristics of pragmatics elements and logistic elements in a sentence. Besides, the impact of rhythm on grammatical combination in ancient Chinese should not be overlooked as well. Thus we explore the rhythm element as a category of generalized distribution.

In area of interpretation of difficult words and sentences in ancient Chinese books, the general grammatical distribution can be summarized effectively according to the distribution of Keywords, so that the structure of the sentences to be interpreted can be depicted more thoroughly. By virtue of such thorough depiction, we get to summarize the grammatical structures that illuminate the sentences with preciseness from a vast amount of books, utilize the commonality of these structures to test the validity of questionable words and sentences, thus finding out the primitive meaning of the questionable words and sentences which exist in certain grammatical structures.

This paper mainly probes into four aspects as follows:

1. *Study on the syntactical position and ability of integrating adjacent elements of words.*

Judging the syntactical position of words, and investigating the connective relation are the first layer of the generalized distribution theory. In popular words, it refers to what the syntactical elements of the words are, what words restrict them, and what words they modify. It can be considered as the most fundamental and the currently most used method of generalized distribution.

2. *Investigation of mutual restriction of non-adjacent co-occurrence elements.*

Within the inner parts of linguistic system, the relations which are formed by the distribution characteristics in adjacent grammatical elements will restrict the insertion and displacement of words, thus making the insertion of words “non-freedom” [Yang Fengbin 2016: 9]. In the study of syntactical structure, we should not only notice the words’ position and relation with adjacent elements, but also avoid neglecting other elements of the co-occurrence Keywords. Such as the noun elements that has a “valence relation” with core verbs, other co-occurrence elements which are non-adjacent to the core words but closely related to the latter. Based on the combination property of language, the non-adjacent elements in combination structures can also closely interact with each other under the dominance of the context, which is the second layer of generalized distribution.

3. *The significance of rhythm elements in investigating combination relations.*

The syntactical order of Chinese is considered the most spontaneous and significant cutting-point, while the limited linguistic information of the ancient Chinese has put a damper on the overall investigation of the distribution of words as a whole. From the perspective of rhythm, supra-segmental forms like the pitch, loudness and length of sounds are considered as the forms of Chinese, the significance of rhythm forms in constructing words and forms are demonstrated systematically, so that the traditional specific example, which differentiates the meaning of words according to supra-segmental elements like intonation and stress, is translated to a general rule of ancient Chinese study in an abstract way. As a result, we can make use of the rhythm’s restrictions on the grammar, test the grammatical validity of words and sentences after severing them by means of the foot grouping principle of rhythm, so that the meaning of words and sentences can be confirmed.

References

- Wang Li. Some problems in textual research // Wang Li. (eds.) *An Anthology of WangLi’s linguistic essay*. Beijing: The Commercial Press; 2000. p.516-532.
Yang Fengbin. *New Textual Research on The Analects of Confucius*. Beijing, China: Beijing University Press; 2016.

Measuring Time: the Syntactic Position of Duration Phrases in Chinese

Guo Yiyang 郭伊阳

Peking University (Beijing)

Abstract. This research aims to derive the postverbal positions of Chinese duration phrase (hence forth DrP) co-occurring with a transitive verb and its object in linear order (Type 1: V+O+DrP; and Type 2: V+DrP+O). This proposal aims to provide a unified account for deriving Type 1 and 2 under the lexical decomposition approach. The ungrammaticality such as 我认识了三年小明 (*wo renshi le san nian xiaoming*) is caused by the difference in the aktionsart of verbs. Only the syntactic structure of action verbs has vDO, and only vDO could take GP as its complement. Co-occurring with an action verb and its object, DrP is at (Spec, GP). The verb moves into the light verb position, leading to the linear order of Type 2. However, stative verbs and change verbs have light verbs of different flavours other than vDO, in which cases GP is not in the syntactic structure. Accordingly, DrP is generated at the adjunct position of VP, which explains the linear order of Type 1.

Keywords: duration phrase; lexical decomposition; light verb.

This research explores the syntactic position of the duration phrases (hence forth DrP) in Chinese, the function of which is to measure the amount of time. DrP could be either a numeral-classifier combination or a numeral-classifier-noun combination, demonstrated in (1) and (2) respectively.

(1) a. 一分钟	b. 两天	c. 三周	d. 四年
yi-fenzhong	liang-tian	san-zhou	si-nian
one-CLF	two-CLF	three-CLF	four-CLF
'one minute'	'two days'	'three weeks'	'four years'

(2) a. 五个小时	b. 六个礼拜	c. 七个星期	d. 八个月
wu-gexiaoshi	liu-gelibai	qi-gexingqi	ba-geyue
five-CLF hour	six-CLF week	seven-CLF week	eight-CLF month
'five hours'	'six weeks'	'seven weeks'	'eight months'

Co-occurring with a transitive verb and its object leads to various types of linear order, among which the basic ones are (I) V+O+DrP and (II) V+DrP+O, as shown in (3-6).

(I) V+O+DrP

- (3) 我认识小明三年了。

wo	enshi	xiaoming	san-nian	le.
I	know	Xiaoming	three-CLF	LE

'I have known Xiaoming for three years.'

- (4) 我离开北京三年了。

wo	likai	beijing	san-nian	le.
I	leave	Beijing	three-CLF	LE

'It's been three years since I left Beijing.'

(II) V+DrP+O

- (5) 我看了三天书。

wo	kan-le	san-tian	shu.
I	read-LE	three-CL	Fbook

'I have been reading books for three days.'

- (6) 他吃了几天苦头。

ta	chi-le	ji-tian	kutou.
he	taste-LE	several-CLF	bitterness

'He has been through a difficult time for several days.'

However, there is also a constraint on the realisation of linear orders. The middle position between the verb and the object is not always grammatical for DrP to enter, as shown in (7-8).

- (7) *我认识了三年小明。

*wo	renshi-le	san-nian	xiaoming.
I	know-LE	three-CLF	Xiaoming

'I have known Xiaoming for three years.'

- (8) *我离开了三年北京。

*wo	likai-le	san-nian	beijing.
I	leave-LE	three-CLF	Beijing

'It's been three years since I left Beijing.'

The syntactic nature of DrP is still under discussion. DrP is mostly perceived as *binyu* [Zhu 1982: 116], *buyu* [Shao 1996], *weiyu* [Shi 2006], *dinyu* and *zhuangyu* [Huang 2008]. Since there is a subtype of verbal classifiers involved in DrP, it is worth mentioning that in generative grammar, the combination containing a verbal classifier like *san-tian* 'three-CLF' is

taken as adjuncts [Huang et al 2009: 91] or functional projections [Zhang 2017]. [He 2016], [He, Tan 2019] argued to take the numeral-classifier combination as a constituent, which followed most of the previous works, putting forward counter contentions against the non-constituency analysis in [Zhang 2017].

This research will discuss the syntactic position of DrP in the vP-VP structure under the approach of generative grammar. Taking the constituency approach instead of [Zhang 2017], this research attempts to not only answer the question of deriving the linear order of the clause containing a DrP, like (3-6), but also provide an account for the ungrammaticality in (7-8), which is not fully discussed in the previous literature of the constituency analysis.

This research takes the postverbal position of DrP as the position where DrP is base-generated. This proposal follows the lexical decomposition approach in [Huang 2008], aiming to provide a unified account for deriving Type (I) and (II). The ungrammaticality in (7-8) is caused by the difference in the aktionsart of verbs. Verbs in Chinese are classified into three types with detailed formal tests in [Guo 1993] and [Guo 1997]: stative verbs, action verbs, and change verbs. Semantically, with stative verbs like *renshi* ‘know’ and change verbs like *likai* ‘leave’, DrP measures the time of the period after the action, while with action verbs like *kan* ‘read’, DrP measures the duration of the action itself. This research proposes that only the syntactic structure of action verbs has v_{DO} , and only v_{DO} could take GP as its complement. When co-occurring with an action verb and its object, DrP is at (Spec, GP). The verb moves into the light verb position, leading to the linear order of Type (II). Through lexical decomposition, stative verbs and change verbs have light verbs of different flavour other than v_{DO} , which means DrP would not be the specifier of GP because GP is not in the syntactic structure of the verbs lacking v_{DO} . Accordingly, DrP is generated at the adjunct position of VP when co-occurring with such verbs, which explains the linear order of Type (I).

The interlinear morpheme-by-morpheme glosses in the paper are based on the Leipzig Glossing Rules and [Huang et al 2009].

List of abbreviations

CLF classifier; LE perfective marker or sentence-final particle.

References

Guo R. Guocheng he feiguocheng – hanyu weicixing chengfen de liangzhong waizai shijian leixing [Process and non-process: two extrinsic temporal

- types of Chinese predicative constituents] // *Zhongguo Yuwen*. 1997; 3: P 162-175.
- Guo R. Hanyu dongci de guocheng jieyou [A systematic analysis of verbs representing course of event in Chinese] // *Zhongguo Yuwen*. 1993; 6: 410-419.
- He C. Lun hanyu shuliang zuhe de chengfenwanzhengxing [On the constituenthood of numeral-classifier combinations in Chinese] // *Dangdai Yuyanxue*. 2016; 18: 1-18.
- He C, Tan D. Lun hanyu shuci-dongliangci zuhe de chengfenwanzhengxing [On the constituenthood of numeral-verbal classifier combinations in Mandarin Chinese] // *Language and Linguistics*. 2019; 20: 335-360.
- Huang C-T J. Cong “ta de laoshi dang-de hao” tan qi [On *ta de laoshi dang-de hao* and related problems] // *Yuyan Kexue*. 2008; 3: 225-241.
- Huang C-T J, Li Y-H A, Li Y. *The syntax of Chinese*. Cambridge: Cambridge University Press; 2009.
- Shao J. Dongliangci de yuyifexingqi qiyudongci de xuanze guanxi [A semantic analysis of verbal classifiers and the selectional restrictions with verbs] // *Zhongguo Yuwen*. 1996; 2: 100-109.
- Shi D. Dongci hou shuliang duanyu de jufa diwei [On the syntactic status of the postverbal numeral phrases] // *Hanyu Xuebao*. 2006; 1: 51-58.
- Zhang N. N. The syntax of event-internal and event-external verbal classifiers // *Studia Linguistica*. 2017; 71: 266-300.
- Zhu D. *Yufajiangyi* [Lecture notes on grammar]. Beijing: The Commercial Press; 1982.

How Are *bu* and *mei* Syntactically Distributed in Mandarin Chinese: A Syntax-Semantics Discussion

He Muxuan

Shanghai Jiao Tong University

Abstract. Previous research attempted to put forward various hypotheses from the perspective of syntax or semantics to add to the discussion on the two most common negators in Mandarin Chinese, namely *bu* and *mei*. However, few of them have approached to the solution where syntax and semantics interface. This research, therefore, attempts to bring Chen's observation on different preferred readings of *bu* and *mei* into a postulation that two negators belong to divergent categories and different projections. Results of an interpretation task on 45 Mandarin native speakers indicated that *bu*-negative statements favored *bound reading* while *mei*-negative sentences preferred *free reading*, which suggests that *bu* be at a lower node than *mei* according to Herburger that relates reading ambiguity to structural variety. Based on empirical data and theoretical inquiries, the present study extends into Chinese the notion of NegP where *bu* occupies the head position, and postulates *mei* as the specifier of AspP which comes higher than NegP in the distribution. Specifically, this hypothetical structure is to accommodate the incompatibility of *bu* and aspectual markers *le*, *zhe* and *guo*, and the intrinsic aspectual interpretation of *mei* with a syntax-semantics approach.

Keywords: negation; Mandarin Chinese; *bu*; *mei*; syntax-semantics

Negation in Mandarin Chinese is represented by two basic negators *bu* and *mei* (*you*) which have different performances semantically and syntactically. *Bu* cannot co-occur with aspect markers *le*, *zhe* and *guo*, and *mei* cannot co-occur with aspect marker *zhe*, if nothing additional appears

the negator. Also, *bu* is to negate VP, modal verbs and AdjP while *mei* (you) that would change the situation type [Smith 1991] of the clause. *Mei* fails to negate stative predicates as *congming* (smart), whereas *bu* is needed as negates only VP and one of the modal verbs – *neng* (can). Based on these facts, intensive debates have been undergoing.

Semantically, it is acknowledged that Chinese negation is constrained by aspect and the contention focuses on the situation system where these two negators can fit to establish a dichotomy. In the literature, we have seen such proposals as *dynamicity*, *telicity* / *boundedness* and *realization*, with each of them reasonable to some, but not all, degree. This term issue will not, however, come as a concern for the present study.

Syntactically, the argument falls into two general dimensions. The first dimension is concerned with the category Chinese negation falls in. A Chinese negator can be recognized either as a lexical category or as a member of the functional category *NegP* [Pollock 1989]. The clicization approach [Huang 1988; Ernst 1995] and the adjunct approach [Li 2007] agreed that *bu* should be a lexical category closely associated with its following elements. As for *mei* (you), which has been less carefully dealt with, is assumed to be an allomorph of *bu* in front of *you* [Wang 1965; Huang 1988] or a prefix on *you* with *you* the head of AuxP [Ernst, 1995; Li, 2007]. Meanwhile, attempts to extend *NegP* into Chinese are also seen [Xu 1997; Gu 1995; Zhuang, Liu 2011]. Their agreement meets at the existence of a Chinese *NegP* but diverges a little at the position of negators in the projection with the majority agreeing on the head position. And in these *NegP*-adoptable studies, *mei* (you) also becomes a candidate for leading a *NegP*. Whichever category linguists choose to stand by, they have to confront the second dimension of argument, namely where negation is in the syntactic distribution. For the instance of Chinese, those who favor treating the two negators as lexical category might find this placement issue easier to handle because negation can precede everything they negate. However, the assumption of a Chinese *NegP* could tangle with it the distribution of such pertinent projections as *AspP* and *VP*. The cost of postulating a Chinese *NegP* is certainly high but I believe it to be the start of a better solution because Chinese negation per se is an issue entangled with aspect and predicate property. We have to try a less travelled road, which means more courage to stir the syntactic distribution, and less dependence on semantic requirements commonly seen in the literature that purported Chinese negators should belong to lexical category.

This study intends to adopt the *NegP* solution due to its goal to let the structure speak more for itself. Studies that regarded *bu* as a member of lexical category failed to do so in that the solution remained descriptive [Wang 1965; Huang 1988; Ernst 1995] and separated semantic requirements

from syntactic structures [Li 2007]. Having followed the NegP method, we still have more questions to answer.

First, is *bu* the head or the specifier of NegP? The position of *bu* in the projection is decisive in its syntactic properties. In Mandarin, *bu* is almost ubiquitous except where the event possesses aspectual traits, which indicates that the existence of aspect markers hinders *bu* from projecting or vice versa. The blocking effect of a head proposed in [Gu 1995] would be an ideal choice for this situation. Although his focus was to defy aspect-lowering and justify the base-generation of aspectual markers, [Gu 1995] offered a plausible relationship of NegP and AspP. When AspP is placed higher just above NegP and aspect markers are base-generated behind verbs that are located in VP lower than NegP, the presence of *bu* as the head of NegP will block aspect markers from covertly moving to the Aspect Projection for feature-checking. In this case, the first question can be answered for now.

Second, if *bu* is the head of NegP, where should *mei* go? It should be syntactically reasonable to associate *mei* with AspP since the negator is intrinsically aspectual and is free of blocking effect seen in *bu*. In the light of this assumption, *mei* is also conceived to come higher than *bu* in the distribution, which happens to receive supporting evidence from semantics, and more specifically, from readings of negation. Chen observed [Chen 2007: 52] that *bu*-negative statements preferred bound reading with the focus on NP, and *mei* preferred free reading that negates the VP instead of focusing on NP. She alluded to [Herburger 2000], who related reading diversity to structural variety, to argue that *mei* should be put under a higher projection than *bu*. In order to confirm Chen's observation, we conducted an interpretation task on 45 Mandarin native speakers and the results converged with her intuition. Theoretical analysis and empirical evidence put together, the postulation should hold water that *mei* goes with the AspP which stands higher than the NegP.

By basing the analyses on the previous literature and answering questions specific to this study, we extend into Chinese the notion of NegP [Pollock 1989] where *bu* occupies the head position, and postulate *mei* as the specifier of AspP which comes higher than NegP in the distribution.

References

- Chen L. A syntactic and semantics investigation into Chinese negation markers// *Ocean & Coastal Management*. 2007; 49(9-10): 610-626.
Ernst T. Negation in mandarin Chinese // *Natural Language & Linguistic Theory*. 1995;13(4): 665-707.
Gu Y. Aspect licensing, verb movement and feature checking // *Cahiers de linguistique - Asieorientale*. 1995; 24(1): 49-83.

- Herburger E. What counts: focus and quantification. Cambridge: Cambridge University Press; 2000.
- Huang C. T. J. Wǒpǎo de kuài and Chinese phrase structure // *Language*. 1988; 64 (2): 274-311.
- Li M. Negation in Chinese. Shanghai: Shanghai Foreign Language Education Press; 2007.
- Pollock J. Y. Verb movement, universal grammar, and the structure of IP // *Linguistic Inquiry*. 1989; 20(3): 365-424.
- Smith C. S. The Parameter of Aspect // *Studies in Linguistics & Philosophy* (43). Boston: Kluwer Academic Publishers; 1991.
- Wang S. Y. Two aspect markers in mandarin // *Language*. 1965; 41(3): 457-470.
- Xu D. Functional Categories in Mandarin Chinese. Leiden: Doctoral dissertation; 1997.
- Zhuang H., Liu Z. Negative Marker *bu* in Chinese: its Nature and Features // *International Journal of Asian Language Processing*. 2011; 21(3): 107-160.

The Amount of Oracle Bones and Characters on Oracle Bone Inscriptions of Shang & Zhou Dynasty: Retrospect of the Fundamental Collecting and Collating During 120 Years and Prospect of the Study of Bone Inscriptions

Jiang Yubin 蒋玉斌

Fudan University (Shanghai)

Abstract. This year marks the 120th anniversary of the discovery of oracle bone inscriptions in Yin ruins. This paper gives a brief retrospect and prospect of the study of oracle bones by presenting a few statistical figures of the resources, including : (1) How many oracle bones with inscription are there exactly? (2) How many words are there on the oracle bones in extant? (3) How many individual characters are there in oracle bone inscriptions? (4) How many individual characters are explicable, and how many are yet to be read?

Keywords: Oracle Bones, Shang and Zhou Dynasty, Yin ruins.

The oracle bone inscriptions are the firsthand resources about the characters, language, history and culture of the late Shang Dynasty to the early Western Zhou Dynasty (about 14 to 10C BC). Considering of the condition that the oracle bone inscriptions are immemorial and esoteric, and the oracle bones are normally scattered and broken, the basic collating work is necessary for the effective utilization of the resources. This year marks the 120th anniversary of the discovery of oracle bone inscriptions in Yin ruins. This paper gives a brief retrospect and prospect of the study of oracle bones by presenting a few statistical figures of the resources.

The first figure: how many oracle bones with inscription are there exactly?

This number reflects the familiarity of the oracle bones in collection, which is directly related to the excavation, collection, compilation, discrimination and the rejoining of the oracle bones.

Several statistics have been made to answer this question while no agreement has been reached. Generally speaking, the number could be estimated to over 150,000.

How many of the 150,000 oracle bones can be used by ordinary scholars? This is a more realistic figure. The serial number of oracle bones published so far could be counted to more than 80,000, though many of them are redundant (several numbers for one same oracle bone). The accurate number still remains to be counted. The publication of all or most of the oracle bones on earth has long been looking forward to. Thus a more precise statistic will be available. The collating work is in progressing, which calls on more effort.

The second figure: as a kind of literature or historical data, how many words are there on the oracle bones in extant?

This figure reflects how comprehensive and accurate we could deal with the oracle bones, which is directly related to the interpretation of the inscriptions on them.

The total number of words on the oracle bones is usually estimated by assuming one piece of oracle bone bears 10 characters. The estimated number is obviously inaccurate. As it is mentioned before, the number of words on different oracle bones varies greatly. Some oracle bones may have more than 400 characters inscribed on while some may bear only one broken character. The best way is to make transcription first, then calculate the total words according to the transcriptions truthfully.

According to preliminary statistics, the number of words on published oracle bones is about 700,000 to 800,000, which is 30 times of the total number of words in *The Book of Changes*, or 18 times of *The Book of Poetry*, or equivalent to 120% of the word number in *Thirteen Classics*. At present, there is still an urgent need for a comprehensive, accurate and strict transcription of all the oracle bones, which many scholars have paid effort to.

The third figure: how many individual characters are there in oracle bone inscriptions?

This figure reflects the ability to interpret the oracle bone inscriptions, which affects the exploration of the graphic form and the writing system of the oracle bone inscriptions.

The existing estimation or statistics of the figure varies from about 4,000 to about 4,500. The accurate number, suspicious to be about 3,500, may be not that much. The main reason for the disagreement is that there are many distinctive characters in similar graphic forms. Some scholars regard them as different characters, while others regard them as one.

The number of characters in oracle bone inscriptions is closely related to the interpretation. It calls for precise analysis and statistics. For example, words that have not been correctly noticed (e. g. , the initial graphic form of “yi 頤”), have not been calculated in.

The fourth figure: out of all the individual characters in oracle bone inscriptions, how many are explicable, and how many are yet to be read?

This figure also reflects the ability of interpreting oracle bone inscriptions.

The statement made by Mr. Yu Xingwu in 1979 [Yu 1979] that oracle bone inscriptions had 4,500 characters and less than 1/3 of them could be interpreted has been widely spread in the past. Has the situation changed over the decades? According to statistics from [Li Zongkun 2012], the total number of individual characters is 4,378, while the number of explicable ones is 1,682, accounting for 38.4%. According to [Liu Zhao 2014], the total number is about 3,700 and the number of explicable words is about 1,200, taking up 32.4% of the total number and still less than 1/3. The difference between the two results should not be ignored. The figures, including the total number of individual characters, the number of explicable characters and the inexplicable ones, should be thoughtfully counted according to an academically recognized standard. Primarily, the ability to interpret the oracle bone inscriptions should be enhanced.

What needs illustration is that, under present conditions, some characters cannot be interpreted precisely, which constitute a considerable part of the inexplicable characters. However, these characters are no problem to understand the meaning of the sentences.

The several statistics above is presented to give an overview of oracle bones. The numbers themselves are uncomplicated, but the research they required are quite rigorous, solid and sophisticated. That is what we are going to do.

References

- Li Zongkun. Collection of oracle bone inscriptions, Beijing: Zhonghua Book Company, 2012.
- Liu Zhao. New oracle bone inscription collection, Fuzhou: Fujian People's Publishing House, 2014.
- Yu Xingwu. Jiagu wenzi shilin (interpretation of oracle bone inscriptions). Preface. Beijing: Zhonghua Book Company, 1979. P. 1.

Non-quantitate Usage of Numerals 百 *bǎi* ‘hundred’, 千 *qiān* ‘thousand’ and 萬 *wàn* ‘ten thousands’ in Classical Chinese

Kholkina Liliya

*Russian State University
for the Humanities (Moscow)*

Abstract. The paper presents the corpus analysis of numerals 百 *bǎi*, 千 *qiān* and 萬 *wàn* in Classical Chinese texts. It demonstrates the difference in their combinability and presents semantic analysis to account for it.

Keywords: numerals; metaphor; *bǎi*; *qiān*; *wàn*; Classical Chinese.

The basic function of numerals is to express such meanings as quantity, sequence, frequency etc., but besides this some numerals can also have non-quantitate, metaphorical usage [Wang 2006; Wang 2005], e.g. in the Chinese word 百姓 *bǎixìng* ‘common people’ (lit. ‘hundred families’), 百 doesn’t mean the exact number, but expresses all-embracing coverage ‘all the families’.

To find out whether there are any tendencies in the non-quantitate usage of numerals 百 *bǎi*, 千 *qiān* and 萬 *wàn* in Pre-Qin and Han dynasty Classical Chinese, we conducted a corpus based study, analyzing the usage of these numerals in several reliable [Wang 1988; Loewe 1993] texts (*Shijing*, *Zuozhuan*, *Guoyu*, *Lunyu*, *Mengzi*, *Mozi*, *Zhuangzi*, *Xunzi*, *Hanfeizi*, *Laozi*, *ChunqiuGongyangzhuan*, *ChunqiuGuliangzhuan*, *Shiji* etc.).

In the texts the certain numerals are used to express a big amount (百夫 *bǎifū* ‘a hundred men’ ~ ‘many men’, 千里 *qiānlǐ* ‘a thousand li’ ~ ‘a long distance’), a big variety (百刑 *bǎixíng* ‘a hundred punishments’ ~ ‘all sorts

of punishments'), all-embracing coverage (百物 *bǎiwù* 'a hundred things' ~ 'everything', 萬方 *wànfāng* 'ten thousand sides' ~ 'all the sides (places, countries)' or simply multiplicity (百王 *bǎiwáng* 'a hundred rulers' ~ 'rulers (of the past)'). In such "exaggerated" non-quantitate usages 百 *bǎi*, 千 *qiān* and 萬 *wàn* can sometimes be mutually exchanged, but still there are some combinational restrictions.

Our analysis shows, that in early texts the most common numeral for these types of meaning is 百 *bǎi*. Talking about abstract entities, 百 *bǎi* in sense of 'all-embracing coverage' can be replaced by 萬 *wàn*: 百物 *bǎiwù* 'a hundred things' – 萬物 *wànwù* 'ten thousand things' ~ 'everything'; 百事 *bǎishì* 'a hundred affairs' – 萬事 *wànshì* 'ten thousand affairs' ~ 'all the affairs, everything'. But 百 *bǎi* is preferred when a noun means the concrete objects: 百草 *bǎicǎo* 'a hundred herbs', 百果 *bǎiguǒ* 'a hundred fruits'.

The usage of 千 *qiān* in the non-quantitate meanings is mainly restricted to the description of weights and measures: 千里 *qiānlǐ* 'a thousand li' ~ 'a long distance'. This type of usage is also possible for 百 *bǎi* and 萬 *wàn*. Combinations with other types of objects for 千 *qiān* are attested mainly in the later texts.

The numeral 萬 *wàn* usually means a big amount or all-embracing coverage. Many of such word combination, like 百姓 *bǎixìng* 'common people' or 萬物 *wànwù* 'all things, everything', became Modern Chinese words and are widely used, some of them preserve only in set expressions [Hu 2005].

References

- Hu Yan. Comparison of semantics of numerals in Old and Modern Chines // *Guangzhou daxue xuebao*, 2.2005, 19-23. (胡妍. 古今汉语数词意义比较)
- Loewe M. (ed.). *Early Chinese Texts: A Bibliographical Guide*. Berkeley: Society for the Study of Early China, 1993
- Wang Li. *History of Chinese language*. Shandong jiaoyu chubanshe, 1988. (王力. 汉语史稿)
- Wang Meigui, Wu Zhiping. Examples of usage of numerals in wenyan // *Yuwen zhishi*, 2005 (10) :11-12. (王美桂, 吴志平. 文言文数词用法例说)
- Wang Xiuling. Cultural meaning of the numerals one, three and nine in Old Chinese // *Wenjiao ziliao*, 2006 (4) :78-79. (王秀玲. 古代数词一、三、九的文化意蕴)

Middle Chinese Rhymes and Modern Mis-rhymes: the Case of Entering Tones

Kwong Charles 鄺龔子

Capital Normal University (Beijing)

Abstract. Rhyme is the earliest, most enduring attribute in Chinese prosody. Shortened sounds closing in [-p/-t/-k] endings, ‘entering tones’ (rush-eng) form a special category in ‘Middle Chinese’ (MC) rhymes due to their distinctive phonetic-cum-tonal quality. Lost in official Chinese/ Putonghua today, they are variously alive in southern Chinese dialects, especially Cantonese, widely seen as the dialect that best preserves MC tones and prosody. ‘Entering tones’ are integral to classical Chinese poetry writing, which since Tang times has been based on the MC rhyme system still widely followed to-day. As pronunciation changes over time, the MC rhyme system has become partly outdated, generating phonetic and auditory incongruities. Illustrating the need to address a structural issue in Chinese prosody today, this paper will take common ‘entering-tone’ characters in the MC rhyme system and match their placement against Cantonese pronunciations, so as to examine how sound changes have undercut the viability of traditional rhyme groups. Discrepancies point to a revised rhyming system that reflects today’s phonetic and prosodic realities. (165 words)

Keywords: entering tone; Middle Chinese; rhyme reform; Cantonese, Putonghua.

Briefly stated, ‘standard rhyme consists of the repetition, in the rhyming words, of the last stressed vowel and of all the speech sounds following that vowel’ ([Abrams 1999], addition in parentheses mine). Sometimes close similarity rather than identity of sound is accepted for rhyme, depending on the richness of rhyme resources in a language.

Among the four categories of Chinese tones, the ‘entering tone’ (ET, 入聲) forms a special category in ‘Middle Chinese’ (MC) rhymes due to its distinctive phonetic-cum-tonal quality, along with a broad range of connotative associations [Kwong 2010].

Ironically, the MC rhyme system works ill in the official language of Putonghua today, along with loss of the [m] ending and pitch contour changes in two tonal categories, all of which disrupt the prosodic sense of native Putonghua speakers. In terms of preserving MC tones, rhyme structure, and prosody in general, Cantonese is often seen as the most legitimate tonal, phonological and prosodic heir to MC. Yet inevitably, pronunciation changes over time have caused phonetic and auditory incongruities across the board, so that the MC rhyme system (800-1400 years old, depending on one’s point of focus) is now partly outdated: some former ‘rhyme mates’ no longer rhyme, while some words put in separate rhyme groups rhyme perfectly in reality [Kwong et al. 2019].

It is obvious that there is a linguistic and prosodic need to address a basic structural flaw in the current Chinese rhyme system. This can be easily demonstrated by taking a sample of common ET characters in the MC system and gauging their rhyme-book placement against Cantonese pronunciation (modern Putonghua, which has lost all [p], [t], [k] endings, cannot be used for the test). Commonly used characters listed in two widely used texts will suffice for the purpose: Long Yusheng’s 龍榆生 *Tang Song ci gelü* 《唐宋词格律》 [Long Yusheng 1978] (with over 5000 characters) and Wang Li’s 王力 *Gudai Hanyu* 《古代漢語》 [Wang Li 1999] (with over 4000 characters), which between them contain a database of over 1000 common ET characters. In essence, it is readily shown that despite the weight of a historical norm that once offered a shared artificial platform of rhyme, sound changes have undercut the viability of applying traditional MC rhyme groups to prosodic poetry writing today; using Cantonese pronunciation as a basis for illustration, one finds in the traditional rhyme groups such phonetic discrepancies as the following:

一屋[uk]: [ɔk]撲國final;
 二沃[uk]: [ɐk]北final;
 三覺[ɔk]: [uk]捉濁錫, [œk]卓啄琢, [ak]幄握, [ik]搦finals;
 十藥[œk]: [ɔk]薄惡作, [ak]魄格, [ɐk]陌finals;
 十一陌[ɐk]: [ɛk]石尺碩, [ak]客白澤, [ik]跡席碧, [ɔk]獲索[ɐt]翻finals;
 十二錫[ɛk]: [ik]壁歷曆[ɐt]檄finals;
 十三職[ik]: [ɔk]國[ɐk]德墨則[ak]賊惑或[ɐt]劾[uk]幅finals;
 四質[ɐt]: [œt]出術律, [yt]乙茁, [it]秩必詰[ik]叱悉暱finals;
 五物[ɐt]: [ɛk]吃[it]契finals;
 六月[yt]: [ɐt]骨伐罰[at]髮發[it]謁竭歇[ut]歿沒勃[œt]卒猝咄[œk]曰[ap]訥finals;
 七曷[ɔt]: [at]達闔幹[ut]末闊豁[yt]脫奪撮[ɐt]拔跋鉞[ɐp]磕finals;

八黠[it]: [ɐt]拔瞎轄[at]八察殺[yt]茁finals;
 九屑[it]: [yt]雪絕血[ip]捏頁涅finals;
 十四緝[ɐp]--[ap]集習襲[ɐt]蟄([ik]) finals;
 十六葉[ip]: [it]捷睫捷[ap]篋頰缺[ɐp]俠笈finals;
 十五合[ɐp]: [ap]塔答雜final;
 十七洽[ɐp]: [ap]狹峽插[at]法押[ip]業怯脅[ɐt]乏finals.

In the near rhymes noted above, even more noticeable than the mixing of nuclear vowels is the mixing of endings: [t] ending in [k] groups; [k], [p] endings in [t] groups; [t], [k] endings in [p] groups.

What is more, the rhyme situation gets even more untidy in *ci* poetry. Discrepancies in modern pronunciation aside, the looser *ci* rhyme system consolidates 106 (89 non-ET, 17 ET) *shi* rhyme groups into 47 (42 non-ET, 5 ET) *ci* groups. The resulting rhyming incongruities are most evidently seen in the far greater compression of ET rhymes (17→5= 29.4%) than that of non-ET rhymes (89→42= 47.2%), to make matters worse, ET rhymes with distinct [p], [t], [k] endings are often lumped together discordantly, as in the following cases:

- the 17th division states that 四質[ɐt], 十一陌[ɐk], 十二錫[ɛk], 十三職[ik], 十四緝[ɐp] (i.e. [t], [k], [p] endings) can be used interchangeably;
- similarly, the 18th division states that 五物[ɐt], 六月[yt], 七曷[ɔt], 八黠[it], 九屑[it], 十六葉[ip] (i.e. [t], [p] endings) can be used interchangeably.

It seems inherently illogical, and relationally inconsistent, to keep three of the five ET rhyme divisions unadulterated in terms of the ending ([uk], [ɔk]/[œk], [ɐp])—never mind the different nuclear vowel in [ɔk]/[œk] for now), while mixing different endings in the other two divisions.

All these discrepancies and inconsistencies in MC *shi/ci* rhyming point to the need for rhyme system reform that better reflects phonetic and prosodic realities, especially since poetry is written for coeval readers. There has been a system of New Chinese Rhymes (中華新韻, NCR) devised for Putonghua/ Mandarin [New Poetry 1989], but this is wanting in two intrinsic aspects. First, NCR is phonetically and structurally unscientific, being based on a loose mix of rhymes with partial rhymes: recast into 18 groups, NCR remains slanted by conventional divisions, with 8 of the 18 groups putting together near-rhymes. In view of the richness of rhyming resources in Chinese, which is monosyllabic on the character level, a phonetically precise rhyme system will not be overly restrictive. While near-rhymes are acceptable in longer, 'old-style' poems, they are clearly inadequate for prosodically condensed recent-style poetry. Second, and more fundamentally, NCR has no meaning to non-Putonghua native speakers, since Putonghua is intrinsically inadequate for rhyming purposes due to the loss of ET and the [-m] ending.

An examination of ET offers a compact case to show how it makes phonological and prosodic sense to restructure the MC rhyme system rational-

ly, without having to abandon the existing framework entirely. A reformed rhyme system based on principles of accuracy, balance and utility in the re-grouping should be more scientifically precise and aesthetically satisfying than NCR, especially in providing a better guide to Chinese prosodic poetry writing today and tomorrow.

References

- Abrams M. H. A Glossary of Literary Terms, 7th ed. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1999.
- Kwong Yim-tze. The role of the voice in the poems of the Tang and Song Dynasties // *Xin guoxue*, 2010 (8), p.108-38 (鄭龔子. 唐宋詩詞中入聲的聲情作用)
- Kwong Yim-tze, Chan Tsz-hong, Chan Tak-kam. Hong Kong Poetry in the 21st Century: Prospects and Perspectives on the Aesthetics of Classical Poetry. Hong Kong: Chung Hwa Publishers, 2019. (鄭龔子, 陳子康, 陳德錦. 廿一世紀香港詩詞：古典詩詞美學的前瞻與透視)
- Long Yusheng. Tang and Song dynasties. Shanghai: Shanghai guji chubanshe, 1978. (龍榆生. 唐宋詞格律)
- New poetry / Ed. Shanghai guji chuban shebian. Shanghai: Shanghai guji chubanshe, 1989. (詩韻新編 / 上海古籍出版社編)
- Wang Li. Ancient Chinese. Beijing: Zhonghua shuju, 1999. (王力. 古代漢語)

The Phonetic Change Pattern of Vowel in Tongtai Dialect

Li Luyao 李露瑶

Nanjing University (Nanjing)

Abstract. This paper dwells on the vowel changes in the Tongtai dialect, which are similar to changes in the Wu dialect. We put forward that there are two patterns of vowel change. One is vowel raising, which expressed in the form of vowel tongue position heightening in *Guo She* (果摄) rhyme set of Medieval Chinese, we think it is the preservation of linguistic features in the late Middle Ages. The other one is chain shift of vowels, this change only occurs in *Xie She* (蟹摄), *Jia She* (假摄), *Xiao she* (效摄) rhyme sets of Medieval Chinese in Nantong dialect which is a sub-dialect of Tongtai dialect. Vowel chain shift makes Nantong dialect different from other sub-dialects of Tongtai dialect in pronunciation, but similar to Wu dialect.

Keywords: Tongtai Dialect; phonetic change; vowel.

Many linguists have been studying the vowel shift of Medieval Chinese *Xie She* (蟹摄), *Jia She* (假摄), *Guo She* (果摄) rhyme sets in Wu dialect and Xiang dialect. In Wu and Xiang dialect, the vowel chain shift occurs in *Xie She* (蟹摄), *Jia She* (假摄), *Guo She* (果摄), *Yushe* (遇摄), *Liushe* (流摄) in Medieval Chinese [Chen 2005, Xu 2008]. Some linguist assumed that only *Xie She* (蟹摄), *Jia She* (假摄), *Guo She* (果摄) groups in both Wu and Xiang dialects have the same vowel chain shift [Peng 2009].

The region of Tongtai dialect is closed to the area of spread of Wu dialect, thus, the two dialects share some common phonetic features. We chose several words from *Xie She* (蟹摄), *Jia She* (假摄), *Guo She* (果摄), *Yushe* (遇摄), *Liushe* (流摄) in Medieval Chinese and compared Nantong dialect with Shuangfeng dailect which is a representative dialect of Xiang dialect-group.

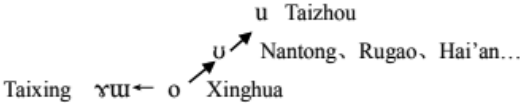
Table 1: Some words in Nantong and Shuangfeng

	柴 (chái) firewood	爬 (pá) climb	坐 (zuò) sit	普 (pǔ) general	头 (tóu) head	草 (cǎo) grass
Nantong	tsha	pho	tshu	phu	the	tshy
Shuangfeng	ɕa	bo	dzu	phu	de	tshy

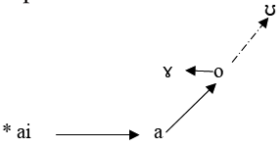
From Table 1, it is seen that Nantong is similar to Shuangfeng in some syllables. So it is necessary to point out whether Tongtai dialect has undergone the same vowel changes as Wu dialect.

In this paper, we have described synchronically the syllabled vowels of Tongtai dialect and studied the evolution structure of the syllabled vowels in comparison with Wu dialects. We have found two phonetic change patterns of vowel in Tongtai Dialect.

(a) Vowel raising: Vowel raising expressed in the form of vowel tongue position heightening in *Guo She* (果摄) final group, in our opinion, it not caused by chain shift of MC *Xie She* (蟹摄), *Jia She* (假摄), *Guo She* (果摄) groups. It is generally considered that *Guo She* (果摄) has risen from *a to *o in the late Middle Ages independently; in Tongtai dailect, *Guo She* (果摄) didn't stop its heightening, but continues to heighten the position. Now, *Guo She* (果摄) is pronounced with high vowels in Tongtai dialect which is the preservation of linguistic features in the late Middle Ages. The rule of vowel raising can be expressed as follows: *o>u>ɯ, *o>ɣm. Different dialects are in different stages of sound change in Tongtai area.

(b) Vowel chain shift: Another change pattern is vowel shift, which only occurs in Medieval Chinese *Xie She* (蟹摄), *Jia She* (假摄), *Xiaoshe* (效摄) rhyme sets of Nantong dialect which is a sub-dialect of Tongtai dialect. Vowel shift makes Nantong dialect different from other sub-dialects of Tongtai dialect in pronunciation, but similar to Wu dialect. The rule of the vowel change can be expressed as follow:

Both Nantong dialect and Wu dialect have undergone vowel chain changes, but Nantong dialect changes occurred in Medieval Chinese *Xie She* (蟹摄), *Jia She* (假摄), *Yushe* (遇摄) groups and Wu dialect in *Xie*

She (蟹摄), *Jia She* (假摄), *Guo She* (果摄) groups. The two dialects have undergone vowel shift independently at different times, as the changes occurred in different phonological patterns.

References

- Chen Lizhong. Studies on chain change of the main vowel of four groups *Xie*, *Jia*, *Guo* and *Yu* in Xiang, Wu and their neighbor dialects. Beijing: Fangyan, 2005.
- Peng Jianguo. A comparison of the vowel rising chain shift of *Guo*, *Jia*, *Yu*, *Xie* and *Liu* groups in Wu and Xiang dialects. Beijing: Zhongguo yuwen, 2009.
- Xu Tongqiang. Historical Linguistics. Shanghai: Shangwu yinshuguan, 2008.

Comparative Study of “V-qilai+AP” and “V-zhe+AP” in Chinese

Li Wenxi 李文曦

Peking University (Beijing)

Abstract. This paper investigates the differences and similarities between “V-qilai+AP” and “V-zhe+AP” in modern Chinese, which are also known as middle constructions. Drawing on the results of a number of syntactic tests and semantic conditions, this paper discusses the characteristics of the components in the two constructions and the reasons why they cannot be replaced by each other. For NPs, if their semantic roles are agents of bivalent or trivalent verbs, they cannot appear in “V-zhe+AP”, which are grammatical in “V-qilai” construction. For Vs, the semantic features, [+separation] of “qilai” and [+attachment] of “zhe”, will restrain the use of verbs. However, verbs with high autonomy can blur the limitations and be grammatically correct in the two constructions. For APs, if “V” is a monovalent verb and the semantic orientation of AP is the action expressed by the verb, the sentence must be ungrammatical. Conversely, “V-qilai” construction has no such limitations. Also, this paper proposes the deep structures of these two constructions. Although their verbs and the orientations of AP are different, they have commonalities.

keywords: qilai construction; zhe construction; generative mechanism; middle construction; modern Chinese.

As frequently-used constructions in modern Chinese, “V-qilai+AP” and “V-zhe+AP” both express speakers’ evaluation of something. The corpus data show that “qilai” and “zhe” are interchangeable in some sentences, which means their semantic and syntactic features are similar. However, there are still many “V-qilai+AP” constructions in Chinese that cannot be replaced by “V-zhe+AP”; there are also some “zhe” constructions that cannot be replaced by “qilai”. [Cao 2004; Shi 2003] Even if the verbs of these two constructions are the same, different adjectives can also determine whether sentences are grammatical.

So what are their similarities and differences? How the syntactic and semantic features of these constructions should be analyzed? How to explain grammatical phenomena above from transformational generative grammar’s point? This paper aims to provide a principled account for these questions.

1. Verbs in “qilai” and “zhe” constructions

Besides two-syllable verbs that can only be used in “qilai” construction [Cao 2004], there are three factors influencing the usage of verbs as follow:

(i) The different semantic features between “qilai” and “zhe” in spatial category.

“Qilai” in ancient Chinese is an intransitive verb, referring to the action of separating from an object, which suggests a starting point. “Qilai” also indicates that is an upward action. On the contrary, “zhe”’s original meaning is attaching something to an object, which is completely opposite to “qilai”. Therefore, the semantic features of “zhe” can be summarized as [- starting point], [- UP]. The choice of verbs is limited because of these two features.

(ii) These semantic features projected into the time category

Gradually, “qilai” and “zhe” can also be used as an aspectual affix indicating inchoativity or completion [Huang 1996; Li 1981]. In other words, “zhe” requires V to be a continuous verb, while “qilai” emphasizes that verbs should have a clear starting point [Guo 1993].

(iii) The autonomy of a verb

If the action represented by a verb is a decision made by a person willingly, it can appear freely in the two constructions without the semantic constraints of “qilai” and “zhe” in time and space.

2. NPs in “qilai” and “zhe” constructions

It can be divided into six categories according to different verbs and semantic roles of nouns. The usage of NPs in the two constructions is shown in the figure below.

Verb-argument	«qilai»	«zhe»	Examples
monovalent-A	+	+	Ta pao-qilai hen qingsong
bivalent-A	+	-	Ta qie-qi-cai-lai hen kuai
bivalent-P	+	+	Zhexigua chi-qilai hen tian
trivalent-A	+	-	Ta song-qi-liwu-lai hen dafang
trivalent-P	+	+	Chaye song-qilaifangbian
trivalent-B	-	-	Xiaoming song-qilairongyi

Verb-argument	«qilai»	«zhe»	Examples
monovalent-A	+	+	Ta pao-zhe hen qingsong.
bivalent-A	+	-	*Ta qie-zhe-cai hen kuai.
bivalent-P	+	+	Zhexigua chi-zhe hen tian.
trivalent-A	+	-	*Ta song-zhe-liwu hen dafang.
trivalent-P	+	+	Chaye song-zhefangbian.
trivalent-B	-	-	Xiaoming song-zherongyi.

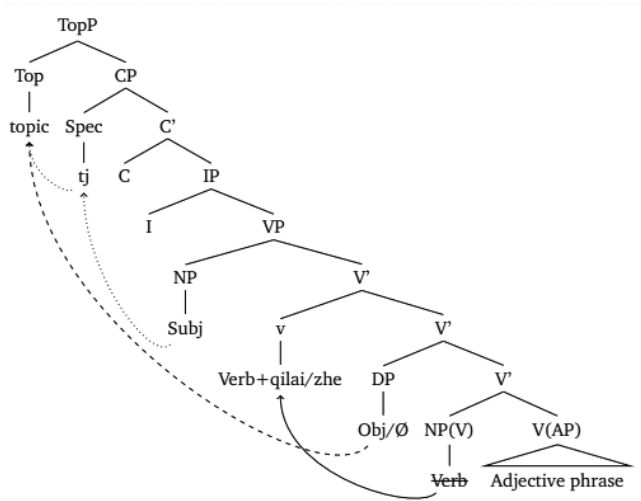
3. APs in “qilai” and “zhe” constructions

After examining all the “qilai” and “zhe” constructions in CCL corpus, AP’s relationship with other components falls into six categories[Wu 2006; Ge 2010]: object; subject; action; action and object; action and subject; action, object and subject.

It can be investigated that in “V-zhe” construction where V is monovalent, the adjective can orient the subject, or the agent and action, but the AP orienting only to the action is not grammatical.

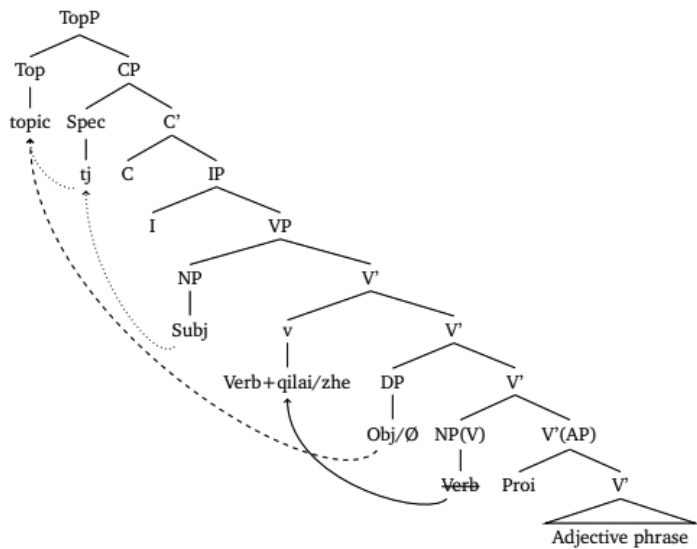
In addition, we can divide the structure of “qilai” and “zhe” construction into two categories according to whether “V+(NP)+AP” can be used. This classification includes AP-orient-action and AP-orient-entity, of which generative mechanism is different.

4. Generative mechanism of “qilai” and “zhe” constructions

Generative mechanism of AP-orient-action Sentences

For monovalent verbs, the object is blank. So only subject can be topicalized. For bivalent verbs, either object or subject can be topicalized. If topic of one sentence is object, whether the subject of V appears or not is grammatical. However, topicalized subject isn't acceptable without object.

Generative mechanism of AP-orient-entity Sentences

Topic should be subject when the verb is monovalent. And when the verb is bivalent, the object is prior to the subject. That is to say, sentences such as “zhangsan chi-qi-xigua-lai hen tian” are illegal.

Although above constructions orienting action or entity have some differences, they are parallel in structure and can be summarized in a unified form [Shuing 2013]:

Action:	Subj+V-qilai		+AP
	Subj+V-qi	Obj-lai	+AP
	Obj+Subj+V-qilai		+AP
Entity:	Subj _i +V-qilai		+ [_{proi} AP]
	*Subj+V-qi	Obj _i -lai	+ [_{proi} AP]
	Obj _i +Subj+V-qilai		+ [_{proi} AP]

List of Abbreviations

A: Agent; P: Patient; G: Goal; V: Verb; AP: Adjective Phrase; TopP: Topic Phrase; Top: Topic ; CP: Complementizer Phrase; Spec: Specifier; C: Complementizer; IP: Inflection Phrase; I: Inflection; NP: Noun Phrase; v: Light verb; DP: Determiner Phrase; Sub: Subject; Obj: Object.

References

- Cao Hong. The Limitation of Verb, Adjectives in Middle Constructions and Its Reasons// *Linguistic Science*. 2004. No.1.
- Cao Hong. On the syntactic characteristics of middle constructions in Chinese // *Chinese Teaching in the World*. 2004 No.3.
- Ge Xumei. A Study of “NP(Patient)+V-qilai+AP” in Modern Chinese. Shanghai: Shanghai Normal University MA thesis, 2010
- Guo Rui. The Process Structure of Chinese Verbs // *Studies of the Chinese Language*. 1993. No.6.
- Huang Churen, Chang Shenming. Metaphor, metaphorical extension, and grammaticalization: a study of Mandarin Chinese-qilai // *Conceptual Structure, Discourse, and Language* / Ed. by Adele E. Goldberg. Stanford: CSLI. 1996. p. 201-216
- Li Charles N., Thompson Sandra A. The Meaning and Structure of Complex Sentences with zhe in Mandarin Chinese // *Journal of the American Oriental Society*, Vol. 96, No. 4 (Oct.- Dec., 1976), 1981. pp. 512- 519.
- Shi Xinghui. A Study of “V-zhe+AP”. Yanji: Yanbian University MA thesis, 2003.
- Shuing Shyu, Wang Yufang, Lin Zhijie. An Approximation to Secondary Predication Structure: A Case of V-qilai in Mandarin Chinese // *Language and Linguistics*, 2013, 14.4: 701-736.
- Wu Fengwen. Syntactic and Semantic Analysis of “NP+V-qilai+AP” // *Journal of Postgraduates of Central China Normal University*. 2006, No.4.

‘Straight’ in Lexical Typology

Lina Adnan Mohammad Alrababh 林娜

Peking University (Beijing)

Ng Tiensze 黃天仕

Peking University (Beijing)

Abstract. The aim of this article is to show the polysemous pattern of the concept “Straight” in different languages, this paper is an attempt to apply semantic analysis and lexical typology’s theories to represent the different meanings of the concept “Straight” in many languages. For now, we have a research made on Chinese Mandarin and Standard Arabic and its different dialects, also relying on the research made by Cienki (2009) which provides examples in both American English and Russian languages. Furthermore, we’ll study at least more five languages in the next coming months, and according to these different languages we’ll try to provide a semantic map based on more than four languages.

Keywords: straight; lexical typology; semantic map.

1. Introductions

Relying on the analysis of Cienki [Cienki 2009] on the concept “Straight” and its image schema which is obvious in many expressions in different languages, Cienki mainly studied the expressions that are related to “Straight” in American English and Russian languages, and some examples in Japanese and Hungarian. Cienki proved that “Straight” is an image schema, and that in many metaphors the source domain “Straight” or its opposite meaning can characterize different target domain, such as: time, events, discourse, thought, control, social norms, morality, truth, and law.

This paper assumes that the semantic meaning of “Straight” is mainly “not bent”, which develops different meanings that covers different domains, such as speech and thoughts, order and control and behavior and social norms, which is different from a language to another according to language specific (culture specific). Also, there is an extension meaning that developed from the basic meaning which is continuous or uninterrupted, which mainly covers two domains, space and time, some languages that we studied didn’t develop this meaning, but in general all languages follow the same structure of developing the meanings and the extension meanings of “Straight”.

2. *Semantic analysis of the concept “Straight” in different languages*

We will discuss the concept “Straight” and its polysemous pattern in American English, Chinese Mandarin, Russian, and Arabic, and we will explain different expressions in these languages that include metaphors in them.

2.1 *Straight (Not Bent)*

The core meaning of the concept “Straight” is “*Not Bent*”, this core meaning is mainly used in space domain to describe things around us that are straight, not bent nor crooked, such as “A long, straight road”. Usually the source domain is characterized by a straight (silent) object, and some metaphors include process or motion and in this case the source domain is characterized by a motion along a straight path.

2.2 *Straight line (180°) and a right angel (90°)*

This is an extension meaning of the core meaning, and normally straight means 180 degrees, such as lines of different things around us. Many languages use the concept of change or becoming totally different than before, in Arabic however, there’s an extension meaning from this which means that two people or two things contradict each other and have nothing in common. There’s also a meaning that is an extension of the straight line in Arabic, which is used to describe things that go smoothly without a problem, because ups and downs can show that things didn’t work well, and it allows the events of the story to connect and go smoothly (in a straight order) with no curves or problems in it.

2.3 *Continuous (uninterrupted)*

There’s an extension meaning of the straight line meaning which is uninterrupted, because we think that even if there’s a line that’s straight but is not connected then it won’t be described as a straight line, and so continuous can cover two main domains: time and space.

Continuous time which is to describe something that happened in a row or in sequence without interrupt. In Arabic, even though there’s a way

to describe all the time or non-stop but the word used in this way is not exactly the root that describe straight. Straight can be used by some languages to express that something happens right away without interrupt in time and that it happens quickly. In Russian can be used to express things that are about to happen, or that will happen in the soon future. The meaning of events that continuously happen in time without stop can be specifically used to describe broadcast that's live and that the time that is taken is not interrupted by anything else, Chinese and Russian languages have this meaning.

In the space domain, it mainly expresses that a thing or a person can go from a place to another without anything in between. Other than the above meanings, some extension meanings are more abstract, some express that two people directly work together without interruption of any third person in between, or that two things that happen without the interruption of any other.

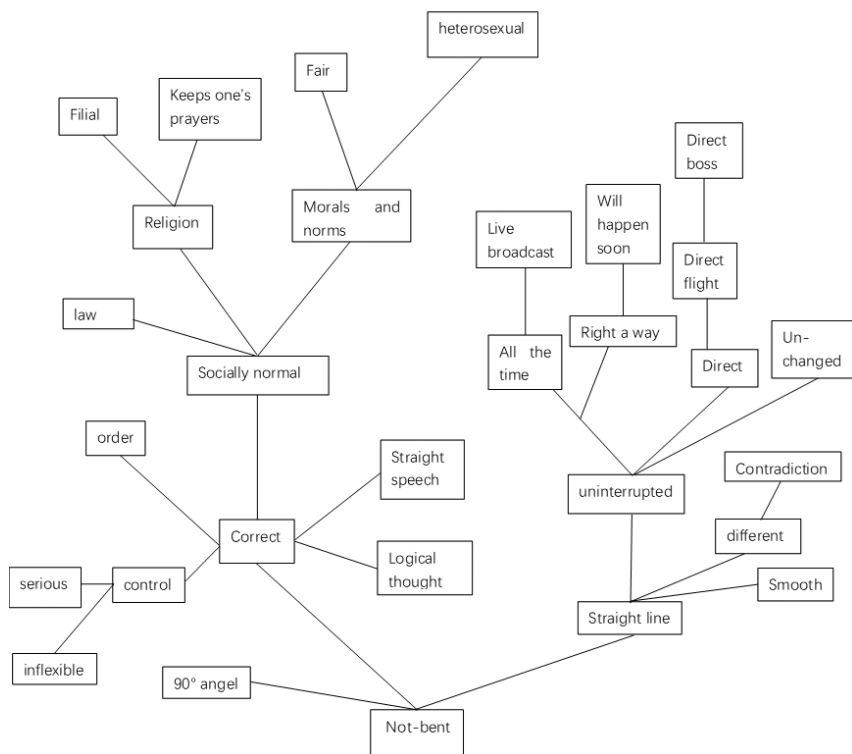
2.4 Correct

This meaning as explained by Cienki that languages developed meanings to describe correct using the concept "straight". Control is metaphorically described as straight and this also is connected to the meaning of having control on one's facial expressions and emotions, and so in some languages developed the meaning of being serious as straight. So basically, the extended meaning of correct has developed different domains, some are used to describe speech and thoughts, and some are used to describe order and control metaphors. Many languages developed the first meaning to describe honest or direct speech, and logical thoughts. The extended meaning correct can be used to describe things in order and control, but not all languages developed this meaning.

2.5 Socially normal

The extended meaning of Straight, which is "correct" can develop to describe in the society's view is considered to be correct, and it has to do more with the human's behavior. This extended meaning is more language or culture specific than the others, and so many languages do not share the same meanings which describes humans behavior as correct in their society, or to say what is considered to be correct or socially normal in some societies doesn't have to be considered correct or normal or it doesn't play a big rule in other societies. In Arab, societies religion plays an important role, and so people's morals and behaviors are affected in a noticeable way by religion, Islam and Christianity all affect the culture of Arabs and thus affect the language they use, and so many sentences are used to describe people's commitment to religion like praying every day or to do what religion encourages them to do like being filial towards their parents, and all described as being straight.

3. A semantic map for the concept “Straight”

References

- Cienki A. Straight: an image schema and its metaphorical extensions // *CognitiveLinguistics*, 2009, Vol. 9, №2. P. 107-150.

The Historical Evolution of Words With the Meaning of “sprain” in Chinese

Ma Yue 马钺

Nanjing Normal University (Nanjing)

Abstract. A sprain is an injury that soft tissue in joint was injured by suddenly pull, which usually happened in the joint or near the knuckle. “Wo (踉)” and “Wan (踉)” were used in ancient Chinese, “Niu (扭)” and “Wai (崴)” are used in modern Chinese. The dominant words with the meaning of ‘sprain’ change from “Wo (踉)” and “Wan (踉)” to “Niu (扭)” and “Wai (崴)”. “Wo (踉)” and “Wan (踉)” dominated the periods from ancient times to modern times, which is an injury in people or animals’ hands or feet. In the Qing Dynasty, with increasing the use of “Niu (扭)”, “Niu (扭)” has become the dominant word in expressing the meaning of ‘sprain’. Although “Wo (踉)” and “Wan (踉)” with the meaning of sprain had disappeared in modern Chinese, but they are still reserved in the northern dialect, Wu dialect and Min dialect. Tracing the source of “Wo (踉)” and “Wai (崴)”. “Wai (崴)” may come from the sound-shift of “Wo (踉)”. “Wo (踉)” and “Wei (委)” may come from the same source.

Keywords: Wo; Niu; Wai; historical evolution; synchronic distribution.

The evolution of common words in ancient Chinese is an important part of the study of Chinese history, which play a constructive role in establishing the scientific history of Chinese language and enriching the theory of diachronic lexicology [Li Zongjiang 1999]. Now, the research of the historical evolution of common words take abundant achievements, but many atypical members in common words haven’t been researched. The article take words with the meaning of “sprain” as study sample to analyze their evolution.

The whole article consists of four parts. The first part is about evolution of words that have the meaning of “sprain” including Wo (踉), Wan

(踣), Niu (扭), Wai (崴). In Pre-Qin Dynasty, Wo (踣) already had the meaning of sprain. Since Han Dynasty, the use of Wo (踣) had increased. Medicinal literatures usually included the pain of the body, so Wo (踣) often used in the kind of this literature. By consulting literature, such as *Yi Lin, Baopuzi, Qianjin Yifang, Compendium of Materia Medica* and *Yizongjijian*, we know that Wo (踣) can be used as subject, predicate or object. Because of many ancient Chinese compositions in Medicinal literature, Wo (踣) with the meaning of sprain reserved in Medicinal literatures in Qing Dynasty. Basically, Wo (踣) wasn't in use after Qing Dynasty. Wan (踣) was often used as a synonym for Wo (踣). Since Han Dynasty, Wan (踣) came into usage. By consulting literature and searching corpus, we know that Wan (踣) can be used as subject, predicate or object. Niu (扭) later appeared to express the meaning of sprain until Ming Dynasty. The use of Niu (扭) had increased in Qing Dynasty, it mainly appeared in vernacular fiction. From Qing Dynasty to today, "Niu (扭)" has become the dominant word in expressing the meaning of sprain. In Pre-Qin Dynasty, Wai (崴) already had appeared, but it didn't have the meaning of sprain. Until Qing Dynasty, Wai (崴) had started having the meaning of sprain, which also used in vernacular fiction.

The second part is about the historical evolution of words with the meaning of sprain in modern Chinese time. In Tang Dynasty and Song Dynasty, "Wo (踣)" and "Wan (踣)" were dominant word in expressing the meaning of sprain. From Qing Dynasty to modern times, Niu (扭) has gained the competitive edge in language development. Today, Niu (扭) is dominant word in expressing the meaning of sprain, which is usually used in written language system. Wai (崴) is often used in oral language system.

The third part is about the contemporary distribution of words with the meaning of sprain. By surveying dialect spot and consulting *The Modern Chinese Dialect Dictionary*, we can draw a conclusion that Wo (踣) and Wan (踣) are still reserved in the northern dialects, Wu dialect and Min dialect [Li Rong, 2002].

The fourth part is about the mechanism of evolvement of Wo (踣), Wan (踣), Niu (扭) and Wai (崴). There are probably many reasons contributing to this replacement. One reason is economy principle of language. Other reason is semantic overload. Tracing the source of "Wo (踣)" and "Wai (崴)", "Wai (崴)" may come from the sound-shift of "Wo (踣)". "Wo (踣)" and "Wei (委)" may come from the same source.

References

- Li Rong. *Xiandai hanyu fangyan dacidian* [The Modern Chinese Dialect Dictionary]. Nanjing: Jiangsu jiaoyu chubanshe, 2002.
 Li Zongjiang. *Hanyu changyongci yanbian yanjiu*. [Research on the evolution of Chinese common words]. Shanghai: Hanyu dacidian chubanshe, 1999.

A Finiteness Function Analysis of “le”: the Review of Semantic and Function of “le” Study by Tan Aoshuang

Ng Tiensze 黄天仕

Peking University (Beijing)

Abstract. Tan’s perspective in semantic and functional analysis of “le1” and “le2” is different from other Chinese linguistics from the 1990s to the 2010s. This paper agrees with Ms. Tan’s past tense function of “le1” and semantic analysis of mood attitude of “le2”. Although most Chinese linguistics have expressed disagreement with the argument that Mandarin Chinese has tense markers, in actuality, “le1” is gradually developing into a tense marker. However, the past tense function of “le1” is still in its initial stage of development with indistinct syntactic restrictions that this grammatical constituent cannot be regarded as independent finite marker like “le2”. On the other hand, the finite function of “le2” is not limited by aspect marker but through the mood function of the speaker’s attitude. These functions are similar to “ne” and “laizhe”, and the concept of aspect is related to semantics representation. The syntactic representation of “le1” and “le2” shows that there are at least two methods to anchor the clauses in Mandarin Chinese, differing from the general languages, such as English. Both the restricted past tense function of “le1” and the unrestricted anchoring function of “le2” make clauses finite.

Keyword: Finite clause; Le; Completed sentence; Past tense; Aspect marker

1. Introduction

Tan Aoshuang [Tan 1990; 1999] has shown her in-depth research on the semantic and function analysis of “le”. These topics were not only popular topics in the study of Chinese linguistics at that time, but also many scholars have put forward different analytical views until now. Most scholars deny that the auxiliary word “le” (herein after referred to as “lei”) has the function of expressing the past tense, but in recent years, some scholars have begun to affirm the functional grammaticalization of “lei” through stylistic differences. On the other hand, “le2” has long been regarded as having the same function as “(zheng) zai”, “guo”. Recently, the syntactic position of aspect markers “le2” between TP and vP has been raised to the same function of the attitude of speakers, same as “ne” and “lai zhe”. These conclusions are the same as those of Tan.

2. The semantics and function of “lei”

Tan proposed that whether “lei” is a perfect marker or other temporal meaning such as past tense is determined by the semantic meaning of verbs and other components of the sentence, and the meaning of “lei” is always the same. Tan’s proposal on the past tense function of “lei” is consistent with the recent consequence of Guo [Guo 2015] and Lin [Lin 2017] whose also hold similar opinions. Guo and Lin’s emphasis on the function of the past tense use in “lei” is the result of grammaticalization. In the past century, “lei” has gradually generated the tense function from the perfect meaning. Nevertheless, the function of the past tense of “lei” has not yet reached the extent of a finite marker, as in English. “Lei” as a tense marker is still limited in syntax function, like finite/anchoring function.

3. The semantic and function of “le2”

Tan believes that there are five kinds of functions of sentence-final particle “le” (hereafter referred to as “le2”), such as the change of the subject state or the expression of the dissuasion modality. She’s analysis of “le2” is quite close to Zhao Yuanren [Chao 1965], Lu Shuxiang [Lu 1980], Zhu Dexi [Zhu 1982] etc. They generally believed that the basic function of “le2” is to express the speaker’s attitude. However, after Lu Shuxiang proposed “le2” with the sentences completeness function, the research of the complete sentence in the 1990s also has tended to regard the main function of “le2” as a temporal category.

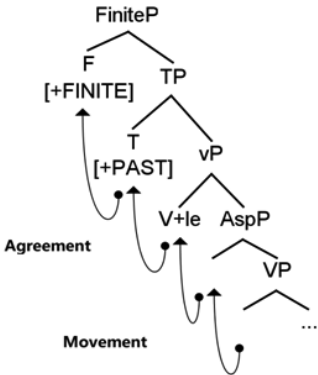
Based on the concept of complete sentences markers, the semantics and functions of “le2” changed from speaker attitude to temporal representation. Scholars believe that “le2” is similar to the English tense functional component which can anchor the events. However, such an analysis ignores the most fundamental, semantical function of the speaker’s attitude and inchoative meaning. In the theory of generative syntax, the function of the

speaker’s attitude is distributed in the CP position that above TP. However, in the analysis of anchoring function of “le2” above, it can only agree/move to T head to make the sentences become complete/finite, and has nothing to do with the CP domain.

Pan [Pan 2015], Paul and Pan [Paul, Pan 2017] and others redefined the syntactic function and position of “le2” based on language performance, and believe that the syntactic function and position of “le2” coincides with the concept proposed by Tan. In addition, “le2”, “laizhe” and “ne” are regarded as complementary distributions of the same function which base generate in lower CP position. The concept of Tan is basically in line with Paul and Pan, even conforms to the semantic interpretation of “le2” by Zhao Yuanren, Lu Shuxiang, Zhu Dexi and others in the 1980s.

4. Two finiteness/anchoring methods of “Le”

This paper uses Rizzi’s analysis [Rizzi 1997] results to illustrate that the functional projection of the bottom layer of CP should be Finite Phrase. The association between time and finite/anchor function is not inevitable, and the functions of the two can be separated. Based on the current past tense semantics and functions, the “le1” is not mature enough, and it is in the transitional stage of grammaticalization. This paper assumes that “le1” is still generated at Asp, and activates the [+PAST] feature of T through agreement but not a movement. After the verb raised to Asp merges with “le1”, the V+LE constitute moves to v position and agrees with T to active the [+PAST] feature.

The finiteness derivation of “le1” for the main clause has never appeared in Chinese before. This article reiterates that the phenomenon observed by Tan that “le1” can indeed be interpreted in past tense representation, but it is still not mature enough as a complete tense marker. On the other hand, the semantics of “le2” is mainly the expression of the attitude of the speaker, and its syntactic position like “ne”, “laizhe”, “le2” is based

generate at lower CP layer, corresponds to the FiniteP position proposed by Rizzi, which directly triggers the [+FINITE] feature to form a finite clause. The most direct evidence is that a nonfinite clause cannot be accompanied by “le2”, “laizhe” and “ne”.

5. Conclusion

Recent research shows that Tan's analysis of the semantic and syntactic functions of “le1” and “le2” is consistent with the interpretation of the framework of Generative Syntax. This paper is expected to expand the “le” research on the semantics and function of Tan Aoshuang, and to further develop research on the finite vs. nonfinite distinction in Mandarin Chinese. In addition to the syntactic level, specific lexical or pragmatic conditions can also form a finite clause. This paper hopes to explore the semantic and functional issues of “le1” and “le2” in more depth before publishing, taking into account all the possibilities of syntactic expression. The current analysis is only preliminary, and more factors need to be included in order to have better evidence to contribute to finiteness research in Mandarin Chinese.

References

- Guo Rui. Time Reference and Its Syntactic Effects in Mandarin Chinese // *Chinese Teaching in the World*. 2015, 4: 435-449.
- Lin Jo Wang. The Temporal Meaning of the Verbal “le” Revisited // *Zhongguo Yuwen*. 2017, 376: 3-21.
- Lu Shuxiang. Modern Chinese Eight Hundred Words. Beijing: Shangwu yinshu guan, 1980 (吕叔湘. 现代汉语八百词)
- Pan Victor Junnan. Mandarin peripheral construals at the syntax-discourse interface // *The Linguistic Review*. 2015, 32: 819-868.
- Paul Waltraud, Pan Victor. What you see is what you get: Chinese sentence-final particles as head-final complementizers // Josef Bayer, Volker Struckmeier (eds.), [Discourse particles. Formal approaches to their syntax and semantics]. Berlin: De Gruyter. 2017: 49-77.
- Rizzi Luigi. The Fine Structure of the Left Periphery // [Elements of Grammar: Handbook in Generative Syntax] / Ed. Liliane Haegeman. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1997: 281-337.
- Tan Aoshuang. Constraints on the looming of Chinese imaginary words // *Chinese Teaching in the World*. 1999, 2: 53-62. (谭傲霜. 汉语虚词隐现的制约因素)
- Tan Aoshuang. Semantic, functional and looming problems of the auxiliary word “了” // *Guoji Hanyu Jiaoxue Taolunhui Lunwen Xuan*, 1990 (3) (谭傲霜. 助词“了”的语义、功能和隐现问题)
- Chao Yuan Ren. A Grammar of Spoken Chinese. Berkley: University of California Press, 1965. 1109 p.
- Zhu Dexi. Lecture on the grammar. Beijing: The Commercial Press, 1982 (朱德熙. 语法讲义)

The area of *wangluo* 网络 ‘internet’ and *wangluo yuyan* 网络语言 ‘internet language’ in “Language Situation in China” Reports

Pellin Tommaso

Bergamo University (Bergamo)

Abstract. The main official document reporting the activity of PRC in the field of language planning and describing the state of the Chinese language is the *Language Situation in China* Report, published yearly since 2006 by the State Language Commission. Among its sections, the “Yearly neologism list” is very popular in Chinese society: it includes the most often occurring and some of the most fashionable neologisms and loanwords of contemporary Chinese, extracted from a very wide, selected lexical corpus. In the last years, the number of neologisms that are related with *wangluo* 网络 “Internet” has grown higher and higher. Here two senses for *wangluo yuyan* 网络语言 “Internet language”. In a broad meaning, *wangluo yuyan* refers to the lexicon, straddling several semantic fields, which encompasses the words for things related to the Internet. The narrow sense of *wangluo yuyan* is that of words coined and employed in the social networks (but very often entering general lexicon). It turns up a situation in which, on the one hand, *wangluo yuyan* has become the lexical category where a high number of new lexical items and expressions and loanwords are listed in; these neologisms and loanwords are often the primarily designated object of a strict lexical standardization. On the other hand, words related to the China’s “Internet life”, encompassing lexical items referring to very recent and advanced social and economic phenomena, have expanded in the official “Yearly neologisms lists”. The contribution has the goal to define its perimeter and possibly the attitude of the language-related institutions in the view of the standardization of the language.

Keywords: Neologisms; Internet language; Sharing economy; loanwords; Chinese language planning; Language Situation in China.

If we are to accept a meaning of the term “language planning” as the concrete measures implemented usually by the leading class of a language community in order to intervene and change the direction of the development of the language policy of that society [Halliday 2001: 177; Wardhaugh 2006: 357], it is doubtless that Chinese leading classes and institutions, since its most ancient dynasties, have carried out an intense activity of language planning. As for the twentieth century, from the foundation of the Republic of China in 1912 to the foundation of the People’s Republic of China in 1949 and on, language planning was carried out unceasingly. One of the most crucial goals of China’s language planning activities was to define a standard form of the language of the State and, subsequently, its promotion as common language. In the 1960s the PRC approved the new common language (putonghua 普通话) and its international complexion, the pinyin transliteration system.

In 1985 China’s language planning dramatically changed, as the goal of a further definition and simplification of a common language was set aside and its preservation, further standardization and diffusion was aimed at. Twenty years later, in 2001, the enactment of the *Language Law* of China constituted another turning point: the *Language Law* established Putonghua as the official language of PRC. Since then, the leaders of PRC, besides other linguistic issues (such as the relationship between putonghua and minority languages and dialects, or the teaching of putonghua), have had to cope with some of linguistic elements that most shun standardization: *xinci xinyu* 新词新语 “neologisms” and of *wailaici* 外来词 “lexical interferences” (borrowings and loanwords). In fact, in the last decades, due to the opening of China to the world and its skyrocketing development, Chinese lexicon underwent a deep transformation: the number of its neologisms, including borrowings, increased significantly. The new things and the new social phenomena which appeared in China called for new words to name them; at the same time, the tighter and tighter relationships with foreign countries and the ever-growing number of things and concepts coming from abroad requested new terms as well.

A privileged point of view on such lexical items is the lists of neologisms included in the *Language Situation in China* Report, published yearly since 2006 by the State Language Commission. This is one of the main official documents which both reports the activity of PRC in the field of language policy and describes the state of the Chinese language. Among its sections, the “Yearly neologism lists” (together with other lists, such as the “Yearly buzzword list”) are very popular in Chinese society [Ji 2018]: they include the most often occurring and most fashionable neologisms and buzzwords extracted from a vast lexical corpus.

Neologisms and borrowings from time to time were objects of heated debates in the scholarly world; sometimes debate arose in society as well. In these periods, while the scientific categorization of neologisms and borrowings was precise and adequately wide to encompass the most of the lexical instances, debates always were focused on a particular kind of neologism or borrowing, which attracted the most of the interest, so to appear as the prototypical lexical item to discuss. For instance, around the beginning of 2000s, linguists, lexicologists and lexicographers, as well as members of Chinese society, were involved into a debate about neologisms and borrowings: the object was mainly *zimuci* 字母词 “lettered words”, i.e. words made up partly or completely by Latin letters. While scientific research was well aware of the existence of several typologies of borrowings [Cao 2009], [Yu, Dong 2014], the attention in scholarly magazines and common newspapers was fixed on *zimuci* to the point that, when talking about borrowings, *zimuci* were always the category referred to.

After 2013-14, the debate about *zimuci* and borrowings in general cooled down, but neologisms were still felt as one of the most important objects of standardization by scholars and by language-related institutions. The general category under which most of the instances of non-standardized lexical items were subsumed became *wangluo yuyan* 网络语言 “Internet language”, as a new sort of “virtual” hideout for all of these words and expressions.

On the other hand, *wangluo* 网络 “Internet” is the area of social, economic and technologic life to which lexical items collected by the “Yearly neologism lists”, especially in the last years, most often belong.

The aim of this contribution is to propose a twofold interpretation of *wangluo yuyan*. In a narrow sense, *wangluo yuyan* is the lexicon including are the words coined and employed originally in the Internet social networks (but very often adopted in the general lexicon), which is the object of severe standardization by language-related institutions. In a broad sense, *wangluo yuyan* is the lexicon, straddling more than one semantic field (at least the technologic, the economic and the social ones), of China’s “Internet life”, which constitutes the most advanced phenomena of Chinese society, and has occupied an ever-growing part of the official neologisms lists. Given such seemingly contradictory categories, the object of this contribution is to better define the perimeter of the semantic field of *wangluo yuyan* in the *Language Situation*. This will shed a light on how wide such a conception is, how many of most recent neologisms fall into this all-inclusive category, which kinds of contemporary social and economic phenomena they belong to and, possibly, which attitude the language-related institutions show towards these non-standardized lexical items.

References

- Cao Liya. Review of the hot issues in the last 100 years of research on loan words in Chinese // *Journal of Shenzhen University*, 2009. 26: 116-124. (曹莉亚. 百年汉语外来词研究热点述要)
- Halliday M. New ways of meaning: the challenge to applied linguistics // A. Fill e P. Mühlhäusler (eds). *The Ecolinguistics Reader. Language, Ecology and Environment*, Continuum, London, 2001. pp. 175-202.
- Ji Mingxia. Review of the research on the lexicon of modern Chinese in 2016 // *Journal of Chongqing Jiaotong University*, 2018. 18: 125-133. (季明霞. 2016 年现代汉语词汇研究综述)
- Wardhaugh R. *An Introduction to Sociolinguistics*, Blackwell, Oxford et al. 2006.
- Yu Junrong. Review of the research on neologisms from the 1980s // *Journal of Yanshan University*, 2014. 15: 121-124. (于峻嵘. 董文霞. 20 世纪 80 年代以来新语词研究综述)

Re-discussing the Origin of 快 kuài in Expressing ‘fast’

Qiang Si 墙斯

Zhejiang University (Hangzhou)

Abstract. How did the meaning of 快 kuài in expressing *fast* come from? When did it come into being? There are still different opinions in academic fields. Referring to the source, there are two main points of view: one is that it extended from its original meaning *carefree* and *pleasant*; the other is that it has no relationship with its original meaning but is the result of phonetic borrowing from the character 駛 kuài. Regarding the era, some think it began in the pre-Qin Dynasty, some think it began in the Western Han Dynasty and some think it originated in the Han and Wei Dynasty. This paper presents different views on the origin and era about the word 快 kuài in expressing *fast*. It holds the idea that the meaning of 快 kuài in expressing *fast*, derived from the semantic extension, but the direct source is its function in expressing *sharp*; as to the emergence of its function in expressing *fast* should be after the Tang Dynasty. Besides, the conclusion part of this paper also discusses the criteria in judging the origin and time concerning the replacement of the old member in semantic field by the new one.

Keywords: kuài its meaning in expressing fast; Semantic Extension; Relationships between Characters and Lexical Items.

In the history of Chinese language, there have always been different opinions on the origin and era of the emergence of its function in expressing *fast*. The discussions of the origin boil down to two main points: One is that it derives from its original meaning *carefree* and *pleasant* (abbreviated as “Extension” Theory), such as Jiang Shaoyu [Jiang Shaoyu 2005: 85], Xu Shiyi [Xu Shiyi 2013: 482; 2017; 2018] etc. “Extension Theory” can be traced back to Duan Yucai. The other opinion is that it is the result of phonetic borrowing from the character 快 kuài (abbreviated as “Phonetic Loan” Theory). Cao Guangshun [Cao Guangshun 1987] holds the idea that, “The meaning of 快 kuài in expressing *fast* maybe comes from 快 kuài.” Jiang Lansheng [Jiang Lansheng 1988: 117] and Wang Weihui [Wang Weihui 2017: 374] also hold the same view. Yang Lin [Yang Lin 2017] thinks the original characters of 快 kuài in expressing *fast* should be 趵 (趵) jué or 快 kuài. Most scholars who hold the “Extension Theory” associate the original meaning of 快 kuài directly with its meaning of *fast*, and point out the idea that there is logical or cognitive connection between the two, without elaborating on the path of semantic extension and specifying the syntactic context that triggered the semantic extension. The scholars who hold the “Phonetic Loan Theory” did not demonstrate the conditions of phonetic loan and compare systematically the differences in usage between the original character and the phonetic loan character. Which of the two statements is more reasonable or there exist other possibilities, which need further proof.

When did the *meaning of* 快 kuài in expressing *fast* come into being? Some think it began in the Western Han Dynasty [Jiang Shaoyu 1985], some think it originated in the Han and Wei Dynasty [Cao Guangshun 1987; Jiang Lansheng 1988: 117; Wang Fengyang 2011: 964] etc., while Yang Lin [Yang Lin 2017] pointed out that it began in the pre-Qin. The reason for the great divergence is that scholars have different interpretations of some early examples, and they have different judgments on the relationships among characters 快 kuài, 快 kuài, 驶 shǐ and their lexical items.

In light of that, the focus of this paper mainly divides into three parts: First, this paper researches in detail the early examples cited in previous studies one by one and points out which example is credible and which is not. Chronologically, the examples of 快 kuài in expressing *fast* illustrated in previous studies can be roughly divided into two periods: the Han Dynasty, and the Wei-Jin Northern and Southern Dynasties. The examples in Han Dynasty are limited (6 cases). The examples after Wei-Jin Dynasties given by scholars are increased. So this paper refers to all the examples cited by scholars in the Han Dynasty and makes research on each case one by one; on the other hand, it selects the focused examples after Wei-Jin

Dynasties and makes classificatory study. At the end, this paper points out the fact that the examples cited by scholars before the Tang Dynasty are not credible.

Second, starting from the grammatical function and semantic feature, this paper explores common characteristics of the members in the semantic field expressing *fast* and taking their common characteristics as a reference, this paper inspects the evolution of its semantic change and grammatical function of 快 kuài. 速 sù, 疾 jí and 迅 xùn are the main members in the *fast* semantic field in old and medieval Chinese [Wang Weihui 2017: 362; Xu Shiyi 2018] and they are also the synonyms to express *fast*. The common ness of 速 sù, 疾 jí and 迅 xùn in syntax and semantics can be regarded as the core feature of the *fast* semantic field. This paper reveals that it was only after the Tang Dynasty that 快 kuài had gradually possessed the commonness of members in the semantic field expressing *fast*.

Third, this paper systematically compares the combination mold and semantic collocation of 快 kuài, 駛 kuài and 驶 shǐ, and clears up their relationships between characters and lexical items. This paper compares systematically the three characters used in the medieval Chinese language, and it puts forwards the idea that the syntactic environments in which 駛 kuài and 驶 shǐ appeared to express *fast* are basically the same, and they were often used as variant text of each other in the literature. However, 快 kuài is obviously different from 駛 kuài and 驶 shǐ in usage. Therefore, this paper holds the idea that 快 kuài did not possess the meaning of *fast* in the medieval Chinese period.

Through the above research and combining with the typology evidence, this paper puts forward different opinions on the origin and era about the word 快 kuài to express *fast*. It holds the idea that the source of 快 kuài to express *fast* is closely related to its meaning of *sharp* and the emergence of its meaning to express *fast* should not be earlier than Tang Dynasty.

At last, the conclusion part of this paper also discusses the criteria in judging the origin and time concerning the replacement of the old member in semantic field by the new one. This shows that the study purpose of this paper is not only to research the semantic evolution of a single character, but also hope to discuss the ideas about and methods of studying the Chinese semantic extension from the perspective of specific issues. In recent years, scholars in the field of Chinese historiography gradually have realized that the previous study of semantic extension often relies on the subjective knowledge and empirical judgment of researchers. How to avoid the subjective factors of researchers, make the judgment criteria of semantic extension more objective and consistent, and make the study methods

easier to operate, is an important topic in the current study of Chinese semantic extension.

References

- Cao Guangshun. Study on the Use of 就 Jiù and 快 Kuài in the Song Dynasty and related dynastic research // *Studies of the Chinese Language*, 1987 (Vol.4). (曹广顺. 试说“就”和“快”在宋代的使用及有关的断代问题), 中国语文 1987(4).
- Jiang Lansheng. Explanation of novel vocabulary of Wei, Jin, Southern and Northern Dynasties. Beijing: Language and Culture Press, 1988. P.117. (江蓝生. 魏晋南北朝小说词语汇释)
- Jiang Shaoyu. Outline of ancient Chinese lexicon. Beijing: Shangwuyinshu guan, 2005. P. 85 (蒋绍愚. 古汉语词汇纲要)
- Wang Weihui. Study of the semantic change of frequent words from Eastern Han to Sui (Revised Edition). Beijing: Shangwuyinshu guan, 2017. P. 374. (维辉. 东汉—隋常用词演变研究)
- Wang Fengyang. The analysis of old lexicon. Beijing: Zhonghua Book Company, 2011. P.96. (王凤阳. 古辞辨)
- Xu Shiyi. A study of lexicon in *Zhūziyǔlèi*. Shanghai: Shanghai Classics Publishing House, 2013. Pp482. (徐时仪. 《朱子语类》词汇研究)
- Xu Shiyi. Antonym explanations of Fast and Slow in *Zhūziyǔlèi* // *A Study of Chinese Language and Literature*, 2017 (Vol.1). (徐时仪. 《朱子语类》快慢反义概念词语类聚考)
- Xu Shiyi. Semantic evolution of Fast and Slow // *Journal of Chinese Language History*, 2018 (Vol.00) (徐时仪. 快慢反义聚合的词义演变)
- Yang Lin. New Evidence of Etymology of 快 Kuài and 筷 kuài // *Yangtze River Academic*, 2017 (Vol.4) (杨琳. “快”“筷”词源新证)

Affixation in Old Chinese: Distinguishing Realistic Reconstructions from Phantom Morphemes

Starostin George

*Russian State University
for the Humanities (Moscow)*

Abstract. It is commonly recognized that Old Chinese, in contrast with Middle and Modern Chinese, had a more flexible syllabic structure, with consonantal prefixes, suffixes, and even infixes. The talk gives a brief critical overview of the most current model of morphological reconstruction for Old Chinese (by W. H. Baxter and L. Sagart) that presents Old Chinese as a morphologically complex language, with numerous prefixes whose structure could have a meaningful contrast between monoconsonantal and quasi-syllabic sequences and whose productivity, at least in part, could be preserved until at least the Classical age. It is argued that the conservative model, according to which Old Chinese (from the Early to Classical eras, approximately 10th – 3rd centuries B.C.) had no productive prefixal morphology, has no reason to be abandoned. This is not to say that archaic and fossilized prefixal morphological elements cannot be segmented out at all from Old Chinese stems; however, such segmentation should always be subject to strict scrutiny, and its reliability will always depend on the degree of systematicity (paradigmatic evidence) and historicity (confirmation by external comparison with related Tibeto-Burman stems) involved in the internal reconstruction.

Keywords: Old Chinese; derivational morphology; prefixal morphology; morphological reconstruction; word families; Chinese script.

Reconstruction of the Old Chinese phonological system has always gone hand in hand with deepening our understanding of the morphemic structure of the Old Chinese syllable. These days, it is commonly recognized that Old Chinese, in contrast with Middle and Modern Chinese, had a more flexible syllabic structure, with consonantal prefixes, suffixes, and even infixes that could play a significant role in forming one class of words out of another (verbs-to-nouns, nouns-to-verbs, etc.). Disagreements between scholars are largely confined to three significant issues: (a) the precise number of these morphological elements (including possibly homonymous morphemes); (b) their phonological and phonetic representation; (c) the relative chronology of their evolution, e.g. determining the *terminus post quem* in the history of Chinese such syllable-internal morphology may only be regarded as fossilized / non-productive. In my talk, I will concentrate on a brief critical overview of the most current model of morphological reconstruction for Old Chinese, first proposed in the seminal monograph by Laurent Sagart [Sagart 1999] and more recently refined and enlarged over a collaborative project between Sagart and William H. Baxter [Baxter, Sagart 2014]; although competing models exist, e.g. the variant supported by Axel Schuessler [Schuessler 2007], the Baxter-Sagart system is arguably the most widely known and quoted today, due both to the expertise of its authors and the depth and comprehensiveness of the argumentation. These factors often lead non-specialists to uncritically quote and make use of the proposed reconstructions, without knowing how to separate elements reconstructed based on solid, systematic, and statistically significant evidence from those that are reconstructed in more speculative manners – which includes plenty of (allegedly) morphologically complex stems. The Baxter-Sagart model presents Old Chinese as a morphologically complex language, with numerous prefixes whose structure could have a meaningful contrast between monoconsonantal (*C-) and quasi-syllabic (*Cə-) sequences and whose productivity, at least in part, could be preserved until at least the Classical age (4th – 3rd centuries B.C.). This model is in sharp disagreement with certain others that are more conservative, including, for instance, the reconstruction of Sergei Starostin [Starostin 1989], or even the older reconstruction of W. Baxter himself [Baxter 1992], and many of the proposed reconstructions are based on dubious evidence that easily lends itself to alternate interpretations. However, since a comprehensive discussion of all the problematic reconstructions involving prefixal morphology is impossible to fit within one talk, I will simply present a list of what I find to be the most substantial theoretical problems in the Baxter-Sagart model, accompanying each of them by a (hopefully) illustrative couple of examples. These problems are as follows:

(a) overreliance on the concept of “word family”, according to which any two words may be claimed to be morphologically related if their respective meanings seem semantically close and their phonetic shapes formally allow for the segmentation of a prefix; this criterion is often applied speculatively and spontaneously, without sufficient paradigmatic evidence to rule out chance factors;

(b) overestimation of the phonetic principle, according to which any two characters sharing the same (allegedly) phonetic component necessarily have to share the same root initial, with no exceptions; all seeming exceptions have to be provided with a suitable morphological explanation, sometimes produced in a rather *ad hoc* manner and ruling out the possibility of any individual peculiarities in the creation of new Chinese characters;

(c) questionable interpretations of certain passages in received Old Chinese texts that may be treated as evidence for occasional special marking of morphology, but also have alternate reasonable explanations that absolutely do not require the assumption of such radical deviations from the monosyllabic principle in Old Chinese writing.

Based on these examples, I will argue that the conservative model, according to which Old Chinese (from the Early to Classical eras, approximately 10th – 3rd centuries B.C.) had no productive prefixal morphology, has no reason to be abandoned. This is not to say that archaic and fossilized prefixal morphological elements cannot be segmented out at all from Old Chinese stems; however, such segmentation should always be subject to strict scrutiny, and its reliability will always depend on the degree of systematicity (paradigmatic evidence) and historicity (confirmation by external comparison with related Tibeto-Burman stems) involved in the internal reconstruction.

References

- Baxter William H. A handbook of Old Chinese phonology. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1992.
Baxter William H., Sagart L. Old Chinese: A new reconstruction. Oxford: Oxford Univ. Press, 2014.
Sagart L. The roots of Old Chinese. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1999.
Schuessler A. ABC etymological dictionary of Old Chinese. Honolulu: Univ. of Hawai'i Press, 2007.
Starostin Sergei Anatolyevich. Rekonstruktsiia drevnekitaiskoi fonologicheskoi sistemy [Reconstruction of the Old Chinese phonological system]. Moscow: Nauka, 1989.

Grammaticalization Chain of “shu” (‘belong’) in Chinese

Wang Zhaonan

Capital Normal University (Beijing)

Abstract. SHU was a state verb in Ancient Chinese, in the structure of “NP A+SHU+NP B”, which means “belong”. This structure always appear in assertion mood, declaring that “A belongs to the type of B” which also actually means “A is of the B type”. Noun phrase could be used as predicative in Ancient Chinese, which made SHU here evolved to be a copula. When people want to declare on something complex, noun phrase A in the structure here replaced by a clause or even a whole sentence. Due to the grammar, a demonstrative pronoun (sometimes followed by a noun referring to the pre-mentioned event) as an anaphora takes the initial position of the SHU clause. The structure without anaphora here could be accepted as flowing sentence, which is also a symbolic feature of Chinese language. Then SHU took the position and absorbed the function of conjunction, the subject of SHU clause began to appear after the clause-initial SHU. We here to prove here exists a grammaticalization chain as: *state verb*>*copula*>*conjunction*.

Keywords: Grammaticalization chain; diachronic evolve; ancient Chinese; conjunction; copula.

In the sentence of “你们班有三十个人，属 (SHU) 你最淘气 (Ni men ban you san shi ge ren shu ni zui tao qi)” “There are 30 students in your class, (SHU) you are the most naughty one”, SHU is the conjunction connecting the two clauses. We are here to prove that the SHU grammaticalized from a copula which was a state verb before that.

SHU was a state verb in Ancient Chinese, in the structure of “NPA+SHU+NP B”, which means “belong”. This structure always appear in assertion mood, declaring that “A belongs to the type of B” which also actually means “A is of the B type”. Noun phrase could be used as predicative in Ancient Chinese, which made SHU here evolved to be a copula. That is our first step of the chain: *state verb*>*copula* [Heine, Kuteva 2002].

“NP A+SHU +NP B” exists as the bridge structure in the very time, but it doesn’t mean that SHU was a copula at the very first time. We can still see that very clearly in the materials that NP B spreading from the prototype of noun to nominal phrase, than came to VP. The typical predicative structure finally determined the copula identity of SHU. This process finished in quite a short time, the state verb SHU and the copula SHU appeared almost in the same time.

When people want to declare on something complex, noun phrase A in the structure here replaced by a clause or even a whole sentence. Due to the grammar, a demonstrative pronoun (sometimes followed by a noun referring to the pre-mentioned event) as an anaphora takes the initial position of the SHU clause, that makes the structure to be: *clause A, anaphora+SHU+VP B*.

The anaphora is likely to be lost in spoken language, we found that it is more likely to find this anaphora in the article written by the well-educated writers like officers or teachers than the folk story tellers. The structure without anaphora here could be accepted as flowing sentence, which is also a symbolic feature of Chinese language. Thus: *clause A, SHU+VP B*. SHU hereby took the position of conjunction, absorbed the function of connecting clause A and phrase B (also could be recognised as clause B).

Thus, we assume there is a grammaticalization chain [Heine 1992] as: *state verb>copula>conjunction*.

As we can see that the subject of VP B could appear follow the clause-initial SHU (like in our example given in the very first place), we take the function of SHU here as a conjunction. The standard we judging the conjunction identity here referenced to the related diachronic researches of “SUOYI (所以)” [Wang 2002; Wei 1998; Guo 2010].

Some might miss use 数 (SHU, count) as the one we discussed above, but the SHU of “count” or “to list” has no direct predecessor structure already showed, and the first use of “数一数二 (Shu yi shu er)” in written data was actually “listing one or two” instead of “the best one or two”. These two word might mixed up after the conjunction SHU (belong) settled down because the meaning *count* was highly connected to *ordinal number* – the acquaintance in the conjunction SHU structure.

References

- Heine B. Grammaticalization chains. 1992, 335-368.
Heine B., Kuteva T. World lexicon of grammaticalization. Cambridge University Press. 2002
Wang Weihui. The time in which SUOYI became conjunction // *Guhanyu yanjiu*. 2002, №2 (汪维辉. “所以”完全变成连词的时代)
Wei Dachun. Suoyi’s distribution in 6 ancient books // *Guhanyu yanjiu*. 1998, №2. (魏达纯. “所以”在六本古籍中的演变考察)
Guo Jimao. The *shi*-clause and *yinwei-suoyi*-clause, also about the different categories between cause and because // *Yuwen yanjiu*. 2010, №1. (郭继懋. “使”字句和“因为所以”句—兼论“致使”和“因果”的关系)

Aktionsart (or Type of Process) and Its Parameters in Chinese

Xiao Lin 肖琳

*Centre de recherches linguistiques
sur l'Asie orientale (Paris)*

Abstract. The purpose of this paper is to present a theoretical framework of *Aktionsart* in languages of different types such as French and English (inflectional) and Chinese (isolating) and to provide a possible methodology in comparative studies, to not to say typological, of languages in the field of *Aktionsart*. *Aktionsart* (or 'type of process' or 'actionality') describes the internal temporality of the process; we will analyze here the *Aktionsart*, adopting the presentation of Dik rather than that of Vendler, in terms of binary semantic features organized in Porphyry trees: the processes are distinguished according to whether they are [$\pm$ dynamic]; among the [+dynamic] process, the [$\pm$ telic] will be opposed; and, among the [+telic] processes, one will distinguish the [$\pm$ momentaneous]; the features [$\pm$ control] [$\pm$ experience] multiply these oppositions.

Keywords: *Aktionsart*; types of process; temporal sequence; dynamic; telic; momentaneous; control; experience.

Aktionsart (or 'type of process' or 'actionality') describes the internal temporality of the process. The processes are distinguished according to whether they are [$\pm$ dynamic]; among the [+dynamic] process, the [$\pm$ telic] will be opposed; and, among the [+telic] processes, one will distinguish the [$\pm$ momentaneous]; the features [$\pm$ control] [$\pm$ experience] multiply these oppositions. We will furthermore discuss about its binary parameters and its counter-examples as well.

The features [$\pm$ dynamic] are verified by means of a test consisting in adding to the sentence an adverb of speed. For example, 快 *kuài*: 他跑得快 *tā pǎo de kuài* 'he runs fast'. Indeed, we can only measure the speed through a changing in time, which is the definition of a process [+dynamic] during which the state of the reference world changes.

Among the [+dynamic] processes, the [+telic] processes are those who intrinsically have a terminal point, and the [-telic] processes having no terminal point represent a homogeneous interval. The test verifying that a process is [-telic] consists, in a inflectional language like French, to add a complement of duration: if the complement of duration must be introduced by *during* or remain without preposition, for the process is [-telic]; if the complement of duration must be introduced by *en*, it is that the process is [+telic]:

Il est allé à la gare en une heure [+telic]

vs.

Il s'est promené (pendant) une heure [-telic]

In Chinese, it is the position of the complement of duration which distinguishes [+telic] and [-telic]:

他一个小时走到车站 [+telic]

vs.

他散步一个小时 [-telic]

The test for Chinese and that for Western languages are not unrelated: with a [+telic] process, we place ourselves within a limited interval known in advance: hence, fr.*en* 'within' (*Il est allé à la gare en une heure* 'he walked to the station within one hour'); with a [-telic] process *pendant* 'during' or the unmarked form (*Il s'est promené (pendant) une heure* 'he walked for one hour') measures the duration as the process unfolds. We have markers in Western languages, whereas we have in Chinese the sequence: if the limited interval is given in advance, the duration in which the process will take place is proposed to the verb; if there is no bound, the duration of the process can only be measured after the fact: the position of the duration complement also obeys the temporal iconicity.*

Among the [+telic] process, [+momentaneous] processes are incompatible with phase expressions such as 'to start', 'to continue', 'to finish', for the good reason that, in a [+momentaneous] process, the initial point and the final point coincide. The test is obviously applicable to Chinese.

* Temporal iconicity or iconicity of sequence means that the linear sequence of the constituents mimics temporal sequence of the events in the referential world [Jakobson 1965; Bolinger 1977; Greenberg 1963; Haiman 1985; Tai 1985; Givon 1990; Xiao 2019].

The test to establish a [+control] process is to check whether it is consistent with an injunctive type statement or whether it can be the complement of verbs like 'to promise' or 'to persuade': for example, in English, we cannot have **be sick!*, neither **I promise you to be sick tomorrow*. The test is obviously transposable in Chinese: **病 bing!*

The [+experience] processes (like 'to see', 'to know' or 'to experience', 'to learn', etc.) describe not the state of an external world, but the internal state of the subject who experiences the experience, the state of the outside world being in no way affected. So to 'see': Whether Paul sees (or does not see) Peter crossing the street does not change the fact that Peter crosses the street.

References

- Bolinger Dwight. *Meaning and Form*. London and New York: Longman, 1977.
- Givon Talmy. *Syntax: A functional-typological introduction*. Volume I-II. Amsterdam: John Benjamins, 1990.
- Greenberg Joseph H. Some Universals of Grammar with Particular Reference to the Order of Meaningful Elements // Greenberg, Joseph H. (ed.) *Universals of Human Language*. Cambridge, Mass: MIT Press., 1963. P. 73-113.
- Haiman John. Iconicity in Syntax. Amsterdam: John Benjamins, 1985.
- Jakobson Roman. Quest for the Essence of Language // *Diogenes*. Vol. 13 issue 51, p. 21-37.
- Tai James H-Y. Temporal sequence and Chinese word order // Haiman John (ed.) *Iconicity in Syntax*, Amsterdam: Benjamins, 1985. P. 49-72.
- Xiao Lin. Le chinois et l'iconicité de la syntaxe L'iconicité de la séquence temporelle : du texte à l'Aktionsart. Louven-Paris: Peeters, 2019. (in press)

Establishment Conditions of Chinese Asymmetric Pairing Structure “big (large) / small (little) + noun”

Xu Jin

*Dalian University of Technology
(Dalian)*

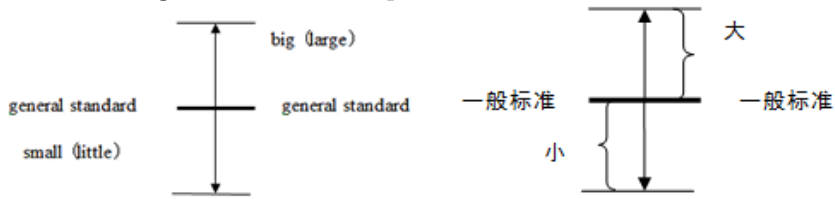
Abstract. The “big (large) + noun” and “small (little) + noun” with symmetric form but without symmetric semantic constitute the asymmetric pairing structure “big (large) / small (little) + noun”, which is atypical phenomenon relative to the symmetric pairing structure, with its specific conditions for the establishment. The asymmetric pairing structure “big (large) / small (little) + noun” requires two establishment conditions. One condition is that “big (large) / small (little)” means the endpoint of quantity rather than the range of quantity. The second condition is that “big (large)” and “small (little)” respectively means the objective measurement meaning and the subjective evaluation meaning, or both of them mean subjective evaluation meaning. When “big (large) / small (little)” modifies nouns with extreme gradability characteristics, such as appellation nouns, place nouns and time nouns, the subjective evaluation meaning is generated.

Keywords: big (large) / small (little) + noun; the range of quantity; the point of quantity; measurement meaning; evaluation meaning.

Semantically asymmetrical “big (large) / small (little) + noun” structure is called asymmetric pairing “big (large) / small (little) + noun” structures by us. For example: a big hero (大英雄) – a little hero (小英雄); “a big hero” refers to a well-known and respected hero. “A small hero” generally refers to a young hero. The semantics of “big” and “small” are not in the same semantic dimension.

Some researchers have noticed the asymmetry of “big (large) + noun” and “small (little) + noun”, but they focus on the structural absence of “big (large) + noun” or “small (little) + noun” [Chen Qingsong 2002; Yang Ronghua 2008; Luo Qiongpeng 2016; Zhang Huilin 2018]. We will pay close attention to the asymmetric pairing structure “big(large)/small(little) + noun”, aiming to reveal its establishment conditions.

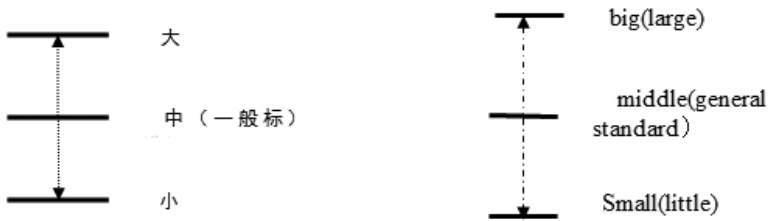
“Big (large)” and “small (little)” are the most basic measurement adjective and space adjective. The basic meaning of “big (large)” and “small (little)” is “above/below the general standard in the amount of volume and area”, the image schema can be expressed as follow:

Graph 1: the range quantity image schema

The quantity indicated by “big (large) / small (little) + noun” is the “range of quantity” which is a collection of each of the point of quantity”. The general standard is defaulted by the social group, which is unmarked, has no special vocabulary coding and can be expressed as “not too big (large) or too small (little) size”.

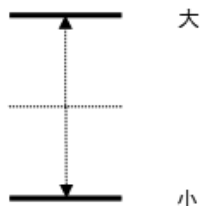
When we pay attention to the end position of the range of quantity indicated by “big (large) / small (little)” rather than the entire range of quantity, the range of quantity schema is converted to the stage of quantity schema.

Graph 2: the stage of quantity image schema

In the stage of quantity image schema, the spatial measurement depicted by “big (large) / small (little)” is the endpoint in the range of quantity, the remaining points of quantity are neglected. Both “big (large) / small (little)” and “the general standard” represent the points of quantity and form a hierarchical relationship.

The expressions corresponding to the stage of quantity image schema are as follows: a big class (大班) – a middle class (中班) – a small class (小班). When we further stress on the “big (large) / small (little)” endpoint position and ignore the middle position, the “big (large)” and “small (little)” are separated from the middle point to form a two-level image schema.

Graph 3: the two-level image schema

The expressions corresponding to the two-level image schema are as follows: *thigh* (大腿) – *calf* (小腿).

Under the circumstances, there is no “intermediate quantity + noun” structure between “big (large) + noun” structure and “small (little) + noun” structure: *thigh* (大腿) – * *middle leg* (中腿) – *calf* (小腿).

It can be seen that the asymmetric pairing structure “big (large) / small (little) + noun” is formed on the basis of the two-level image schema. There is also no intermediate “middle + noun” between asymmetric pairing structure “big (large) + noun” and “small (little) + noun”, for instance: *a big hero* – * *a middle hero* – *a little hero*.

Since “Quantity” can be divided into objective quantity and subjective quantity [Chen Xiaohu 1994; Li Yuming 1997] the meaning of “big (large) / small (little)” as the basic quantitative adjective can be divided into objective measurement meaning and subjective evaluation meaning. The objective measurement meaning is lexical meaning, and the subjective evaluation meanings is pragmatic meaning.

The subjective evaluation meaning of “big (large)” is to emphasize and highlight. Appellation nouns, place nouns and time nouns can be modified by “big(large)” expressing the subjective evaluation meaning, such as:

big (large) + appellation noun: *a big professor*

big (large) + place noun: *big Beijing*

big (large) + time noun: *big weekend*

There are two meanings of subjective evaluation of “small (little)”. One is an expression of contempt. The other is an expression of love, ease, and pleasure. The nouns that can be matched are also the appellation nouns, the space nouns, and the time nouns, such as:

small (little) + appellation noun: *a little sister*

small (little) + space noun: *small Japan*

small (little) + time noun: *small weekend*

Appellation nouns, place nouns, time nouns are hierarchical “gradability”. We believe that when “big (large) / small (little)” is combined with a noun morpheme or a noun with “extreme gradability”, the subjective evaluation meaning is formed.

When “big (large)” and “small (little)” respectively shows the objective measurement meaning and subjective evaluation meaning, the asymmetric pairing structure “big (large) / small (little) + noun” will appear. According to it, the asymmetric pairing structure “big (large) / small (little) + noun” can be classified into the three types:

Type 1: “big (large)” means the objective measurement meaning and “small (little)” means the subjective evaluation meaning. For instance: *a big sister – a little sister*.

Type 2: “big (large)” means the subjective evaluation meaning, and “small (little)” means the objective measurement meaning. For instance: *big Shanghai – small Shanghai*.

Type 3: Both of “big (large)” and “small (little)” mean the subjective evaluation meaning. For instance: *big weekend – small weekend*.

The modern Chinese pairing structure “big (large) / small (little) + noun” is usually symmetric in semantics, and sometimes there is a situation of semantic asymmetry. The asymmetric pairing structure “big / small + noun” requires two establishment conditions. One condition is that “big (large) / small (little)” means the endpoint of quantity rather than the range of quantity. The second condition is that “big (large)” and “small (little)” respectively means the objective measurement meaning and the subjective evaluation meaning, or both of them mean subjective evaluation meaning.

References

- Cheng Qingsong. “大/小+名” structure inspection. Hunan: Hunan shifan daxue, 2002 (陈青松. “大/小+名”结构考察).
- Chen Xiaohu. A Preliminary Study on the Subjective Quantity Problem – Also on the Adverbs “就”、“才”、“都” // *Shijie hanyu jiaoxue*, 1994(4) (陈小荷. 主观量问题初探– 兼谈副词“就”、“才”、“都”).
- Li Yuming. The cause of subjective quantity // *Hanyu xuexi*, 1997(5) (李宇明. 主观量的成因).
- Luo Qiongpeng. There is a “大+ NP” structure with “大” and no “小” – also talk about the hierarchical nature of nouns // *Hanyu xuexi*, 2016(3) (罗琼鹏. 有“大”无“小”的“大+NP”结构– 兼谈名词的等级性).
- Yang Ronghua. Research on symmetry and asymmetry of “大/小”. Nanjing: nanjing shifan daxue, 2008 (杨荣华. “大/小”的对称与不对称研究).
- Zhang Huilin. Semantic Syntactic Analysis and Integration Degree of “大/小+N”. Shanghai: Shanghai shifan daxue, 2018 (张慧琳. “大/小+N”的语义句法分析及整合度考察).

Lexicalisation: A Study of Military-Themed Chengyu

Xu Shuangzhou 徐双胄

*Shanghai International Studies University
(Shanghai)*

Abstract. Military-themed chengyu, being a subcategory of Chinese chengyu, are not only an indication of the uniqueness of the Chinese language, but also a reflection of the influence of military affairs as a distinctive sphere of human activities on language. This paper constitutes a thorough study of military-themed chengyu from morphological, semantic and cognitive perspectives and proposes the two stages concerning the lexicalisation of military-themed chengyu. Military hardware, military thoughts, military allusions and former non-military-themed chengyu, in the first stage, evolved into military-themed lexical units which, in the second stage, developed into lexical items that can be employed in non-military-themed texts. Phrase structure grammar is employed to investigate inner structures of military-themed chengyu, and cognitive grammar is referred to in such a way that mechanisms for construing military-themed chengyu and motivations for the occurrence of the second stage of lexicalisation can be elucidated. The research findings of this paper are expected to be significant in deepening the knowledge in the study of Chinese lexicology, to be contributory to the revelation of the workings behind how military elements exert influence on a language, how people make use of military elements to transform their language and how people construe military elements in their language. Besides, this paper, from a constructivist perspective, explores ways to translate the theory concerning the lexicalisation of military-themed chengyu into practical methods to be applied to the learning and translation of military-themed chengyu.

Keywords: military-themed chengyu; lexicalisation; morphological; semantic; cognitive.

1 Introduction

Background, significance and objectives of this study would be stated in this chapter, followed by working definitions concerning military-themed chengyu and lexicalisation. In this article first stage of the lexicalisation of military-themed chengyu is investigated.

1.1 From Military Hardware to Military-Themed Chengyu

Amongst 1,040 entries of military-themed chengyu selected from *The Great Xinhua Dictionary of Chengyu*, several entries which directly originated from military hardware could be identified.

- (1) 大 刀 阔 斧
dà dāo kuò fǔ
big[ADJ] sword[N] broad[ADJ] axe[N]
'a broadsword and a broadaxe'

There are 2 schemata for this type of military-themed chengyu, i.e. 'noun phrase' and 'noun phrase + noun phrase'. Noun phrases used in this type of military-themed chengyu designates military hardware.

1.2 From Military-Thoughts to Military-Themed Chengyu

Copious theoretical literature on the military emerged throughout the long history of China, which constitutes another major source of military-themed chengyu.

- (2) 哀 兵 必 胜
āi bīng bì shèng
indignant[ADJ] soldiers[N] must[MOD] win[V]
'an army burning with righteous indignation is bound to win'

The origin of this military-themed chengyu could be traced to *Tao Te Ching* (dào, 道德 (dé) 经 (jīng)), literally translated as *The Book of the Way and of Virtue*. The original sentence states “故 (gù) 抗 (kàng) 兵 (bīng) 相 (xiāng) 加 (jiā), 哀 (āi), 者 (zhě) 胜 (shèng) 矣 (yǐ)” [Laozi 1990], which means that when two opposing armies met, the indignant side is bound to win. On a macro-level, the military-themed chengyu 哀 (āi) 兵 (bīng) 必 (bì) 胜 (shèng) emerged from a military thought, while on a micro-level, it derives from the syntactic construction “故 (gù) 抗 (kàng) 兵 (bīng) 相 (xiāng) 加 (jiā), 哀 (āi), 者 (zhě) 胜 (shèng) 矣 (yǐ)”.

1.3 From Military Allusions to Military-Themed Chengyu

Military allusions, constituting another major source for military-themed chengyu, are references to both historical events and literary stories.

- (3) 百 步 穿 杨
bǎi bù chuān yáng
hundred[NUM] step[N] penetrate[v] willow[N]
'to shoot so precisely that willow leaves one hundred steps away are penetrated'

The origin of this military-themed chengyu could be traced back to *The Strategies of the Warring States* (zhàn, 战国 (guó) 策 (cè)). The original text states that “楚 (chǔ) 有 (yǒu) 养 (yǎng) 由 (yóu) 基 (jī) 者 (zhě), shàn, 善射 (shè)。去 (qù) 柳 (liǔ) 叶 (yè) 者 (zhě) 百 (bǎi) 步 (bù) 而 (ér) 射 (shè) 之 (zhī), bǎi, 百发 (fā) 百 (bǎi) 中 (zhòng)” [Liu 1998]. This sentence refers to an allusion that a man in the Chu State, named Yangyouji, was well versed in archery, and he was able to shoot willow leaves hundred steps away with unfailing accuracy.

1.4 From Existing Chengyu to Military-Themed Chengyu

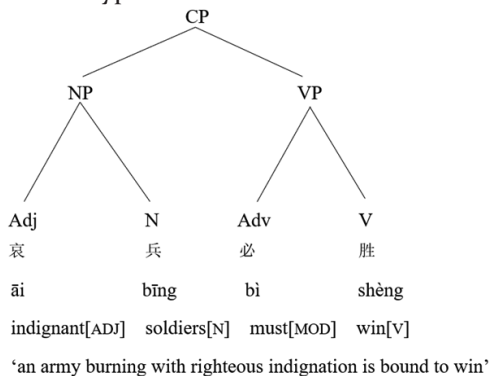
Examples concerning military-themed chengyu deriving from originally non-military-themed chengyu would be hereinafter presented.

- (4) 安 内 攘 外
 ān nèi rǎng wài
 pacify[v] inside[N] resist[v] outside[N]
 ‘to maintain the peace inside the body while resisting intruding agents from outside the body’

This chengyu originates with *The Treatise on Cold Damage Disorders* (shāng, 伤寒 (hán) 论 (lùn)) by Zhang Zhongjing. The original text states that “甘 (gān) 草 (cǎo) 甘 (gān) 平 (píng), yǒu, 有安 (ān) 内 (nèi) 攘 (rǎng) 外 (wài) 之 (zhī) 能 (néng)” [Zhang 2005]. It could be inferred that this chengyu “安 (ān) 内 (nèi) 攘 (rǎng) 外 (wài)” was originally used in medical contexts. Later it has become a chengyu mainly associated with military discourse, which we can verify by corpora.

1.5 Phrase Structures of Military-Themed Chengyu

For example, 哀 (āi) 兵 (bīng) 必 (bì) 胜 (shèng), with a subject and a predicate, falls into the CP type.

1.6 Evidence for Lexicalisation

Military-themed chengyu perform as autonomous units in sentences regardless of what phrase structures they have been shaped with.

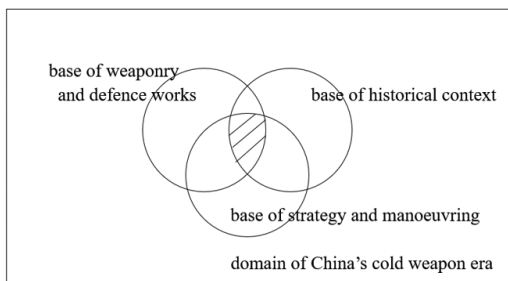
1.7 Cognitive Mechanism for Stage One

The cognitive mechanism for the first stage of the lexicalisation of military-themed chengyu would be proposed in this section. What is the profile concerning military-themed chengyu, or what is profiled for a military-themed chengyu? It is a military image that is profiled for every military-themed chengyu. 草 (cǎo) 船 (chuán) 借 (jiè) 箭 (jiàn) serves as our example to illustrate this point.

- (5) 草 船 借 箭
cǎo chuán jiè jiàn
thatched[ADJ] boat[N] borrow[V] arrow[N]
'to borrow arrows with thatched boats'

The first step to conceptualise this military-themed chengyu 草 (cǎo) 船 (chuán) 借 (jiè) 箭 (jiàn) is to locate this chengyu in the domain of China's cold weapon era. The second step is to invoke a series of bases of military scenes.

The three bases of military scenes above is indispensable for the profiling of the military image of 草 (cǎo) 船 (chuán) 借 (jiè) 箭 (jiàn). The schema for this process is as follows:

The shaded area in the above schema is the profile as the military image of 草 (cǎo) 船 (chuán) 借 (jiè) 箭 (jiàn).

2 Lexicalisation of Military-Themed Chengyu Stage Two

This chapter elaborates on the second stage of the lexicalisation of military-themed chengyu. And the grammaticalization of military-themed chengyu along the lexicalisation process is also discussed. Attempts are made to set up the native Chinese speakers' construal mechanism for military-themed chengyu in the second stage of lexicalisation.

3 Application of Lexicalisation of Military-Themed Chengyu

In this chapter, based on the discussion about the linguistic features in the two stages of the lexicalisation of military-themed chengyu and the relevant construal mechanisms, a solution to the understanding of military-themed chengyu aiming at learners of Chinese is offered and a

set of feasible approaches to the translation of military-themed chengyu is proposed.

List of abbreviations

ADJ adjective; N noun; V verb; NUM numeral; CP complementizer phrase; NP noun phrase; VP verb phrase.

References

Laozi. Daodejing. Anhui: Anhui renmin chubanshe, 1990 (老子. 道德经)
Liu Xiang. The Strategies of the Warring States. Shanghai: Shanghai guji chubanshe, 1998 (刘向. 战国策).
Zhang Zhongjing. The Treatise on Cold Damage Disorders. Beijing: Renmin weisheng chubanshe, 2005 (张仲景. 伤寒论).

How Did the Verb “pao” (跑) Have the Meaning ‘running’?

Zhang Yan 张雁

Peking University (Beijing)

Abstract. From the time of the Pre-Qin Dynasty to the Song Dynasty, the verb expressing the meaning “running” in Chinese was mainly “zou (走)” and later replaced by “pao (跑)”. Wang Li considered that the meaning “running” of “pao (跑)” might be transformed from the meaning “digging the ground with feet” of “pao (跑)”, which had already existed in the Tang Dynasty (Wang Li). Jiang Shaoyu discussed the historical change from “zou (走)” to “pao (跑)”. He believed that the verb “pao (跑)” which means running appeared in the Ming Dynasty and it had been not clear whether the semantic change has been relative to the verb “pao (跑)” which means “digging the ground” in the Six Dynasties (Jiang Shaoyu). This paper will prove that the meaning “running” of “pao (跑)” has nothing to do with the meaning “digging the ground with feet”. The meaning “running” of “pao (跑)” evolved from the meaning “jumping” in the Song Dynasty.

Keywords: the verb “pao”; the meaning “running”; the meaning “digging the ground with feet”; the meaning “Jumping”; semantic change.

How did the verb “pao (跑)” have the meaning “run” and replace the verb “zou (走)” ? The traditional answer was put forward by Wang Li [Wang Li 1958: 748]. He thought that the meaning “running” of “pao (跑)” might be transformed from the meaning “digging the ground with feet” of “pao (跑)”, which had already existed in the Tang Dynasty. The example is as following (1):

(1) 红缰跑骏马，金镞掣秋鹰。(马戴边将诗)

Hong jiang pao jun ma, jin zu che qiu ying. (Madai. Bian Jiang. shi)
Red rein made gallant horse running, Golden arrow made autumn hawk falling. (Madai. Border General. A poem)

However, the agent of the action has been only limited in beasts in the Tang Dynasty. On the meaning of the verb “*pao* (跑)” in the example (1), Jiang Jicheng and Wu Fuxiang hold that it is still “digging the ground with feet”, but they agreed with Wang Li’s view about the semantic change and further explained the rationale for the extension of meaning. They said, “Beasts dig the ground frequently and act like fast runs, so it is extended to run.” [Jiang, Wu 1997: 248]. We think that the verb “*pao* (跑)” had no sense of running in Tang Dynasty, Jiang and Wu’s explanation of the meaning of the verb “*pao* (跑)” in Ma Dai’s poem is correct, and the explanation of the reason for the semantic change is only speculation, without illustration, and it cannot explain the changes of the behavior from no displacement characteristics to displacement characteristics, from transitivity to intransitivity, and from animals to all animals including human beings.

Jiang Shaoyu discussed in detail the historical change from “*zou* (走)” to “*pao* (跑)”. He believed that the verb “*pao* (跑)” which means running appeared in the Ming Dynasty. There is a saying “*qu wei zhi pao* (趋谓之跑) – *qu* is called *pao*” in Li Yi’s *Suhu Xiaolu* (*A Little Book of Folk Expressions*). So it can be seen that “*pao* (跑)” is a colloquial word in Ming Dynasty. It is not clear whether this “*pao* (跑)” has anything to do with the “*pao* (跑)” of the Six Dynasties, which means “digging the ground with feet” [Jiang Shaoyu 2005: 121-150].

Through historical corpus investigation, we find that the word “*pao* (跑)” has two pronunciations and three meanings before it get the meaning ‘running’. The first pronunciation is *bojiao qie* (薄交切). When the word “*pao* (跑)” has this pronunciation, it means “digging the ground with animal’s forefeet”. The interpretation in *Guang Yun·YaoYun* (广韵·肴韵) is ‘跑，足跑地也.’. The example is as following (2):

(2) 滕公驾至东都门，马鸣，跼不肯前，以足跑地久之。(晋葛洪西京杂记四)

Teng gong jiazhi Dongdu men, ma ming, ju bu ken qian, yi zu pao di jiu zhi. (Jin Ge Hong. Xijing Zaji. 4)

When Mr. Teng drove to the Dongdu Gate, the horse cried out, and refused to move forward, digging the ground for a long time with his forefeet. (Jin dynasty. Ge Hong. *Miscellaneous Records of Xijing*. 4)

The second pronunciation is *bijiao qie* (弼角切). When the word “*pao* (跑)” has this pronunciation, it has two meanings, one is jumping, the other is treading. The two meanings were recorded in the dictionary *Bo Ya* (博雅), which has been found in *Ji Yun·Jue Yun* (集韵·觉韵). The original text is as following (3):

(3) 跑，趯也。一曰蹇之也。

Pao, baoye. yiyue cu zhi ye.

Pao is bao. Another sense is treading.

According to the interpretation ‘bao, tiaoyue ye (趯, 跳躍也)’ of *Ji Yun-Xiao Yun* (集韵·效韵), the word *Bao* (趯) means jumping. This meaning was also recorded in *Zheng Zi Tong* (正字通), a dictionary of Ming Dynasty. It said: ‘pao, tiaoyue ye (跑, 跳躍也)’. The following (4) and (5) are examples of this meaning:

(4) 南人多买虾之细者... 用浓酱醋先泼活虾，盖以生菜，以热釜覆其上，就口跑出，亦有跳出醋櫟者，谓之虾生。(唐刘恂岭表录异卷下)

Nan ren duo mai xia zhi xi zhe... yong nong jiang cu xian pao huoxia, gai yi shengcai, yi refu fu qi shang, jiu kou pao chu, yi you tiao chu cu die zhe, wei zhi xiasheng. (Tang. Liu Xun. Lingbiao Yilu. Jun xia.)
Southerners usually buy little shrimps...First splash the live shrimps with strong sauce and vinegar, then Cover them with lettuce, and Cover it with a hot kettle. [at this time] some shrimps jump out from the mouth of kettle, even jump out from the vinegar dishes. They are called *xiasheng* [shrimp livings]. (Tang dynasty. Liu Xun. *A Strange Recording of Southern Mountain*. Vol. 2)

(5) 明年是日，亲饲马，马忽跑躍，蹠其左肋下，即死。(宋洪迈夷坚丙志卷三)

Ming nian sh iri, qin si ma, ma hu pao yue, ti qi zuo le xia, ji si. (song. Hong Mai. Yijian bing zhi. juan 3)

At this day in the next year, [he] feed the horse in person, but the horse suddenly jumped up, and kicked him under his left rib. [he] died at once. (Song dynasty. Hong Mai. Even-and-Firm's Records/Record of the Listener. Vol. 3)

The meaning “Running” of the word “pao (跑)” just extends from the meaning “Jumping” in Song Dynasty. The following (6) are example of the meaning “Running”:

(6) 翼而翔飞足而跑，倘轻来此遭讥嘲。(张镒当涂叔祖生朝以顾亮画双松鹿雀为寿，南湖集卷三)

Yi er xiangfei zu er pao, tang qing lai ci zao jichao. (Zhang Ci. Dangtu Shuzu shengzhao yi Gu Liang hua Shuang song lu que wei shou. *Nanhu Ji*. Juan 3)

Wings seem to be flying and feet seem to be running. If you come here casually you'll be ridiculed. (Zhang Ci. Congratulation for the birthday of great-uncle taking Gu Liang's painting 'the double pine trees with deer and sparrows' at his birthday morning in Dangtu. *A Collection of Nanhu*. Vol. 3)

Such usage case of “*pao* (跑)” was few in Song Dynasty and became more in Yuan Dynasty.

It is a natural semantic change for the word “*pao* (跑)” to be extended from jumping to running. First of all, the two meanings have the characteristics of displacement and gait suspension. The direction of displacement of jumping is upward and forward, and running is only forward. Secondly, these two meanings are characterized by fast behavior. Thirdly, the two meanings are both intransitive. Finally, the subjects of behavior both include human beings and animals. In addition, the falling-rising tone of the word “*pao* (跑)” in Mandarin can also be explained. The second word “*Jiao*” (角) of the spelling “*bijiao qie*” (弼角切) in *Jiyun* is also the falling-rising tone in Mandarin, and they are consistent.

References

- Jiang Jicheng, WuFuxiang. Outline of Early Modern Chinese. Changsha: Hunan Jiaoyu Chubanshe, 1997. (蒋冀骋. 吴福祥. 近代汉语纲要).
- Jiang Shaoyu. On the historical change from “*zou* (走)” to “*pao* (跑)” // *A Study of Language Chinese History: A Collection of Papers Commemorating the Centennial Celestial Birthday of Mr. Li Fanggui*. Taipei: Institute of Linguistics, Academia Sinica, University of Washington, USA. 2005 (reprinted in *Hanyu Cihui Yufa Shi Lunwen Xují*. Beijing: ShanwuYinshuguan, 2012).
- Wang Li. A Draft of Chinese Language History. Beijing: Kexue Chubanshe. 1958. (Jinan: Shandong Jiaoyu Chubanshe, 1988). (王力. 汉语史稿).

Communication of East and West: A Comparison of Traditional Chinese Xunguxue and Ancient Hermeneutics

Zhang Yumei 张玉梅

Shanghai Jiaotong University (Shanghai)

Abstract. The paper is a comparison of traditional Xunguxue and Ancient Hermeneutics. Xunguxue and Hermeneutics have similarities in the concepts, disciplines, and they both emphasize application. The reason behind the similarities between the Qing Xunguxue and Hermeneutics as philology is directly related to the flourishing natural sciences and technological advances in the West at the time. In this regard, we agree with this kind of opinions that: though they were seen as avoiding reality, but that cannot be the reason of academic development. In reality, the emergence of capitalism is the cause of Qing academic development. Though Western scientific advances had no direct effect on Qing Dynasty sinology, but actually they exerted their influence indirectly.

Keywords: Xunguxue; Hermeneutics; Comparative study; Similarities.

Many scholars sought new insights by reinterpreting Chinese classics, traditional Jingxue (经学; often be translated as study of Confucian classics) scholars, or Xiaoxue (小学) scholars through Hermeneutics, hermeneutic terminology, or hermeneutic methods, while others compare and contrast Xunguxue and Hermeneutics in the spirit of research to express thoughts on these topics, these demonstrate the close ties between Xunguxue (训诂学) and Hermeneutics.

Traditional Xunguxue and ancient Hermeneutics have similarities at concepts, disciplines, they are both pre-sciences, they both emphasize application.

(a) The academia generally favors the views of Lu Zongda [Lu 2002] and Hans-Georg Gadamer [Hong 2010], from the analysis of Xunguxue and Hermeneutics, it is seen that “interpretation” lies at the heart of the definitions of both Xungu Chinese Xunguxue and hermeneus of Hermeneutics.

(b) The disciplines of traditional Xunguxue and ancient Hermeneutics have similar positioning. Hermeneutics before the 20th century, traditional Xunguxue till Qing Dynasty consisted of a discipline roughly of grammar, rhetoric, logic and other disciplines. The traditional Xunguxue is overlaps disciplines such as Wenzixue, Yinyunxue (音韵学; often translated as phonology), Cihuixue (词汇学; lexicology), Cihuishi (词汇史; etymology), Yuyixue (语义学; semantics), cultural studies, philosophy, astronomy, and cannot be scientifically distinguished, it also lacks a complete and thorough theoretical system. It was not until 1654, when the term “Hermeneutics” appeared for the first time in J.K. Dannhaür’s *Biblical Hermeneutics or the Interpretation Methods of Holy Books and Literature*, did Hermeneutics began to establish itself as an independent discipline.

(c) During the Han Dynasty, for example, Xunguxue showed strong applicability: Confucian scholars during the Han Dynasty were especially keen on elucidating the implications of *The Spring and Autumn Annals* and on inducing the “Spring and Autumn principles,” which are then used to weigh people’s words and deeds. These “Spring and Autumn principles” even gained legal validity and became a sentencing standard. A more exact translation of hermeneutic is “the study of hermeneutic techniques,” which signifies the emphasis on application and techniques.

Why traditional Xunguxue is similar to ancient Hermeneutics? Xunguxue is not a vassal of the Confucian classics, but it is undisputable that the Confucian classics is the main body of traditional Xunguxue. The orthodox status occupied by Confucian classics is established and passed down by rulers through the dynasties. Why did Confucian scholars tirelessly annotated the classics? Perhaps Dai Zhen’s argument regarding the Xungu of moral principles is the answer, “To know Xungu is to know the classics, and consequently my heart know the moral principles. Where are the moral principles of the moral sages? They exist in the decrees and regulations.” In other words, Xunguxue scholars find moral principles in the classics and understand the rites of the ancient sages. What, then, are the rites of the ancient sages? They are what we call traditional *liyue* (rituals and music) civilization. Confucian scholars, in their Xungu, developed a faith in the classics. In other words, the classics became the spiritual homes of the Xunguxue scholar, and the Confucian scholars converted to the king’s law as one would convert to a religion. Therefore, *Ruxue* (儒学; Confucianism as a philosophy) sometimes also be called *Rujiao* (儒教; Confucianism as a religion). Although by the standards of Western religious studies, traditional

Confucianism lacks many features of religion. Nevertheless Confucianism is not only a philosophy, more importantly, it carries the ultimate mission and function of solicitude. There is no need to expound on the Bible's and God's guidance of the Western spirit and religion. It is certainly deeply intertwined with the emergence and development of Western theological Hermeneutics. Therefore, the East and the West simultaneously produced Confucianism and theology, respectively, which serve to maintain the ruling order, as well as Confucian Xunguxue and theological Hermeneutics, respectively, which serve to guide faith of the people. Digging deeper into the root of the problem, why do human beings, as a race, need religion? Why do religions exist? From a Marxist perspective, the development of religion has roots in both human cognition and human society. On this point, from a macro and universal viewpoint, regardless of the East and West, all human beings are the same. Thus, it is unsurprising that Confucian Xunguxue and theological Hermeneutics should share so many similarities. The reason behind the similarities between the Qing Xunguxue and Hermeneutics as philology is directly related to the flourishing natural sciences and technological advances in the West at the time.

In this regard, I agree with this kind of opinions that: though they were seen as avoiding reality, but that cannot be the reason of academic development. In reality, the emergence of capitalism is the cause of Qing academic development. Though Western scientific advances had no direct effect on Qing Dynasty sinology, but actually they exerted their influence indirectly. For example, Western astronomy had already reached China, and Jiang Yong and Dai Zhen both had studied Western European astronomy. Once one learns scientific thinking, his understanding of one idea will lead to one hundred others; he will gain the better understanding than his predecessors in the study of Xiaoxue. Therefore, we can say it is the emergence of capitalism that attributes the flourishing of the Qing Xunguxue.

References

- Lu Zongda. Brief Introduction of Xungu. Beijing: Beijing Press, 2002.
Hong Handing. Hermenutics I: Truth and Method. Beijing: Commercial Press, 2010.

Часть II

Вопросы
преподавания

Информационные технологии в обучении китайскому языку (мит-ап группы как средство обучения китайскому языку)

Балоян Марианна Ашотовна

Чанчуньский университет (Чанчунь)

Григорян Наира Лерниковна

*Центр китайского языка и культуры
Российско-Армянского университета (Ереван)*

Information Technologies in Learning Chinese (Meet-Up Groups as a Means of Learning the Chinese Language)

Baloyan Marianna

Changchun University (Chanchong)

Grigoryan Naira

*Chinese Language and Culture Centre
of Russian-Armenian University (Erevan)*

Abstract. In the modern world of global information organizing the teaching process according to the requirement of the time, tendencies and of course with the consideration of students' interest is very important. As information technologies penetrate in the various spheres of our lives, the influence on the socialization of children grows thus forming the views and the values of the youth. The modern youth looks for their own means of interaction, makes their own content and uses media-technologies. We now differentiate between the terms "indigenous of digital world" and "digital immigrant". The first term indicates the youth born into the digitalized technological world who grew up with the Internet, as opposed to the "immigrants" into the life of which computers, the Internet and digital technologies entered when there were already adults. Nowadays education is becoming more informal and connective means of education are being preferred. Hence, the learning process becomes ubiquitous and pedagogical method and techniques transform, many universities transit to mixed education. We should mention that ubiquitous schooling presupposes various types of education, such as formal education (lectures, seminars, practical workshops, etc.), non-formal education (videoscreenings, participation in webinars, meet-up organizations, etc., and informal – which is an independent analytical and research practice.

Keywords: non-formal education; information technology; language intuition; a meet-up group; native of the digital world; digital immigrant.

В современном мире, в условиях глобальной информатизации, важно организовать учебный процесс согласно требованиям времени, тенденций и, конечно, с учетом интересов самих учащихся. Актуальностью исследования является наличие на данном этапе образования проблемы взаимодействия с одной стороны, «учитель-ученик», с другой – времени и методов и инструментов образования и необходимость ее разрешения.

Различают термины «абориген цифрового мира» и «цифровой иммигрант» [Информационные и коммуникационные технологии в образовании 2013]. Под первым подразумеваются молодые люди, рожденные в век цифровых технологий и выросшие с интернетом, они действуют в рамках этой культуры иначе, чем «иммигранты», в чью жизнь компьютеры, интернет и цифровые игры вошли уже в их зрелом возрасте.

Сегодня в сфере образования, как замечаем, все более важное место занимает неформальное образование, большее предпочтение отдается коннективным способам обучения. Таким образом, обучение становится повсеместным, всеобъемлющим, происходит трансформация педагогических технологий и методик. Отметим, что повсеместное обучение подразумевает различные виды получения образования: формальное обучение (очные занятия – лекции, семинары, лабораторные и практические работы); неформальное – просмотры видеолекций, участие в вебинарах, организация мит-апов и др., и информальное – это самостоятельно направляемая поисково-аналитическая деятельность.

Наша целевая аудитория – поколение так называемых «информационных аборигенов», и в этом смысле нам следует пересмотреть традиционные представления о методах обучения. Целью данного исследования является повышение уровня владения живым иностранным языком посредством неформального образования, помощь студентам во взаимодействии с носителями языка, адаптация учебного процесса требованиям времени. Обучение языку вне языковой среды зачастую сводится к заучиванию студентами клишированных фраз из учебников, усвоению типовых конструкций, фактически развивается репродуктивная речь. В то же время, даже работа с преподавателями-носителями языка кажется недостаточным условием для понимания носителя в рамках только аудиторных занятий.

В связи с этим нами были проведены экспериментальные занятия совместно с китайскими коллегами. Ранее нашей коллегой из КНР (Балоян М.А.) были организованы так называемые языковые клубы, подразумевающие живое общение с носителями языка – со студен-

тами того же вуза [Балоян 2018: 178-182]. Отметим, что организация таких клубов возможна лишь при наличии иностранных студентов в вузе. В нашем случае было решено предпринять организацию так называемого мит-апа с использованием ИКТ (Информационно-коммуникационных технологий) с участием студентов из Армении с одной стороны, и Китая с другой. Важно учесть, что деятельность группы основана на идее “равный обучает равного”. Таким образом, ученик, студент вовлекается в некое сообщество, где отождествляет себя и свой опыт с представителями того же сообщества. Такие виртуальные встречи помогают не только в усвоении фонетики, лексики, грамматики китайского языка, но и способствуют пониманию языка носителя.

Работу в группе необходимо контролировать, исключая спонтанность. Преподавателями либо ассистентами заранее разрабатываются темы обсуждения, в соответствии с темой дается новая лексика. Это своего рода имитация языковой среды, так как именно в языковой среде возможно достичь “интуитивного типа” [Беляев 1965: 33] владения языком, развивать творческое мышление. Проведение таких мит-апов возможно только в группах с сертификационным уровнем B1, B2, C, C1 и т.д. (HSK 3, HSK 4...). Как некую альтернативу можно рассмотреть работу группы в социальных сетях, например, в Wechat, пользующейся большой популярностью в Китае не только среди молодежи, или QQ. Модератором назначается кто-либо из группы и, конечно, контролируется преподавателем. Студентам заранее предлагается задание, например, на лексику, фонетику или грамматику и осуществляется взаимопроверка. На выполнение задания дается определенное время. Такой формат работы в группах дает возможность не только повысить уровень владения китайским языком, но и обогатить знания по страноведению. Несомненно, общение в социальных сетях способствует овладению молодежным сленгом, что считаем немаловажным, поскольку с ростом популярности мессенджеров (программ для обмена текстовыми сообщениями онлайн) как средства общения все больше появляется модных слов в сети.

Наш опыт показал, что студенты с большим энтузиазмом включаются в работу группы, самостоятельно ищут темы для обсуждений, задания – таким образом, обеспечивается также неформальное обучение. В дальнейшем мы планируем развивать работу мит-ап группы, расширить область взаимодействия. Для этого необходимо разрешить некоторые проблемы технического характера, проблемы совместимости форматов, и, главным образом, повысить уровень медийной грамотности преподавателей. Проведенное нами исследование в перспективе может послужить вспомогательным методом в обучении китайскому языку в частности и иностранному языку в целом.

Литература

- Балоян М.А. Языковые клубы в системе преподавания РКИ // *Актуальные проблемы современной методики преподавания русского языка в школе и вузе. Сборник статей*. Рязань. 2018. С.178- 182.
- Беляев Б.В. Очерки по психологии обучения иностранным языкам. Изд. 2-е. М.: Просвещение, 1965. – 228с.
- Информационные и коммуникационные технологии в образовании. Институт Юнеско. М. 2013. [Электронный ресурс] URL: <https://iite.unesco.org/pics/publications/ru/files/3214728.pdf> (дата обращения: 27.04.2019)

К вопросу о лексических приоритетах в преподавании китайского языка

Демидова Татьяна Васильевна

Российский университет дружбы народов (Москва)

Соловьева Татьяна Михайловна

Российский университет дружбы народов (Москва)

On the Issue of Lexical Priorities in Teaching Chinese

Demidova Tatiana Vasilievna

Peoples' Friendship University of Russia (Moscow)

Soloveva Tatiana Mikhailovna.

Peoples' Friendship University of Russia (Moscow)

Abstract. The article attempts to outline the range of issues related to the teaching of the Chinese language in modern conditions, highlighting those that appear to the authors most significant from the point of view of comprehending the basic mechanisms of the language associated with thought processes, understanding information in its perception and its representation with the help of speech, lexical means. Particular emphasis is placed on the consideration of the latter, in connection with the peculiarities of the Chinese language system and language consciousness. The authors suggest that in the teaching of Chinese lexical knowledge is formed on the model of Russian lexical units, which contradicts both word-building and substantive facts of the Chinese language. In this regard, it is proposed to pay attention to the semantic features of Chinese words. Priority in the study should be simple words (morphemes) with the involvement of information about complex formations derived from them. It is suggested that the study and analysis of the semantic structure of monosyllabic, simple words, will provide an opportunity to know the mechanism of their combination potencies. The formation of this kind of knowledge as procedural knowledge will help in the implementation of speech activities aimed at the perception and generation of statements that do not contradict the cognitive-semantic structures of Chinese speakers.

Keywords: Chinese language teaching; lexical-semantic knowledge; linguistic consciousness.

В сообщении делается попытка эскизно очертить круг вопросов, связанных с преподаванием китайского языка в современных условиях, выделив те из них, которые представляются авторам наиболее значимыми с точки зрения постижения основных механизмов языка, связанных с мыслительными процессами, с пониманием информации при ее восприятии и с процессами репрезентации ее речевыми, словесными средствами. Особый акцент делается на рассмотрении последних в связи с особенностями китайского языкового строя и языкового сознания.

Изучение языка – это процесс приобретения новых знаний, умений и навыков. Знания же подразделяются на декларативные и процедурные. К декларативным в применении к нашему преподаванию можно условно отнести те знания, использование которых заключается в воспроизведении готовых единиц или их комбинаций. Процедурные знания носят деятельностный, процессуальный характер, с их помощью возможно осуществлять комбинирование языковых единиц между собой, но их постижение далеко не всегда может опираться на строгие правила и декларации, и их постижение требует особого подхода.

Комбинаторика китайских лексических единиц на уровне синтаксических сочетаний в предложении входит в разряд грамматических парадигм, поддается логическим обоснованиям и объяснениям и в общем ключе коррелирует с универсальными мыслительными категориями, а потому не чужда и нашему русскому языковому мышлению и легко усваивается студентами. В то же время процедурные знания более тонкой организации, связанные с лексико-семантическими реалиями практически не являются предметом специального обучения. Справедливости ради отметим, что в работах А.М. Карапетьянца [Карапетьянц 2010; Карапетьянц 2015] и Тань Аошуан [Тань 2002; Тань 2004] придается большое значение содержательной стороне языка и его функционально семантическому аспекту. Наши воззрения и методические установки во многом продиктованы знакомством с их взглядами. Создатели же базовых учебников по основам китайского языка в своей методической установке исходят из презумпции китайского слова как эквивалентного русскому в его речевом использовании. Т.е. с опорой на признак самостоятельного функционирования языковой единицы в предложении. Действительно, в рамках синтаксических линейных построений русские и китайские лексические единицы функционируют в целом достаточно единообразно как определенные члены предложения и потому рассматриваются как готовые лексические единицы, т.е. на уровне слов, без обращения к их семантической и словообразовательной структуре.

Изучение китайских слов сопряжено с указанными выше типами знаний. Слова простые однозначно принадлежат языку и осваиваются с помощью декларативных знаний: они подлежат запоминанию и воспроизведению. А вот слова сложные, дериваты, т.е. производные от простых, по большей части можно отнести к речевым фактам, а значит, их освоение и познание должно опираться на процессуальные, процедурные знания. Суть последних заключается в умении сочетать их составные элементы в единое понятийное целое – сложное слово или словосочетание. Обучать надо именно этим комбинаторным процедурам, которые производятся в первую очередь с учетом семантики их составных частей. Это важное отличие в преподавании китайского языка от, например, английского, где нет двусмысленного толкования терминов морфемы и простого слова, которое присуще современному китайскому языку, где эта граница четко не проведена. В связи со сказанным, очевидно, что механизм речетворения в первую очередь завязан на механизме словотворения и должен быть приоритетным в преподавании. Однако этого не происходит, так как все лексические знания в нашей традиции нарабатываются как декларативные, подлежащие запоминанию в готовом виде. Такой метод находится в противоречии со структурой языковых и речевых единиц. Последние не хранятся в готовом виде в языке и памяти человека. Они строятся по определенным правилам лексико-семантической синтагматики. Это значит, что приобретение знаний большинства сложных слов должно строиться на осознании их внутренней связи, где ведущую роль играет семантическая структура каждого словознака. Таким образом, мы приходим к заключению, что изучение лексического состава китайского современного языка должно начинаться с изучения семантической структуры его простых, односложных, базовых единиц, означенных одним иероглифом.

Освоения подобных знаний должна происходить с ориентацией на положение того или иного *цзы* в его семантико-парадигматическом окружении, в лексико-семантической сети, поле, группе и т.п. Последовательность формирования знаний должна осуществляться от простого, прямого значения в структуре полисеманта к значениям производных от него слов. В основном следует выделить три этапа семантического анализа: внутрисловных связей и признаков, связей на уровне производных слов, связей в речевой цепи, т.е. синтагматических. Отработка всех нюансов функционально-семантического статуса *цзы* дает возможность осознать его место в лексико-семантической системе, в языковом членении, в языковой картине мира. Приобретенная информация обеспечивает изучающего знанием алгоритмов комбинационных проявлений и манифестаций соответствующего

цзы. Такого рода процедурные знания гораздо более надежный гарант в обеспечении речевой деятельности, связанной с пониманием, осмыслением и речетворчеством, так как позволяет формировать в нашем сознании некое подобие когнитивным структурам носителей языка.

В качестве итогового заключения еще раз подчеркнем, что при обучении китайскому языку надо находить такие методы и способы, которые позволят студентам в первую очередь освоить лексический запас простых слов – цзы, а затем уже на этой базе переходить к изучению сложных лексических единиц.

Литература

- Karapetyants A.M. *U istokov kitaiskoi slovesnosti. Sobranie trudov*. [At the origins of Chinese literature. Collected Works]. Moscow: Eastern Literature, 2010. 478 p.
- Karapetyants A.M. *Ranniakitaiskaya sistemologia*. [Early Chinese systemology]. М.: Eastern literature, 2015. 565 p.
- Tan Aoshuan. *Problemi skrytoi grammatiki*. [Problems of hidden grammar]. М.: Languages of Slavic culture, 2002. 896 p.
- Tan Aoshuan. *Kitaiskaya kartina mira*. [Chinese picture of the world. Language, culture, mentality]. М.: Languages of Slavic culture, 2004. 240 p.

Информационные технологии в обучении китайскому языку в школах РФ: использование или интеграция?

Демченко Ксения Александровна

*Международная гимназия инновационного
центра Сколково (Москва)*

Information Technology in the Teaching of the Chinese Language in Russian Schools: the Use or Integration?

Demchenko Ksenia Aleksandrovna

Skolkovo International Gymnasium (Moscow)

Abstract. The article is devoted to the analysis of the existing experience in the use of information technologies at Chinese lessons in middle schools.

Keywords: information technology; teaching Chinese.

Целью данной статьи является анализ имеющегося опыта применения информационных технологий на уроках китайского языка в школах РФ на основе открытых информационных источников и научных работ педагогов. «Информационные технологии обучения – это педагогическая технология, применяющая специальные способы, программные и технические средства (кино, аудио- и видеотехнику, компьютеры, телекоммуникационные сети) для работы с информацией» [Информационные технологии в образовании 2019]. Актуальность исследования обусловлена ускоренным процессом информатизации общества и необходимостью соответствия образовательного процесса данным изменениям.

А.С. Кузнецова в статье «Использование средств ИКТ в самостоятельной работе учащихся 5-х классов при обучении письменной речи на иностранном языке» [Кузнецова 2017] выделила такие инструменты как «My Test» [My Test 2019] для письменного тестирования в целях подготовки к написанию письма, «Wikispaces» [Wikispaces 2019] для публикации письма. Автор отмечает необходимость применения средств ИКТ в целях организации самостоятельной работы ввиду дефицита времени на уроке и недостаточной индивидуализации обучения.

П.В. Сысоев и М.Н. Евстигнеев в своем исследовании «Использование новых учебных интернет-технологий в обучении иностранному языку» [Сысоев 2008] выделяют важность использования ресурсов сети Интернет в учебных целях для формирования ключевых компетенций и универсальных учебных действий.

Н.Е. Колонских, Я.С. Пономарева в статье «Формирование учебно-познавательной компетенции посредством информационно-коммуникационных технологий при обучении иностранным языкам в средней школе» полагают, что «внедрение в образовательный процесс интернет-ресурсов, обучающих программ, различных мультимедийных пособий поможет реализовать личностно-ориентированный подход в обучении обеспечивая индивидуализацию и дифференциацию обучения с учетом способностей обучаемого, а также окажет благотворное влияние на формирование учебно-познавательной компетенции учащихся» [Колонских 2017].

Таким образом, большинство авторов, рассматривающих вопрос об использовании информационных технологий в обучении иностранному языку, описывают либо роль информационных технологий в учебном процессе либо отдельные инструменты. Необходимо отметить, что во всех работах идет речь об использовании информационных технологий, но не об их интеграции в образовательный процесс. Считаем важным определить различия (см. Таблицу 1).

Во многих научных работах указывается, что интернет является основным инструментом информационных технологий для применения, но нельзя не отметить новые направления развития информационных технологий 2019 года, такие как виртуальная реальность, дополненная реальность, которые будут развиваться и становиться доступнее для внедрения в образовательный процесс в дальнейшем.

По нашему мнению только при полном системном понимании процесса внедрения, а не применения информационных технологий, использования не выборочных, а максимально возможных инструментов, может получиться целостный и измеримый результат обучения, соответствующий образовательной среде 21 века.

Таблица 1. Критерии различия использования и интеграции информационных технологий на уроке китайского языка

использование информационных технологий	интеграция информационных технологий
технологии используются случайно, произвольно, с опозданием	технологии используются запланировано и целенаправленно
технологии используются в классе редко, время от времени	технологии – каждодневная часть жизни класса
технологии используются ради использования технология	технологии используются в качестве поддержки реализации учебной программы и целей обучения
технологии используются для обучения студентов образовательному контенту	технологии используются для вовлечения учеников в образовательный контент
технологии в основном используются учителем	технологии в основном используются учениками
фокус а простом использовании технологий	фокус на использовании технологий для создания и развития новых мыслительных процессов
учебное время используется на изучение того, как использовать технологии	учебное время используется на применение технологий для обучения
технологии используются для выполнения задач мышления низшего порядка	технологии используются для поощрения навыков мышления высшего порядка
технологии используются исключительно индивидуально	технологии используются для содействия сотрудничеству в группе в/вне класса
технологии используются для облегчения действий, которые проще выполнить без технологий	технологии используются для облегчения деятельности, которая в противном случае была бы трудной или невозможной
технологии используются для доставки информации	технологии используются для конструирования и создания знания
технология имеет второстепенное значение для учебной деятельности	технология имеет важное значение для учебной деятельности

Литература

- Колонских Н.Е., Пономарева Я.С. Формирование учебно-познавательной компетенции посредством информационно-коммуникационных технологий при обучении иностранным языкам в средней школе // *Инновационная наука*. 2017. №01-1.
- Кузнецова А.С. Использование средств ИКТ в самостоятельной работе учащихся 5-х классов при обучении письменной речи на иностранном языке // *Педагогическое образование в России*, 2017. №4.
- Сысоев П.В., Евстигнеев М.Н. Использование новых учебных интернет-технологий в обучении иностранному языку // *Вестник Тамбовского университета. Гуманитарные науки*. 2008. №2. с. 363-371.
- Информационные технологии в образовании [Электронный ресурс] URL: https://vuzlit.ru/728146/informatsionnye_tehnologii_obrazovani (дата обращения 02.05.2019).
- My Test. Система программ для создания и проведения компьютерного тестирования, сбора и анализа их результатов. [Электронный ресурс] URL: <http://mytest.klyaksa.net> (дата обращения 02.05.2019)
- Wikispace [Электронный ресурс] URL: <http://www.wikispace.com> (дата обращения 02.05.2019).

Технологизация процесса обучения аналитическому чтению на китайском языке

Иоффе Татьяна Владимировна

*Омский государственный педагогический
университет (Омск)*

Technologization of the Process of Teaching Analytical Reading in Chinese

Ioffe Tatiana Vladimirovna

Omsk State Pedagogical University (Omsk)

Abstract. The article analyzes the possibilities of technologization of the process of teaching analytical reading in Chinese in the system of higher education. The considered version of the methodological system meets the requirement set by the GEF for the linguistic areas of the undergraduate program in the formation of general cultural competencies, such as the ability to analyze and summarize information, possessing the culture of oral and written language. This technology takes into account the specifics of the subject area and allows to make the process of teaching reading more holistic and systematic. In this regard, the author proposes a phased work on the formation of the analytical competence of Chinese students in the context of traditional forms of education, which allows them to fully reveal the linguistic and analytical potential of students. At the same time, the author treats analytical reading as a separate aspect of the practice of speaking and writing, which is closely related to Chinese literature, stylistics and lexicology of the Chinese language.

Keywords: analysis; text interpretation; algorithmization; discursive vocabulary; glossary.

Цель данной статьи – это привлечение внимания к возможности технологизации процесса обучения аналитическому чтению на китайском языке в вузах, отвечающему таким взаимосвязанным требованиям, как последовательность, этапизация, алгоритмизация, нацеливание на конечный результат, дозированность, рефлексивно-оценочная деятельность обучающихся, управляемость с постепенным изменением роли преподавателя в процессе обучения.

Рассматриваемый вариант методической системы позволяет существенно усовершенствовать процесс обучения чтению на китайском языке за счет перехода от стандартных видов чтения (просмотровое, изучающее, домашнее, индивидуальное) к аналитическому, ориентированному на формирование у обучающихся когнитивной, лингвистической, коммуникативной и других современных компетенций.

Под аналитическим чтением понимается «учебный вид чтения, ориентированный на формирование аналитических и интерпретационных способностей студентов, обогащение их словарного запаса, а также их знакомство с духовной культурой, художественной литературой страны изучаемого языка». [Мирошниченко, Лесохина, Лабазина 2015: 148]

В соответствии с требованиями системности, последовательности и нацеливания на конечный результат обучение аналитическому чтению в рамках лингвистических направлений бакалавриата должно быть целенаправленным (то есть рассматривать анализ и интерпретацию текста, включая иероглифический анализ, как высшие уровни реализации умений и навыков работы с текстовым материалом) и преподаваться как сквозной аспект в рамках практики устной и письменной речи продолжительностью 4-6 семестров.

В зависимости от цели и прогнозируемого уровня овладения аналитическими и интерпретационными умениями, в процессе обучения можно выделить три этапа: пассивно-репродуктивный, условно активный и самостоятельный.

Пассивно-репродуктивный этап является регулируемым и проходит в аудиторном режиме под руководством преподавателя. Для данного уровня подбираются короткие фабульные или проблемные тексты сложностью не выше третьего уровня международного квалификационного экзамена по китайскому языку, что позволяет начинать обучение аналитическому чтению на относительно раннем этапе. Основная цель – обучение основным аналитическим стратегиям и специальным аналитическим клише, необходимым для овладения рациональными приемами восприятия и переработки текстовой информации. Алгоритмизация действий на данном этапе поможет решить проблему переноса постепенно формируемых аналитических умений в различные текстовые ситуации, что бывает затруднено

в силу ряда причин, таких как отсутствие у обучающихся должного набора дискурсивной лексики, обеспечивающей связанный, структурированный анализ; неразвитость механизма лингвокогнитивного анализа текста; психологический дискомфорт, связанный с необходимостью осознать и реагировать на авторские интенции.

Один из путей алгоритмизации – это создание глоссария китайских аналитических или дискурсивных клише. Данные клише (например, китайские аналоги выражений «это описано следующим образом», «с лексической точки зрения», «сюжет постепенно раскрывается из-под пера автора», «язык яркий и образный») должны носить универсальный характер и накапливаться в ходе работы с разными текстами. При этом анализ текста должен быть проведен так, чтобы получилась гармоничное слияние аналитических клише, анализа текстовой информации и подкрепляющих цитат. В результате на выходе будет не обычный пересказ, как результат работы по присвоению текста, а аналитический текстовый продукт.

В зависимости от уровня подготовки и мотивации обучающихся итоговый ответ может быть представлен в виде устного или письменного анализа с элементами пересказа (высший уровень оценивания) или пересказа с элементами анализа (низший уровень оценивания), что позволяет создать условия для разноуровневого подхода к оцениванию знаний и умений.

Условно активный этап является частично регулируемым и предполагает работу с оригинальными малоформатными произведениями китайской литературы (например, «Силуэт» Чжу Цзыцина, «Кун Ицзи» Лу Синя). Работа с текстовым материалом на данном этапе подразумевает дополнительную опору на знания, полученные в результате освоения курсов стилистики, лексикологии и литературы. Аналитические задания на данном этапе по-прежнему разрабатываются преподавателем, но их выполнение происходит в рамках самостоятельной работы обучающихся.

Самостоятельный этап подразумевает нерегулируемую и ненаправляемую деятельность обучающихся. На данном этапе предполагается владение языковым материалом на четвертом-шестом уровнях международного квалификационного экзамена по китайскому языку, поэтому для анализа рекомендуются неадаптированные произведения современной китайской литературы. Обучающиеся самостоятельно анализируют произведения с разных точек зрения и выступают с устными сообщениями. Задача преподавателя на данном этапе – организовать дискуссию или обмен мнениями по поводу услышанного и предложить свою точку зрения.

Таким образом, технологизация процесса обучения аналитическому чтению на китайском языке обеспечит создание условий, позво-

ляющих в полной мере раскрыть лингвистический и аналитический потенциал обучающихся, а формируемая аналитическая компетенция будет синтезом когнитивного, лингвистического, коммуникативного компонентов и проявится в умении проводить такие операции, как лингвокогнитивный анализ, направленный на выявление эксплицитной и имплицитной текстовой информации, синтез, обобщение, сравнение, антиципация, структурирование и другие.

Литература

Мирошниченко С. А., Лесохина А. М., Лабазина Л. Н. Аналитическое чтение как средство формирования аналитической и интерпретационной компетенций у студентов языкового вуза // *Ярославский педагогический вестник*. 2015; 2 (II): 147-151. [Электронный ресурс]. URL: http://vestnik.yspu.org/releases/2015_2pp/28.pdf (дата обращения 06.05.2019).

Конструирование национальной идентичности в школе

Ишутина Юлия Александровна

*Дальневосточный федеральный
университет (Владивосток)*

Construction of National Identity at School

Ishutina Yuliya Alexandrovna

*Far Eastern Federal University
(Vladivostok)*

Abstract. Inclusion in the processes of globalization creates for both parts of China a number of challenges to which a divided Chinese nation gives answers depending on the degree of preservation of traditional culture.

Keywords: national identity; divided nation; continental China; Taiwan (China).

Современный этап характеризуется активным включением оберих частей китайского общества в процессы глобализации. Тайвань (Китай) активно перенимает политическую систему западного типа, а в КНР проходят значительные процессы демократизации социалистического общества. Актуальность исследования заключается в том, что на базе общего культурного фундамента строятся два типа национального самосознания – континентальный и островной. Цель работы состоит в том, чтобы проследить, как механизмы конструирования национальной идентичности применяются для создания особой «национальной» истории. Базовое положение исследования заключается в том, что в китайских учебниках прослеживается четкая заданная линия позиционирования КНР как семьи народов (национальный миф Большого Китая) и родины-матери по отношению к азиатским тиграм, вполне в духе конфуцианских традиций. В учебной литературе Тайваня (Китай) эксплицитно выражена позиция Тайваня как части глобализованного мира. В адаптированном для детского понимания виде предлагается информация, способствующая формированию национальных идентичностей искусственно разделенной китайской нации в полном соответствии следованию задачам и целям политических режимов.

В работе применен описательный метод, включающий прием наблюдения, интерпретации, сопоставления и обобщения. Выборка исследуемых источников составила 9 учебников младшего звена национальной школы КНР и 2 учебника начального этапа обучения общеобразовательной школы Тайваня (Китай).

Результаты исследования могут быть сформулированы как:

1) национальная школа КНР в качестве базового компонента использует адаптированные тексты из русской, советской и европейской литературы. В процентном соотношении на 1 году обучения это соответственно 33% русской классики (рассказы А.П. Чехова и Д.Н. Мамина-Сибиряка), 36% классической поэзии эпохи Тан и Сун, 33% европейской (сказки Г.-Х. Андерсена и отрывки из прозы О. Уальда) [Учебник родного языка (1 год обучения, ч. 1,2) 2008]. На 2 году обучения доля китайских текстов, посвященных воспитанию моральных качеств, увеличивается до 45% (рассказы бытовой направленности, поучительные сказки), 10% составляют рассказы М. Зощенко о В.И. Ленине, 45% европейская и американская литература (Майн Рид и Р. Киплинг) [Учебник родного языка (2 год обучения, ч. 1,2)]. Третий год обучения содержит базовые тексты о китайских демиургах и героях китайской древности (63%), еще 22% учебного материала представляют собой тексты идеологической направленности («Как маленький Тайвань хочет вернуться к нашей большой Родине», «Чудесный подарок маленькому Гонконгу, вернувшемуся к радушной китайской

семье») и т.п. Доля текстов иностранной литературы здесь мала и составлена из адаптированных рассказов Н.Г. Гарин-Михайловского [Учебник родного языка (3 год обучения, ч. 1,2)]. На четвертом году обучения тексты усложняются поэтическим описанием живописных мест Китая (45%), информацией о многонациональной семье КНР (25%), классической поэзией и детальным изучением ксилографического свитка «Праздник на реке Цинмин» (20%) [Учебник родного языка (1 год обучения, ч. 1)]. В 8 дополнительных текстов внесена информация о народных героях времен Корейской войны и Большого Скачка, в частности о Хуан Цзигуане [Учебник родного языка (1 год обучения, ч. 2): 164].

2) Кроме обязательного изучения школьного объема нормативного языка школьникам КНР рекомендуют список дополнительной литературы, включающей свод китайских словников на классическом языке с толкованием на СКЯ и обязательным комментарием в духе конфуцианской редактур. Этот учебный материал разработан по всем требованиям времени и подходит современному ученику (существует в интерактивной форме) [Троесловие 2012].

3) В школьном учебнике государственного языка Тайвань (Китай) позиционируется как неотъемлемая часть мировой культуры; тайваньская повседневность – сжата ввиду небольшой островной территории, но обустроена, продумана до мелочей и привлекательна. Притягательность Тайваня (Китай) начинается с природы, общество гармонично включено в природные декорации, а специфика симбиоза человека и окружающей среды проявляется в спокойном и отзывчивом характере его жителей. Авторы учебника настаивают на том, что так формируется тайваньский характер.

4) Тексты конфуцианской направленности тайваньских учебников (45%) перемежаются с описательными эссе, носящими характер наблюдений за повседневностью европейцев, американцев (12%). Наполнение учебного текстового материала создает ощущение включения тайваньского школьника в мировую информационную систему, и даже предлагается средство для познания глобального мира – подробный материал об интернет-пространстве, а также о поисковых системах, так, работе компании Google, ее продукту и в, частности одной-единственной поисковой системе посвящен целый раздел в учебнике (8%) [ЭУ МШ Кан Сюань 2018].

Литература

ЭУ МШ Кан Сюань – Электронный учебник младшей школы Кан Сюань. 6 год обучения, вторая часть. Тайбэй, 2018. (康轩小学电子书。六年级下册)

Троесловие. Пекин: Изд-во «Изучение и преподавание иностранных языков», 2012. (三字经)

Учебник родного языка. 1-4 год обучения. В 8 кн. Харбин: Изд-во «Народное просвещение», 2008. (语文。一年级上册; 语文。一年级下册; 语文。二年级上册; 语文。二年级下册; 语文。三年级上册; 语文。三年级下册; 语文。四年级上册; 语文。四年级下册).

Стилистика китайского языка как учебная дисциплина. Почему важно изучать стилистику?

Калинин Олег Игоревич

*Военный университет Министерства
обороны Российской Федерации (Москва)*

Stylistics of the Chinese Language as an Academic Discipline. Why is it Important to Study Stylistics?

Kalinin Oleg Igorevich

*Military University of the Ministry of Defense
of the Russian Federation (Moscow)*

Annotation: Stylistics is the soul of any living language, as it teaches us to correctly use language means. Teaching stylistics in higher education is extremely important, and stylistics should occupy the main place among the taught theoretical disciplines. In the report we covered the issues of the place of stylistics in the system of language sciences, the development of stylistics as a science in Chinese linguistics, differences in the approaches to stylistics in Western and Eastern philology, as well as questions of methods of teaching stylistics.

Keywords: style; xiūcíxué; functional style; expression; language means; speech choice.

1. Изучение любого языка обязательно связано со стилистическим аспектом, так как каждая лингвистическая единица (фонема, морфема, слово, словосочетание, предложение) функционирует в реальной речевой ситуации, говорящий имеет возможность выбора тех или иных единиц, наиболее подходящих к данной ситуации. Изучение языковых единиц в их стилевом разнообразии, в отношениях синонимии в широком смысле свидетельствует о практической направленности усвоения речевых навыков.

2. Предмет стилистики распадается на две важнейших составляющих. Предметом стилистики являются выразительные возможности и средства разных уровней языковой системы, их стилистические значения и окраски, а также закономерности употребления языка в разных сферах и ситуациях общения и своеобразная организация речи, специфичная для каждой сферы.

3. В китайской филологической науке существуют пять терминов для обозначения понятия «стилистика»: 修辞学 *xiūcíxué*, 文体学 *wéntǐxué*, 风格学 *fēnggéxué*, 词章学 *cízhāngxué*, 语体学 – *yǔtǐxué*.

Семантические границы этих терминов до сих пор не определены, при этом они зачастую объясняются китайскими лингвистами через друг друга. [Горелов 1979]

4. Термин 修辞学 *xiūcíxué* охватывает несколько большее содержание понятий, нежели традиционная «стилистика ресурсов». Это наиболее общий термин для описания понятия «стилистика» в китайском языке. В этой связи, не совсем верно соотносить термин 修辞学 *xiūcíxué* только лишь с аналитической стилистикой.

修辞学 *xiūcíxué* все же является самым распространенным термином, поэтому целесообразно детально рассмотреть его этимологию. Впервые такое словосочетание встречается в Книге перемен для объяснения одной из триграмм Цянь 乾 *qián* в таком контексте – 修辞立其诚，所以居业也 *xiū cí lì qí chéng, suǒ yǐ jū yè yě*.

5. В современной китайской лингвистической традиции 文体学 *wéntǐxué* в узком понимании трактуется как раздел литературоведения, изучающий жанровые особенности различных текстов, смежная с литературной критикой дисциплина, которая анализирует стиль автора художественного произведения. [Горелов 1979]

6. 风格学 *fēnggéxué* – это наиболее разносторонний термин, из всех китайских лингвистических терминов, с которыми соотносится понятие «стилистика». Разные китайские исследователи вкладывают в это понятие очень разное содержание. Самое часто встречающееся понимание термина 风格学 *fēnggéxué* – это «наука об авторском стиле литературного произведения», которая структурно входит в 文体学 *wéntǐxué*. [Горелов 1979]

7. С термином «функциональный стиль» в китайском языкознании соотносится такое понятие как 语体 *yǔtǐ* – речевой стиль, выделяют также и 语体学 *yǔtǐxué* – науку о речевых стилях. [Wang 2010]

8. Стилистические исследования на Западе и на Востоке опираются на разные модели, что фактически отражает различия в социально-политических системах, разницу в модели общественного развития и восприятия понятий справедливости и нравственности. Это имеет отношение и к социально-политическому развитию на современном этапе. [Zhang 2011]

9. «Стилистика – это философия языкового выбора». Стилистика сама по себе является выбором, способ осуществления общественного выбора через язык. Это не только выбор языковой формы или способа выражения собственной мысли, но и выбор модели общественного развития, выбор способа осуществления общественной справедливости.

10. Важность изучения стилистики состоит не только у получении умения правильно выявлять и интерпретировать средства художественной выразительности, но и в первую очередь в формировании навыка выбора лексических единиц и синтаксических конструкций для более точного и соответствующего референтной ситуации выражения своей мысли.

Литература

- Горелов В. И. Стилистика современного китайского языка. М.: Просвещение, 1979.
Wang Xijie. Chinese stylistics. Shanghai: Renmin chubanshe, 2010. (王希杰. 汉语修辞学).
Zhang Xin. Expression ability training. Chengdu: Xinan jiaotong daxue chubanshe, 2011. (张鑫. 语言表达能力训练).

К постановке проблемы обучения
монологической речи на китайском языке
с использованием технологии развития
критического мышления

Калита Анна Викторовна
Независимый исследователь (Москва)

Defining the Problem of Learning Chinese
Monologue Speech Using Critical Thinking

Kalita Anna Victorovna
Independent Researcher (Moscow)

Abstract. The growing popularity of Chinese as a means of communication leads to the need to find new ways to improve the learning process. This article is devoted to justifying the use of technology of developing critical thinking in the process of learning Chinese.

Keywords: Chinese; critical thinking; monologue.

За последние годы значительно возрос интерес к китайскому языку как средству общения. В современной методике преподавания иностранного языка существует проблема отработки и формирования определенных умений, в частности, умений монологической речи. Так как на сегодняшний день также возникает потребность в улучшении качества подготовки учащихся и формировании у них иноязычной коммуникативной компетенции, необходимо искать новые пути совершенствования процесса обучения устной речи. В данной статье будет рассмотрена обоснованность использования технологии развития критического мышления (далее – ТРКМ) в процессе обучения китайскому языку.

Устная речь, как известно, делится на диалогическую и монологическую. Оба этих вида имеют собственные особенности и требуют определенного подхода в обучении. Однако монологическую речь, как

менее естественную, по сравнению с диалогической, принято считать более сложной. Это связано, в первую очередь, с необходимостью грамотного построения высказывания, которое зависит не только от знания лексики и грамматики, но и от умения последовательно и логично мыслить, анализировать и синтезировать данные, делать выводы.

Общеизвестно, что обучение иноязычной монологической речи связано с рядом трудностей. Также существует проблема в формировании у обучающихся умений сформулировать и выразить свои мысли на иностранном языке с эмоциями и отношением к высказыванию. Наряду с этим, данные умения являются чрезвычайно важными для осуществления полноценного акта коммуникации [Абазовик, Мартыненко 2017].

Сложность порождения монологического высказывания также объясняется его особенностями как вида речевой деятельности: высказывание определяется интенцией говорящего, содержанием высказывания, языковым оформлением, контекстом ситуации. Зачастую ввиду небольшого объема языковых знаний и недостаточного развития умений говорения эта задача становится особенно сложной, несмотря на то, что словарный запас учащихся и количество освоенных ими грамматических форм достаточно обширны.

Монологическое высказывание может вызывать трудности как при порождении высказывания, так и при его восприятии: требуется высокая концентрация внимания реципиента, достаточное владение лексико-грамматическим материалом и развитый навык языковой догадки. Языковая догадка также напрямую связана с процессом анализа иноязычной речи, что позволяет определить значение неизвестного слова или выражения по контексту.

Рассматривая монологическую речь в рамках обучения китайскому языку, нельзя не отметить дополнительные трудности ввиду особенностей языка:

- 1) трудность высказывания с точки зрения грамматики, выраженная необходимостью использования большего, нежели в русском языке, числа глаголов или иных частей речи в глагольной функции, что необходимо для высокого уровня динамизма китайской речи;
- 2) трудность обеспечения связности высказывания, вызванная меньшим количеством формально-грамматических средств связи;
- 3) трудность отождествления и реализации интонационных средств китайского языка;
- 4) трудность говорения в нормальном для китайского языка темпе речи [Кочергин 2000].

Стоит сразу отметить, что обучение говорению на китайском языке осложняется спецификой самого языка (высокая степени омонимии, тоны, наличие звуков-аффрикат, вызывающих трудности при

их произношении) и отсутствием в учебных пособиях разработанной системы упражнений по обучению говорению на китайском языке. В этой связи обучение иноязычному говорению на китайском языке можно назвать трудоемким и малоэффективным [Масловец 2012].

Помимо этого, для формирования практических навыков и умений зачастую недостаточно лингвистической теоретической базы учащихся. Данный факт приводит к трудностям, связанным с синтаксисом китайского языка: например, синтаксическая роль частей речи в китайском языке определяется их позицией в предложении. Так, учащимся необходимо четко спланировать и проанализировать свое будущее высказывание, чтобы выбрать наиболее подходящие языковые средства.

Таким образом, в процессе обучения монологической речи необходимо не только сформировать умение построение грамматически правильного, логичного и последовательного высказывания, но и научить высказывать собственное аргументированное мнение, которое представляется возможным сформулировать только путем оценки, анализа и выводов.

Стоит отметить, что всё обучения монологической речи строится на развитии критического мышления, так как ученик развивает в себе умение логически мыслить, выделять главное, делать выводы и оспаривать другую точку зрения. Большое значение в технологии развития критического мышления уделяется методам, которые формируют способность работать с вопросами и структурировать информацию. В то время как традиционное преподавание основано на готовых ответах, которые представлены учащимся.

На основании вышесказанного становится возможным сделать вывод о важности правильной организации обучения монологической речи, а также о приемлемости использования ТРКМ, в результате чего возможно прийти к повышению мотивации и проявления когнитивной активности учащихся.

Литература

- Абазовик Е.В., Мартыненко И. В. Лингвостилистические особенности английской эмоционально окрашенной монологической речи и обучение монологической речи учащихся старших классов // *XXI Царско-сельские чтения: материалы международной научной конференции* (25-26 апреля 2017 г. Санкт-Петербург). СПб.: ЛГУим. Пушкина, 2017. Т. I. С. 368-372.
- Кочергин И.В. Очерки методики обучения китайскому языку. М.: Издательский дом Муравей, 2000. 160 с.
- Масловец О.А. Методика обучения китайскому языку в средней школе: учеб.пособие. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2012. 188 с.

Особенности обучения китайскому языку студентов поколения Z

Кралина Екатерина Дмитриевна

*Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при президенте
Российской Федерации (Москва)*

Features of Teaching Chinese to Students of the Generation Z

Kralina Ekaterina Dmitrievna

*The Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration (Moscow)*

Abstract. According to the theory of generations, people born since the mid-90s are included in the so-called generation Z. It is representatives of this generation who are now studying in universities or only enrolling in them. The main feature of generation Z is their strong connection with modern technologies and the Internet, since from the very young age they had constant access to social networks, used smartphones and other modern gadgets. All these features of the generation directly affect how students of the generation Z perceive information, which means that a special approach is required in their training, which would take into account the needs of the generation and make the learning process more effective for them. Since the beginning of the 2000s, a phenomenon that can be called “Information Inflation” is gaining momentum. The number of sources of information that a person perceives is constantly growing, attention is scattered and it becomes more and more difficult to communicate new knowledge. Being in a dense flow of information from birth, representatives of the generation Z are especially subject to “information inflation”. They are able to read information, but they are poorly able to process it, instantly discarding what is not “catchy” for them. Therefore, in order for new knowledge (in our case, this knowledge of the Chinese language) to be perceived by them, it is necessary to present it to them, in familiar and interesting formats.

Keywords: Chinese language; game methods; game technique; motivation; teaching; foreign language; games; student motivation; generation Z.

Согласно теории поколений люди, родившиеся с середины 1990-х годов, входят в так называемое поколение Z. Именно представители этого поколения сейчас учатся в ВУЗах или только поступают в них. Главной особенностью поколения Z является их сильная связь с современными технологиями и интернетом, так как с самого юного возраста они имели постоянный доступ в сеть, соцсети, пользовались смартфонами и другими современными гаджетами [Howe, Strauss 1991].

Все эти особенности поколения напрямую влияют на то, как студенты поколения Z воспринимают информацию, а значит при их обучении требуется особый подход, который бы учитывал потребности поколения и делал процесс обучения более эффективным для них [Thomas 2011].

В период с начала 2000-х годов набирает силу явление, которое можно назвать «Информационной инфляцией». Количество источников информации, которые воспринимает человек, постоянно растет, внимание рассеивается и доносить новые знания становится все труднее и труднее. Находясь в плотном потоке информации с самого рождения, представители поколения Z особенно подвержены «информационной инфляции».* Они умеют считывать информацию, но плохо умеют ее обрабатывать, моментально отбрасывая то, что их не «цепляет». Поэтому для того, чтобы новые знания (в нашем случае это знания по китайскому языку) воспринимались ими, их необходимо преподносить в том числе и в привычных и интересных им форматах.

Можно выделить несколько таких форматов. В первую очередь это игры. Огромную часть своего времени студенты поколения Z проводят в тех или иных играх – на компьютерах или смартфонах. Существуют приложения, которые помогают изучать язык в игровой форме. Например, это Chinese Writer, которое очень помогает в запоминании новых иероглифов.

Вторым форматом является видеоконтент собственного производства. Студенты уже привыкли самостоятельно записывать на видео моменты своей жизни. Выполнять различные творческие задания преподавателя в формате видео для них будет не только привычно, но и интересно.

Третий формат – это социальные сети. Именно из социальных сетей студенты поколения Z получают львиную долю информации. Преподаватель может использовать социальные сети как инструмент обучения. Контент на китайском языке в развлекательной форме (комиксы, видео, смешные картинки, короткие истории и пр.) будет хо-

*«Информационная инфляция» – эфир радиостанции «Вести ФМ» от 4 декабря 2018 года с заведующим лабораторией теории сложных систем Института химической физики им. Н.Н.Семенова РАН Владиславом Аветисовым.

рошо восприниматься студентами и увлечет их даже в свободное от учебы время.

Еще один формат – дополнительная мотивация. Благодаря видеограм и современным маркетинговым инструментам студенты поколения Z привыкли получать награды за все, что они делают (будь то получение нового уровня в игре или подарок при покупке у любимого бренда).^{*} Интересные поощрения студентов вроде похода в ресторан китайской кухни, обучения их чайной церемонии или просмотра китайского фильма на занятии позитивно влияют на мотивацию студентов и их дальнейшие успехи в обучении.

Использование всех вышеперечисленных форматов поможет преподавателю найти общий язык со студентами поколения Z, заинтересовать их предметом, повысить их мотивацию и, как следствие, более эффективно обучить их китайскому языку.

Литература

Howe N., Strauss W. Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069. New York: William Morrow Company, 1991.

Thomas M. Deconstructing Digital Natives: Young People, Technology, and the New Literacies. Taylor Francis, 2011.

^{*} «Вовлеченность – новая «валюта» образования?» дискуссия на III Форуме социальных инноваций регионов 21 июня 2019 года, Москва.

Методика формирования фонологической компетенции студентов, изучающих китайский язык в условиях трилингвизма

Малых Оксана Андреевна

Московский городской педагогический университет, Москва

The Technology of Forming the Phonological Competence of Students Learning Chinese (Mandarin) Under the Conditions of Trilingualism

Malykh Oksana Andreevna

Moscow City University, Moscow

Abstract. The report presents the author's technology of forming the phonological competence of students learning Chinese under the conditions of trilingualism, which is based on appropriate teaching principles: general teaching, methodical and particular (principles of learning Chinese phonemes in the stream of speech, comparative analysis of language phenomena and students' language experience, etc.); and the methodology is realized through a set of methods and techniques of teaching (presentation and analysis of reference and anti-reference sounding speech, making sound maps, keeping a diary of multilingual observations, etc.).

Keywords: developing of phonological competence, educational trilingualism, teaching Chinese phonetics

В докладе представляется авторская методика формирования фонологической компетенции студентов, изучающих китайский язык в условиях учебного трилингвизма. Методика имеет следующие специфические параметры:

1) методика основана на целесообразных *принципах* обучения: общедидактических (наглядности, доступности, сознательности и активности, систематичности и последовательности, прочности, научности, связи теории с практикой), методических (дифференцированного подхода в обучении, управления процессом обучения, вычленения конкретных ориентиров, комплексного подхода к мотивации в обучении иностранным языкам, речемыслительной активности, индивидуализации, функциональности, ситуативности, новизны) и частных. К группе последних относятся принципы обучения фонемам китайского языка в потоке речи, комплексного развития слухо-произносительных навыков студентов при овладении китайским языком, гармоничного сочетания сознательности и имитативности, а также учета прагматической направленности при формировании фонологической компетенции студентов, сопоставительного анализа языковых явлений и своего языкового опыта, интенсификации когнитивной и рефлексивной деятельности обучающихся;

2) методика реализуется через совокупность *методов* (эвристический, проблемного изложения, информационно-рецептивный, исследовательский, репродуктивный) и *приемов* обучения (эвристическая беседа, анализ студентами собственных волевых качеств; предъявление и анализ эталонной и антиэталонной звучащей речи, предъявление и объяснение преподавателем особенностей фонетической системы китайского языка в сопоставлении с аналогичными / противоположными языковыми фактами в родном и английском языках, составление карт звуков, выполнение индивидуального / группового проектного задания, ведение дневника полилингвистических наблюдений и др.);

3) система методов и приемов служит основой для разработки серии *упражнений* для каждого из *этапов* обучения: мотивационно-ценностной установки, когнитивного, тренировочного, продуктивного.

Эффективность авторской методики доказана опытным путём.

Интенциональность и диалог культур в обучении китайскому языку

Масловец Ольга Александровна

*Московский государственный институт
международных отношений (Москва)*

Intentionality and Dialogue of Cultures in Teaching Chinese

Maslovets Olga Alexandrovna

*Moscow State Institute of International
Relations (Moscow)*

Abstract. The article deals with one of the innovative educational technologies in language education, which is based on the understanding of the educational process as a process of dialogue between cultures, and the educational space as a culture-like space of intertwining various intentions. Intentionality is, first of all, phenomenon of consciousness, which determines object of consciousness; reflexive act over flow of experiences is reflexive position that allows you to perform act of self-determination, go beyond natural setting and consider this framework as object of its action. Thanks to the intentionality of consciousness, the subject penetrates the experience of the Other. Due to the mutual adjustment, a consistent consciousness about the objects of the world is always achieved. A foreign language is a special subject, the leading component of which is not the knowledge component, but the activity component; the “methods of activity” that are actualized in the process of intercultural interaction are the object of learning. In this regard, learning Chinese today should be carried out in the context of two cultures: native for students and the culture of the country of the language being studied.

Keywords: language education; intentionality; intercultural interaction; Chinese language.

Современные цели и, соответственно, результат обучения иностранному языку определяются социальным запросом, который обусловлен общественно-политическим и экономическим развитием отечественного общества, ориентирующегося на ценности мирового сообщества и геополитический расклад мировых сил в целом. Геополитические трансформации, имеющие место в современном мире, влияют на смену общественно-политических, экономических и, вследствие этого, образовательных парадигм. Основными факторами таких трансформаций выступают, как указывает Е.Г. Тарева, глобализация, виртуализация, сетевизация информационного, коммуникативного и культурного пространства [Тарева 2016: 558].

Для современной геополитической ситуации при разнонаправленности вектора развития каждой отдельно взятой страны характерно огромное количество вызовов, с которыми постоянно сталкивается человечество в последние десятилетия своего развития. Противостоять таким глобальным явлениям, вызывающим изменения в когнитивных и поведенческих структурах молодого поколения, можно используя возможности системы образования в целом, и в частности, если говорить об иноязычном образовании, в условиях «новой методологии и идеологии системы, связанной с обучением иностранному языку» [Тарева 2016: 559], базирующейся на антропоцентрической и межкультурной парадигмах образования, а также в рамках инновационных образовательных технологий и направлений, в основе которых лежит понимание образовательного процесса как процесса диалога культур, а образовательного пространства – как культуросообразного пространства рождения новых смыслов. Одним из таких направлений выступает интенциональная направленность образовательного процесса. Рассмотрим ее основные характеристики и положения.

Понятие интенциональности, введенное впервые австрийским ученым Э. Гуссерлем и описанное им как феномен сознания, определяющий объект сознания; на сегодняшний день является объектом многочисленных исследований в области философии и психологии и, в связи с этим вобрало в себя много интерпретаций первоначального смысла. В традиционной для гуссерлевской феноменологии трактовке интенциональность – это, рефлексивный акт над потоком переживаний [Гуссерль 2005], это феномен, определяющий сознание как таковое, поскольку сознание есть сознание о чем-то [Лиотар 2001: 18]; феномен, обеспечивающий содержание сознания [Перлер 2016: 9]; это рефлексивная позиция субъекта, позволяющая совершить акт самоопределения, выйти за рамки естественной установки и рассматривать эти рамки как объект своего действия [Щедровицкий 2004: 60]. Благодаря интенциональности сознания субъект осуществляет проникновение в опыт Другого. При общении с Другим каждый

в своем сознании мира имеет также сознание чужого с теми или иными особенностями этого чужого, его интенциональность проникает в интенциональность другого и, наоборот. Благодаря взаимной настройке всегда достигается **согласованное сознание** относительно имплицитного объекта.

Каким образом данные идеи могут быть использованы в процессе обучения китайскому языку?

Китайский язык входит в перечень языков, которые изучаются в рамках дисциплины «Иностранный язык». Иностранный язык – это особый предмет, ведущим компонентом которого являются не знание-вая составляющая, а деятельностьная, объектом обучения выступают «способы деятельности». Это значит, что этот предмет с одной стороны закладывает определенный круг знаний (языковые, социокультурные), а с другой стороны, формирует умения в различных видах речевой деятельности, необходимые будущему выпускнику для осуществления межкультурного взаимодействия или, другими словами, диалога культур. В связи с этим обучение китайскому языку сегодня осуществляется в контексте двух культур: родной для обучающихся и культуры страны изучаемого языка.

Культура, в нашем понимании, и оно созвучно с определением К-Х Пола, – это наследуемая система значений, передающих интерсубъективность и систему жизненных установок, принятая в рамках одного лингвосоциума [Пол 2012: 94] Именно этой системой значений, характерной для другого лингвосоциума и должен овладеть обучающийся – именно так считалось долгие годы. Однако основные положения теории интенциональности свидетельствуют о том, что именно интенциональность как феномен сознания субъекта обеспечивает и в то же время стимулирует постижение другого Я, иной культурной данности, иного лингвосоциума.

Отношение «Я-Другой» привносит новое содержание в человеческую жизнь. Это «отношение, в котором, как замечает М. Бубер, происходит «чудо встречи», а сами субъекты, с их интерсубъективностью определяют появление, необходимость и устойчивость данного отношения» [Цит. по: Нечаев 2004: 191]. Такое отношение актуализирует внутреннюю закономерность человеческих действий, возможность саморазвития и формирования системы отложенных действий, что позволяет человеку состояться [Нечаев 2004], «стать» [Щедровицкий 2004] и актуализирует, таким образом, интенциональное поле возможностей.

Важной задачей при соприкосновении с чужой культурой и Другим является развитие понимания поведения Другого, понимания, что и Я, и Другой обладают определенной системой ценностей и знаний, имеют как общее так и различное. Развитие интенционально-

сти в связи с этим происходит медленно, непрерывно от простых состояний к сложным [Сергиенко 2009: 23] от реализации собственных интенциональных актов к пониманию интенциональности Другого и сложности организации «всего культуросообразного мира разных интенциональностей».

Литература

- Гуссерль Э. Избранные работы. М.: Территория будущего, 2005. 464 с.
- Лиотар Ж.-Ф. Феноменология / перев. с фр. и послесл. Б.Г. Соколова. М.: Алетейя, 2001. 160 с.
- Нечаев А.В. Онтология одиночества: рассуждения о природе человеческого одиночества. Самара: Самар. ун-т, 2004. 281 с.
- Перлер Д. Теории интенциональности в Средние века / пер. с нем. Г. В. Вдовиной; Российская акад. нар. хоз-ва и гос. службы при Президенте Российской Федерации. Москва: Изд. дом Дело, 2016. 470 с.
- Пол К-Х. Китайские и западные ценности: размышления о методологии межкультурного диалога // *Век глобализации*. 2012. №1. С. 94–103.
- Сергиенко Е.А., Лебедева Е. И., Прусакова О. А. Модель психического в онтогенезе человека. Москва: Ин-т психологии РАН, 2009. 413 с.
- Тарева Е.Г. Межкультурная образовательная идеология в эпоху геополитических трансформаций // *«Диалог культур. Культура диалога: в поисках передовых социогуманитарных практик»*: материалы Первой международной научно-практической конференции, (14-16 апреля 2016 г. Москва) / под общ. ред. Е.Г. Таревой, Л.Г. Викуловой. М.: МГПУ; Языки народов мира, 2016. С. 558–562.
- Щедровицкий Г.П. На Досках. Публичные лекции по философии Г.П. Щедровицкого / [ред. текста, авт. коммент. В.Л. Данилова]. М.: [Изд-во Шк. Культур. политики], 2004. 195 с.

Разработка заданий олимпиады по китайскому языку: проблемы и решения

Митькина Евгения Иосифовна

Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург)

Сомкина Надежда Александровна

Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург)

Development of Tasks for the Academic Olympics in Chinese Language: Problems and Solutions

Mitkina Evgeniya Iosifovna

Saint Petersburg State University (Saint Petersburg)

Somkina Nadezhda Aleksandrovna

Saint Petersburg State University (Saint Petersburg)

Abstract. As Chinese language grows more popular, the main task of the Academic Olympics in Chinese language is targeting talented Russian school-children and further enticing them to study in St. Petersburg State University. The article introduces main tasks, methods, problems and solutions in creating of AOC. The main challenge of compiling the tasks is to cover as many as possible aspects of language competence, thus participants are required to show proficiency in writing, reading, and understanding, as well as intermediate skills in translation according to the norms of both Chinese and Russian language, including stylistics, know the history and evolution of Chinese language, have basic knowledge of Chinese history, culture, and literature.

Keywords: Chinese language; Academic Olympics; Academic Olympics task; language competition.

Олимпиада по китайскому языку в СПбГУ проводилась в 2017-2018 гг. впервые и является на данный момент самой «молодой» олимпиадой среди всех школьных олимпиад, проводимых Санкт-Петербургским государственным университетом. В последние годы крепнут дружеские контакты между Россией и Китаем в самых различных областях – экономических, торговых, культурных и т.д. Вместе с этим возрастает интерес и к китайскому языку. Популярность его неизменно увеличивается. Кроме школ, уже на протяжении долгих лет и даже десятилетий преподающих китайский язык, все большее количество школ открывают специализированные классы с изучением китайского языка. Естественно, учащиеся старших классов подобных школ хотели бы, прежде всего, проявить себя и использовать свои знания для получения возможности обучаться в СПбГУ. Для этого в 2017 году и было принято решение о проведении в СПбГУ олимпиады по китайскому языку.

В 2017-2018 и в 2018-2019 годах в отборочном туре олимпиады по китайскому языку приняло более трехсот человек. Географически она охватила всю страну, в олимпиаде приняли участие школьники не только Санкт-Петербурга, но и более 30 городов России и стран СНГ.

В 2017-2018 году в олимпиаде по китайскому языку не было деления по классам, в 2018-2019 году задания были подготовлены для разных возрастных групп: 7-9 классы и 10-11 классы. Задания для уровня 1 были ориентированы примерно на HSK3, задания на уровень 2 – на HSK4.

Олимпиада СПбГУ по китайскому языку проводится в два этапа. Первый – заочный этап, который проходит в период с октября по январь, в нем может принять участие любой желающий школьник. Он представляет собой тест из 13-15 заданий, на который отводится 60 минут и максимально за него можно набрать 100 баллов. Из числа участников определяются победители и призеры, которых приглашают к участию в очном, заключительном этапе. На выполнение заданий заключительного этапа отводится 180 минут (т.е. 3 часа), он состоит из трех блоков: «Иероглифика», «Лексико-грамматические задания» и «Вопросы по лингвострановедению». В этом этапе присутствуют как задания тестового характера, так и творческого.

В 2018 году олимпиада СПбГУ по китайскому языку получила второй уровень [Приказ... 2018], т.е. победа и призовое место могут быть приравнены к максимальным 100 баллам по ЕГЭ по экзамену, соответствующему профилю олимпиады.

При разработке заданий учитывалось, что участники олимпиады должны продемонстрировать:

- знание фонетической системы китайского языка;
- знание транскрипционных систем пиньинь и Палладия;

- знание истории и эволюции основных китайских иероглифов;
- знание принципов композиции иероглифа, понятий «ключ», «черта», «графема»;
- знание базовой лексики в рамках минимум HSK3-4;
- навык перевода с учетом норм литературного стиля русского языка;
- знание русской и китайской фразеологии и умение анализировать функциональные особенности фразеологизмов в художественном тексте, умение находить русский эквивалент китайским фразеологизмам и наоборот;
- знание речевых норм русского языка и навык адекватного перевода с русского на китайский и с китайского на русский;

Одной из главных проблем, с которыми сталкиваются почти все олимпиады по китайскому языку (особенно это касается Всероссийской олимпиады), – это возрастающее количество участников-носителей языка. Как отметил В.В. Круглов, главный тренер сборной Москвы по подготовке к Всероссийской олимпиаде школьников по китайскому языку, «в этом году (2018 – прим. авт.) проведения Регионального этапа в одном из регионов из первых двадцати пяти участников, набравших высшие баллы, пятнадцать – этнические китайцы, и это уже 60 %» [Круглов 2018: 105].

Поэтому одной из главных задач при создании олимпиады СПбГУ по китайскому языку стала выработка стратегии для того, чтобы уравновесить шансы студентов, изучающих китайский язык, и этнических китайцев-билингвов, имеющих очевидную фору перед ними. Это и определило внутреннюю логику и наполненность заданий.

Помимо традиционных заданий на иероглифику и грамматику, мы добавили ряд новых заданий. Например, в блоке «Иероглифика» мы добавили задание на перевод слога в транскрипции пиньинь в транскрипцию Палладия; знание данной системы транскрипции необходимо для адекватной интеграции китайских названий в русский язык, что составляет важную часть компетенции будущего переводчика.

В блоке «Лексико-грамматические задания» присутствуют задания на знание фразеологии, особое внимание уделяется переводу идиом на русский язык, поэтому в серии подобных заданий учащийся должен продемонстрировать не только знание идиом, но и умение подобрать адекватный перевод/аналог в русском языке, при этом перевод должен быть верным в том числе и стилистически. Также в этом блоке есть задание на подбор верного – грамматически и стилистически – перевода предложения на русский и на перевод небольшого (100-120 иероглифов) текста с китайского.

В блоке «Вопросы по лингвострановедению» в 2017-2018 годах помимо стандартных вопросов на китайском языке про китайскую историю, литературу, культуру и т.д. было задание на опознавание в китай-

ском переводе русского стихотворения. Нужно было указать автора и название русского стихотворения, переведенного на китайский язык; стихотворения берутся из кодификатора ЕГЭ по литературе. В данном задании давались три стихотворения – из первой половины XIX века, из второй половины XIX века и из первой половины XX века. В 2018-2019 гг. была добавлена мини-викторина: 4 вопроса на русском языке по истории, культуре, литературе Китая.

Таким образом, при разработке заданий олимпиады мы руководствуемся главной целью – выявить талантливых российских школьников, привлечь их к обучению в одном из ведущих высших учебных заведений в стране – СПбГУ, с помощью интеллектуального состязания раскрыть таланты будущих абитуриентов.

Литература

Круглов В.В. Всероссийская олимпиада школьников по китайскому языку: угрозы и вызовы // *Международный форум восточных языков и культур. Актуальные вопросы преподавания китайского и других восточных языков в XXI веке*. Казань, 2018. С.103-109. [Электронный ресурс]. URL: http://dspace.kpfu.ru/xmlui/bitstream/handle/net/131953/F_act2018_103_109.pdf (дата обращения 15.05.2019)

Приказ Министерства науки и высшего образования РФ от 28 августа 2018 г. № 32н «Об утверждении перечня олимпиад школьников и их уровней на 2018/19 учебный год». [Электронный ресурс] URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71948480/> (дата обращения 15.05.2019)

Применение виртуальной реальности в обучении китайскому языку в ВУЗах

Могжанова Софья Андреевна

*Российский государственный
гуманитарный университет (Москва)*

Applying of Virtual Reality For the Chinese Language Graduate Education

Mogzhanova Sofiya Andreevna

*Russian state university
for the humanities (Moscow)*

Abstract. The article attempts to assess the use of virtual reality technology in teaching Chinese in Russian universities. According to the author, one of the main tasks of modern education is the search for new pedagogical methods, within which the learning process will become more productive and visual. At the present stage in addition to the classical methodology, curricula based on modern technologies are being actively introduced into the practice of teaching. A new method in the article will be the virtual reality technology. The work will reflect the advantages and disadvantages of VR in teaching a foreign language, as well as the principle of operation of the device. A possible course of a Chinese lesson using a virtual reality helmet will also be modeled.

Keywords: virtual reality; Chinese language; modern technologies.

Сегодня очевидно, что в условиях непрерывного развития отношений России с Китаем значительно возрос интерес к изучению китайского языка. Для удовлетворения потребностей желающих создаются курсы для изучения китайского языка, приглашаются носители языка, китайский язык вводится в школах и в ВУЗах. В связи с этим весьма актуальной является задача поиска эффективных методов и приемов обучения китайскому языку.

В 21 веке педагогика обогащается новыми организационными формами проведения учебных занятий. На современном этапе в системе российского образования стали активно применяться мультимедийные и другие инновационные технологии. Среди многочисленных разработок, применяемых в образовании, в последнее время приобретает признание и популярность технология виртуальной реальности (далее – ВР). Несмотря на малоизученность и пока еще узкое применение ВР, автор видит перспективы широкого распространения данной инновации.

Преимущества и недостатки ВР

Технология виртуальной реальности, ВР (или VR- virtual reality)-созданный техническими средствами мир, передаваемый человеку через его ощущения: зрение, слух, обоняние, осязание и др. [Карелов 2011]. Ключевым инструментом для перехода в виртуальный мир является VR-шлем, или как его еще называют VR-очки. Надев очки, наблюдатель переносится в целый другой мир, который был разработан для того, чтобы обеспечить визуальные и тактильные стимулы для пользователя. Это способствует более адекватному удержанию знаний [Thakral 2010].

Как и любое инновационное изобретение в области образования, виртуальная реальность имеет своих сторонников и противников. Каковы преимущества VR над классическими методами изучения китайского языка в ВУЗе?

Во-первых, виртуальная реальность создает интерес для студентов. Перспектива такого обучения может развить интерес у студента к китайскому языку и самобытной китайской культуре, так как такой наглядный и игровой метод позволит минимизировать трудности при изучении. Во-вторых, в рамках учебного процесса ВР даёт возможность организовывать межкультурные коммуникации с носителями языка. Для этого нужно всего лишь надеть VR-шлем и погрузиться в специальную программу. И наконец, самым важным преимуществом виртуальной реальности является возможность полного погружения в среду изучаемого языка. Каждый учащийся сможет в неограниченном количестве получать коммуникативные навыки и применять их на практике в разговоре с носителями языка, например: собеседова-

ние при найме на работу в Китае, заказ еды в ресторане, покупка билетов и проч.

Безусловно, технология виртуальной реальности отнюдь не идеальна. Если рассматривать урок китайского языка, то необходимо также учесть ряд нюансов. Основным минусом является то, что обучающиеся с нулевым уровнем знаний не смогут учиться в таком формате. Необходимо иметь базовые знания по грамматике, иероглифике и фонетике китайского языка. Другим недостатком является отсутствие гибкости. В классе вы можете быть спонтанным, задавать вопросы, получать ответы. Если вы используете специальное программное обеспечение, которое пока запрограммировано на определенную работу, вы не сможете делать ничего, кроме того, что вы должны делать в рамках программы [Доброва, Лабзина 2016]. Еще одним потенциальным минусом может стать трансформация межчеловеческих связей и коммуникации. Это может нанести ущерб отношениям между учащимися и преподавателями, а также может привести к неготовности общаться с реальными людьми при попадании с страну изучаемого языка.

Виртуальная реальность как метод обучения китайскому языку

Хотя начинать внедрять технологию виртуального обучения можно на разных этапах обучения в ВУЗе, но, по мнению автора, основной аудиторией рассматриваемых новейших технологий будут студенты, начиная со второго курса обучения. К этому времени уже заложена основная лексико-грамматическая база, на которой необходимо в полной мере развивать и отрабатывать речевые навыки.

Примером погружения в аутентичную атмосферу Китая для отработки навыков устной речи может послужить следующая модель урока. Сперва необходимо выбрать тему. Возьмем – «покупка билетов на железнодорожном вокзале». Занятием раньше преподаватель объясняет слова и выражения, которые могут пригодиться для данного урока. Надев шлемы виртуальной реальности, студенты погружаются в шумную атмосферу китайского вокзала, где в очереди стоит огромное количество китайцев, а все надписи вокруг только на китайском. Следующий этап такого испытания – разговор с кассиром. Диалог строится на базе «вопрос-ответ». Программа предлагает набор стандартных вопросов, на которые есть варианты ответов. В зависимости от уровня подготовки ученика речь кассира может быть более быстрая или более медленная.

При помощи VR также можно заниматься таким немаловажным аспектом языка, как лингвострановедение. Появится возможность прикоснуться к истории Китая, путешествовать по его важным историческим местам и достопримечательностям, например: увидеть Ве-

ликую китайскую стену, побродить по пекинским хутунам, сделать фото с набережной Вайтань в Шанхае и др.

Заключение

На основе вышеизложенного, можно сделать вывод, что виртуальная реальность не может полностью заменить или восполнить опыт общения с носителями языка, она не может погрузить студента в 100% реальную визуальную среду, с атмосферой общения с живыми людьми, она не может перенести физическую оболочку в другое пространство. Что виртуальная реальность может сделать, так это создать бесценный опыт, который поможет студентам лучше понять места, людей, язык и процессы в изучаемой стране.

Литература

- Доброва В.В, Лабзина П.Г. Виртуальная реальность в преподавании иностранных языков // *Вестник Самарского государственного технического университета*. 2016. №4. [Электронный ресурс]. URL: <http://vestnik-pp.samgtu.ru/article/view/id/624> (дата обращения 05.05.2019).
- Карелов С.В. Виртуальная реальность станет доступна каждому // *Компьютер-Пресс*. - 2000. - № 8.
- Thakral S. Virtual Reality and M-Learning // *International Journal of Electronic Engineering Research*. 2010. Vol. No. 5.

Проблема интерференции в процессе обучения китайскому языку

Назарова Сайера Анваровна

*Ташкентский государственный институт
востоковедения (Ташкент)*

The Problem of Interference in Teaching the Chinese Language

Nazarov Sayyora Anvarovna

*Tashkent State Institute
of Oriental Studies (Tashkent)*

Abstract. The article deals with the problem of comparative study of foreign language vocabulary and the phenomenon of interference on the example of the Chinese language. Though there is a large number of scientific works in the field, however, there is no uniform consensus on comparative studying of vocabulary of native and nonnative languages in the lingvodidactics purposes today. In this connection analyzes the points of view of domestic, Russian and Chinese scientists on intra-language and inter-language interference. Special attention is paid to on the classification of difficulties identified by Chinese scientists among Japanese, Korean and English-speaking students. Comparison allows to open more deeply such regularities and features in the compared languages which remain hidden at their intralinguistic learning. In conclusion, relevant derivations are given on the problem of comparative analysis of native and foreign languages for linguistic and didactic purposes, traced the idea of the need to use mapping contacting languages. Similar approach assists detection of similarity and difference in the choice of lexical means at the description of the same facts in Chinese, and also allows to reveal typical mistakes.

Keywords: interlingual interference; matching; intralingual interference; lexical unit; skills.

Проблемами сопоставительного языкознания и явлением интерференции занимались такие ученые, как У.К. Юсупов, Дж. Буранов, М. Джусупов, Г.Х. Бакиева, В.М. Бельдиян, Чжао Юньпин, Э.М. Ахунзянов, В.Г. Гак, Ю.С. Блажевич, И.А. Стернин и др. Согласно У. Вайнрах, «интерференция – это случаи отклонения от норм любого из языков, происходящие в результате владения двумя и более языками, т.е. вследствие языкового контакта» [Вайнрах 1979: 22]. Иную трактовку интерференции дает С. Рубинштейн, который называет данное явление *торможением*: «Интерференция – это тормозящее взаимодействие навыков, при котором уже сложившиеся навыки затрудняют образование новых навыков либо снижают их эффективность» [Рубинштейн 2015: 461]. С точки зрения И.А. Зимней, «навыки оказывают влияние друг на друга – положительное влияние раннее выработанного на последующий называется переносом (трансфером), отрицательное – интерференцией» [Зимняя 2008: 245]. По мнению М. Джусупова, «интерференция – это результат отрицательного воздействия на процесс речепроизводства билингом на втором языке, появляющийся под влиянием особенностей как родного, так и неродного (изучаемого) [Джусупов 1991: 154–155]. Ж. Жалолов отмечает, что «любое явление неродного языка, вызывающее интерференцию, представляет собой в той или иной степени трудность в процессе его усвоения. Сюда относятся, в первую очередь, те иноязычные единицы, которые отсутствуют в родном языке обучающихся» [Жалолов 2012: 95].

Согласно данным современной методики, ошибки, допускаемые обучающимися во втором языке, являются следствием влияния первого языка. Подобное явление в методике преподавания характеризуется как *межъязыковая интерференция*, тогда как ошибки, допускаемые обучающимися, независимо от характера их первого языка получили название *внутриязыковая интерференция*.

Что касается межъязыковой интерференции, то данное явление подробно рассмотрено У.К. Юсуповым. По мнению исследователя, «межъязыковые интерференции проявляются в речи не только в форме отклонения от нормы одного или каждого из контактирующих языков (в лингвистическом понимании) или в форме отрицательного переноса речевых навыков (в психологическом понимании), а могут проявляться также в форме молчания (в лингвистическом понимании) или неудачной попытки перенесения навыков родного языка (в психологическом понимании), т.е. в форме нулевого переноса» [Юсупов 2007: 102].

В исследованиях китайских ученых имеются некоторые классификации трудностей, возникающих у англоязычных, корейских, японских и этнических китайцев. Например, это труды Вань Илин, Гао Яньжу, Лю Цзочин. В работах Ли Шичунь сопоставлены тайский

и вьетнамские языки. Классификация трудностей Гао Яньчжу произведена на базе ошибок корейских и японских студентов. Данная категория обучающихся принадлежит к странам с иероглифической письменностью, соответственно допускаемые ошибки значительно отличаются от ошибок носителей английского языка. Так, иероглифы корейского и японского языков произошли от китайского иероглифического письма, слова-заимствования частично возникли из китайского языка, и ошибки, допускаемые данной категорией студентов, заключаются в следующем. По форме китайские, корейские и японские иероглифы совпадают, однако, значение с китайскими словами у них совпадает частично. Например: слово 汽车 – qìchē в корейском языке обозначает «поезд», а в китайском оно имеет значение «машина». Рассмотрим другую типологию трудностей, возникающую на фоне существующих заимствованных слов в корейском языке, например, архаизм 药局 – yàojiú в значении «аптека» в современном китайском языке не используется, однако, корейские студенты вместо 药房 – yàofáng («аптека») используют вышеупомянутый архаизм и допускают подобные ошибки [Гао 2007: 136].

Китайский ученый-методист Лю Цзочин выделил следующие три категории наиболее распространенных ошибок, возникающих у англоязычных студентов при изучении китайского языка:

1. Лексически правильное использование слова, но ошибочно с грамматической точки зрения (трудности с использованием глаголов и дополнения, предлогов другого явления). В соответствии с данным разрядом трудностей ученый приводит следующие примеры: 我希望你们美好的未来 – wǒ xīwàng nǐmen měihǎo de wèilái – ошибочно, его верная форма 我希望你们有美好的未来 – wǒ xīwàng nǐmen měihǎo de wèilái – *Надеюсь, у вас будет светлое будущее* – Umid qilamanki sizlarning kelajagingiz porloq [Лю 2013: 185].

2. Ошибочное употребление синонимов китайского языка. Например, существительные синонимы 消息 – xiāoxī и 新闻 – xīnwén, хотя и имеют одинаковое значение «новость», однако, они не взаимозаменяемы [Лю 2013: 191].

3. Трудности с использованием категории времени в китайском языке (суффикс прошедшего времени 了), например: 我开始了继续看 – wǒ kāishǐle jìxù kàn – *Я продолжил читать* – Men o'qishni davom ettirdim. Здесь наблюдается межъязыковая интерференция, так как у англоязычных студентов к глаголу в прошедшем времени чаще всего присоединяется суффикс -ed [Лю 2013: 194].

Следует отметить, что английский язык, как и узбекский, относится к буквенному письму, соответственно трудности, возникающие у студентов с неиероглифическим письмом, значительно отличаются от категории трудностей, отмечающихся у японских и корейских сту-

дентов, письменность у которых частично принадлежит к иероглифическому письму и содержит большое количество заимствованных слов.

Таким образом, во всех вышеперечисленных точках зрения ученых по проблеме сопоставительного анализа родного и иностранного языков в лингводидактических целях прослеживается мысль о необходимости применения сопоставления контактирующих языков. Мы считаем, что подобный подход содействует обнаружению сходства и различия в выборе лексических средств при описании одних и тех же фактов в китайском языке, а также позволяет выявить типичные ошибки.

Литература

- Вайнрах У. Языковые контакты. Киев, 1979. 260 с.
- Гао Яньчжу. Преподавание лексики иностранным обучающимся. Шанхай: Хуадун шифань дфсюэ чубаньшэ, 2007. 205 с. (高燕著。对外汉语词汇教学)
- Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2015. 713 с.
- Зимняя И.А. Педагогическая психология: Учебник для вузов. Изд. 2-е, доп., испр. и перераб. М.: Университетская книга, ЛОГОС, 2008. 384 с.
- Джусупов. М. Звуковые системы русского и казахского языков. Слог. Интерференция. Обучение произношению. Ташкент: Фан, 1991. 240 с.
- Жалолов Ж. Чет тил ўқитиш методикаси. Т., 2012. 430 б.
- Лю Цзочин. Обучение лексике международного китайского языка. Пекин: Гаодэн ханьюй цихуэй цзяосюэ, 2013. 242 с. (刘座箐。国际汉语词汇教学)
- Юсупов У.К. Теоретические основы сопоставительной лингвистики. Ташкент, 2007. 126 с.

Вводно-фонетический интерактивный курс по китайскому языку

Павлова Алена Дмитриевна

*Военный университет Министерства
обороны Российской Федерации (Москва)*

Interactive Phonetic Online Course in Chinese

Pavlova Alena Dmitrievna

*Military University of the Ministry of Defense
of the Russian Federation (Moscow)*

Abstract. Phonetic differences of Chinese language causes difficulties for learners of all ages. It is necessary not only to explain the complicated things in a simple manner, but also to do it in an interesting way. One of the most effective ways to improve cognitive activity on the lessons is interactive learning technology.

Keywords: interactive learning technology; Chinese; phonetics; online course.

Интерактивное обучение – специальная форма организации познавательной деятельности, с конкретными и прогнозируемыми целями, где все учащиеся оказываются вовлеченными в процесс познания [Суворова 2005], есть возможность рефлексировать, развивать взаимодействие в группе, собственную самостоятельность и активность в учебном процессе [Гребенюков 2014].

Мы попытались создать интерактивное пособие для Вводно-фонетического курса китайского языка, которое отвечало бы принципам интерактивного обучения и решало ряд задач:

- примат фонетики над лексикой и грамматикой;
- постепенный ввод фонетического материала;
- возможность прослушать все звуки, слоги во всех сочетаниях; большое количество упражнений на фонетику с возможностью автоматической проверки и выводом результатов;
- возможность разных видов работы: групповой, индивидуальной и самостоятельное прохождение;
- интегрированность, возможность использования в виде основного или дополнительного материала, возможность присоединения дополнительных модулей или оптимизации под конкретные направления;
- регулярное обновление материала;
- ведение статистики;

При создании курса за основу взят коммуникативный подход, элементы проблемного обучения и игровые методики и механики. Курс разделен на 16 блоков (4 модуля), каждый четвертый блок – блок повторения. Целью блока является коммуникативная задача, которую можно реализовать, успешно пройдя все этапы: фонетику, лексику, грамматику. Структура блока представляет собой последовательный маршрут: звуки – лексика – грамматика – упражнения (+диалог). Так как курс фонетический, запоминания иероглифики не требуется, но все слова сопровождаются иероглифами и флэш-анимациями порядком написания черт для пассивного запоминания. Структура упражнений выстроена по принципу от простого к сложному и заканчивается выполнением коммуникативной задачи. В блоках реализовано прохождение всего материала линейно, последовательно «открывая» этапы, и со свободным перемещением по курсу. При вводе фонетического материала использовано разделение звуков китайского языка на группы: от артикуляционно близких к звукам русского языка к более сложным. Упражнения и тесты для закрепления представляют собой единый комплекс: выполнение упражнения – это тренировка, а тест – проверка навыков. В каждом блоке от 15 до 30 тестов на фонетику, лексику, грамматику, диалоги и теоретический материал. Основу составляют упражнения и тесты на фонетику. Так как блоки однотипны, для поддержания интереса обучающегося в каждом из 4-х модулей видоизменяются тесты и упражнения.

В данном курсе мы попытались реализовать следующие принципы интерактивного обучения.

Во-первых, это активность учащихся на уроке. При работе одного ученика у смарт-доски, остальные учащиеся, как правило, очень

внимательно следят за его действиями, стараются помочь, имеют возможность проверить свои предположения (в ряде тестов правильный ответ дается сразу). Ограниченность во времени, и высокий проходной балл стимулируют соревновательный дух учащихся. Игровые методики позволяют, несмотря на объемные тестовые задания, не терять концентрацию. *Во-вторых – подкрепление своих действий на основе самоконтроля.* Тесты с автоматизированной проверкой результатов позволяют учащимся проверить себя без вмешательства учителя, что добавляет объективности. Постоянное перемешивание ответов и большой объем позволяют избежать запоминания верных ответов. В ходе многократного решения одних и тех же тестов учащиеся учатся правильно относиться к своим ошибкам, принимать их, работать над ними (после двух попыток можно просмотреть свои ответы в самом тесте, а потом вернуться к выполнению повторно, либо еще раз прослушать\изучить материал). Основная задача упражнений и тестов в многократном повторении и автоматизации навыков.

Третий принцип, это возможность индивидуализировать темп учебно-познавательной деятельности. Разделение каждого блока на 4 раздела позволяет подстроить темп прохождения под конкретную группу. Также это дает возможность использовать курс в качестве дополнительного пособия, используя, например, только фонетическую часть. Разделение фонетического материала на отдельные группы позволяет обучающимся, в случае возникновения трудностей, вернуться к материалу и отрабатывать конкретные звуки.

По результатам тестирования курс на прохождение блока требуется от 2-3 часов (1-5 блоки) до 6-8 часов. Чем старше учащиеся – тем меньше требуется времени.

В-четвертых, это рефлексивный подход к процессу обучения. При тестировании курса большинство учащихся при неуспешном прохождении теста стремились подробно посмотреть свои ошибки. Если в тесте было мало заданий, и за одну ошибку балл сильно снижался, это не так сильно расстраивало учащихся, как большое количество ошибок при равных баллах в тесте с большим количеством заданий. Когда класс работал с разделом «упражнения», учитель исполнял роль наблюдателя, и при возникновении ошибок учащимся предлагалось решить проблему самостоятельно, работая в команде, объясняя друг другу, например, разницу тонового рисунка слога, который они слышали. Или, к примеру, при выполнении аудиального «самого сложного теста» учащиеся должны были не только самостоятельно выбрать верную стратегию выполнения, но и обсудить полученные результаты, чтобы дать ответы.

Ещё один важный принцип – это индивидуализация продвижения в учебе. Тестирование курса показало, что к 8 блоку сильные учащи-

еся при выполнении заданий даже на новый материал не испытывают затруднений и начинают «скучать». Чтобы стимулировать их дальнейшее самосовершенствование, но при этом соблюсти баланс между разными по силам учащимися, часть тестов на фонетику была разделена на 2-3 уровня сложности (но с использованием одинакового содержания) [Павлова 2018]. Это позволило индивидуализировать процесс познавательной деятельности.

В настоящий момент мы работаем над интеграцией курса в обучающую платформу для совершенствования механизмов работы с материалом.

Литература

- Суворова Н. Интерактивное обучение: Новые подходы. М., 2005.
Гребенюков В.И. Активные и интерактивные методы обучения, Нижегородск: Изд-во Нижегород. гос. ун-та, 2014.
Павлова А.Д. Использование электронных обучающих систем при изучении иностранного языка // *Научно-методический бюллетень* / Военный университет МО РФ. 2018. №8, С. 205-212.

Грамматический комментарий в школьном учебнике китайского языка. Баланс между традиционным подходом и современной методикой преподавания

Руководельникова Мария Борисовна

*Российский государственный
гуманитарный университет (Москва)*

Comments on Grammar in Chinese Textbook for the Secondary School. The Balance Between the Traditional Approach and Contemporary Teaching Methods

Rukodelnikova Maria Borisovna

*Russian State University
for the Humanities (Moscow)*

Abstract: Mastering the grammar is important not only for speaking correctly, but also for understanding the foreign language interlocutor. Communicative failures result from numerous mistakes. Typical mistakes are wrong word order, the absence or incorrect placement of grammatical indicators, incorrect lexical compatibility etc. All of them will inevitably lead to a communicative failure, even if pronunciation is good. There are two approaches in the methodology of teaching foreign language grammar that are traditionally distinguished - implicit and explicit. Only a harmonious combination of implicit and explicit approaches guarantees both the mastering of grammatical rules and the ability to put this knowledge into practice, that is, to speak and understand the interlocutor correctly. Chinese language textbook for secondary school "Chinese. Second Foreign Language" («Rosouchebnik» Publishing House) presents an example of such a harmonious balance between the traditional approach and contemporary teaching methods .

Keywords: Chinese as a second language; Chinese textbooks for secondary school; practical Chinese grammar.

Формирование грамматических навыков – необходимая составляющая в обучении иностранному языку, так как ошибки в порядке слов, отсутствие или неверная расстановка грамматических показателей, непонимание сочетаемости слов даже при нормативном произношении неизбежно приведет к коммуникативной неудаче. Причем овладение нормативной грамматикой важно не только для порождения правильных высказываний, но и для понимания речи собеседника – носителя иностранного языка [Масловец 2012]. Особенно это проявляется в обучении китайскому языку, где в ситуации слабо развитой морфологии и тотальной омонимии возрастает роль умения правильно построить предложение.

В методике обучения грамматике иностранного языка традиционно выделяют два подхода – имплицитный и эксплицитный. Имплицитный подход подразумевает обучение какому-либо грамматическому явлению без объяснения правил. Как нам представляется, этот подход оправдывает себя в младшей школе на начальном этапе обучения китайскому языку, когда знакомство с новым грамматическим явлением и его понимание осуществляется учащимися самостоятельно, посредством речевых образцов и выполнения упражнений по аналогии. Наиболее популярным примером такого подхода в настоящее время является коммуникативная методика обучения языку. В большинстве современных учебников для школы, особенно изданных в КНР, прослеживается именно имплицитный подход, то есть тенденция отхода от объяснения структуры языка, предлагаются один-два речевых образца и минимум упражнений на закрепление новой информации.

Признавая очевидные достоинства коммуникативного метода (высокую степень мотивированности учащихся, речевую направленность отработки, разнообразие речевых контекстов использования), специалисты по методике преподавания иностранных языков отмечают и слабые стороны использования исключительно коммуникативного подхода: недооценку принципа сознательности, необходимость большой подготовки со стороны учителя, наличие специального набора речевых «этюдов» и т.д.

Для традиционного учебника иностранного языка был более характерен эксплицитный подход к объяснению грамматики, что предполагало наличие краткого теоретического комментария, касающегося образования и употребления данного грамматического явления. Обычно методика подачи материала носила дедуктивный характер, то есть отработка нового грамматического материала происходила от общего к частному, от правила к действию. Данный подход основан на сознательном освоении грамматической структуры языка и, как показывает многолетний опыт, действительно способствует формированию учебных умений и навыков, большей автономии учащихся

ся, поэтому он мог быть использован при самостоятельной работе. Нужно отметить и слабые стороны такого подхода: перегруженность лингвистическими терминами, отработка грамматики на однотипных предложениях, это приводило к тому, что грамматический навык существовал у обучающихся словно сам по себе, вне формируемых речевых умений [Пассов 2006].

Для наиболее успешного освоения грамматики учащимися современный учебник китайского языка должен гармонично сочетать оба подхода: имплицитный и эксплицитный, что позволит избежать минусы односторонней методики и комплексно использовать плюсы обоих подходов. Рассмотрим, как даны грамматические пояснения в учебнике китайского языка для школы «Китайский язык. Второй иностранный язык. 5-9 классы» корпорации Росучебник [Руководельникова и др. 2009а–2009д].

С одной стороны, грамматические пояснения даны эксплицитно, в виде удобных таблиц с цветовым решением для визуализации порядка слов (выделены основные члены предложения: подлежащее, сказуемое и дополнение). Грамматика при этом адаптирована для школьной аудитории, используется лингвистическая терминология, известная из уроков русского языка, при этом пояснения не вступают в противоречие с традиционной академической грамматикой китайского языка. Наличие исчерпывающих грамматических комментариев решает ещё одну важную проблему: возможность в случае необходимости повторить материал, самостоятельно или с родителями изучить грамматическую тему, таким образом, способствуя большей автономии учащихся. Важно подчеркнуть, что в грамматических объяснениях нашли отражение и результаты тщательного анализа типичных ошибок русскоязычных обучающихся.

Грамматические навыки отрабатываются постепенно, от фраз к предложениям и контекстному употреблению.

Кроме дедуктивного подхода, в ряде случаев авторы прибегают и к индуктивной методике объяснения нового материала. Например, в ходе решения «лингвистических задач» учащиеся через контекст пытаются осмыслить новое грамматическое/лексическое/иероглифическое явление и выяснить закономерности его употребления, что стимулирует языковое чутьё и способствует интересу к структуре китайского языка и к иероглифики.

Важную роль в организации материала учебника также занимает имплицитный подход: грамматические явления отрабатываются с помощью коммуникативных заданий, цель которых – развитие устной и письменной грамматически верной коммуникации. Коммуникативные задания находятся в тесной связи с конкретным грамматическим явлением, изучаемым в данном уроке.

Примерами коммуникативных заданий, начиная с первого года обучения, служат обсуждения темы урока, составление ситуативных диалогов, развитие письменной коммуникации на примере написания коротких сочинений и писем с использованием стимулов. В более старших классах доля коммуникативных заданий возрастает: вводится специальный раздел 讨论 [Руководельникова и др. 2009г–2009д], в котором представлены различные ролевые игры с опорными фразами, раздел 研究图表, посвященный работе с нелинейной информацией. В учебник включены задания, направленные на развитие проектной деятельности на китайском языке. Авторы учебника видят главную цель не в овладении учащимися грамматической системой китайского языка, всеми его формами и конструкциями, а в развитии умений и навыков правильно организованной речи. То есть обучение грамматике – инструмент для успешной коммуникации на китайском языке.

Литература

- Масловец О.А. Методика обучения китайскому языку в средней школе: учебное пособие. М.: Восточная книга, 2012. 184 с.
- Пассов Е.И. Сорок лет спустя или Сто одна методическая идея. М.: Глосса-Пресс, 2006. 326 с.
- Руководельникова М.Б., Салазанова О.А., Ли Тао. Китайский язык: второй иностранный язык: 5 класс: учебник. М.: Вентана-Граф, 2019а. 176 с.
- Руководельникова М.Б., Салазанова О.А., Ли Тао. Китайский язык: второй иностранный язык: 6 класс: учебник. М.: Вентана-Граф, 2019б. 176 с.
- Руководельникова М.Б., Салазанова О.А., Холкина Л.С., Ли Тао. Китайский язык: второй иностранный язык: 7 класс: учебник. М.: Вентана-Граф, 2019в. 224 с.
- Руководельникова М.Б., Салазанова О.А., Холкина Л.С., Ли Тао. Китайский язык: второй иностранный язык: 8 класс: учебник. М.: Вентана-Граф, 2019г. 240 с.
- Руководельникова М.Б., Салазанова О.А., Холкина Л.С., Ли Тао. Китайский язык: второй иностранный язык: 9 класс: учебник. М.: Вентана-Граф, 2019д. 254 с.

Вопросы теории обучения аудированию в средней школе: система упражнений в учебнике китайского языка

Салазанова Ольга Александровна

*Российский государственный гуманитарный
университет (Москва)*

Some Issues of the Theory of Teaching Listening in the Secondary School: the System of Exercises in the Textbook of Chinese

Salazanova Olga ALeksandrovna.

*Russian State University
for the Humanities (Moscow)*

Abstract. Despite all kinds of new technical means of training, listening is still the most difficult type of speech activity for students. The article touches upon the problems associated with listening training in Chinese. First of all, it describes the objective reasons that cause difficulties in the listening comprehension of Chinese speech and touches on some theoretical aspects of the methodology of listening training in Chinese. The main problem is the lack of textbooks, in which would be created a system of exercises in listening in accordance with the modern teaching methods. The article describes the system of exercises for the development of auditory speech skills and provides an example of how this approach to listening training is implemented in the textbook "Chinese language. The second foreign language", "Rosuchebnik" Corp.

Keywords: Chinese as a Foreign Language; listening; secondary school; Chinese textbooks.

Китайский язык становится более популярным в вузах и в школах, проводятся ВОШ и ЕГЭ по китайскому языку. Основная цель изучения – практическое использование языка в общении с китайцами, то есть устная коммуникация, реализуемая в виде аудирования и говорения. Аудирование остается наиболее сложным видом речевой деятельности. Причина в отсутствии языковой среды. Понимание на слух зависит от многих факторов, как то нестандартная звучащая речь, темп, наличие шумов, но основная проблема – несформированное умение аудирования из-за отсутствия учебников, где была бы представлена система упражнений обучения аудированию [Кочергин 2012]. В статье описываются объективные причины трудностей восприятия китайской речи, затрагиваются некоторые теоретические аспекты методики обучения аудированию, предпринята попытка описания системы упражнений по развитию аудитивных речевых навыков и умений и представлен пример того, как это реализуется в УМК «Китайский язык. Второй иностранный язык» корпорации «Росучебник» [Рукодельникова и др. 2009а–2009д].

Хотя обучение китайскому в школе рассчитано на 7 лет, общее количество часов составляет 500–800. При этом перед школьниками также стоит задача сдачи ЕГЭ и участию в ВОШ, которые содержат аудирование. Поэтому при составлении УМК, нам пришлось серьезно задуматься о теории обучения аудированию, о той комплексной системе упражнений, которая позволила бы в режиме дефицита времени научить слышать и понимать звучащую речь.

Понимать китайский на слух действительно сложно. Это связано и с особенной просодической системой (наличием тональной модуляции на уровне слога), а также с явлениями омонимии и паронимии. Кроме того, многие школьники затрудняются и в восприятии на слух, и в произнесении похожих слов (путают тоны, инициалы, финалы), что взаимосвязано. Например, часто путаются 教师, 教室, 介绍, 教授 и даже 睡觉 (Jiàoshī, jiàoshì, jièshào, jiàoshòu, shuìjiào)

Что касается тонов, то некоторые обучающиеся не могут назвать номер тона, при этом запоминают звучание слова как музыкальную фразу (назовем их «музыкантами»), другие заучивают новое слово, представляя визуально движение голоса («художники»), третьи ассоциируют двусложное слово с цифрами («математики-аналитики»). При формировании звуковых образов слов и при обучении аудированию на китайском языке необходимо это учитывать. Еще одна сложность – высокий темп речи, школьникам-«тугодумам» и тем, у кого низкий темп речи в родном языке, приходится нелегко.

Изучив учебники китайского языка, видим, что целостная система упражнений по аудированию в них обычно отсутствует. Предлагается много типов упражнений, но они представлены хаотично, чаще

всего мы встречаем предречевые упражнения по фонетике и развитию слухо-произносительных навыков на уровне слога или слова либо уже упражнения коммуникативного плана на восприятие и понимание целого текста, когда требуется выполнить задания на уровне умений, что невозможно без предварительной подготовки. Этап упражнений на формирования навыков восприятия обычно отсутствует.

Процесс обучения аудированию можно разделить на несколько этапов. Первый этап – формирование произносительных навыков, которые формировать параллельно с навыками аудирования. Человек может услышать и понять только то, что сам может произнести, при восприятии речи мы проговариваем во внутренней речи услышанное [Кочергин 2012]. Второй этап – подготовительные (предречевые) упражнения по развитию речевых навыков аудирования, направленные на усвоение структуры языка, позволяющие преодолеть конкретные фонетические, лексические или грамматические трудности аудирования. Подготовительные упражнения вводятся параллельно с речевыми или с некоторым опережением [Колкер 2002]. Третий этап – речевые упражнения, которые предназначены для формирования умений смысловой переработки информации, принятия решений по содержанию прослушанного текста.

В нашем УМК сначала предлагаются упражнения для овладения системой фонетических противопоставлений, максимальное внимание уделяется системной и последовательной отработке вводимых фонем. В разделе 听和说 после введения инициалей и финалей следуют упражнения, которые предполагают прежде всего прослушивание, а только затем повторение слогов четырьмя тонами, пар одинаковых слогов с разными тонами, пар похожих слогов, двусложных/много-сложных слов. В рабочей тетради представлены подготовительные упражнения типа *вставь инициали, финали, поставь тоны, напиши диктант*. Все эти упражнения развивают звуко-частотную чувствительность слухового аппарата. Добавлены увлекательные упражнения, где внимание школьника перемещается с формы на содержание.

На следующем этапе развития аудиального восприятия предлагается большое количество упражнений подготовительного типа на аудирование на уровне слова. Так формируется база фонетико-артикуляционных образов лексических единиц, которые сохраняются в памяти человека. Человек воспринимает звуковой образ, сравнивает его с уже сформированным ранее эталоном (опознает его) и перекодирует в смысл. В качестве единицы восприятия на начальном этапе выступает слово. На этом шаге предлагаются такие задания, как *выбери изображение в соответствии с услышанным; отметь, соответствует запись услышанному или нет; пронумеруй картинки в порядке услышанного и др.*

Далее добавляются предречевые упражнения на аудирование словосочетаний и изолированных предложений с опорой на иллюстрации, перевод или иероглифику (учим перекодировать звуки в смыслы на разной длине звучащей речи), а также коммуникативные упражнения-игры. Параллельно формируются грамматические навыки.

Следующий этап – речевые аудитивные упражнения с опорой или без таковой на уровне фраз-побуждения к действию, текстов-микродиалогов из двух реплик, адаптированных монологических и диалогических текстов средней длины, например *прослушайте и выполните команды; подтвердите/опровергните утверждения; выберите правильный ответ; ответьте на вопросы; кратко перескажите услышанное* и др.

В учебниках 10–11 классов в основном предполагается выполнение речевых упражнений.

Литература

- Колкер Я.М., Устинова Е.С. Обучение восприятия на слух английской речи.-М.: Академия, 2002.
- Кочергин И.В. Очерки лингводидактики китайского языка. М.: Восточная книга, 2012.
- Рукодельникова М.Б., Салазанова О.А., Ли Тао. Китайский язык: второй иностранный язык: 5 класс: учебник. М.: Вентана-Граф, 2019а.
- Рукодельникова М.Б., Салазанова О.А., Ли Тао. Китайский язык: второй иностранный язык: 6 класс: учебник. М.: Вентана-Граф, 2019б.
- Рукодельникова М.Б., Салазанова О.А., Холкина Л.С., Ли Тао. Китайский язык: второй иностранный язык: 7 класс: учебник. М.: Вентана-Граф, 2019в.
- Рукодельникова М.Б., Салазанова О.А., Холкина Л.С., Ли Тао. Китайский язык: второй иностранный язык: 8 класс: учебник. М.: Вентана-Граф, 2019г.
- Рукодельникова М.Б., Салазанова О.А., Холкина Л.С., Ли Тао. Китайский язык: второй иностранный язык: 9 класс: учебник. М.: Вентана-Граф, 2019д.

Китайский язык в юриспруденции: от общего к частному

Трощинский Павел Владимирович

*Институт Дальнего Востока
Российской академии наук (Москва)*

Chinese Language in Law: From General to Specific

Troshchinskiy Pavel Vladimirovich

*Institute of Far Eastern Studies
of Russian Academy of Sciences (Moscow)*

Abstract. The article is devoted to the research of the peculiarities of teaching the special course “Chinese language in law” to specialists who study China and Chinese professionally. There is a need for a broad and widespread introduction of the special course in the educational process in order to increase the level of understanding of the “Chinese issue” by future sinologists. The study of Chinese history, politics, economics, philosophy and the Chinese language is no longer possible without understanding of the peculiarities of the evolution of Chinese law and legislation, a complete research of which is possible only in working with the material in its original language. Modern sinologist should know the basics of Chinese law, be able to work with the text of Chinese law, to understand its content, to conduct a comparative analysis of the various content of Chinese legal documents. Without these skills, it is impossible to work successfully with China, fully protect public and private, personal interests. Chinese law acts as a “bridge” not only to understand China, but, more importantly, to comprehend the uniqueness of Russian specifics through a comparative analysis of Chinese legislation. The Chinese legal language is extremely complex. The work with materials in legal Chinese should be accompanied by both a general linguistic analysis of the legal norm’s text and the study of the terminology used by the Chinese legislator in the context of the Chinese and Russian general theory of state and law. Cultivating the skills of working with the Chinese legal text is the key to success in the training highly qualified, competitive national specialists.

Keywords. China; Chinese; Chinese law; Chinese language in law; legislation; linguistics.

Глубокое изучение Китая, особенностей исторического и политического развития, социально-экономической ситуации, языка невозможно в отрыве от исследований основ китайского права и законодательства. Е.И. Кычанов в свое время писал: «чтобы полнее изучить историю страны, надо изучить и историю ее права» [Кычанов, 1986: 3]. Профессиональная и комплексная подготовка специалиста-китаиста должна **обязательно** включать в себя отдельный аспект по исследованию права Древнего и современного Китая. Необходимо приучить китаиста к работе с юридическими текстами на языке оригинала, которые бы включали не только тексты самих законов, но и соответствующей учебной и научной литературы по китайскому праву, комментарии к действующему законодательству, решения и приговоры народных судов КНР, образцы процессуальных документов и т.п. Также необходимо анализировать законы Древнего Китая, политико-правовые взгляды великих китайских философов (конфуцианство, легизм, даосизм, моизм и т.п.) на китайском языке (в идеале – на древнекитайском). Работа с оригинальными китайскими текстами не только повысит уровень усвоения самого китайского языка, но способствует погружению в китайскую проблематику, проведению сравнительных исследований с зарубежными правовыми системами.

В последнее время интерес к китайскому праву существенно возрос преимущественно в юридических институтах России, где студенты не владеют китайским. Работа с таким контингентом трудна по причине невозможности использования оригинальных китайских материалов. При этом переводная литературы по китайскому праву и законодательству не выдерживает критики. Она выполнена на слабом уровне, как правило переводы осуществляются с английского языка, что приводит к потере не только смысла правовой нормы или юридического контекста, но, зачастую, совершенно искажают текст нормативных правовых актов. Происходит ошибочное понимание духа китайских законов, смысла содержания правовой нормы, и, как следствие, делаются неправомерные выводы. Таким образом, изучение права и законодательства Китая для лиц, не владеющих китайским языком, представляется весьма затруднительным. Такого рода специалисты сталкиваются со многими вопросами, которые могут быть решены лишь путем анализа соответствующей юридической литературы и законодательства на языке оригинала.

Стоит отметить, что в среде российских ученых-юристов, не владеющих китайским языком, но изучающих китайское право, встречаются выдающиеся специалисты, которым удавалось проводить глубокий анализ китайского права, как З.М. Черниловский [Черниловский 1951], Е.В. Куманин [Куманин 1990], В.И. Лафитский [Лафитский 2011: 259-303].

Именно лица, профессионально владеющие китайским языком, имеют уникальную возможность погрузиться в мир китайского права без «посредников». Изучение китайского права ставит китаиста перед необходимостью более глубокого понимания китайской истории и политики, без которых будут скрыты действительные мотивы появления в правовой системе Китая того или иного нормативного правового акта. Вместе с тем невозможно говорить о профессиональном знании китайской истории, политики, экономики в отрыве от понимания особенностей эволюции китайского законодательства. Подготовленный китаист должен знать о китайских республиканских Конституциях и закрепленных в них положениях, о системе высших органов государственной власти и управления, избирательной системе, понимать общую специфику гражданского, уголовного, административного, процедурного права. При этом не требуется знание всех многочисленных аспектов китайского права, но должно быть сформировано понимание как и где искать ответы на возникающие юридические вопросы, умение читать, анализировать юридические тексты на китайском языке.

Изучение права и законодательства Китая для китаистов **сопряжено с целым рядом трудностей**. К наиболее очевидным из них отнесём:

- **незнание юридической терминологии, категорий и правовых институтов**, используемых в отечественной теории государства и права. Отсутствие базового юридического образования для китаиста служит серьезным препятствием на пути понимания особенностей китайского права, проведения сравнительно-правового анализа с правом других зарубежных стран. Если для российского юриста основным препятствием к пониманию китайского закона служит отсутствие знания китайского языка, то для китаиста – отсутствие юридического образования;
- **сложность юридической терминологии китайского языка** и трудности в адекватном её переводе на русский или английский языки. Китайскому законодательству свойственен особый подход к формулированию правовой нормы, использованию собственных понятий при ее изложении. Мы должны учитывать древнюю китайскую философию, традицию, особенности правосознания китайского гражданина;
- **отсутствие знаний об эволюции правовой системы Китая**, особенностей китайского законодательства на различных этапах исторического развития китайской государственности. Законодательство выступает лишь выражением воли стоящего у власти правящего класса и без понимания особенностей политического развития Китая в тот или иной исторический период невозможно дать

- адекватный перевод правовой нормы, понять её сущность;
- **отсутствие подготовленных преподавателей**, способных качественно работать с китайской правовой нормой, обучать студентов правилам и методам перевода китайских законов;
 - **отсутствие в России необходимых учебных материалов по курсу «китайский язык в юриспруденции»**.

Несмотря на известные трудности, мы считаем, что необходимо интенсифицировать внедрение курса «китайский язык в юриспруденции» в тех учебных заведениях России, которые занимаются подготовкой специалистов-китаистов. Необходимо «запустить» процесс всероссийского обсуждения особенностей преподавания данного курса на отечественных лингвистических форумах, а в перспективе – создать единую всероссийскую площадку по подготовке и выпуску специалистов, способных преподавать данный курс в китаеведческой среде.

Литература

- Кычанов Е.И. Основы средневекового китайского права (VII-XIII вв.). М.: Наука, 1986.
- Черниловский З.М. Государственный строй Китайской Народной Республики. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1951.
- Куманин Е.В. Юридическая политика и правовая система Китайской Народной Республики. М.: Наука, 1990.
- Лафитский В.И. Сравнительное правоведение в образах права: В 2 т. Том второй. Часть седьмая. Конфуцианское наследие права. М.: Статут, 2011. С. 259-303.

Исследование ключевых (тематических)
слов учебника «Пресса на китайском языке»
посредством текстового корпуса и анализ
трудности текстов

Цзи Цзинцзин 季晶静

Пекинский институт иностранных
языков (Пекин)

Studying Key (Thematic) Words From the Textbook
“Press in Chinese”, Text Difficulties: Corpus Analysis

Ji Jingjing 季晶静

Beijing Foreign Studies University (Beijing)

Abstract. For Chinese scholars, reading newspapers and periodicals is one of the effective ways to improve learners' language ability. But at present, there are many problems in newspapers and periodicals, such as difficult to learn and teach, teachers are unwilling to teach, and students are unwilling to learn. This paper uses corpus-related tools to extract thematic word groups to help teachers and learners construct thematic diagrams of texts. The idea of mind mapping is introduced into the teaching of corpus-driven newspaper and journalism textbooks. Through corpus-related tools, these lection and compilation of teaching materials are simply analyzed in order to find a balance between manual judgment and computer statistics. To better assist researchers in compiling textbooks. At the same time, under the guidance of “schema theory”, learners are helped to construct a clear “theme schema” to improve their decoding ability in reading Chinese newspapers and periodicals. This paper takes the Italian newspaper textbook Chinese Newspaper as the object of analysis, classifies the news, extracts thematic words from relevant fields, constructs a semantic network, analyses the relationship between thematic words and thematic expressions, and uses thematic words to confirm the relevance of text themes. At the same time, with the help of corpus-related tools, this paper examines the influence of lexical complexity, specificity, density and text length on text difficulty, and arranges the course order more rationally. Finally, it briefly summarizes the role of thematic word groups in teaching Chinese as a foreign language.

Keywords : Theme Groups; Schemas; Chinese Newspaper; Text Difficulty; Teaching Chinese as a Foreign Language.

В данной статье рассматриваются два основных вопроса: (1) как создать связную тематическую схему, извлекая характеристики группы тем, с целью помочь учащемуся запоминать и понимать содержание статьи; (2) как использовать такие инструменты, как Uber и Originality, для анализа сложности текста и открыть новый способ отбора материалов для учебных пособий.

1. Основные обоснования и исследовательские инструменты для извлечения ключевых слов

В данной статье использованы материалы из учебника по китайскому языку «Пресса на китайском языке», разработанного при Римском Университете, из которого 20 текстов (тексты взяты из «Синьхуа» (2008–2012 гг.) были использованы в качестве аналитических объектов, всего 20 текстов, 6950 символов, 1880 классов. В качестве справочной таблицы используется общий глоссарий, почерпнутый с веб-сайта ежедневной газеты «Жэньминьжибао», в котором содержатся слова, в значительной степени отражающие специфику терминологии ежедневной газеты «Жэньминьжибао». В исследовании использовалась программа, разработанная при Пекинском Университете Иностранных Языков, для анализа лингвистических корпусов PowerConc 1.0. «В исследовании используется это программное обеспечение для обработки китайских сегментов материала, в основном для определения частоты слов, чтобы создать таблицы с ключевыми словами. Использовалось также сопутствующее аналитическое программное обеспечение BFSU Collocator 1.0 для статистического анализа с использованием Log-likelihood для анализа существенных различий» [Sun 2016].

2. Этапы обработки данных

Существуют следующие этапы обработки данных:

- (1) Чистка текста. Текст очищается и переносится в простой текстовый файл в формате UTF-8.
- (2) Тематический блок. Сортировка и агрегирование корпусных текстов по темам, размещение текстов в одной предметной области в одном каталоге.
- (3) Деление материала. Используется «segment» для сегментирования преобразованного корпуса, также используется NLPiR-Parser для маркировки частей речи.
- (4) Статистическая частота слова. Используется N-gramlist-Powerconc для подсчета частоты слов по каждой теме для создания словаря наблюдения.
- (5) Создание таблицы ключевых слов. Используется keyness для импорта референциальных таблиц, данные сопоставляются с наблю-

даемыми таблицами, автоматически генерируются таблицы ключевых слов.

3. Статистика и анализ тематических слов

Тематическая карта содержит богатую педагогическую функцию, которая может быть использована в качестве педагогических навыков и стратегии повышения уровня преподавания и обучения. Тематическая карта также является стратегией обучения и мета когнитивной стратегией, которая может помочь студентам осуществлять значимое самообучение, повысить самоанализ и в конечном счете позволить студентам научиться учиться. Студенты могут в соответствии с тематическими схемами в различных областях, связанных с темами, исследовать различные аспекты знаний, расширять кругозор и повышать познавательные способности.

Тематическая карта соответствует когнитивным закономерностям студентов, тематический набор слов является основой для тематического обучения, более научного расширения словаря. Тема обучения соответствует когнитивным закономерностям, способствует расширению словарного запаса, развивает способность учащихся учиться самостоятельно, предоставляет студентам возможность расширить свой тематический блок слов. В ходе обсуждений в классе студенты смогут развить более широкий кругозор и находить больше рациональных направлений для анализа.

4. Анализ трудности газетных текстов на основе текстового корпуса

С точки зрения текста, степень трудности определяется рядом факторов:

(1) сложность лексики (чем больше будет охват слов высокого уровня, тем сложнее текст)

(2) степень распространенности лексики (чем выше охват отдельных слов, тем труднее)

(3) плотность слова (чем выше охват знаменательных слов, тем больше нагрузка на единицу текста, тем труднее текст)

(4) длина текста (как правило, чем длиннее текст, тем труднее)

(5) сложность синтаксической структуры (чем сложнее охват сложных структур, тем труднее)

(6) область, в которой находится текст, является вопросом степени области. Некоторые области являются более знакомыми, и тексты в знакомых областях менее сложные [Shi 2006].

В данной статье, главным образом, рассматриваются вопросы, касающиеся длины текста, сложности слов, неоднородности и плотности слов, которые оказывают влияние на степень трудности текста.

Можем сделать вывод из наблюдений: разнообразие лексики, длина текста и плотность словаря не влияют на трудность обучения в этом учебнике, а лексическая сложность и универсальность оказывают большое влияние на трудность текста. При разработке учебных материалов мы должны сочетать ручные суждения со статистикой компьютера, более рационально разграничивать трудность материалов, делая их более удобными для употребления. Вместе с тем, поскольку сложность терминологии и универсальность имеют большое значение для текста, вопрос о том, кто является основным критерием для вынесения суждения, еще предстоит обсудить или же их можно было бы объединить в рамках перекрестных расчетов.

5. Роль тематических слов в преподавании китайского языка за рубежом

Во-первых, количество извлечения из группы тематических слов и длину выделенного текста, поэтому для контроля сложности статьи необходимо сначала ограничить длину текста. Поэтому при выборе учебника мы должны обратить внимание на то, что контролировать длину и сложность статей. Во-вторых, в рамках тематического модуля преподаватели могут представлять тематические слова, имеющие отношение к какой-либо теме, и их тематические схемы. В-третьих, преподавание в рамках тематического блока, в котором основное внимание уделяется большому количеству эффективных ключевых слов, имеющих отношение к теме, в значительной степени способствует пониманию текста/темы, а также способности выразить свое мнение по данной теме.

Литература

- Shi Yanlan Jiyu. A Research on the Extraction and Analysis of the Newspaper Theme Words GrouP Based on the Dynamic Circulating Corpus // *Beijing yuyan daxue*. 2006 (D):137. (史艳岚. 基于中国主流报纸动态流通语料库的对外汉语报刊新闻主题词群及相关研究)
- Sun Lin. Research on Frequency and Collocation of «PoliceChinese» Words Based on NLPiR Chinese Word Segmentation System and BFSU Power-Conc 1.0 // *Xiandai yuwen*. 2016. №12. p. 140-145 (孙琳. 基于 NLPiR 汉语分词系统和 BFSU PowerConc 1.0 的警务汉语词频与搭配研究——以禁毒案件为例)

Сопоставительный анализ учебных изданий
«Новый практический курс китайского языка»
(на русском языке) и «Новые горизонты:
интегральный курс китайского языка»

Чжан Сяоцзин

*Российский государственный
гуманитарный университет (Москва)*

Study on the Compilation of the Country-Specific
Textbook of Teaching Chinese by Comparing
«New Practical Chinese Textbook» (in Russian) and
«New Horizons: Integral Chinese Course»

Zhang Xiaojing 张晓静

*Russian State University
for the Humanities (Moscow)*

Abstract. Textbook as the component of the language teaching, is the main factor that directly influences the quality, and the Country-specific of compilation textbooks becomes a subject which has extremely important practical significance for the development of local Chinese teaching. With the constantly improvement of Chinese language teaching in Russia, and the suddenly increasing scale of Chinese language learners in recent years, it is urged to provide numbers of Chinese teaching books which in the light of local conditions. The article attempts to expound the compilation principle of country-specific Chinese textbooks, then analyze on the base of comparing «New Practical Chinese Textbook» (in Russian) and «New Horizons: Integral Chinese Course» from the framework, content, format, teaching material, etc. As well as conducting both the advantages and disadvantages of these course books, aiming to proposing the recommendation for the further compilation of Russian-based Chinese languages textbooks.

Keywords: Chinese language textbooks; compilation textbooks; Chinese textbooks in Russia; Country-specific Chinese textbooks; Chinese textbooks for university students; comparative analysis.

История преподавания китайского языка в России восходит к 19 веку, в этой сфере накоплен богатый педагогический опыт. В последние годы, благодаря постоянному укреплению дружественных отношений между Россией и Китаем, число изучающих китайский язык неуклонно растет, масштабы преподавания китайского языка увеличиваются день ото дня, издатели выпускают все большее количество учебников китайского языка. Среди них учебники, подходящие для студентов и взрослых, можно разделить на две категории: изданные в Китае и в России. При этом первые в основном используются учащимися за рубежом. С точки зрения содержания, в этих учебных пособиях обычно не уделяется должного внимания адаптивности среды русского языка и культуры, а также недостаточно учитываются особенности русских учащихся, изучающих китайский язык. Проблема последних же в том, что не всегда ясен объект их применения, а содержание зачастую оформлено некорректно [Liu 2014]. Учебники являются основным средством педагогической деятельности, они напрямую влияют на качество преподавания. Поэтому существующие учебные пособия должны быть проанализированы с учетом межгосударственных различий, а опыт написания китайских учебников - обобщен для решения проблемы целевых учебных материалов.

Учебники, учитывающие межгосударственных различия, представляют собой практические пособия, написанные на языке стран, в которых преподается предмет, а также принимающие во внимание социокультурные особенности, когнитивные и психологические характеристики учащихся [Lu 2009]. Лю Сюнь считает, что учебные пособия должны быть целевыми, практическими, научными, интересными и систематическими [Liu 2010]. «Целевой» на самом деле и значит «учитывающий межгосударственные различия». То есть мы должны в полной мере учитывать среду обучения, условия обучения, учебные привычки и задачи изучающих китайский язык, а также их родной язык и культурные особенности.

Учебник «Новый практический курс китайского языка» является русской версией «新实用汉语课本», разделенной на шесть томов и семьдесят уроков. Книга считается самым популярным учебником китайского языка, изданным в Китае, и широко используется в российских учебных заведениях. Учебник «Новые горизонты: Интегральный курс китайского языка» написан на русском языке. Тексты учебника близки к реальной жизни, и эта книга в настоящее время также используется многими учебными заведениями. Пособие представляет собой серию учебников и включает в себя два тома. Объект данной статьи – первый том каждого из этих двух наборов учебников, цель – сравнительное исследование четырех аспектов: принципы подачи материала, стиль, содержание (фонетика, лексика, грамматика, упражнения и т. д.) и вспомогательные материалы.

Автор считает, что высококачественный учебник может не только дать учащимся возможность усваивать знания, повысить интерес учащихся, но и способствовать межкультурной коммуникации. Учебники, учитывающие межгосударственные различия, могут удовлетворить потребности изучающих китайский язык на разных уровнях, а также будут способствовать развитию преподавания китайского языка в России.

Литература

- Liu Dinghui. A Comparative Study of Russian Chinese Textbooks // Jilin daxue. 2014. №2 (刘定慧. 对俄汉语教材对比研究)
- Lu Wei. Thoughts on Several Problems in the Development of Teaching Chinese as a Foreign Language // *Haiwai hawen jiaoyu*, 2009 (2). (卢伟. 关于对外汉语教材研发的几个问题的思考)
- Liu Xun. Introduction to Teaching Chinese as a Foreign Language. Beijing: Beijing yuyan daxue chubanshe, 2010. (刘珣. 对外汉语教育学引论)

Сравнительный анализ традиционной и коммуникативной методики преподавания грамматики китайского языка на примере повествовательных предложений с простым глагольным сказуемым

Шакирова Светлана Айратовна
Независимый исследователь (Нахабино)

Comparative Analysis of the Traditional and Communicative Teaching Method of Teaching the Chinese Grammar by Declarative Clause With Simple Verbal Predicate as the Example

Shakirova Svetlana Airatovna
Independent researcher (Nakhabino)

Abstract. This paper appeals with the difference between the traditional and communicative teaching methods of teaching the Chinese language. We propose the comparative analysis method which allows us on one hand to compare both methods, on the other hand to choose the most appropriate method for teaching students according to their age and goals of learning. As the example we use declarative clause with simple verbal predicate because this grammatical feature is fundamental in linguistics. This paper contains virtues and short comings of the traditional and communicative methods, describes which method to choose to develop oral speech comprehension or writing comprehension. It also has information how to use the methods to teach declarative clause with simple verbal predicate in practice as the example. The paper can be used for the beginners in teaching as well as for those who has some experience in teaching the Chinese language, for the individual teaching as well as for teaching in groups. The grammatical feature taken as the example in this paper is not special only for the Chinese language, so it can be used also for teaching other languages.

Keywords: teaching methods; traditional teaching method; communicative teaching method; oral speech comprehension; writing comprehension; declarative clause; simple verbal predicate.

Вопрос выбора методики адекватной возрасту и целям обучения является актуальным среди как начинающих педагогов, так и тех, у кого есть небольшой опыт. Каждая из методик имеет как преимущества, так и недостатки, а для достижения педагогической цели нужно их знать и грамотно использовать. В толковом словаре современного русского языка Д.Н. Ушаков дает определение методике как «системе правил, изложению методов обучения чему-нибудь или выполнения какой-нибудь работы». [Ушаков 2014: 298]. «Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам)» определяет методику как «совокупность форм, методов и приемов учителя, т.е. как «технологию» профессионально-практической деятельности преподавателя». [Азимов, Щукин 2009: 139].

В современной педагогике существует ряд методик преподавания грамматики иностранного языка. Одной из них является традиционная методика. Основным ее преимуществом является подробное изучение нового грамматического материала учащимися как в теории, так и на практике, что впоследствии дает высокий уровень его знания, однако это не способствует развитию навыка разговорной речи, более того создает языковой барьер, что препятствует владению разговорным китайским языком на необходимом уровне. В практике работы по традиционной методике сначала изучается правило, затем учащиеся находят данное грамматическое явление или структуру в предложениях или в тексте, называют его форму, объясняют, в каком значении оно употребляется в данном контексте, затем выполняются подстановочные упражнения по аналогии с образцом, потом выполняются упражнения на изученное правило, например, на поиск ошибок, заполнение пропусков, упражнения на перевод с родного языка на иностранный и т.д. [Соловова 2003: 113].

Второй часто используемой методикой является коммуникативная. Она имеет ряд преимуществ перед классической при обучении новым конструкциям. Во-первых, конструкция не остается в пассивном запасе, а уходит сразу в активный, а во-вторых, четко представляется ситуация употребления учащимися, информация подается в интересной для них форме, а значит и уровень мотивированности выше. При работе с грамматикой по коммуникативной методике сначала объясняется правило, даются ситуации употребления изучаемого правила, а затем она отрабатывается в различных искусственно созданных речевых ситуациях, либо выполняются письменные упражнения, заданием к которым является вымышленная ситуация [Соловова 2003: 112].

Если говорить о целях, для которых может быть применима одна из вышеописанных методик, то традиционная лучше всего подходит для более углубленного изучения иностранного языка. При работе с

ней больше уделяется внимание развитию навыка письменной речи, тогда как коммуникативная, наоборот, подходит для быстрого, поверхностного изучения с большим акцентом на устную речь. Методом наблюдения было выявлено, что традиционная методика больше подходит для подростков и взрослых, желающих развить грамотность письменной речи, тогда как коммуникативная больше подходит для дошкольного и младшего школьного возраста, поскольку восприятие и понимание правил китайского языка, а тем более желание и мотивация выполнять упражнения на развитие навыка письменной речи практически отсутствует. Коммуникативная методика для взрослых и подростков больше подходит для развития устной речи, развития навыка выживания в незнакомой стране и общего ознакомления с языком на первых этапах его освоения при нежелании его углубленно изучать.

Примером практического применения традиционной и коммуникативных методик может быть объяснение учащимся порядка слов в повествовательном предложении с простым глагольным сказуемым в китайском языке. Примером такого типа предложений может быть 我家 (wǒjiā – У меня есть семья), где 我 (wǒ – я) – подлежащее, выраженное местоимением, 有 (yǒu – есть, имею) – сказуемое, выраженное глаголом, 家 (jiā – семья) – дополнение, выраженное существительным. Повествовательное предложение с простым глагольным сказуемым строится по схеме: подлежащее + сказуемое + дополнение, в предложении фиксированный порядок слов [Горелов 1982: 61].

В работе по коммуникативной методике сначала объясняется общее правило построения предложения, дается комментарий для чего нужна правильность порядка слов, а затем используя ранее отработанную лексику, например, по теме «Семья» представляется небольшой подготовленный рассказ о себе и своей семье либо сценка по этой теме. Также возможно ведение занятия в формате интервью. Роли интервьюера могут быть как у преподавателя, так и у учащегося. Эта же задача в традиционной методике бы выглядела иначе. После прочитанного текста и ознакомлением с правилом сначала выполняется, например, задание на подстановку, затем несколько предложений записывается в тетрадь, осуществляется контроль методом опроса нескольких учащихся, затем составляется 2-3 своих предложения письменно или устно с последующим опросом. После этого составляется диалог или монолог по изучаемой теме, возможно также выполнение упражнений на перевод или на расставление слов в правильном порядке.

Рассмотрев две основные методики преподавания грамматики китайского языка можно сделать вывод, что и та и другая имеет как преимущества, так и недостатки. При адекватном подходе к приня-

тию решения в пользу выбора традиционной или коммуникативной методики необходимо опираться на индивидуальные особенности, цели и возраст учащегося. Применение каждой из них имеет место для развития конкретного речевого навыка у конкретной аудитории.

Литература

- Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: ИКАР, 2009. 448 с.
- Горелов В.И. Грамматика китайского языка: для 8-10 классов средней школы с преподаванием ряда предметов на китайском языке. 2-е изд. М.: Просвещение, 1982. 280 с.
- Соловова Е.Н. Методика обучения иностранным языкам: Базовый курс лекций: пособие для студентов пед. вузов и учителей. 2-е изд. М.: Просвещение, 2003. 239 с.
- Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка. М.: Адекс-лант, 2014. 800 с.

Compilation of Chinese Culture Textbook With Traditional Chinese Medicine as Theme for Second Language Learners

Jin Mengyao 金夢瑤

*The Education University
of Hong Kong (Hong Kong)*

Abstract. Teaching materials, teachers and teaching methods are three main elements of teaching Chinese as a foreign language, which also are the basis of teaching and the focus of academic research. There are two types of cultural teaching materials: one is based on cultural projects, and everything revolves around cultural projects; the other is mainly in the form of language, closely combined with cultural projects (Zhang Ying). According to statistics, most of the cultural textbooks in teaching Chinese as a foreign language now focus on teaching Chinese geography, history, customs, literature and so on, and are suitable for specialized cultural classes at intermediate and senior levels (Li Quan). There are many aspects of Chinese culture, of which the most precious is traditional Chinese medicine. It not only affects the Chinese diet culture, but also affects the Chinese philosophy. The author aims to design a Chinese culture textbook that can be used by intermediate and even beginners of Chinese. Students can learn not only Chinese language but also the essence of Chinese culture – traditional Chinese medicine by understanding common Chinese herbal medicines with edible value and basic medicinal characteristics.

Keywords: Chinese Culture; Textbook; Second Language; Traditional Chinese Medicine.

Teaching materials , teachers and teaching methods are three main elements of teaching Chinese as a foreign language, which also are the basis of teaching and the focus of academic research. There are two types of cultural teaching materials: one is based on cultural projects, and everything revolves around cultural projects; the other is mainly in the form of language, closely combined with cultural projects [Zhang Ying 2004]. According to statistics, most of the cultural textbooks in teaching Chinese as a foreign language now focus on teaching Chinese geography, history, customs, literature and so on, and are suitable for specialized cultural classes at intermediate and senior levels [Li Quan 2011]. There are few cultural textbooks for beginners. Therefore, this project aims to design Chinese learning culture teaching materials suitable for beginners, starting from the perspective of understanding Chinese characters.

The author will take the daily Chinese herbal medicine as the main content and core material of the cultural textbook. Because there are many aspects of Chinese culture, but the most precious one is traditional Chinese medicine. At the same time, traditional Chinese medicine culture is also considered to be a difficult and mysterious part of Chinese culture. However, this is not the case in fact. Traditional Chinese medicine culture is closely related to daily life and is very practical and easy to learn. It not only affects the Chinese diet culture, but also affects the Chinese philosophy. The author aims to design a Chinese culture textbook that can be used by intermediate and even beginners of Chinese. Students can learn not only Chinese language but also the essence of Chinese culture - traditional Chinese medicine by understanding common Chinese herbal medicines with edible value and basic medicinal characteristics. The author combines interesting cartoon stories, literature, poetry and medical stories with Chinese character learning suitable for beginners' cognitive level to design a picture book for teaching beginners Chinese. This book will be divided into 15 chapters, and a teaching kit for AR/VR will be designed accordingly.

This project has been funded by the Knowledge Transfer Fund of the Education University of Hong Kong, and the finished product will be released next year.

References

- Li Quan. The Presentation of Cultural Content and the Attitude towards Presenting it. Beijing: Chinese Teaching in the World, 2011.
Zhang Ying. A Study on Culture Textbooks in Teaching Chinese as a Foreign Language. Yanji: Chinese Language Learning, 2004.

The Influences of Contextual Tightness and Semantic Transparency for CLS Learners on Understanding Chinese 4-characters Idioms

Liu Yanting 劉彥廷

National Tsing Hua University (Xinzhu)

Abstract. Chinese 4-characters idioms have been difficulties due to the semantic transparency. In this study, the effect of semantic transparency and context in Chinese learners on understating Chinese 4-characters idioms were investigated. An experiment involving 24 Chinese 4-characters idioms, and using 2 (the tightness of the context) x2 (semantic transparency) design was conducted. The participants were 17 adult Chinese as second langue learners in Taiwan, all participants were in intermediate level or above. Their correctness, reading time and choosing time were analyzed. The results reveled that semantic transparency exerted effect on correctness and choosing time, and context mostly affected the performance on reading time. These results indicated that semantic transparency and context might take separate roles on understanding idioms meanings for CLS learners.

Keywords: Chinese 4-characters idioms; context; semantic transparency.

1. Introduction

Chinese 4-characters idioms(成語, chéngyǔ)* have been regarded as a difficulties for CSL/CFL learners also on CSL/CFL teaching, due to the idiom semantic transparency and usage difficulties. The concept of idioms transparency referred to as how speakers think the meaning of the individual words contributes to the figurative meaning, a term which originated from decomposability [Gibbs, Nayak, Cutting 1989]. A transparent idiom is an idiom whose component words have high connection to its figurative meaning, which and could be said that knew words then knew the meaning, for example, 大失所望 (dàshīsuǒwàng, greatly disappointed). By contrast, a less transparent idiom or opaque idiom is an idiom that the component words are unrelated to the figurative meaning, for example, 行將就木 (xíngjiāngjiùmù, approach to death).

For CSL/CFL learners, they could barely understand the less transparent chéngyǔ. However, chéngyǔ usually played an important role in a paragraph; a paragraph could be more sophisticated and delicate when using chéngyǔ. Which means, chéngyǔ would not be isolated in a context. Cacciari and Tabossi [Cacciari, Tabossi 1988] pointed out context contributes to idioms comprehension, if the context provide enough information, readers could use the information to understand the idiom meaning. Some studies on native Chinese speakers also showed that context could affect readers' comprehension on understand chéngyǔ [Cheng, Ling 2014]. Thus, the purpose of this study was to investigate the effect of semantic transparency and context in CSL/CFL learners on understating chéngyǔ.

2. Materials and Methods

2.1 Transparency of chéngyǔ

The materials of this study were choosing from online chéngyǔ dictionary of Ministry of Education, R.O.C.** First, filtered any infrequent characters in the component of chéngyǔ. Then asked five Chinese native speakers*** to rate the transparency of chéngyǔ by using Likert 5-points scale. 24 chéngyǔ were chosen, 12 were high transparency, 12were low transparency.

2.2 Tightness of context

The study used chosen chéngyǔ to compile context materials; the context were all in two sentences. The context had two types, high tightness

* For a clearer explanation, this study will use chéngyǔ as the term of Chinese 4-characters idioms.

** 成語典. <http://dict.idioms.moe.edu.tw/cydic/index.htm>

*** These five native speakers were all experts in Chinese, Chinese literature, or Teaching Chinese as Foreign Language.

context and tight low tightness context. For high tightness context had 1-2 related Keywords, low tightness context had 0-1 Keywords. The context sentences were all in the first sentence, and the target chéngyǔ sentence were the second sentence.

2.3 Methods

The participants had read all 24 chéngyǔ in design, the tightness of context assigned randomly. They read the first sentence then the target sentence, 12 filler sentences were inside the study. The time of pressing next page button, choosing the right answer and reading time were collected, time error range were within microsecond. LMM (liner mixed effects model, LMM, using the R package lme4, were used in this study to analyze the data.

2.4 Participants

All 17 participants were all above or in intermediate level Chinese learners. They were all adults and the average age were 25. 8 male and 9 female, average Chinese learning time were 4.3 years. They could read and recognize all the words in this study.

3. Results

3.1 Correctness

The average of the correctness displayed either high or low transparency chéngyǔ, in the high tightness context the correctness was higher, in the low tightness context, the correctness was lower. However, the statics showed that the effect on high transparency chéngyǔ correctness, both high tightness context and low tightness context not reach significant levels ($p>0.05$). The effect on low transparency chéngyǔ correctness, both high tightness context and low tightness context not reach significant levels ($p>0.05$). Which shows that context is not the main effect on understand chéngyǔ.

3.2 Reading time

The context in different transparency chéngyǔ had no statistically significant effect on the reading time of context sentences and target sentences, which showed that context had no effect on context sentences and target sentences under the condition of high or low transparency of chéngyǔ. Also context and transparency had no interaction. However, the analysis showed that under any conditions, the average reading time of high tightness context is shorter than low tightness context.

3.3 Choosing time

Analysis showed transparency had a significant effect on response time, so transparency was the main effect of choosing time ($p<0.05$), while context had no significant effect on choosing time.

4. Conclusion

The study showed that transparency had effect on correctness, high transparency chéngyǔ had higher correctness, and low transparency chéngyǔ had lower correctness. However, the study did not review the same effect on context. Context had effect on reading time; this showed that with high tightness context the reading time would shorter; the reading time would be longer under low tightness context. There were no interaction effect among transparency and context in this study, which might referred that context and transparency were two separate effects on understanding chéngyǔ meaning.

References

- Cacciari C., Tabossi P. The comprehension of idioms // *Journal of Memory and Language*, 1988. 27, 668-683.
- Cheng Ya-Feng, Liang Yun-Hsia. The Idiom Meaning Construction Process in Children // *Чжунвэнь сыцзы чэньюй*. 06.01.2014 (鄭雅丰. 梁雲霞. 兒童的成語意義建構歷程之研究).
- Gibbs R. W., Nayak N. P. Psycholinguistic studies on the syntactic behavior of idioms // *Cognitive Psychology*, 1989. 21: 100-138.
- Gibbs R. W., Nayak N. P., Cutting, C. How to kick the bucket and not decompose: Analyzability and idiom processing // *Journal of Memory and Language*, 1989. 28(5), 576-593.

Часть III

Синология

Лексикологические исследования в русской синологии XX века

Ван Лиюань

Университет Цзянсу (Чжэньцзян)

Lexicological Researches in Russian Sinology of 20th Century

Wang Liyuan

Jiangsu University (Zhènjiāng)

Abstract. As one of the contemporary sinology research centers in 20th century, Russia showed the trend of diversification in sinology research. Lexicological researches were different in perspective and wide in range, creating their own characteristics. This also made a great contribution to contemporary sinology development.

Keywords: sinology; lexicology; lexicological range

Основа западной синологии была заложена европейскими миссионерами. В частности, большой вклад в зарождение и развитие синологии сделали французские учёные [Demiéville 1998]. Однако, начиная с первой половины 19-го века, Россия становится вторым после Франции главным центром синологических исследований. Русскую синологию можно разделить на 3 исторических периода: период царской России, Советского Союза и современной России. Санкт-Петербург, Москва и Дальний Восток являются тремя главными общепри-

нанными центрами русской синологии со своими самобытными школами [Yan Guodong 2007]. Лексикологию в качестве отдельной лингвистической дисциплины первыми стали выделять и изучать именно в России. Авторитетные исследования свидетельствуют, что в установлении роли лексикологии как важного раздела лингвистики, советские учёные-лингвисты сыграли роль основоположников [Zhu Daqiu, Jiang Hongwei, Hua Li 2013].

С момента зарождения синологии, к XX веку в России уже сформировалась единая синологическая система. И несмотря на то, что лингвистические исследования развиваются не так быстро, как исследования в других областях синологии и их достижения не так заметны, однако можно сказать, что исследования в области лексикологии заняли важную нишу в лингвистических исследованиях в целом. Данные исследования в основном охватывают следующие направления [Скачков 1977].

1. Исследования вопросов словообразования китайского языка

Китайское словообразование сильно отличается от русского. Многие исследования обращают внимание на особенности китайского словообразования. Такие как, Н.И. Конрад «О китайском языке» (1952), В.М. Солнцев «Очерки по современному китайскому языку» (1957) и «Относительно роли суффиксов *цзы яр тоу* в современном китайском языке. К вопросу о двух формах существования слов» (1958). В.А. Цыкин «Именное словопроизводство в современном китайском языке» (1979), А.А. Хаматова «Тенденции развития лексики китайского языка в начале XXI века», А.Л. Семенас «Лексическая и словообразовательная антонимия в китайском языке». В.П. Захаров «Односложные слова в китайском речи» (1982). Все эти работы являются достижениями в области исследования китайского словообразования.

2. Исследования вопросов устойчивых словосочетаний, фразеологических единиц и идиом

Изучались такими учеными, как А.П. Рогачев «Идиоматика китайского языка, отображенная в устойчивых словосочетаниях (чэньъюй)»; Э.С. Стулов «Классификация и синтаксические функции Чэньъюей» (1964), З.И. Баранова «Фразеологизмы параллельной конструкции в китайском языке» и др., А.А. Торопов «Чэньъюй и их свойства» (1965); И.Д. Кленин, В.Ф. Щичко «Лексикология и фразеология китайского языка» (1978), М.Г. Прядохин «Китайские недоговорки-иносказания» (1977), Ю.А. Рубинчик «Структурные типы фразеологизмов и их размещение в словарной статье» (1988); А.А. Хаматова «Гуаньъюнъюй

как один из видов фразеологизмов современного китайского языка» (1992) и И.В.Войцехович «Вариантность и синонимия китайских гуанъюньей». Эти исследования можно отнести к достижениям в области устойчивых разговорных выражений.

3. Исследования словарей

Будучи вспомогательной литературой, словари также обратили на себя внимание русских исследователей. Также издавались фонетические, политические, военные и тому подобные словари. Такие как, И.С. Бруннерт, Н.Ф. Колесов «Китайско-русский словарь юридических и политических терминов» (1923), А. Иннокентий «Китайско-русский военный и технический словарь», А.П. Хионин «Русско-китайский словарь» (1927), «Русско-китайский словарь юридических международных экономических политических и других терминов», Э.М. Мурзаев «Словарь народных географических терминов» (1959), И.М. Ошанин «Большой китайско русский словарь» (1984), Б.С. Исаенко «Опыт китайско-русского фонетического словаря» (1957), И.Д. Кленин «Китайско-русский военный и технический словарь» (1968), Б.Г. Мудров «Карманный русско-китайский словарь» (1977) [цит по: Yan Guodong 2006]. А.В. Котов «Китайско-русский словарь» (1974) и др. Как вспомогательная литература, они не только стимулировали изучение китайского языка, но и расширяли области исследования китайского языка.

4. Исследования иноязычных заимствований и терминов

В.С. Манухин «Русско-китайский политехнический словарь» (1960), О.С. Ахманова «Словарь лингвистических терминов» (1966), В.В. Иванов «Терминология и заимствования в современном китайском языке» (1973). О.П. Фролова «Словообразование в терминологической лексике современного китайского языка» (1987), Л.А. Городецкая «Исследование процесса распознавания значения терминологических словосочетаний» (1987) и др. В 20-м веке, особенно после провозглашения политики реформ и открытости, количество связей Китая с разными странами мира значительно увеличилось. Неизбежные при таких обстоятельствах иностранные языковые заимствования вызвали интерес у исследователей.

5. Исследования диалектов китайского языка

В 20-м веке русские учёные также активно занимались изучением вопроса диалектов китайского языка. Первая русская монография, посвящённая исследованию вопроса диалектов китайского языка, появилась в 1932 году. Также были такие работы как: С.Е. Яхонтов «Классификация диалектов китайского языка» (1966-1967), Е.Б. Астрахан,

О.И. Завьялова, М.В. Софронов «Диалекты и национальный язык в Китае» (1985), С.Б. Янкивер «Кантонский (гуанчжоуский) диалект китайского языка» (1986), О.И. Завьялова «Диалекты Ганьсу» (1979), «Диалекты китайского языка» (1996) и т.д. [цит по: Li Mingbin 2008].

Вышеперечисленные направления исследований это только часть исследований, проводимых русскими синологами в XX веке. Наибольшими по влиянию лексикологическими исследованиями русских синологов 20-века всё же принято считать работы В.И. Горелова «Лексикология китайского языка» (1984) и А.Л. Семенас «Лексикология современного китайского языка» (1992). Данные работы являются наиболее символическими и показательными среди всех работ русских синологов в области исследований китайской лексикологии. «Лексикология современного китайского языка» считается редкой академической монографией по лексикологии китайского языка, привнесшей струю свежего воздуха в изучение данного вопроса.

Исследования русской синологии XX века воплотили разнообразное и разностороннее развитие данной науки. Среди прочих, область лексикологии также получила толчок в своём развитии. Данные исследования, в свою очередь, значительным образом повлияли на исследования лексикологии китайского языка непосредственно в самом Китае.

Литература

- Скачков П.Е. Очерки истории русского китаеведения. М. 1977.
Demiéville Paul. 戴密微. *Faguo hanxueshi* 《法国汉学研究史》 / Geng Shen (yi) (耿昇) // *Faguo dangdai zhongguoxue* 《法国当代中国学》. Beijing (北京): Zhongguo shehui kexue chubanshe (中国社会科学出版社), 1998.
Yan Guodong 阎国栋. *Eluosi hanxue sanbai nian* 《俄罗斯汉学三百年》, Beijing (北京): Yanguodong Xueyuan chubanshe 学苑出版社, 2007.
Yan Guodong 阎国栋. *Eguo hanxueshi* 俄国汉学史, Beijing 北京 Renmin chubanshe 人民出版社, 2006.
Zhu Daqiu, Jiang Hongwei, Hua Li (朱达秋, 江宏伟, 华莉). *Sulian jieti zhihou de Eluosi zhongguoxue yanjiu* 《苏联解体之后的俄罗斯中国学研究》. Ha'erbin (哈尔滨): Heilongjiang daxue chubanshe (黑龙江大学出版社), 2013.
Li Mingbin 李明滨. *Eluosi hanxueshi* 《俄罗斯汉学史》. Zhengzhou 郑州: Daxiang chubanshe 大象出版社, 2008.

Хтонические хищники оленных камней Монголии и их китайские соответствия

Варенов Андрей Васильевич

*Новосибирский государственный
университет (Новосибирск)*

Chthonic Predators of Mongolian Stag Stones and Their Chinese Counterparts

Varenov Andrei Vasilievich

Novosibirsk State University (Novosibirsk)

Abstract. The article analyzes images of dog-like or tiger-like animals, depicted on the surface of stag stones, in rock carvings or painted pottery. The author argues that all the scenes with chthonic predators depict trials of a human soul in the Underworld.

Keywords: China; stag stones; rock carvings; chthonic predators; semantics.

Оленные камни – условно переданные человеческие фигуры в виде вертикально установленных каменных плит или столбов. Для них практически обязательно наличие выбитых серег, ожерелья и пояса с подвешенным к нему оружием. Лицо обозначено тремя или (редко) двумя наклонными линиями. Натуралистическая трактовка лица на оленных камнях очень редка. Кроме того, эти камни обычно сплошь покрыты изображениями оленей, откуда и получили свое название. По особенностям стиля зооморфных изображений, выбитых на них, оленные камни обычно делят на три типа (стиля): I тип, монголо-забайкальский, – со «стилизованными» фигурами оленей, отличающихся длинными, гипертрофированно вытянутыми телами, ветвистыми рогами

и клювообразными мордами (рис. 1, 1, 2); II тип, саяно-алтайский, – с «реалистическими» изображениями животных, стоящих на вытянутых ногах (иногда говорят «на цыпочках» или «на пуантах») (рис. 1, 3); III тип, общеевразийский, – без изображений оленей или других животных (рис. 1, 4–7) [Новгородова 1989: 185]. Оленные камни распространены, в основном, в Центральной и Западной Монголии и на сопредельных территориях России (в Забайкалье, Туве, Горном Алтае), Казахстана и Китая (в Синьцзян-Уйгурском автономном районе) [Волков 2002: 14]. Культура оленных камней датируется в целом первой половиной, а камни монголо-забайкальского стиля – первой третью I тыс. до н. э. [Савинов 1994: 110–113].

Один из наиболее известных памятников с оленными камнями монголо-забайкальского стиля – Ушкийн-Увэр, расположенный в Хубсугульском аймаке, около города Мурэн в Северной Монголии. 15 оленных камней были там обследованы В.В. Волковым и Э.А. Новгородова в 1970 г. (Рис. 1, 1). В верхней части оленного камня № 15 выбита сцена терзания (Рис. 2, 3). В.В. Волков и Э.А. Новгородова описали ее как «сцену с кошачьими хищниками, съедающими коня», возможно, из-за пятен, покрывающих шкуры зверей [Волков, Новгородова 1975: 81]. На оленном камне № 4 из того же памятника (Рис. 3, 1) изображена стая из пяти подобных зверей, преследующих лошадь (Рис. 3, 2, 3). Археологи назвали их «пятнистыми хищниками, скорее всего, барсами». Они писали: «Очевидно, это стая барсов, представленная в момент охоты на бегущего перед ними коня» [Волков, Новгородова 1975: 82].

Но из крупных кошек никто (кроме гепардов) не преследует свою добычу и никогда (кроме львов, вернее, львиц) не охотится группами, предпочитая индивидуальную охоту из засады. Преследование добычи стаями характерно для собак и других канисовых. В исторически известное время, начиная с конца плейстоцена, ареалы распространения львов и гепардов никогда не включали Монголию. По мнению Д.Г. Савинова, анализировавшего рисунки хищников на оленных камнях, «особого внимания заслуживают изображения фантастических животных, сочетающих признаки различных хищных зверей, в первую очередь, кошачьих хищников и волков (или собак)», которых он считал персонажами «скорее всего, хтонического происхождения» [Савинов 1994: 132].

Близкая ушкийн-увэрской по композиции сцена обнаружена среди наскальных рисунков в ущелье Суюйкоу (у Хэлань Нинся-Хуэйского автономного района КНР) [Гай Шаньлинь, Гай Чжихао 2002: 408]. На ней изображены два похожих на крупных собак хищника, готовых вцепиться в человеческую фигурку (Рис. 2, 1). Вид животных не очень ясен, но, как и в Ушкийн-Увэре, вся сцена терзания окружена фигурами стилизованных оленей с клювовидными мордами (Рис. 2, 2). Композиционно близкая к Ушкийн-Увэру и Суюйкоу сцена отлита на

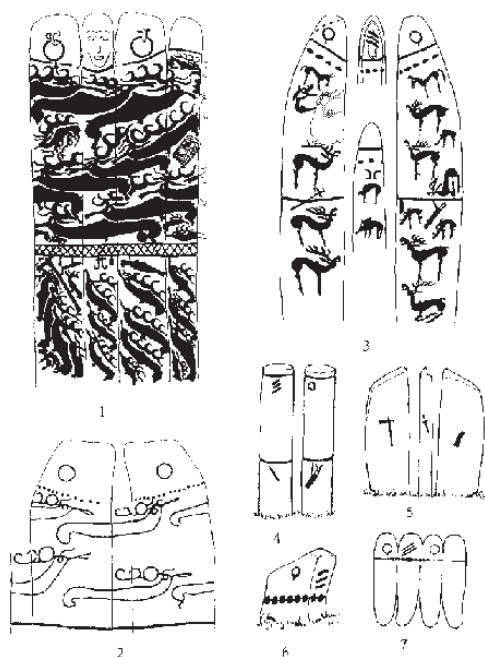

Рис. 1

Рис. 2

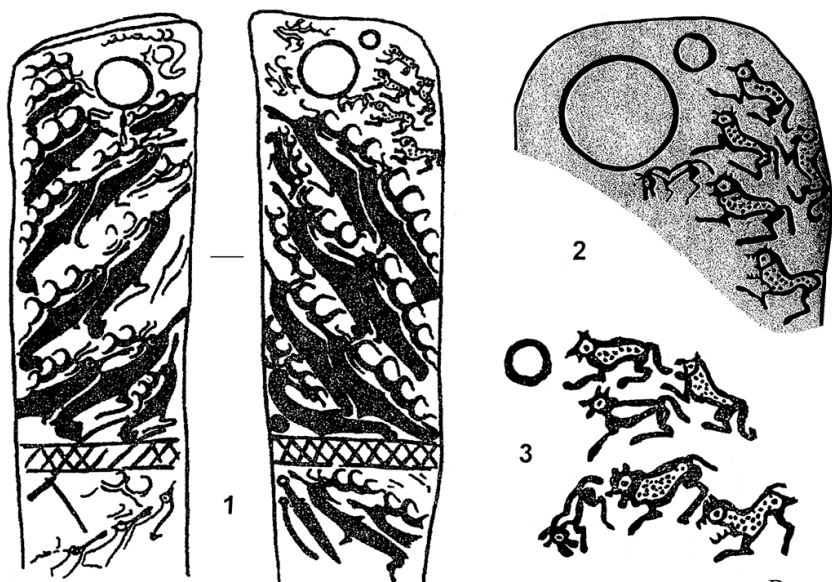

Рис. 3

Рис. 1. Оленные камни трех типов:

1–2 – камни I (монголо-забайкальского) типа, 2 – камень II (саяно-али тайского) типа, 4–7 – камни III (общеевразийского) типа. Все – разный масштаб. Компоновка таблицы выполнена автором по: [Грязнов 1984: 77, 78].

Рис. 2. Сцены с двумя хтоническими хищниками:

1, 2 – из Суюйкоу (уезд Хэлань, пров. Нинся); 3 – из Ушкийн-Увэра (Хубсугульский аймак, Монголия); 4 – из Шанцуньлина (пров. Хэнань); 5 – из Дадивань (уезд Цинъань, пров. Ганьсу); 6 – из Шичжайшань (пров. Юньнань). Все – разный масштаб. Масштабирование рисунков и компоновка таблицы выполнены автором по: [1, 2 – Гай Шаньлинь, Гай Чжихао 2002: 408; 3 – Nowgorodowa 1980: 178; 4 – Чжунго тунци цюаньцзи 2005: 4; 5 – прорисовка по фотографии, сделанной автором в Музее пров. Ганьсу; 6 – Пилацзоли Мисеэр 1990: 81].

Рис. 3. Оленный камень № 4 из Ушкийн-Увэра (Хубсугульский аймак, Монголия):

1 – общий вид; 2, 3 – деталь с хищниками, преследующими коня. Масштабирование рисунков и компоновка таблицы выполнены автором по: [1 – Волков 2002: 189; 2 – Nowgorodowa 1980: 134; 3 – Новгородова 1984: 99].

тыльной стороне бронзового зеркала, обнаруженного в погребении М1612 могильника Шанцуньлин в пров. Хэнань, КНР (Рис. 2, 4) [Шанцуньлин 1959: 27]. Она изображает «двух зверей, похожих на тигров, но с учетом окраса шкуры, скорее, леопардов», готовых растерзать (или сцепиться из-за) травоядного [Го Можо 1959: 14]. Зеркало из Шанцуньлина дает более точную дату для композиций из Ушкийн-Увэра и Суюйкоу. Шанцуньлин был кладбищем верхушки царства Го, в 655 г. до н.э. захваченного другим царством – Цзинь, так что никакая могила данного памятника не может быть позднее середины VII в. до н.э. Большинство из них датируется одним временем – второй половиной IX – первой половиной VIII вв. до н.э. [Комиссаров 1985: 9–10].

Однако корни традиции изображать двух похожих на собак зверей, готовых разорвать свою жертву, уходят в Китае гораздо глубже эпохи Чжоу. Манеру рисовать животных с очень длинными изогнутыми телами, характерными для оленных камней монголо-забайкальского стиля, удается проследить вплоть до украшенных фигурами драконов с оленьими головами керамических сосудов *цзунь* неолитической культуры Чжаобаогу VI–V тыс. до н.э., [Варенов 2016: 198–206]. На неолитическом сосуде расписной керамики культуры Мацзяю, датирующейся второй половиной IV – серединой III тыс. до н.э. стоянки Дадивань в уезде Цинъань пров. Ганьсу, нарисованы две собаки, готовые подрасть из-за рыбы, лежащей между ними (Рис. 2, 5). Считается, что орнаментальные пояса на неолитической керамике Китая обозначали различные уровни Вселенной. Пояс с собаками и рыбой на кувшине из Дадивань ограничен сверху двумя горизонтальными линиями, и может представлять Преисподнюю (нижний мир) [Кудинова 2016: 36]. По данным В.В. Евсюкова, изучавшего мифологию китайского неолита по материалам крашеной керамики, образ рыбы в этой изобразительной традиции символизирует человеческую душу [Евсюков 1988: 84–85, 89–90]. Так что сцена на кувшине из Дадивань, скорее всего, запечатлела ее посмертные испытания в Преисподней, возможно, как залог будущего возрождения. Наскальные композиции из Суюйкоу, Ушкийн-Увэра и сцена на зеркале из Шанцуньлина могли иметь аналогичное значение, только человеческую душу в традициях этих культур представляли иначе. Древнекитайская иконографическая традиция доживает, как минимум, до IV–III вв. до н.э. На обухе трубчатой втулки боевого топора культуры Дянь из погребения 12 могильника Шичжайшань отлиты два ящера и лежащая между ними рыба (рис. 2, 6) [Пилаццоли 1990: 81].

Funding

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект 18-09-00557: «Изучение памятников наскального искусства в археологии Китая (эпохи Древности и Средневековья)».

The paper is prepared with the support of Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project 18-09-00557: "The Study of Rock Art Monuments in the Archaeology of China (Periods of Antiquity and Middle Ages)"

Литература

- Варенов А. В. О китайских неолитических корнях оленных камней монголо-забайкальского стиля и их социально-семантической интерпретации // *Stratum plus. Археология и культурная антропология*. 2016. № 2. С. 195–211.
- Волков В. В. Оленные камни Монголии. М.: Научный мир, 2002. 248 с.
- Волков В. В., Новгородова Э. А. Оленные камни Ушкийн-Увэра (Монголия) // *Первобытная археология Сибири*. Л.: Наука, 1975. С. 78–84.
- Грязнов М. П. О монументальном искусстве на заре скифо-сибирских культур в степной Азии // *Археологические сообщения Государственного Эрмитажа*. 1984. Вып. 25. С. 76–82.
- Евсюков В. В. Мифология китайского неолита. По материалам росписей на керамике культуры Яншао. Новосибирск: Наука, 1988. 128 с.
- Комиссаров С.А. Шанцуньлин – опорный памятник конца Западного Чжоу // *Дальний Восток и Центральная Азия*. М.: Наука, 1985. С. 3–12.
- Кудинова М.А. Образ собаки в неолитическом искусстве Китая // *Вестн. Новосибир. гос. ун-та. Серия: История, филология*. 2016. Т.15. Вып. 4: Востоковедение. С. 33–41.
- Новгородова Э. А. Мир петроглифов Монголии. М.: Наука, 1984. 168 с.
- Новгородова Э. А. Древняя Монголия (Некоторые проблемы хронологии и этнокультурной истории). М.: Наука, 1989. 384 с.
- Савинов Д. Г. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994. 208 с.
- Nowgorodowa E. *Alte Kunst der Mongolei*. Leipzig: E.A.Seemann Verlag, 1980. 280 s.
- Гай Шаньлин, Гай Чжихао. Нэй Мэнгу яньхуа дэ вэньхуа цзеду [盖山林, 盖志浩. 内蒙古岩画的文化解读. Gai Shanlin, Gai Zhihao. Nei Menggu yanhua de wenhua jiedu]. Дешифровка культуры петроглифов Внутренней Монголии. Пекин: Бэйцзин тушугуань чубаньшэ, 2002. 546 с., ил. (на кит. яз.)
- Го Можо. Саньмэнься чуту тунци эр-сань ши [郭沫若. 三门峡出土铜器二三事. Guo Moqiao. Sanmenxia chutu tongqi ersan shi]. Две-три заметки о бронзовых изделиях, найденных в Саньмэнься // *Вэньу*. 1959. № 1. С. 13–15. (на кит. яз.)
- Пилаццоли Мисеэр (Pirazzoli Michele). Дянь вэньхуа дэ няньдай вэньти [皮拉左里·米歇尔. 滇文化的年代问题. Pirazzoli Michele. Dian wenhua de niandai wenti]. Проблема хронологии культуры Дянь // *Каогу*. 1990. № 1. С. 78–86. (на кит. яз.)
- Шанцуньлин Гого муди [上村巖虢國墓地. Shangcunling Guoguo mudi]. Могильник царства Го в Шанцуньлине. Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 1959. 178 с. (на кит. яз.)

Смайлы в коммуникации китайской молодежи

Глушкова Светлана Юрьевна

*Казанский (Приволжский) федеральный
университет (Казань)*

Smiles in Chinese Youth Communications

Glushkova Svetlana Yurievna

*Kazan (Volga region) Federal University
(Kazan)*

Abstract: This article aims to consider the role of smiles in communications with Chinese youth. In order to achieve the objectives, the presented work analyzed which functions were used in connection with the youth of China and which functions were identified. About 150 dialogues were held with the participation of Chinese people. Messages were poisoned through applications such as Wechat, Tandem and V Kontakte.

Keywords: Chinese; smile; chat; sinology; communication

Настоящее исследование основано на собрании сообщений, которые были взяты из примерно 150 диалогов с представителями молодежи КНР. Сообщения были отправлены через такие приложения, как Wechat, Tandem и Вконтакте. Собрание состоит из обмена сообщениями между мной и носителями китайского языка не старше 30 лет. Все сообщения были написаны либо на китайском языке, либо на английском. Коммуникация происходила в период с сентября 2018 года до февраля 2019 года. Коммуникация осуществлялась со знакомыми и друзьями, поэтому все изученные разговоры были на повседневные темы.

В представленном исследовании использовались методы анализа количественных данных с качественными наблюдениями. С количественной точки зрения наличие смайликов и знаков препинания можно наблюдать и измерить. Как уже было упомянуто, анализ в пер-

вую очередь был сосредоточен на положении смайлов в сообщении. Некоторые из пользователей также использовали более одного смайлика подряд. Если смайлы повторялись, они анализировались как группа, и их позиция рассматривалась глобально. Например, три смайлика подряд расположенные в конце сообщения.

Были рассмотрены четыре разные позиции: 1) эмодзи появляется в начале сообщения; 2) эмодзи появляется в середине сообщения; 3) эмодзи появляется в конце сообщения; 4) сообщение состоит только из смайликов (называемых «обнаженными» [Provine, Spencer, Mandell 2016] смайликами или «автономными» смайлами [Markman, Oshima 2017]).

Впоследствии, чтобы рассмотреть, заменяют ли эмодзи знаки препинания, было рассчитано, сколько раз смайлы были связаны со стандартной или нестандартной пунктуацией. Для целей данного исследования нестандартная пунктуация считалась повторением вопросительных и восклицательных знаков, использованием многоточия в других контекстах, кроме незаконченных предложений, или повторением более трех точек. В рамках качественного анализа были также рассмотрены сообщения, не содержащие смайликов, что расширило аналитическую перспективу и позволило избежать вероятности искаженных результатов [Vandergriff 2013].

Количественный анализ сосредоточился прежде всего на положении смайликов в сообщениях. Эмодзи в основном размещаются в конце сообщения: 250 смайликов (55%) находятся в этой позиции. Эти результаты согласуются с предыдущими исследованиями смайликов и знаков препинания. Вторым наиболее частым результатом было то, что [Ong 2011] называют «голые смайлики», сообщения, состоящие только из смайликов, которые появляются около 100 раз (37%). Эмодзи, размещенных в начале и в середине сообщения, было недостаточно, в 19 (2%) и 37 раза (6%) соответственно. Эти предварительные результаты показывают, что эмодзи в основном используются для закрытия сообщения, подобно сигналу о полной остановке коммуникации, но они могут также выполнять и другие функции. Более того, хотя пунктуация обычно не используется без какого-либо иного словесного содержания, «голые» смайлики широко представлены в диалогах (37%). В стандартном письме знаки препинания не только предполагаются в конце текста, но также могут выделять высказывания. Тем не менее, в собранных для данной работы сообщениях смайлы не часто были представлены в средней позиции (лишь 6% случаев).

Совместное присутствие со знаками препинания. В подавляющем большинстве сообщений эмодзи не были связаны со знаками препинания. В 81% случаев были использованы смайлы, но без знаков препинания, как это было показано в предыдущей диаграмме. Когда

знаки препинания были включены, они обычно использовались регулярно – 14% случаев. Случаев, когда в сообщении одновременно были и знаки препинания, и смайлы было немного, всего около 10%.

Таблица 1. Частотность использования смайлов в качестве знаков препинания

Знаки препинания, связанные со смайлами	Частота использования
Запятая	7
Восклицательный знак	45
Вопросительный знак	23
Скобки	1
Точка	18
Эллипсис (опущение слов)	12
Всего	106

Таким образом, из проведенного исследования следует, что во время коммуникации с китайцами 55% случаев смайлы располагаются в конце сообщения (встретилось около 250 раз), в начале сообщения 2% (19 раз) и в середине – 6% (37 раз) соответственно. Случаи, когда смайлы использовались вообще без сопровождения текста составляют 37% (встретились 100 раз). Эти результаты показывают, что эмодзи в основном используются для закрытия сообщения, подобно сигналу о полной остановке коммуникации, также это показывает, что смайлы не заменяют пунктуацию полностью. Как правило, смайлы использовались в качестве запятой в 6,6% случаев для разграничения двух простых предложений, в качестве точки в 17% случаев, в качестве восклицательного знака в 42% и в качестве вопросительного – в 22%. В одном предложении (смайлы и знаки), то в данном случае смайлы играли либо роль усиления рядом стоящего слова, либо служили для передачи общего положительного или негативного настроения сообщения.

Литература

- Markman K. M., Oshima S. Pragmatic Play? Some Possible Functions of English Emoticons and Japanese Kaomoji in Computer-Mediated Discourse. The paper presented at The Association of Internet Researchers Meeting 8.0, Vancouver, Canada (2017, October 30). Unpublished Paper.
- Ong K. Disagreement, confusion, disapproval, turn elicitation and floor holding: Actions as accomplished by ellipsis marks-only turns and blank turns in quasisynchronous chats // *Discourse Studies*. 2011. Volume: 13 issue: 2, pages: 211-234
- Provine R., Spencer R, Mandell D. Emotional Expression Online: Emoticons Punctuate Website Text Messages // *Journal of Language and Social Psychology*, 26(3), 2016. C. 299-307.
- Vandergriff I. Emotive communication online: A contextual analysis of computer-mediated communication (CMC) cues // *Journal of Pragmatics* 2013. Vol.51. pp. 1-12.

Государственные административные органы
советских районов Китая и КНР
в период 1931–1958 гг.

Ершов Александр Валерьевич

*Институт Дальнего Востока Российской
академии наук, (Москва)*

State Administrative Bodies of the Soviet Areas
of China and PRC During 1931–1958

Ershov Alexander Valerevich

*Institute of Far Eastern Studies of the Russian
Academy of Sciences (Moscow)*

Abstract. The history of PRC's state administration goes back to the period of the second civil war in China, 1927–1936. In the process China's liberation from the power of the Kuomintang the PLA had created new state and administration bodies in the liberated areas. To accelerate the integration of different parts of China into a single state during 1949–1954 major administrative areas were formed. On September 20, 1954, the first session of the NPC adopted the first Constitution of China. Due to objective and subjective processes in the PRC the final formation of the state authorities system and public administration had not been completed in the 1950s.

Keywords: state body; local administrative bodies; the people's liberation army; military-administrative committees (MAC); military control committees (MCC); military control; people's governments; people's committees; major administrative regions; Central People's Government Council (CPGC); Chinese People's Political Consultative Conference (CPPCC); State Administrative Council (SAC); The State Council; National People's Congress (NPC); Assembly of People's Representatives.

Процесс формирования китайской системы государственно-го управления советского типа начался в 1930-е гг. в так называемых «советских районах» («сувэйай цюй»), которые после своего образования находились под управлением КПК и не имели единой системы органов управления. Вследствие выбранной ориентации на СССР советский опыт государственного строительства был взят на вооружение и вскоре в 1931 г. в Китайской советской республике (КСР) создаются такие органы как: Центральный исполнительный комитет (ЦИК), Совет народных комиссаров (СНК) и Советы депутатов и их исполнительные комитеты. Вследствие ряда причин КСР была ликвидирована, а основные вооруженные силы коммунистов перебазировались на северо-запад Китая. В ходе партийно-государственного строительства в пограничном районе Шэньси-Ганьсу-Нинься (также и в других освобожденных районах) был получен практический опыт административной деятельности.

После окончания войны против Японии в 1945 г. и завершения гражданской войны в Китае и образования КНР в 1949 г. на большей части Китая (за исключением Тайваня, Макао, Гонконга) устанавливается власть КПК. В силу ряда причин (нехватки на местах квалифицированных управленцев, преданных новой власти, наличия в прежнем аппарате управления «нетрудовых элементов» и др.) установление власти на местах носило специфический характер. Главной опорой были вооруженные силы (НОАК), которые формировали военно-контрольные комитеты (ВКК), являвшиеся главным органом власти на местах; остальные местные органы подчинялись ВКК. По мере ликвидации гоминьдановских органов управления ВКК создавали местные народные правительства и конференции народных представителей. Для ускорения интеграции разных частей Китая в единое государство из освобожденных районов формируется шесть крупных административных районов [Фань Сяочунь 2011]. Сессия Народного политического консультативного совета Китая (НПКСК) 1 сентября 1949 г. принимает общую программу НПКСК (временная конституция) и закон об организации Центрального народного правительства. Начинается формирование системы государственного управления КНР на основе имеющегося опыта государственного строительства в освобожденных районах и советской практики [Ершов 2018]. Центральный народный правительственный совет (ЦНПС) стал центральным органом власти, вошедший в его состав Административный совет – высшим органом государственного управления (правительством). Данная структура управления страной действует до окончания восстановительного периода. В 1954 г. открывается первая сессия нового высшего органа власти – Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП), которое принимает первую конституцию КНР. После принятия кон-

ституции начала формироваться новая система органов государственной власти и государственного управления [Основные нормативные акты... 1959]. Процессы объективного и субъективного характера [Егоров 1993] не позволили завершить данный процесс, а идейно-политические компании и усиление авторитарного начала [Мамаева 2007] в государственном управлении нанесли административной системе КНР значительный урон.

Литература

- Фань Сяочунь, Чжунго да синчжэнцзюй 1949–1954 нянь (Большие административные районы КНР: 1949–1954 гг.) Шанхай: «Дунфан чубаньшэ чжунсинь», 2011 383с.
- Ершов А. В. История формирования системы органов государственного управления КНР в период 1949–1957 гг. // *Проблемы Новой и Новейшей истории Китая*. Сб. статей / Отв. ред. Д.А. Смирнов. М.: ИДВ РАН, 2018. С. 232–248.
- Основные нормативные акты о местных органах государственной власти и государственного управления Китайской народной республикой: Сборник документов. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1959. 504с.
- Егоров К.А. Китайская Народная республика: Политическая система и политическая динамика (80-е гг.) М.: Наука, 1993. С. 19.
- Мамаева Н.Л. Партия и власть: Компартия Китая и проблемы реформы политической системы. М.: Русская Панорама, 2007. С. 30.

Особенности общества эпохи Западное Чжоу
(1027–771 гг. до н.э.) на основе археологических
памятников восточной части реки Фэн

Ефименко Мария Владимировна

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Москва)*

Features of the Western Zhou Society (1027–771)
Based on the Archeological Sites
of the Eastern Feng River

Efimenko Mariia Vladimirovna

*Higher School of Economics of National
Research University (Moscow)*

Abstract. Four biggest archeological sites of Western Zhou era were under investigation. Workshops for the manufacture of high-quality ceramics and tiles were located there. It could be used to create the Palace, and also to serve the needs of the aristocracy in the capital of Hao on this bank of the Feng river.

Keywords: Western Zhou era; ethnicity; ceramic complexes; Feng river excavations; the Fifth Palace.

На данный момент историки продвинулись достаточно далеко в изучении истории государства Западная Чжоу (1027–771 гг. до н.э.).* Их исследования базируются на анализе эпиграфических источников (надписей на бронзовых изделиях) [Крюков 1997; Крюков 2000; Falkenhausen 1989; Khayutina 2015; Khayutina 2016; Nivison 2018; Shaughnessy 2017; Shaughnessy 1991], велика роль и более поздних нарративных источников, нельзя забывать и о роли археологического материала. Описание археологических памятников и основных этапов раскопок на них встречается в отечественном и западном востоковедении в некоторых работах по истории Китая [Васильев 1995; Васильев 1998; Ефименко 2018; История Китая 2016; Комиссаров 1985; Комиссаров 1988; Falkenhausen 1989; Shaughnessy 2017; Shaughnessy 1991]. Однако, археологический материал редко становится предметом исследования. В данной работе мы попытаемся на основе археологического материала с памятников восточной части реки Фэн реконструировать общество эпохи Западного Чжоу на этом берегу реки. Исследование базируется на отчетах о раскопках китайских коллег [Su Binqi, Wu Ruzuo 1956; Hu Jianying 1963; Dai Yingxin 1986; He Hannan 1957; Dai Yingxin 1988; Zheng Hongchun; Mu Haiting 1988; Zhen Hongchun; Mu Haiting 1992].

Река Фэн (沅河 *Fenghe*) протекает на западе Великой равнины на территории современной пров. Шэньси в 20 км к юго-западу от г. Сиань. Разведка на территории пристольичного региона на обоих берегах реки Фэн началась еще в 1950-е гг. На западном берегу раскопки были опосредованы строительством нескольких заводов и фабрик, во время которых случайно был обнаружен археологический материал. Это способствовало и продвижению разведки на восточном берегу реки Фэн. Как было обнаружено в ходе разведки, здесь залегает материал трех эпох: Западной Чжоу (1027–771 гг. до н.э.), Хань (3 в. до н.э. – 3 в.) и Тан (618 – 907 гг.). В результате дальнейших исследований были обнаружены столицы Западного Чжоу – Фэн 丰 *Feng* (на западном берегу) и Хао 镐 *Hao* (на восточном берегу). Однако, также стало ясно, что столица Хао и ее округа были затоплены водохранилищем ханьского времени Куньмин (昆明池 *Kunmingchi*) и большая часть их материала была безвозвратно утеряна.

*В современной китаистике бытует несколько дат начала эпохи Западное Чжоу. Это связано с тем, что в Китае не существовало единой системы летоисчисления. Достоверные даты начинаются с 841 г. до н.э., все более ранние даты так и ли иначе высчитываются исследователями. Данная проблема подробно разбирается в специальных работах. Мы придерживаемся даты 1027 г. до н.э., как это указано в 1 томе «Истории Китая» 2016 г., там же можно прочитать о дискуссии и других предложенных специалистами датах, которые лежат в диапазоне между 1050–1045 гг. до н.э. См. [История Китая 2016: 639–647].

В данной работе был исследован материал с четырех археологических памятников восточной части реки Фэн: Лошуй (落水村 *Luoshuicun*), Пуду (普渡村 *Puducun*), Байцзячжуан (白家庄 *Baijiazhuang*) и Хуаюань (花园村 *Huayuanacun*), а также материал храмового сооружения, расположенного на территории трех из упомянутых памятников («Пятый дворец»).

Памятник Лошуй расположен на севере восточной части реки Фэн. В разные годы на памятнике были обнаружены печи для обжига глины (всего здесь было обнаружено 10 одинаковых печей для обжига керамики), зольники с бракованными изделиями и необожженной глиной, мусорные ямы раннего и позднего периодов Западного Чжоу с различными инструментами, украшениями, много битой керамики и глиняной черепицы, прямоугольный колодец западножоуского времени с остатками строительного материала [Dai Yingxin 1986; Dai Yingxin 1988; Zheng Hongchun, Mu Haiting 1988].

К юго-западу от пам. Лошуй расположен пам. Пуду, где были найдены одна аристократическая могила, 32 могилы с неясным социальным статусом, 2 жертвенные ямы с лошадьми и колесницами, а также четыре комнаты полуземляночного типа. Керамический комплекс из могил повторяет комплекс из пам. Чжанцзяпо на западном берегу. На могильнике Пуду также можно выделить все керамические комплексы, которые характеризуют все три этнические группы могильника Чжанцзяпо: шанский, чжоуский и иноэтничный компоненты [Ефименко 2018; Zhen Hongchun, Mu Haiting 1992].

Пам. Байцзячжуан расположен к юго-востоку от пам. Пуду. Здесь была обнаружена комната полуземляночного типа с каменными предметами (топор, нож, боек топора, шарик и зернотерка), предметами из металла (наконечник стрелы, толстые иглами), из устричной раковины (нож и украшения одежды), предметы из кости и рога (лопаточка, наконечник стрелы и терка), кости для гаданий и шпильки для волос. Обнаружены также предметы из глины (глиняный шарик, головка коровы), большое число битой керамики разных типов и битой черепицы. В целом в слоях разных периодов обнаружено большое количество костей оленя и коровы: рога, головы, иные кости. Позднее были обнаружены две печи для обжига сложной конструкции [Dai Yingxin 1988; Zheng Hongchun, Mu Haiting 1988].

Пам. Хуаюань расположен к западу от пам. Байцзячжуан. На нем были обнаружены 25 могил, сопроводительный инвентарь которых представлен керамическими сосудами, украшениями из раковины и нефрита, несколькими бронзовыми сосудами и клевцами из раковины. На бронзовых сосудах отсутствуют надписи [Zheng Hongchun, Mu Haiting 1988].

На территории между пам. Хуаюань, Лошуй и Пубу было обнаружено дворцовое сооружение из трамбованной глины, которое было названо «Пятым Дворцом». Главное здание состоит из четырех стен. Сохранились фрагменты стен от 14 до 22 м длиной, толщина стен 1,1 м. Были обнаружены 9 ям под основание столбов: три прямоугольные (0,25х0,16 м) и шесть овальные (диаметр от 0,2 до 0,4 м) [Zhen Hongchun, Mu Haiting 1992: 78].

Таким образом, мы можем заключить, что в районе к востоку от реки Фэн располагались мастерские по изготовлению высококачественной керамики и черепицы. Они могли использоваться здесь же при создании дворца, а также обслуживать нужды аристократии в столице Хао на этом берегу реки. Материал из могил (пам. Пуду и пам. Хуаюань) говорит нам о том, что погребенные одного социального статуса, за исключением одной могилы из пам. Пуду. Сходство керамических комплексов из могил пам. Пуду и из могил пам. Чжанцзяпо на западном берегу реки может говорить о том, что на могильнике представлены три керамических комплекса, которые уже были выделены ранее: чжоуский, шанский и иноэтничный, характеризующие различную этническую принадлежность погребенных.

Литература

- Васильев Л.С. Древний Китай. Т.1. Москва: Восточная литература; 1995.
- Васильев К. В. Истоки китайской цивилизации. Москва: Восточная литература; 1998.
- Ефименко М.В. О социальном и региональном разнообразии западночжоуского общества (на основе выделения керамических комплексов могильника Чжанцзяпо). Общество и государство в Китае // Ученые записки отдела Китая ИВ РАН. 2018; 48: 9-36.
- История Китая с древнейших времён до начала XXI века. Т. 1. Древнейшая и древняя история (по археологическим данным): от палеолита до V в. до н.э. Москва: Наука - Восточная литература; 2016.
- Кучера С. Китайская археология 1965-1974 гг.: палеолит – эпоха Инь. Находки и проблемы. Москва: Наука; 1977.
- Комиссаров С.А. Археология Западного Чжоу – 1027–770 гг. до н.э. (по материалам исследований 70-х гг.) // *Древние культуры Китая. Палеолит, неолит и эпоха металла*. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние; 1985. С. 86-111.
- Комиссаров С.А. Комплекс вооружения Древнего Китая. Эпоха поздней бронзы. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние; 1988.
- Крюков В.М. Ритуальная коммуникация в древнем Китае. Москва: изд-во ИВ РАН; 1997.
- Крюков В.М. Текст и ритуал. Москва: Памятники исторической мысли; 2000.
- Попова Г. С. Значение обнаруженияклада, включающего сосуд Лигуй, для изучения истории Западного Чжоу. История Китая // Материалы

- китаеведческих конференций ИСАА при МГУ (Сб. ст.) (май 2005 г., май 2006 г.). Москва: Гуманитарий; 2007.
- Dai Yingxin. 戴应新. Дай Инсинь. 1979-1981年长安沣西、沣东发掘简报 1979-1981 nian Chang'an Fengxi, Fengdong fajue jianbao (Отчет о раскопках в уезде Чанъань на западном и восточном берегах реки Фэн в 1979-1981 гг.) // *Kaogu* 考古. 1986; 3.
- Dai Yingxin. 戴应新. Дай Инсинь. 1984 年长安普渡村西周墓葬发掘简报 1984 nian Chang'an Puducun Xi Zhou muzang fajue jianbao (Краткий отчет о раскопках западножоуских могил в уезде Чанъань, дер. Пуду в 1884 г.) // *Kaogu* 考古. 1988; 9: 769-799.
- Falkenhausen Lothar von. Niuzhong Chime-Bells of Eastern Zhou China // *Arts asiatiques*; 1989; 44: 68-83.
- He Hannan. 何汉南. Хэ Ханьнань. 长安普渡村西周墓的发掘 Chang'an Puducun Xi Zhou mu de fajue (Раскопки западножоуской могилы в уезде Чанъань, дер. Пуду) // *Kaoguxuebao* 考古学报; 1957; 3: 75-85.
- Hu Jianying. 胡谦盈. Ху Цзяньин. 1961—62 年陕西长安沣东试掘简报 1961-62 nian Shanxi Chang'an Fengdong shijue jianbao (Краткий отчет о разведке в пров. Шэньси, уезде Чанъань, на восточном берегу реки Фэн в 1961-1962 гг.) // *Kaogu* 考古. 1963; 8: 188-197.
- Khayutina M. King Wen, a Settler of Disputes or Judge? The "Yu-Rui case" in the Historical Records and its Historical Background // *Bochumer Jahrbuch zur Ostasienforschung*. 2015; 38: 261-276.
- Khayutina M. The Tombs of the Rulers of Peng Relationships between Zhou and Northern Non-Zhou Linages (Until the Early Ninth Century B.C.) // Shaughnessy, Edward L. (ed.), *Imprints of Kinship: Studies of Recently Discovered Bronze Inscriptions from Ancient China* (Hongkong: Chinese University of Hong Kong Press, 2016), 71-132..
- Nivison D. The He zun Inscription and the Beginning of Zhou // *The Nivison Annals: Selected Works of David S. Nivison on Early Chinese Chronology, Astronomy, and Historiography*. Berlin, Boston: De Gruyter; 2018
- Shaughnessy E. *Newest Sources of Western Zhou History: Inscribed Bronze Vessels, 2000-2010*. Baltimore, Maryland: Project Muse, Hong Kong [China]: Chinese University Press; 2017.
- Shaughnessy E. *Sources of Western Zhou History. Inscribed Bronze Vessels*. Berkeley; 1991.
- Su Binqi, Wu Ruzuo. 苏秉琦, 吴汝祚. Су Биньци, У Жуцзо. 西安附近古文化遗存的类型和分布 Xi'an fujingwenhua yicun de leixing he fenbu (Анализ и классификация остатков древней культуры неподалеку от Сианя) // *Kaogutongxi* 考古通许. 1956; 3: 32-39.
- Zheng Hongchun, Mu Haiting. 郑洪春, 穆海亭. Чжэн Хунчунь, Му Хайтин. 长安县花园村西周墓葬清理简报 Chang'anxian Huayuanacun Xi Zhou muzang qingli jianbao (Отчет о зачистке западножоуских могил в уезде Чанъань, дер. Хуаюань) // *Wenbo* 文博; 1988; 1: 3-5.
- Zhen Hongchun, Mu Haiting. 郑洪春, 穆海亭. Чжэн Хунчунь, Му Хайтин. 镐京西周五号大型宫室建筑基址发掘简报 Haojing Xi Zhou wuhaodaxinggongshi jianzhu jizhi fajue jianbao (Отчет о раскопках фундамента «Пятого большого дворца» столицы Хао эпохи Западное Чжоу) // *Wenbo* 文博. 1992; 4: 76-80.

Фразеологический аспект китайского языка как усиление культурного фона в международных отношениях КНР

Иванченко Надежда Вадимовна

*Челябинский государственный
университет (Челябинск)*

Phraseological Aspect of the Chinese Language as Intensification of the Cultural Background in International Relations of the PRC

Ivanchenko Nadezhda Vadimovna

*Chelyabinsk State University
(Chelyabinsk)*

Abstract. The article represents brief analysis of a series of speeches held by the President of the People's Republic of China Xi Jinping in 2014–2018. The analysis was performed to determine the relevance of phraseological units that represent the values of traditional Chinese culture. As a result, various kinds of stable language units (phraseological units) such as *chengyu*, *jinjiu*, *yanyu*, *suoyu* revealed in the number of analyzed texts. In addition to stable language units originated from Confucian canonical books, Xi Jinping also uses a number of stable language units from other Classical books and texts. Using the example of Xi Jinping's analysis of speeches, the reader can see how often he refers to China's rich literary heritage. Stable language units appeared in political discourse are an example of "unity tactics" as a part of communication strategy. In this case stable language units are used as a tool to verbalize general cultural values. And the process of speech influence itself is often used to convince listeners in the accuracy of the PRC's strategy.

Keywords: stable language unit (phraseological unit); Xi Jinping; written cultural heritage; Chinese language; international relationship; PRC foreign policy.

В ходе многих дипломатических мероприятий председатель КНР Си Цзиньпин часто обращается к богатой фразеологии китайского языка и использует цитаты из китайской классической литературы. Проведенный нами анализ содержания текстов выступлений председателя не только демонстрирует глубокое знание им конфуцианского культурного наследия, но и служит для усиления экспрессивности, разъяснения политической позиции, сокращения дистанции с аудиторией.

С самых первых выступлений Си Цзиньпин цитирует широко известные чэньюй: 和而不同 *hé ér bù tóng* (достигать согласия при наличии разногласий); 出入相友, 守望相助 *chū rù xiāng yǒu, shǒu wàng xiāng zhù* (быть со всеми в дружеских отношениях); 君子喻于义 *jūn zǐ yù yú yì* (благородный муж думает о долге); 民惟邦本 *mín wéi bāng běn* (народ – основа государства); 天人合一 *tiān rén hé yī* (природа и человек едины) и другие [Xí Jìnpíng 2014a]. 有朋自远方来, 不亦乐乎 *yǒu péng zì yuǎnfāng lái, bù yì lè hū* (Разве не радостно, когда друзья приезжают издалека; 远亲不如近邻 *yuǎnqīn bù rú jìnlín* (близкий сосед лучше дальней родни; 物之不齐, 物之情也 *wù zhī bù qí, wù zhī qíng yě* (в мире существует великое разнообразие вещей, так и должно быть, это закон природы); 亲仁善邻, 国之宝也 *qīn rén shàn lín, guózhī bǎo yě* (как с соседями в близких отношениях, так и с соседними государствами тоже в хорошей дружбе). [Xí Jìnpíng 2014, 2014a].

Пропаганда культурных ценностей Китая выходит за рамки страны вместе с речами Си Цзиньпина на международной арене: в дни проведения Генеральной Ассамблеи ООН 70-го созыва Си Цзиньпин в своей речи очень метко употребил чэньюй 大道之行也, 天下为公 *Dàdào zhī xíng yě, tiānxià wéi gōng* (единственно верный путь, когда Поднебесная есть общественное достояние), подразумевая под Поднебесной весь мир и подчеркивая важность соблюдения принципов Устава ООН.

Выступление Си Цзиньпина на международном форуме «Один пояс, один путь» 14-15 мая 2017 г. в Пекине: 桃李不言, 下自成蹊 *táo lǐ bù yán, xià zì chéng xí* (высокие качества, ум, талант безо всяких слов привлекают сердца людей; за реальными достижениями приходит и слава); 万事开头难 *wànshì kāitóu nán* (начинать всегда трудно) и т.д. [Xí Jìnpíng 2017]

Выступление Си Цзиньпина на церемонии открытия первой китайской международной Экспо: 以邻为壑 *yǐ lín wéi hè* (взваливать свои трудности на другого, решать свои проблемы за чужой счет); 一花独放不是春, 百花齐放春满园 *yī huā dú fàng bú shì chūn, bǎihuā qí fàng*, *Bǎihuā qí fàng chūnmǎn yuán* (один цветок весны не делает, весна приходит, когда распускаются все цветы) и т.д. [Xí Jìnpíng 2018]

Анализ текстов можно проводить по мере публикации текста выступлений и, воистину, стратегия убеждения Си Цзиньпина раз за разом воплощается в использовании изобразительных средств языка.

Невозможно не отметить и сборник 习近平讲故事 Xí Jìnpíng jiǎng gùshì («Истории из уст Си Цзиньпина»), выпущенный в 2017 году, представляющий собой сборник отрывков речей, произнесенных председателем внутри и за пределами Китая, а также заметки, интервью, мини-истории, статья, зарисовки, публицистические рассказы, притчи и иные отрывки публицистического, художественно-публицистического, аналитического и других жанров. Треть историй книги относятся к внешнеполитической сфере [Истории 2019].

Широкое употребление фразеологических единиц в текстах выступлений Си Цзиньпина, ориентированных на международную аудиторию, является примером стратегии убеждения общественности в правильности стратегии Китая, пропагандирует китайскую традиционную культуру и нравственные ценности. В связи с этим, анализ такого рода лексических единиц может представлять интерес не только для филологов, но и для специалистов по международным отношениям, регионоведов, политологов.

Литература

Xí Jìnpíng: Zài jìniàn kǒngzǐ dànchéng 2565 zhōunián guójì xuéshù yántǎo huì shàng de jiǎnghuà 2014 nián 09 yuè 24 rì 16:47:54. 习近平：在纪念孔子诞辰2565周年国际学术研讨会上的讲话 2014 年 09 月 24 日 16:47:54 Láiyuán: Xīnhuá wǎng 来源：新华网. 2014. – URL: http://news.xinhuanet.com/politics/2014-09/24/c_1112612018.htm (дата обращения 25.02.2019).

Xí Jìnpíng: Qīngnián yào zìjué jiàn xíng shèhuì zhūyìhé xīn jiàzhíguān – zài běijīng dàxué shī shēng zuótán huì shàng de jiǎnghuà 2014 nián 05 yuè 05 rì 01:00:34 习近平：青年要自觉践行社会主义核心价值观 – 在北京大学师生座谈会上的讲话 2014 年 05 月 05 日 01:00:34 Láiyuán: Xīnhuá wǎng 来源：新华网. 2014a. – URL: http://news.xinhuanet.com/politics/2014-05/05/c_1110528066.htm (дата обращения 29.03.2019).

Xí Jìnpíng zài “yīdài yīlù” guójì hézuò gāofēng lùntán kāimù shì shàng de yǎnjiǎng (quánwén) (President Xi's speech at opening of Belt and Road forum) 习近平在“一带一路”国际合作高峰论坛开幕式上的演讲（全文）– URL: http://www.china.org.cn/english/china_key_words/2017-05/15/content_41055107.htm (дата обращения 21.03.2019).

Xí Jìnpíng zài shǒujiè zhōngguó guójì jìnkǒu bólǎnhuì kāimù shì shàng de zhǔzhǐ yǎnjiǎng (quánwén) (Keynote speech by President Xi Jinping at opening ceremony of 1st China International Import Expo) 习近平在首届中国国际进口博览会开幕式上的主旨演讲（全文）– URL: http://www.china.org.cn/chinese/2018-11/06/content_70556579.htm (дата обращения 05.04.2019).

Истории из уст Си Цзиньпина / Пер. с кит. Семенова А.В., Семеновой Т.Г. Сост.: Отдел комментариев и рецензий газеты «Жэньминьжибао». М.: Шанс, 2019. 399 с.

Особенности драматургии в период
после «Культурной революции» на примере
пьесы Ша Есиня «Градоначальник Чэнь И» (1980)

Игнатенко Александр Владимирович

*Российский университет
дружбы народов (Москва)*

Peculiarities of Dramaturgy in the Period After
the “Cultural Revolution” on the Example
of the Sha Esin’s Play “Gradonal Chen Yi” (1980)

Ignatenko Aleksandr Vladimirovich

*Peoples’ Friendship University
of Russia (Moscow)*

Abstract: The article discusses the features of dramaturgy of the late 70-s of the 20th century on the example of the play “Mayor Chen I” by Sha Yesin (1980). The main idea of dramaturgy of this period is the desire to stop social unrest and return to the path of peaceful transformation and economic development. The basis of the new dramaturgy of this period is the method of realism by G. Ibsen, A.P. Chekhov and K.S. Stanislavsky, which Chinese literature began to develop in the first half of the 20th century under the influence of numerous translations of Western drama works and continued by inertia after the struggle with all foreign in the period of the Cultural Revolution. The work concludes that the period of the late 70-s 20th century the drama was keenly felt, on the one hand, for a heroically extraordinary and deeply patriotic personality, and on the other, the form of the new Chinese drama was similar to the best examples of Western innovators of the experimental theater.

Keywords: drama; theater; “Cultural Revolution”; play; Sha Yesin

Окончание и переосмысление длившейся целое десятилетие «Культурной революции» (1966-1976) в Китае отмечено в конце 70-х гг. новым периодом возрождения и расцвета драматургического и театрального искусства. Представителями новой китайской драмы в 1977-1980 гг. становятся драматурги и писатели Цзинь Чжэньцзя (金振家 Jin Zhenjia) и Ван Цзинюй (王景愚 Wang Jingyu) («Когда краснеют листья клёна» / «枫叶红了的时候» Fengyehongledeshihou, 1976), Су Шуян (苏叔阳 Su Shuyang) («Предел преданности» / «丹心谱» Dangxinpu, 1978), Цзун Фусянь (宗福先 Zong Fuxian) («У тихого места» / «于无声处» Yuwushengchu, 1978) и др.

Основной идеей драматургии этого периода становится стремление прекратить общественные беспорядки и вернуться на путь мирных преобразований и экономического развития [Tan Peisheng 1986: 8-10]. По форме это, как правило, пьесы состоящие из нескольких актов, действий с линейным сюжетом и социально-политической фабулы.

Вслед за первой волной «литературной оттепели» этого периода на литературно-драматическую арену сразу выходят такие драматические писатели, как Ша Есинь (沙叶新 Sha Yexin) с пьесой «Градоначальник Чэнь И»* / «陈毅市长» Cheng Yishizhang (1980), Чжун Цзеин (中杰英 Zhong Jieying) с «Пасмурное королевство Парижа» / «灰色过往的巴黎» Huiseguowangde Bali (1980), Цзун Фусянь (宗福先 Zong Fuxian) и Хэ Гофу (贺国甫 He Guofu) с «Кровь, всегда горячая» / «血，总是热的» Xue, zongshi rede (1983), Лян Бинкунь (梁秉坤 Liang Bingkun) с «Кто сильный» / «谁是强者» Shui shi qiangzhe (1983) и др. Первые постановки этих произведений сразу вызвали общественный резонанс у публики.

В основе новой драматургии этого периода лежит метод реализма Г. Ибсена, А.П. Чехова и К.С. Станиславского, который китайская литература начала осваивать ещё в первой половине XX в. под влиянием многочисленных переводов западных драматических произведений и продолжила по инерции после борьбы со всем иностранным в период «Культурной революции».

Примечательно, что ещё в 1950-е гг. в театральных кругах в Китае предвзятю относились к методу К.С. Станиславского, что вело к недостаткам концептуализации во время выступлений и невозможности глубоко проникнуть во внутренний мир персонажей. С этим связана практика национализации разговорной драмы Цзяо Цзюиня, который впервые применил приёмы китайского национального театра в драме Го Можо «Знак военачальника» (1956) [Цзоу Хун, Ван Цуйянь, Ли Мэн 2015: 164-165].

*Чэнь И – китайский военный и политический деятель, первый мэр Шанхая, министр иностранных дел КНР в 1958-1972 гг.

Тяжёлые последствия «Культурной революции» легли в основу многих произведений драматурга и политического активиста Ша Есиня (1939-2018). Он написал более 30 пьес, комедий, сценариев и др. произведений. Одной из дебютных его работ стала комедия «Один фэнь» / «一分钱» *Yifengqian* (1966). А уже в 1980 г. за патриотическую пьесу «Градоначальник Чэнь И» / «陈毅市长» *Chen Yishizhang* Ша Есинь получает всекитайское признание и премию за «Лучшее драматическое произведение» и за «Лучшее литературное произведение литератур национальных меньшинств» [*Zhongguo xiandangdai...* 2016: 559].

Материалом пьесы «Градоначальник Чэнь И» (1980) стал период правления шанхайского градоначальника Чэнь И. Успех ей принёс живой образ незаурядной и действенной фигуры мэра города. Чэнь И показан не только как пролетарский революционер, но и как выдающийся мыслитель, яркая личность и обычный человек. Он решает сложные общественные задачи и проводит политику в интересах партии. В пьесе показано его отношение к личному составу Гоминьдана, капиталистам, интеллигенции, рабочим и командному составу. Целью градоначальника становится превращение Шанхая в процветающий и развивающийся город. Чэнь И изображается превосходным лидером и национальным героем. В 1981 г. пьеса была экранизирована.

Пьеса обладает новаторски-оригинальной художественной формой и драматической структурой. В ней нет одного центрального постоянного конфликта. Десять сцен выступают десятью небольшими историями, связанными главной фигурой Чэнь И. Каждая сцена является самостоятельным актом с самостоятельным сюжетом и конфликтом, которые отвечают законам классической аристотелевской драматургии. Но в то же время, объединение этих небольших сцен вокруг одного центрального героя, где показан путь его возвышения и становления, по форме, скорее, можно отнести к экспериментальной драматургии Б. Брехта.

Таким образом, можно сделать вывод, что у драматургии в период после «Культурной революции» был запрос, с одной стороны, на героически незаурядную, исторически-деятельную и глубоко патриотическую личность, а с другой, форма новой китайской драматургии схожа с лучшими образцами западных новаторов экспериментального театра.

Литература

- Цзоу Хун, Ван Цуйянь, Ли Мэн. Сто лет китайской драматургии (1900-2000 гг.). Пекин: Шанс, 2015. 322 с.
- Tan Peisheng. 谭霈生 Dangdai xiju guannian de bianhua. 当代戏剧观念的新变化. *Xiju bao* 戏剧报, 1986.
- Zhongguo xiandangdai wenxue shi (1898—2015). 中国现当代文学史 / Cao Wansheng zhubian 曹万生主编. Beijing: 北京: Zhongguo Renmin Daxue chubanshe, 中国人民大学出版社. 2016. – 685页.

Трансформация традиционных образов
и мотивов китайских народных сказок
в романе Юй Хуа «Братья»

Кондратова Татьяна Ивановна

*Московский городской педагогический
университет (Москва)*

Салтанова Надежда Юрьевна

*Московский городской педагогический
университет (Москва)*

The Transformation of the Traditional Images
and Motifs Chinese Folk Tales
in the Novel Yu Hua «Brothers»

Kondratova Tatiana Ivanovna

Moscow City University (Moscow)

Saltanova Nadezhda Yurievna

Moscow City University (Moscow)

Abstract. The article considers some issues of the novel “Brothers” written by the famous contemporary Chinese writer Yu Hua in the light of folklore influence. Thus, the archetypal fairy tale situations of fraternal friendship or enmity in the novel are transformed, following the author’s idea.

Keywords: folklore; fairy tale; archetype; motif.

Роман известного китайского писателя Юй Хуа «Братья» [Юй Хуа 2015], бесспорно, относится к числу самых притягательных явлений современного словесного искусства Поднебесной: привлекает как его необычное содержание, так и соответствующая ему интересная сказовая форма. Читатель с первых страниц романа погружается в стихию определенной игры, постоянных интертекстуальных соответствий, переосмысливания явлений предшествующей культуры, свойственных постмодернистской традиции.

Одно из сильнейших влияний, которое обнаруживается в тексте, фольклорное. В архитектонике всего произведения реализуются и переосмысливаются различные архетипические ситуации китайских народных сказок.

В китайском сказочном фольклоре есть сюжеты, связанные с жизнью – помощью или соперничеством – братьев. Например, в сказке «Семеро братьев» сила братства такова, что герои способны отодвинуть горы и море, победить и всех несправедливых придворных, и даже императора [Сказки Китая 1993: 196-198].

Однако чаще в китайских сказках мы встречаем сюжеты, построенные на противопоставлении братьев. Как и в традиции европейских сказок, симпатии народа всегда были отданы младшему: честному, верному, трудолюбивому, незаслуженно обделенному при дележе наследства. Ему традиционно противопоставлен ленивый, нечестный, корыстный старший брат. Народная китайская сказка изображает ситуацию, которая, согласно конфуцианским взглядам на отношения внутри семьи, не должна существовать, ведь задача старшего – заботиться о младшем. В сказках же поведение брата полностью противоречит конфуцианской идеологии.

В сказочном фольклоре Китая есть ситуации соперничества братьев в любви к одной девушке. И в этом своеобразном поединке младший действует честно, проявляя храбрость и самопожертвование – старший же, как правило, хитростью присваивает себе результаты своего брата. Однако эта победа в сказке всегда временна, поскольку правда в финале торжествует: младшего ждет награда – старшего наказание. Таким образом, симпатия народа, отраженная в китайских народных сказках, всегда на стороне младшего – обездоленного, но честного и трудолюбивого.

Понятие братства в китайском фольклоре неоднозначно: это и нерушимая связь не родных по крови, но объединенных общей идеей людей, и взаимопомощь, и самопожертвование родных братьев, и братская вражда, разделяющая людей, приводящая к предательству.

Все эти сказочные мотивы и ситуации нашли отражение в романе Юй Хуа «Братья» [Юй Хуа 2015]. Главные герои произведения, Бритый Ли и Сун Ган, именно названные братья. Их нельзя назвать сводными,

поскольку кровной связи между ними нет. Бритый Ли – сын скромной работницы Ли Лань, а Сун Ган – сын учителя Сун Фанпина.

Юй Хуа, бесспорно, переиначивает традиционную сказочную ситуацию: старший, Сун Ган, является в романе воплощением многих замечательных человеческих качеств: он умен, терпелив, добр, честен, трудолюбив. Сын учителя, внук помещика, Сун Ган воспринял отношения с Бритым Ли в истинно конфуцианской традиции: он старший, значит, должен заботиться о младшем, беречь его, как он обещал умирающей Ли Лань. Он готов жертвовать многим ради брата: вяжет ему одежду, уступает во всем, отдает свои обеды, талоны. Причем, Бритый Ли воспринимает это как само собой разумеющееся. Образ младшего брата здесь тоже трансформирован: не любящий трудиться, но умеющий извлечь выгоду из самой скверной истории, дерзкий, по-своему обаятельный в своей непосредственности, герой напоминает Сунь Укуна из «Путешествия на Запад» У Чэнцэня.

В первой части романа образы братьев представляют отражение их фольклорных двойников в кривом зеркале. Симпатии читателя, конечно же, отданы Сун Гану, воплотившему многие лучшие черты человеческого характера. Однако писателю важно показать живое течение жизни, в которой повороты непредсказуемы, следствия событий неожиданны. Создав ситуацию, которая традиционна для фольклора – соперничество братьев в любви к одной красавице, Юй Хуа приводит ее к неожиданному завершению. Решивший жениться на Лин Хун Бритый Ли – младший брат – неожиданно обнаруживает соперника в лице старшего брата. И самое главное – чувства девушки отданы не младшему, а старшему. И старший будет готов пожертвовать собой, своими чувствами ради брата, тогда как младший ни к какому самопожертвованию не способен. Ситуация героев отражает новые реалии времени, невозможные для сказочного сюжета: счастье и несчастье героев зависит от выбора самой девушки. И автор вновь включает нас в атмосферу игры: пусть наоборот, но роман повторяет сказочную концовку: умный, честный и трудолюбивый Сун Ган стал счастливым мужем.

Юй Хуа пишет продолжение «сказки» про двух братьев, убеждая, что варианты их судеб зависят не только от их личных нравственных качеств, но и от особенностей исторической ситуации. Действие романа происходит и в годы культурной революции, и в период новых экономических реформ. Интеллигент Сун Ган пройдет путь от подающего надежды талантливой юноши до больного, исковеркавшего и душу, и тело человека, которого жизнь окончательно сломала. Не перенеся измены жены и предательства брата, Сун Ган кончает жизнь самоубийством: ложится под поезд. Бритый Ли, напротив, реализует свою жизненную энергию в массе и серьезных, и пошлых дел: начав

с артели инвалидов, он занимается сбором мусора, богатеет и тратит деньги на перестройку Лючжэни, проводит конкурс красоты среди девственниц, который полностью не соответствует его названию. Роман имеет кольцевую композицию: уже в самом его начале мы узнаем, что лючжэньский миллиардер Бритый Ли собирается на космическом корабле полететь в космос, чтобы рассеять там прах своего брата. Потерю брата герой воспринимает и как конец своей собственной жизни.

Таким образом, отталкиваясь от фольклорной, сказочной, ситуации, Юй Хуа создает пронзительную по силе трагизма историю двух братьев, разлученных из-за любви к одной девушке и не способных обрести счастье вне братских уз. Роман наглядно демонстрирует изменение идеалов, воплощенных в народной сказке.

Литература

Юй Хуа. Братья / Перев. Ю. Дрейзис. М.: Текст, 2015. 574 с.

Сказки Китая / Перев. с кит. Б. Рифтина. М.: Худож. лит., 1993. 382 с.

Тяньцзинь в окуляре «подзорной трубы» – о новом историческом романе Фэн Цзицая

Коробова Анастасия Николаевна

*Институт Дальнего Востока Российской
академии наук (Москва)*

Tianjin in the “Monocular Telescope” Eyepiece – a New Historical Novel by Feng Jicai

Korobova Anastasia Nikolaevna

*Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy
of Sciences (Moscow)*

Abstract. Feng Jicai's first historical novels, in particular “Yihequan” (1977, co-written with Li Dingxing) and “The Miraculous Lamp” (1979) are focused on the Boxers rebellion in Tianjin, the rebellion is treated in both novels as the clash between Chinese and Western cultures, and the concept of public revenge is represented as upholding of moral justice. The latest novel by Feng Jicai, “Monocular Telescope” (2018), also describes events in Tianjin that have been occurred during the Boxers rebellion, but it is very different from the previous two. This is the tragic-end love-story of Chinese merchant and a French girl. Since heroes of the novel used to peep at each other with monocular telescope, it serves here as a symbolic communication tool, when a communication is distant, selective and full of prejudgment.

Keywords: Feng Jicai; contemporary Chinese literature; historical novel; The Boxers Rebellion.

Профессиональный спортсмен, затем художник, каллиграф и преподаватель живописи, Фэн Цзицай 冯骥才 (Féng Jìcái, род. 1942) вошел в литературу в конце 1970-х с историческими романами о восстании *ихэтуаней*, позднее получил известность как один из представителей «литературы шрамов», повествующей о трагических событиях «культурной революции». Среди его произведений – 3 романа, рассказы и повести, эссе, очерки, публицистика, документалистика [Feng Jìcái 2005].

Фэн Цзицай родился на территории французской концессии в Тяньцзине, рос на территории британской – большая часть Тяньцзиня, крупнейшего порта на севере Китая, была поделена в конце XIX века девятью иностранными державами на концессии, в каждой из которых существовали свои вооруженные силы, административные органы, больницы, почты.

Разность цивилизаций, их неготовность к диалогу, существование наряду с иностранными концессиями «старого города», где жили простолюдины, столкновение культур и реакция на это столкновение не раз описана в его прозе.

Знакомство писателя с новейшей историей города, и в частности, с восстанием *ихэтуаней* («Отрядов справедливости и мира» 义和团 yìhétuán) в 1900 году, обусловило выбор этой темы для нескольких произведений, действие которых происходит в Тяньцзине, – 16 мая 1900 г. к крепости Дагу близ Тяньцзиня подошла объединенная эскадра европейских кораблей, а 17 июня 1900 года крепость была захвачена сводным отрядом иностранных войск, что фактически означало начало войны между иностранными державами и правительством Китая. Само восстание *ихэтуаней*, как известно, было во многом протестом традиционного китайского общества против экспансии иностранцев.

В 1977 году Фэн Цзицай совместно с историком Ли Динсином опубликовал свой первый роман «Кулак во имя справедливости и мира» («义和拳» Yìhéquán) [Feng Jìcái, Li Dìngxìng 1977]. Вскоре Фэн Цзицай вышел в свет еще один его исторический роман «Волшебный фонарь» («神灯» Shén dēng, 1979) [Feng Jìcái 1981] о группировке молодых девушек, участвовавших в движении *ихэтуаней* и якобы владевших мистическими техниками, – «Зарево красных фонарей» (红灯照 Hóng dēng zhào). В отличие от основной массы восставших, они не столько вели военные действия, сколько поджигали католические храмы, иностранные дома и лавки иностранных купцов.

Оба романа могут служить материалом для размышлений на тему истоков конфликта, но главное их достоинство – удачная попытка передать дух эпохи и местный колорит. В первом из них особый акцент сделан на европейской политике грабежа Китая под прикрытием распространения христианства и, соответственно, антимиссионер-

ской направленности восстания. Священники в романе «Кулак во имя справедливости и мира» – олицетворение лицемерия и стремления к наживе. Отметим также, что в первых романах Фэн Цзицай ведущий мотив восставших – месть (как личная, так и месть всем «заморским дьяволам»).

Новый роман писателя «Подзорная труба» («单筒望远镜» Dāntǒng wàngyǎnjìng, 2018) [Feng Jicai 2018] также посвящен кровопролитным столкновениям между *ихэтуанями* и иностранцами, но написан в ином ключе. Подзорная труба здесь стала прекрасным символом – ей необходимо пользоваться при взаимном рассмотрении представителям разных цивилизаций, причем увеличительной линзой в этой подзорной трубе должна быть культура. Каждый сам волен сделать выбор – что именно рассматривать в подзорную трубу, и в мирных или военных целях пользоваться ей. В романе она фигурирует дважды: когда вспыхивает любовь между представителем состоятельной тяньцзиньской семьи Оуян и дочерью французского офицера Саной, и они рассматривают город в трубу, а во второй раз – когда труба лежит рядом с телом погибшего офицера (вероятно, отца девушки).

Роман вызвал большой резонанс в Китае и номинирован на самую престижную литературную премию – им. Мао Дуня.

Литература

Feng Jicai fenlei wenji. 16 ce. 冯骥才分类文集. 16 册. Zhengzhou: Zhongzhou guji chubanshe 郑州：中州古籍出版社. [Собрание сочинений Фэн Цзицай в 16 тт.]. Чжэнчжоу, 2005.

Feng Jicai, Li Dingxing. Yihequan (gong liang ce). 冯骥才，李定兴。义和拳（共两册） Beijing: Renmin wenxue chubanshe 北京：人民文学出版社. [Фэн Цзицай, Ли Динсин. Кулак во имя справедливости и мира. Роман в 2-х тт.]. Пекин, 1977. 846 с.

Feng Jicai. Shen deng qian zhuan. 冯骥才。神灯前传。 – 北京：人民文学出版社. [Фэн Цзицай. Волшебный фонарь, первая часть: роман]. Пекин, 1981. 77 с.

Feng Jicai. Dantong wangyuanjing. 冯骥才。单筒望远镜。 [Фэн Цзицай. Подзорная труба] 北京：人民文学出版社 Beijing: Renmin wenxue chubanshe. Пекин, 2018. 248 с.

Проблемы перевода и интерпретации текстов-переложений Бяньвэнь

Круглов Владислав Владиславович

*Московский государственный институт
международных отношений (Москва)*

Problems of Translation and Interpretation of Transformation Texts Bianwen

Kruglov Vladislav Vladislavovich

*Moscow State Institute of International
Relations (Moscow)*

Abstract. The Russian Collection of Dunhuang manuscripts is one of the major and most unique Dunhuang collections in the world. Nowadays this collection dating from 6th-11th centuries is kept in the Institute of Oriental Manuscripts, St. Petersburg and counts more than 20,000 items. As in ancient times and the Middle Ages Dunhuang was a stronghold of the Chinese Empire on its western borders and was then transformed into an important transit point on the Silk Road, it is necessary to study its manuscripts to discover new hidden sides of cultural code of Chinese civilization and its contacts with foreign countries. The author decided to explore “transformation texts” (*bianwen*, 變文), a scientifically important and unique part of the Russian Dunhuang Collection. *Bianwen* is a narrative genre of Chinese vernacular literature, that is introduced in the form of retellings of the complex texts of the Buddhist sutras in readily available language. The article deals with the most vivid examples of *bianwen*. The author offers his own translation and interpretation of these manuscripts. The detailed translation of *bianwen* and interpretation of its particular part help to establish the link between *bianwen* and the subjects of the murals in the Dunhuang caves “*bianxiang*”. As the result, it gives us answers on many questions concerning the interpretation of the wall-paintings in caves of Dunhuang.

Keywords: Dunhuang; Buddhism texts; transformation texts *bianwen*; Dunhuang murals *bianxiang*; Chinese manuscripts.

Наследие Дуньхуана является одной из важных культурно-цивилизационных составляющих диалога Востока и Запада. Этот важный пункт, расположенный на Великом Шёлковом Пути, играл чрезвычайно важную роль в древности для контактов Китая с западными соседями, именно там происходил уникальный межкультурный диалог западной и восточной цивилизаций. В 1907 году западными специалистами была вскрыта пещера, в которой было найдено множество манускриптов, большая часть которых по сей день хранится в Институте восточных рукописей в Санкт-Петербурге. «Жемчужинами» петербургской дуньхуановской коллекции, на наш взгляд, можно назвать тексты-переложения бяньвэнь (變文). Тексты бяньвэнь можно считать одним из видов буддийской проповеди, однако эти тексты не просто читались как молитва и сопровождалась разного рода комментариями, но и дабы привлечь внимание слушателей – было и музыкальное сопровождение, и стихотворное «переложение» проповеди [Bai, Maig 1984: 495]. Бяньвэнь можно считать первыми в истории китайской литературы произведениями, в которых органическое сочетание прозы и стихов является внешним признаком жанра [Jiang 2019: 149]. Бяньвэнь стали неким связующим звеном, которое не только соединяет повествовательную сюжетную прозу III-VI вв. сяошо с последующей китайской прозой, но и закладывает фундамент межкультурного диалога, объединяя индийскую и китайскую литературу. «Датированные рукописи дуньхуановских повествований бяньвэнь все переписаны в X веке» [Меньшиков 1970: 115]. Точнее можно сказать, что процесс переписывания шел с 920 по 978 гг., ориентируясь на наиболее раннюю из бяньвэнь рукопись по «Алмазной сутре» и самую позднюю «Бяньвэнь о ханьском полководце Ван Дине» из коллекции Шао Сюнь-мэя [Li 2011: 137]. Безусловно, это относится исключительно ко времени переписывания данных произведений, но никак ни ко времени создания. Сам жанр зародился около середины VIII века, и представлял собой один из видов буддийской проповеди. Как известно, буддизм проникает в Китае в I-II вв. н.э. и распространялся сперва в виде устной проповеди. В бяньвэнь происходит нарушение идеальной метрической схемы чередования тонов, когда отклонения есть почти в каждой строке бяньвэнь, что строго не допускается в луйши. Данные наблюдения дают нам основания полагать, что время создания бяньвэнь датируется не ранее IX века, когда уже жанр луйши претерпел похожие изменения.

В данной работе рассмотрены пять рукописей жанра бяньвэнь, хранящиеся в Институте восточных рукописей РАН – ДХ-2106, ДХ-1699, ДХ-50, ДХ-1450, а также проблемы их перевода и интерпретации. Первый этап исследования заключался в дешифровке манускриптов. Недописанные и плохо разборчивые иероглифы, а порой и полное

их отсутствие, создавали определенную сложность для полноценной дешифровки документов, некоторые из них были написаны скорописным почерком. В процессе исследования консультантами автора выступили венгерский синолог и тангутовед доктор Имре Галамбос и доктор Фэн Цзин. Вторым этапом стала интерпретация текстов, что включало в себя расставление знаков препинания для адекватного перевода произведения, различения иероглифов и многозначность лексических единиц. Последние две проблемы были частично решены посредством обращения к труду Чжан Юнцюаня «Исследование специальных иероглифов Дуньхуановских манускриптов», где приводятся как различения, так и объяснение ряда значений иероглифов. Говоря об адекватном переводе манускриптов, можно отметить, что необходимо знать сюжеты буддистских сутр, из которых были заимствованы те или иные истории. Из этого вытекает и другая проблема расшифровки заимствованных из санскрита имен собственных и терминов, которые были транскрибированы на китайский язык. Сюжеты бяньвэнь в большинстве своем были отражены в живописи, а именно в бяньсян [Yu 2009: 56], поэтому с помощью оригинала изображения, с которого зачастую списывался сюжет и отражался затем в форме бяньвэнь, можно интерпретировать многие ранее неизвестные детали, перевод которых затруднялся из-за многих факторов. Данный подход преследует цель полного и детального раскрытия сюжета бяньвэнь и передачи его на другие иностранные языки. При таком подходе изображения бяньсян служат фоновым материалом, которые помогают увидеть ранее скрытые и неочевидные вещи.

Итак, в ходе данного исследования были уточнены жанровые особенности бяньвэнь, дана характеристика этого литературного жанра. Во второй части исследования, проведенной на материале ранее неизученных бяньвэнь, были выявлены наиболее частотные проблемы перевода и интерпретации бяньвэнь и предложен новый подход к детальному и полноценному переводу этих сюжетов.

Литература

- Меньшиков Л.Н. К истории жанра бяньвэнь // *Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока*. VI годичная научная сессия ЛО ИВ АН, посвящённая 100-летию со дня рождения В.И. Ленина. Апрель 1970 года. М.: ГРВЛ, 1970. С. 113-117.
- Bai, Huawen 白化文, Victor Mair. What is Pien-wen? // *Harvard Journal of Asiatic Studies* 1984 (44.2): 493-514.
- Jiang Qiuxia. Dunhuang wenhua guanjianci: hanyingd uizhao. Beijing: Waiyu jiaoxue yu jiaoyan chubanshe, 2019 nian; 姜秋霞《敦煌文化关键词：汉英对照》，北京：外语教学与研究出版社，2019年 (Jiang Qiuxia. Key

Concepts in Dunhuang Culture. Beijing: Foreign Language Teaching and Research Press, 2019).

Li Xiaorong. Dunhuang bianwen. Lanzhou: Gansu jiaoyu chubanshe, 2011 nian; 李小荣《敦煌变文》，兰州：甘肃教育出版社，2011年 (Li Xiaorong. Transformation texts of Dunhuang. Lanzhou: Gansu Education Publishing House, 2011).

Yu Xiangdong. Dunhuang bianxiang yu bianwen yanjiu. Lanzhou: Gansu jiaoyu chubanshe, 2009 nian; 于向东《敦煌变相与变文研究》，兰州：甘肃教育出版社，2009年. (Yu Xiangdong. Research on Murals bianxiang and Transformation Texts bianwen. Lanzhou: Gansu Education Publishing House, 2009).

Детские замки долголетия: обряды,
связанные с первым годом жизни
(на материале народной картины няньхуа)

Лемешко Юлия Геннадьевна

*Российский государственный
гуманитарный университет (Москва)*

Hundred Family Lock:
Rites Connected With the First Year of Life
(by The Material of Folk New Year Picture)

Lemeshko Yuliya Gennadevna

*Russian State University
for the Humanities (Moscow)*

Abstract. The article is devoted to the analysis of the hundred family lock. The purpose of the family lock is similar to that of the other charm types in that it is meant to protect a person from evil and to bring good luck, fortune, official rank and long life.

Keywords: folk art; traditional xylographic picture; hundred family lock.

Для того чтобы выйти на новый круг проблем, необходимо рассмотреть мир детства не только как продукт социализации и научения со стороны взрослых, но и как автономную социокультурную реальность, своеобразную субкультуру, обладающую своим собственным языком, структурой, функциями, даже традициями.

И.С. Кон

Из культурного пространства Китая постепенно уходят обычаи и обряды, связанные с детством и младенческим периодом. Переход от аграрного к индустриальному и затем к информационному обществу предполагает протекание процессов, которые неизбежно меняют образ мышления и систему ценностей. Сциентизация приводит к отказу молодых китайцев от старой культуры, что находит отражение и в трансформации института детства в современном Китае. Угасание традиций, которое происходит в стране, стимулирует исследователей фиксировать оставшиеся и реконструировать исчезнувшие. В последние десятилетия растет интерес к традиционному искусству как источнику, максимально раскрывающему этнографические объекты исследований. Как особую источниковую базу мы выделяем традиционные ксилографические картины *няньхуа* (бессюжетные и сюжетные) с изображением детей. Неизменный интерес представляют благопожелательные картины *няньхуа* с изображением мальчиков, транслирующие национально-культурную константу «много сыновей – много счастья» (多子多福 *duō zǐ duō fú*).

Художественная практика создания благопожелательных *няньхуа* практически всех региональных школ широко эксплуатировала образ упитанного малыша в праздничном (не повседневном) костюме, с традиционной прической, он держит или окружен благопожелательными атрибутами.

Однако в данном случае нас интересовал прежде всего образ младенца. Следует процитировать описание одной из картин *няньхуа* коллекции академика В.М. Алексеева, приобретенных им в начале XX в. в одной из мастерских города Сучжоу (южная школа Таохуа'у) во время своего путешествия: «Лицо толстяка расплылось в приветливую улыбку. Одет он в роскошный халат, на котором обильно вышиты разные узоры, в том числе, конечно, и пион. На шее у него «замок ста семейств», т.е. коллективный подарок друзей отца, символизирующий коллективное благопожелание, которое здесь сформулировано как: «достичь [моему сыну] степени *чжуаньюаня* [первого из первых на дворцовом экзамене]» [Алексеев 1966: 240].

В любой культуре именно на первый год жизни младенца приходится наибольшее число обрядов. В традиционном Китае одним

из основных ритуалов, совершаемых через сто дней после рождения, был акт дарения замка долголетия (长命锁 chángmìngsuǒ, дословно: «замок долгой жизни»), выполнявший исключительно сакральную функцию.

Большинство авторов статей и монографий, изданных в последние годы в КНР, классифицируют замки долголетия на шее у ребенка как обереги, обладающие магическими свойствами, защищающие от злых духов, нечистой силы, болезней и недугов. Среди работ, посвященных традициям рождения ребенка, стоит отметить книгу «Обряды, связанные с рождением» [Ян Хуэйшуй 2015]. Формат данной работы не позволяет нам останавливаться на рассмотрении трансформации форм и размеров замков, материалов изготовления и проч.

Самыми частотными благопожелательными надписями, выполненными на двух сторонах замков, были следующие: «[Желаем] Долгой жизни, богатства и знатности» (长命富贵 cháng mìng fù guì), «[Желаем] Долгих лет жизни» (长命百岁 cháng mìng bǎi suì), «Цилинь дарует сыновей» (麒麟送子 qí lín sòng zǐ), «Дракон и феникс даруют счастье» (龙凤呈祥 lóng fèng chéng xiáng), «[Желаем] Стать сильнейшим на столичных экзаменах» (状元及第 zhuànguān jí dì). Именно их мы встречаем на самых популярных картинах няньхуа. Если не рассматривать частные случаи, можно говорить о стандартном наборе надписей, который был продиктован благопожелательной культурой, характеризующейся сложной системой образов и символов.

В эпоху Цин замки долголетия получили максимально широкое распространение, как правило, они представляли собой плоскую серебряную пластину овальной или прямоугольной формы. На них часто гравировали аксиологическую триаду «счастье – долголетие – карьера» (福寿禄 fú shòu lù), изображения священных животных, летучих мышей, золотых рыбок, цветов, благовещих облаков.

Замок долголетия имел и другое название – байцзя со (百家锁 bǎi jiā suǒ, дословно: «замок ста семейств»), которое отсылает нас к семейным торжествам, связанным с проведением обрядов, устраиваемых на сотый день после рождения. Обрядовые практики предполагали участие в них не только членов семейного клана, но и соседей, и жителей деревни.

Первые сто дней младенчества отмечались следующими ритуально-обрядовыми действиями – ребенку дарили одежду ста семейств (百家衣 bǎi jiā yī) и кормили кашей ста семейств (百家饭 bǎi jiā fàn).^{*} Согласно поверьям, доброе расположение односельчан (т.е. ста семейств) и их готовность поддержать новорожденного, являлись га-

^{*} Числительное 百 bǎi «сто» в данных словосочетаниях (как и во многих других фразеологических единицах и образных выражениях) несет смысловую нагрузку «многие», «большинство», «все».

рантом крепкого здоровья малыша. В первом случае дарили лоскуты для кофты или безрукавки, во втором – по просьбе родителей соседи передавали младенцу для каши разные крупы.

Основным подарком, по утверждению исследователей, был замок ста семейств, который дарили и мальчикам и девочкам. Обычай вешать на шею новорожденному замочек (锁关 suǒ guān, дословно: «закрыть замок») был распространен среди ханьцев, существовали локальные вариации в проведении церемонии. Замок следовало снимать (开关 kāi guān, дословно: «открыть замок») по достижению совершеннолетия. Известный фольклорист Цзян Шаоюань (1898–1983) в книге «Народные обряды и суеверия в Китае» отмечает, что замок долголетия можно было снимать после 12 лет [Цзян Шаоюань 1989: 182].

Литература

Алексеев В.М. Китайская народная картина: Духовная жизнь старого Китая в народных изображениях. М.: Наука, 1966. 260 с.

Цзян Шаоюань. Народные обряды и суеверия в Китае. Тяньцзинь, 1989. 270 с. 中国礼俗迷信/江绍原编者. – 天津: 渤海湾出版公司, 1989. Zhōngguó lǐsú míxìn / Jiāng Shàoyuán biānzhě. Tiānjīn: Bóhǎi wān chūbǎn gōngsī.

Ян Хуэйшуй. Обряды, связанные с рождением. Пекин, 2015. 145 с. 出生礼俗 / 杨会水编者. 北京: 中国铁道出版社, 2015. Chūshēng lǐsú / Yáng Huishuǐ biānzhě. Běijīng: Zhōngguó tiědào chūbǎn shè.

Императорские обеты в китайском буддизме:
цели императора Юнчжэна при проведении
церемонии передачи императорских
обетов в 1734 г.

Лепнева Мария Леонидовна

*Бурятский государственный
университет (Улан-Удэ)*

Imperial Vows in Chinese Buddhism:
Goals of the Yongzheng Emperor at Arranging
Imperial Vows Transmission Ceremony in 1734

Lepneva Mariia Leonidovna

Buryat State Univeristy (Ulan-Ude)

Abstract. This research dwells on the political and cultural workings of “imperial vows” (huangjie) transmission in Chinese Buddhism. Specifically, it analyzes the motifs of the Yongzheng emperor in ordering the 1734 “imperial vows” transmission by Vinaya master Wenhai Fujū at Fayuan monastery in Beijing. The previous scholarship proposes that the emperor strived to curb the proliferation of Chan school by promoting Vinaya school. Yet, these suppositions, though sound and logical, do not have a firm grounding in sources reflecting the viewpoint of the emperor himself. Accordingly, this research provides an insight into Yongzheng’s position by means of close reading of two decrees by the Yongzheng emperor and a stele inscription in Fayuan monastery made upon his order. Unlike the previous scholarship, here these decrees are not only utilized for determining the chronology of preparing and conducting the vows transmission ceremony but also for revealing the attitude of the emperor. Furthermore, the stele inscription is for the first time introduced as a historical source on the Buddhist policy and outlook of Yongzheng. The research has revealed that the emperor deemed the transmission of “imperial vows” as a means of fostering prestige and enhancing the practical aspect of vows cultivation, in this way claiming equal position of Vinaya disciplinary practice and Chan meditation practice as means of attaining enlightenment. These results basically coincide with the existing scholarly hypotheses, supporting them with the accounts in relevant sources.

Keywords: China; Buddhism; Yongzheng; Qing; Wenhai Fujū; Fayuan; vows transmission; imperial vows.

Термин «императорские обеты» (хуанцзе 皇戒 huángjiè) подразумевает ситуацию, когда император отдаёт приказ, чтобы конкретный буддийский монах в определённом монастыре провёл церемонию передачи обетов. При этом содержание самих обетов и формат церемонии специально не регламентируются и отражают модель, актуальную для соответствующей эпохи в истории китайского буддизма. Церемония передачи «императорских обетов» является частным случаем официально разрешённой передачи обетов. Иначе говоря, для проведения признаваемой государством передачи обетов в том или ином монастыре отнюдь не обязательно требовался специальный приказ императора. Передача же «императорских обетов» отражала особое внимание императора к ситуации в буддийских кругах и была выражением определённой политики в их отношении.

Несмотря на столь значимую роль, «императорские обеты» как форма взаимодействия императорской власти и буддийских институций пока не стали объектом самостоятельного исследования. В целях расширения научного знания о функционировании «императорских обетов» как политического, культурного и религиозного феномена в данном докладе предполагается рассмотреть церемонию передачи «императорских обетов», проведённую в 1734 г. по приказу императора Юнчжэна (период правления 1722–1735 гг.).

Проблематика отношения императора Юнчжэна к буддизму, его личной практики и буддийской политики давно привлекает внимание исследователей. Вместе с тем церемония передачи «императорских обетов» 1734 г. занимает весьма скромное положение по сравнению с рассмотрением мер, предпринятых им в отношении школы Чань. Даже наиболее полные исследования* ограничиваются хронологической канвой данных событий, а в отношении целей императора делают лишь общие предположения о его желании упорядочить систему монашеских сертификатов (дуде 度牒 dùdié) и тем самым ужесточить контроль над ростом численности буддийского духовенства.

Наиболее развёрнутую гипотезу о причинах проведения церемонии передачи «императорских обетов» в 1734 г. сформулировал японский исследователь Хасэбэ Ю:кэй. В статье [Хасэбэ 1993: 91–92] он выдвинул предположение о том, что император Юнчжэн стремился за счёт данной меры ограничить «разбухание» монашеского штата школы Чань. С этой целью он пригласил в Пекин для проведения высочайше одобренной церемонии видного представителя школы Винаи по имени Вэнхай Фуцзюй 文海福聚 Wénhǎi Fújù (1868–1765 гг.), воз-

*Комплексной современной работой по буддийской политике императора Юнчжэна является диссертация [Ши Шэнкун 2000]. Исследуемый эпизод также рассматривается в посвящённой эпохе Цин главе монографии по истории школы Винаи [Ван Цзяньгуан 2006].

главлявшего монастырь Хуэйцзюй-сы на горе Баохуа-шань 宝华山慧居寺 Bǎohuáshān Huījūsi в округе Цзяннин-фу (недалеко от современного Нанкина). В качестве места проведения церемонии был определён монастырь Миньчжун-сы (название переводится как «Сострадание и преданность» 愍忠寺 Mǐnzhōngsì) в Пекине, в связи с этим отреставрированный и переименованный в Фаюань-сы («Источник Дхармы» 法源寺 Fǎyuánsì). Тем самым, как рассуждает Хасэбэ Ю:кэй, император стремился возратить школе Винаи статус единственной школы, имеющей право проведения церемоний передачи обетов, и, соответственно, подчеркнуть нелегитимность самостоятельного распространения обетов – т.е. наделения монашеским статусом – в недрах школы Чань.

Гипотеза Хасэбэ Ю:кэй представляется весьма разумной и не противоречит утверждениям современных китайских исследователей о желании императора Юнчжэна внести порядок в ряды буддийских монахов.* Однако, как показал проведённый нами обзор имеющихся работ, ни одна из них не охватывает ту мотивацию, которую декларировал сам император Юнчжэн касаясь своего решения о церемонии проведения передачи «императорских обетов». На методологическом уровне это обусловлено отсутствием установки на прояснение такой мотивации. На методическом же уровне это связано, с одной стороны, с тем, что отражающие её приказы императора Юнчжэна упоминаются, но их содержание не подвергается анализу, а с другой стороны – некоторые другие источники остаются вне поля зрения учёных. Восполнение данных пробелов определяет методологию и метод нашего исследования.

Основными источниками для нас являются два приказа императора Юнчжэна (19-го числа 4-го месяца 1733 г. и 5-го числа 4-го месяца 1734 г.) и ранее не вовлекавшаяся в научный оборот надпись на стеле в монастыре Фаюань-сы от 20-го дня 10-го месяца 1734 г.** В приказе от 19-го числа 4-го месяца 1733 г. император Юнчжэн отдаёт распоряжения о запланированном им на следующую весну в Пекине мероприятии. Как следует из данного приказа, основной целью императора является дать обеты 1500 кандидатам в монахи, а приглашение Вэньхай Фуцзюя служит лишь инструментом достижения этой цели [Приказы 1980: 5-6].

Приказ от 5-го числа 4-го месяца 1734 г., выпущенный по завершении церемонии передачи обетов, раскрывает дальнейшие планы императора Юнчжэна в отношении новопосвящённых. А именно он

*В том числе в вышеупомянутой монографии [Ван Цзяньгуан 2006] и др.

**Интересно, что данная стела сохранилась до сих пор, и её можно видеть в современных фотоотчётах о посещении монастыря Фаюань-сы в Пекине, например, в [Иллюстрации 2014].

предлагает желающим из их числа заняться духовной практикой под его личным руководством, поскольку не только монахам школы Чань следует стремиться к «постижению просветления». Такова же задача и тех, кто истинно проповедует сутры и истинно соблюдает обеты [Приказы 1980: 7-9].

Что же касается стелы в монастыре Фаюань-сы, то при пояснении смены названия монастыря на «Исток Дхармы» император проводит уже прозвучавшую в рассмотренном выше приказе мысль о том, что «несравненное соблюдение обетов» может привести «к достижению непревзойдённого просветления». Таким образом, цель соблюдения обетов состоит в том, чтобы достичь «истока Дхармы» [Стела 2006].

Как видно из рассмотренных источников, сам император Юнчжэн осмысляет цели проведения церемонии передачи «императорских обетов» в повышении престижа и налаживании духовной стороны практики соблюдения обетов, которая должна занимать равное с чаньской медитацией место как способ достижения «истока Дхармы», т.е. просветления. Наши результаты не противоречат выводам имеющейся научной литературы о стремлении императора Юнчжэна умирить позиции школы Чань за счёт возвышения школы Винаи, но при этом предоставляют источниковедчески обоснованную информацию об отношении самого императора Юнчжэна к церемонии передачи «императорских обетов» как инструменту воздействия на буддийское сообщество.

Литература

- Ван Цзяньгуан. Всеобщая история школы Винаи в Китае [Чжунго люйцзун тунши]. Нанкин: Фэнхуан чубаньшэ, 2006. URL: <http://wuming.xuefo.net/nr/7/66514.html> (дата обращения: 26.05.2019)
- Иллюстрации стел монастыря Фаюаньсы – память в камне стел [Фаюань-сы чжэнши туцзе – бэйши ли дэ цзи-и]. 06.10.2014. URL: http://blog.sina.com.cn/s/blog_942379fdo1o2v25r.html (дата обращения: 09.05.2019)
- Приказы и произведения императора Шицзун Сяня [Шицзун Сянь хуанди чжаоюй юйчжи]. Хроника горы Баохуа [Баохуа шаньчжи] // Сборник исторических хроник буддийских монастырей Китая / Общ. ред.: Ду Цзэян. Часть 1, Т.41, №138. Тайбэй: Вэньмин шуцзюй, 1980. с. 5-10. URL: <http://dev.ddbc.edu.tw/fosizhi/ui.html?book=go41> (дата обращения: 26.05.2019)
- Стела с надписью о монастыре Фаюань-сы, составленной Цинским Шицзуном [Цин Шицзун юйчжи Фаюань-сы цзибэй]. Рукопись хроники монастыря Фаюань-сы [Фаюань сычжи гао] / Сост. Ван Шунань, Хуан Вэйхань // Сборник хроник буддийских монастырей Китая / Общ. ред.: Чжан Чжи. Т.3. Гуанлин шушэ, 2006. URL: http://blog.sina.com.cn/s/blog_007dd4301o1djk.html (дата обращения: 04.05.2019)

- Хасэбэ Ю:кэй. О периоде формирования передачи светильника в школе Винаи [Рицумон ни окэру дэнхо: кэ:сэ: но дзики о мэгуттэ] // Журнал института исследований Цзэн [Дзэн кэнкю: дзёкиё:] / Университет «Айти гакуин». 1993. №21: 89-98. URL: <https://ci.nii.ac.jp/paid/110001022545> (дата обращения: 26.05.2019)
- Ши Шэнкун. Цинский Шицзун и буддизм [Цин Шицзунюйфоцзяо]. Магистерская диссертация. Тайвань: Чжунхуа фоцзяо яньцзюсо, 2000. URL: http://www.chibs.edu.tw/ch_html/grad-th/65/65-1.htm (дата обращения: 26.05.2019)

Композиционное и художественное своеобразие «Рокового выстрела» Хань Шаогуня

Мирзиева Лейсан Рифхатовна

*Институт международных отношений Казанского
(Приволжского) Федерального Университета (Казань)*

И Яньпин

*Институт международных отношений Казанского
(Приволжского) Федерального Университета (Казань)*

Compositional and Literary Originality of the “Qiangshou”, Written by Han Shaogong

Mirzeva Leisan Rifhatovna

*Department of Altaic studies and Sinology Institute
of International Relations Kazan (Volga region)
Federal University (Kazan)*

Yi Yanpin

*Department of Altaic studies and Sinology Institute
of International Relations Kazan (Volga region)
Federal University (Kazan)*

Abstract. The article examines in detail the key themes and literary means that serve for their disclosure reflected in the novel of famous contemporary Chinese writer Han Shaogong “Qiangshou” (2016), such as “little man” theme. This novel is a kind of continuation, a new wave of “searching for roots” literature on the one hand, and rethinking the place of the Cultural Revolution in the fate of the Chinese people on the other. The article gives the analysis of the composition features of novel. There is also analysis of the image of the narrator and the main character of the story Xia Ruhai. Special attention is given to idea of predestination. The fatal shot becomes a trigger for further events and a turning point that changed the lives of the main characters.

Keywords: Contemporary Chinese Literature; Han Shaogong; Cultural Revolution; novel composition; literary analysis.

Хань Шаогун, как основатель течения «поиска корней» в китайской литературе, продолжает поиск «ценного в мышлении и представлении о прекрасном на Востоке» [Ванцзиньчэн Цзэнся 2018: 4], а также осмысление роли культурной революции в контексте отдельной человеческой истории, судьбы и страны в целом.

Исследователи отмечают, что Хань Шаогун близок по духу известному поэту древности Цюй Юаню [Лу Боя 2019: 42]. Глубокий драматизм и трагичность, которые отпечатались в культуре, судьбе китайского народа охарактеризовали судьбы героев произведений Цюй Юаня и воплотились в одном из последних произведений Хань Шаогуня «Роковой выстрел» (2016).

Произведение открывается зачином, который при первом рассмотрении не имеет отношения к последующим событиям: рассказчик раскрывает секреты и тонкости полиграфического мастерства популярного среди китайской молодежи 70-ых годов XX века. Эти рассуждения наталкивают писателя на воспоминания об одном очень ярком эпизоде, оставившем неизгладимый след в его жизни. Мирный, неторопливый тон повествования не предвещает резких поворотов, взлетов или падений, но это лишь кажущееся спокойствие и успокоенный читатель погружается вместе с автором в пучину памяти и водоворот событий.

Автор посвящает нас в очень личное, признаваясь в том, что в юности подделывал печати на дорожных билетах для одноклассников, тем самым невольно мы проникаем к нему доверием. Тогда, как признается Хань Шаогун [Хань Шаогун 2016], обстановка и время благоприятствовали «ловле рыбы в мутной воде»: были приостановлены занятия в школе, и учащиеся могли свободно передвигаться по стране [Хань Шаогун 2016: 69]. Кто знает, куда бы завела эта «деятельность» главного героя, если бы в него, невольно оказавшегося в эпицентре уличной перестрелки, не попал выстрелом Ся Жухай. «Тысячи невзгод и лишений подвели меня под черное дуло этого пистолета» [Хань Шаогун 2016: 70], сокрушается повествователь, видя в этом кару Небес за свои преступления. Здесь и в финале произведения мотив предопределения, рокового стечения обстоятельств отражает фатализм автора.

Ранение станет переходным этапом от безмятежной юности в отвращающую зрелость. Оказавшись в больнице, рассказчик получил возможность увидеть последствия культурной революции, где за революционной героикой проступают трагические стороны этой борьбы. С большой художественной силой автор воспроизводит атмосферу, царящую в больнице, сравнивает ее с «перевалочным пунктом», «скотобойней» куда стекаются раненые «на полях культурной революции» [Хань Шаогун 2016: 71].

Главный герой Ся Жухай также попал под дуло культурной революции, пал жертвой искаженного понимания свободы, рафинированного восприятия действительности и несовершенства судебно-правовой системы. Спустя годы, начальник полицейской управы, осудивший Ся Жухая на исправительные работы за кражу, которую тот не совершал, будет сокрушаться, что в круговороте бурных событий поверил пьяным рассказам отца, не узрел за ними козней мачехи, однако, как подмечает Хань Шаогун с горечью, «от реальности невозможно скрыться... не получится при перемотке кадров что-то удалить, бессмысленно продолжать разглагольствовать» [Хань Шаогун 2016: 74].

Писатель неоднократно показывает нам, что борьба за справедливость, понимание человеческого достоинства определяют логику поступков Ся Жухая. При этом он слишком импульсивен, опрометчив, где-то наивен. «Ненависть порождает ненависть» [Хань Шаогун 2016: 72], – отмечает автор. Возмездие Ся Жухая порождено злом, несправедливостью, но это тупиковый путь, ведь свобода человека кончается там, где начинается свобода другого, даже в смутное время.

Однако ни оружие, ни приверженность революционным идеям не способны уберечь Ся Жухая от рук правосудия, от расправы, учиненной над ним тюремным начальством самым подлым и жестоким образом. Предельно сгущая трагизм повествования и с трудом подбирая слова, повествователь переходит к последнему рассказу о заключенном №313, предположительно Ся Жухае. Так, Хань Шаогун поднимает тему «маленького человека», чем-то созвучную с романом «Жить» Юй Хуа показывая, что жернова истории не щадят никого, особенно простых людей и накладывают отпечаток драматизма на их жизнь и внутренний мир.

Именно в тот момент, когда по всей округе раздавался мерный стук ножей из тюремной столовой, словно отбивающих считанные удары сердца Ся Жухая перед его последним рассветом, Хань Шаогун проявляет деликатность и глубокий гуманизм в отношении своего героя, его родных и читателя. Ему нестерпимо больно и страшно представить трагический конец, поэтому, писатель цепляется за надежду о том, что хотя бы закат жизни Ся Жухая будет освещен яркой полоской света, как южный осенний вечер – мирным и спокойным [Хань Шаогун 2016: 77].

Композиция повести решена двумя формами – веерная композиция (в центре герой, к которому сходятся мнения о нем разных людей) и ступенчатая (из жизни героя приводятся знаковые, яркие эпизоды разных лет) [Композиция текста 2019]. Примечательно в этом плане использование автором таких приемов, как прием ретроспективы и рассказ в рассказе [Композиция текста 2019]. Например, благодаря истории из детства Ся Жухая, которой поделилась его сводная сестра,

нам удастся лучше понять характер героя, разобраться в том, что подтолкнуло его к такому поступку, к, казалось бы, бессмысленной перестрелке в общественном месте, какие счета именно у него были с «легавыми».

Отдельного внимания заслуживают реализм и народный романтизм, которые гармонично переплетаются в повести «Роковой выстрел». Суеверия, которыми простой народ руководствуется в быту и даже подчиняется, писатель воспринимает с некоторой снисходительностью, с одной стороны, и с иронией, с другой, выявляя их несостоятельность. Так, размышляя о том, как могла бы сложиться судьба Ся Жухая, если бы на то время был развит институт адвокатуры и сама юридическая система в целом была более современной, автор объясняет, почему так долго профессия адвоката не могла прижиться в обществе: защита обвиняемого ложилась тенью на доброе имя порядочного гражданина, в глазах общественности он становился своего рода сообщником подозреваемого. Вот как предстает первое дело местного горе-адвоката: «...защита выписанного студента от начала и до конца состояла из порицания, нападок и полностью опиралась на предъявляемые обвинения... он даже перешеголял сторону обвинения, вызвав всеобщий смех и слезы» [Хань Шаогун 2016: 73]. В этом писатель близок по духу Лу Сюню, известному своей бескомпромиссной риторикой изобличения «дремучести» суеверий и прочего мистицизма.

Художественная оригинальность, неповторимость стиля и яркая сила изобразительности являются отличительными качествами творчества Хань Шаогун. Вовлеченный в события рассказчик чувствует ответственность, сопричастность и большое, искреннее желание, чтобы у его героя все сложилось хорошо.

Литература

- Ванцзиньчэн Цзэнся. Исследование теории, творчества и вклада Хань Шаогун в литературу «поиска корней» // *Научный журнал Второго хубейского педагогического института* 王金城, 曾霞论韩少功的寻根文学理论、创作及其贡献 // *湖北第二师范学院学报* (Ванцзиньчэн Цзэнся. Лунь Ханьшаогун дэ сюньгэнь вэньсюэ лилунь, чуанцзоцзи чи гунсян). 2018. №9. С.1–6.
- Композиция текста – структура, типы, особенности [Электронный ресурс] // *Культура: здесь и сейчас* [сайт]. URL : <http://velikayakultura.ru/russkiy-yazyk/ritorika-kompozitsiya-teksta> (дата обращения: 21.04.2019)
- Лу Боя. Люялань Хань Шаогун ю Цюй Юань 卢博雅, 刘亚岚韩少功与屈原 // *汉字文化* // *Ханьцзывэньхуа (Иероглифы и культура): журнал* 2019. №4 . С.42-43.
- Хань Шаогун. Цяньшоу // *Шоухо вэньсюэшуанюэкань* 韩少功枪手 // «收获» 文学双月刊 (Хань Шаогун. Роковой выстрел // *Урожай: литературный ежемесячный журнал*. 2016. №4. С. 69-77.

Языковая политика в Китае: идентификация общественно-политической терминологии

Насирова Саодат Абдуллаевна

*Узбекско-китайский Институт имени Конфуция
при Ташкентском государственном институте
востоковедения (Ташкент)*

Language Policy in China: Identifying Socio-Political Terminology

Nasirova Saodat Abdullayevna

*Uzbek-Chinese Confucius Institute
in Tashkent State Institute
of Oriental Studies (Tashkent)*

Abstract. This article has incorporated the content analysis material and the problems of translating the socio-political terminology of the modern Chinese language. The question of the theory of translation, the main imperatives of this field, as well as the question of the formation of the main directions of development of the theory of translation in ancient China is touched upon. The analysis of the distinctive features of the translation of political texts in Chinese, including the speeches of the current chairman of the PRC Xi Jinping, made up the main content of this scientific article. The lexicogrammatical, lexicostylistic and semantic features of terms have an important role in the study of the socio-political layer of the vocabulary of modern Chinese. Analysis of these features can give a new solution in the search for the adequacy and equivalence of new concepts. The characteristic features of the socio-political terminology of the Chinese language in terms of the political and cultural perspective, the importance of the historical context of speech and the original understanding of the terms in the socio-political layer of speech also constituted the main core of the subject of analysis.

Keywords: translation theory; equivalent, definition; interpretation; de-verbalization; cognition; equivalence; Chinese specificity; harmonious society; the Chinese dream.

Систематическое изучение и исследование китайского языка началось практически одновременно с движением реформаторов в конце XIX века. В 1892 г. Лу Чжуанчжан, в 1900 г. Ван Чжао, а в 1908 г. Чжан Бинлин разработали проекты фонетического письма. В 1913 г. по инициативе министерства просвещения Китая группой ученых было разработано 39 фонетических знаков и около 8000 иероглифов единого чтения и выпущен словарь. При разработке единого китайского языка за основу был принят пекинский диалект. Одной из основных целей политики управления языком было реформирование китайской письменной. Известно, что и раньше, например, в 1935 г. предпринимались попытки упрощения 624 символов. Но эта инициатива потерпела поражение. В 1950-х годах КНР предприняла первые усилия по упрощению.

Другая приоритетная задача языковой реформы была сосредоточена на решении проблем неграмотности и народного образования. Группа учёных, интересующихся латинизацией, объединилась с другими группами, заинтересованными в реформировании развития языковой политики. В 1954 году была создана Комиссия по реформе китайского письменного языка, которая опубликовала список из 515 упрощенных символов. Позднее к 1965 г. список был расширен до 2238 символов и представлен как общий список шрифтов для печати. Этот список стал стандартом для всех публикаций, за исключением Тайваня. Между тем, учитывая «огромное этническое и языковое разнообразие» Китая и быстрое развитие информационных технологий и глобализации, эта тема будет по-прежнему вызывать озабоченность. В то же время лингвистические факторы показали существенные результаты. В целом за последние 70 лет, управление языками было и остается в центре внимания правительства, (кроме периода культурной революции). Политика правительства сосредоточилась на распространении путунхуа, упрощении использования пиньинь [Beckett, Postiglione 2012]. Одновременно проводились исследования в области терминологии современного КЯ, билингвизма и тополеков, а также по изучению языков меньшинств и диалектов.

Формирование и развитие китайского терминоведения осуществляется в русле терминотворческой традиции. Она продолжает и творчески развивает опыт древних мыслителей о предназначении китайской терминологии. Вместе с тем с позиций современного терминоведения очевиден глубокий философский смысл высказываний Конфуция и других мыслителей. Эти высказывания стоят в одном ряду с известным высказыванием современных терминоведов: «Без терминологии нет знания» («没有术语就没有知识» *méi yǒu shùyǔ jiù méi yǒu zhīshì*), которое является лозунгом Всекитайского комитета по утверждению научно-технической терминологии (ВКНТТ).

Современный этап развития китайского терминоведения характеризуется заметной активизацией терминологической деятельности во многих сферах жизнедеятельности страны. Ученые работают над упорядочением терминологии разнообразных сфер знаний. Результатом практической работы китайских терминоведов стал выпуск ВКНТТ 58 сборников стандартизованных терминов. Современный этап развития китайского терминоведения характеризуется его интеграцией в мировые исследования. В китайском терминоведении применяются новейшие методы и достижения ведущих мировых терминологических школ. За последние годы были определены основные задачи терминологической деятельности с учетом традиций китайского терминотворчества, а также результатов современных терминологических исследований в КНР и за рубежом [Очиров, Линь 2015: 192-199].

Китайские ученые Чжэн Шупу, У Ликунь, Чжан Чуньсинь, Е Цисун и др. отмечают особую роль российской школы терминоведения в формировании теоретико-методологической основы современного китайского терминоведения [Чжэн Шупу 2005; У Ликунь 2009]. Изучение трудов А.А. Реформатского, Д.С. Лотте, А.В. Суперанской, В.М. Лейчика, С.В. Гринева, К.Я. Авербуха, Н.З. Котеловой, В.П. Даниленко, С.Д. Шелова и др. способствовало развитию теоретико-методологических основ китайского терминоведения и становлению китайского терминоведения как самостоятельной научной дисциплины со своим понятийно-категориальным аппаратом. К этому следует добавить, что описанию китайского терминологического материала, в свою очередь, уделяют внимание российские специалисты, примером чего являются работы В.И. Горелова [Горелов 1984], Б. Н. Головина [Головин 1966], В.В. Иванова [Иванов 1973], А.Л. Семенаса [Семенас 1985], И.Д. Кленина, А.Ф. Щичко, Н.Н. Воропаева, Р.Н. Аслитдинова, О.Р. Очирова и др. Эти моменты касаются становления и развития китайской научной школы терминоведения в целом.

Несмотря на определённую изученность указанной проблематики в целом, многие лингвистические аспекты общественно-политической терминологии пока недостаточно исследованы.

Литература

- Beckett Gulbahar H., Postiglione, Gerard A. (eds.) China's assimilationist language policy: The impact on indigenous/minority literacy and social harmony. London: Routledge. 2012.
- Горелов В. И. Лексикология китайского языка. М.: Просвещение, 1984. 217 с.
- Очиров О.Р., Линь Ч. Вопросы китайского терминоведения: от традиции «Упорядочения названий» к современной теории // *Вестник Нижегородского университета им. Н. Лобачевского*. 2015. №3. С. 192-199.

- У Ликунь. Исследования по российскому терминоведению / Гл. ред. Лу Юнсян. Пекин: Шан-у иншугуань, 2009. 278 с. Серия «Становление китайского терминоведения» (на кит.яз. 俄罗斯术语学探究 / 吴丽坤.- 北京: 商务印书馆, 2009.
- Чжэн Шупу. Современное российское терминоведение / Гл. ред. Лу Юнсян. Пекин: Шан-у иншугуань, 2005. 288 с. Серия «Становление китайского терминоведения». (на кит.яз.) 俄罗斯当代术语学 / 郑述谱著.-北京: 商务印书馆, 2005.
- Головин Б. Н. Введение в языкознание. М.: Высшая школа, 1966. 329 с.
- Иванов В. В. Терминология и заимствования в китайском языке. М.: Наука, 1973. 171 с.
- Семенов А. Л. Некоторые особенности семантики сложения в изолирующих языках. К типологии семантических реляций // *Лингвистическая типология*. М., 1985. С. 171–178.

Заметки к образу Сюэ Бао-чай в романе
Цао Сюэ-Циня «Сон в красном тереме»

Осокин Александр Владимирович

*Педагогический университет Внутренней
Монголии (Хух-Хото)*

Брылёва Наталья Анатольевна

*Педагогический университет Внутренней
Монголии (Хух-Хото)*

Notes on the Character of Xue Baochai
in Cao Xueqin's Novel "A Dream of Red Mansions"

Osokin Alexander Vladimirovich

*Inner Mongolia Normal
University (Hohhot)*

Bryleva Natalia Anatolievna

*Inner Mongolia Normal
University (Hohhot)*

Abstract. In China, the novel "A Dream of Red Mansions" by Cao Xueqin is unanimously recognized as the high-water mark of literary classics, and both Chinese and European researchers are traditionally interested in the interpretation of the characters of this masterpiece of Qing literature. The authors of the article analyze Xue Baochai as regarded to be one of the most complex female characters of the novel. The fictional space in Cao Xueqin's masterpiece forms its own unique poetics, acting as an independent narrator, who can tell a lot about the characters of the novel and their fate. Cao Xueqin describes precisely and in great detail not only the characters themselves, but also things surrounding them: the decoration of the chambers, garments, household items, jewelry and architecture. Color symbolism also plays an important role in the narrative. Therefore, the authors of the article are concentrated on the things and people, with which Cao Xueqin surrounds Xue Baochai. All this, of course, is an excellent means of revealing she's character, while presenting considerable difficulties in translation. The method of revealing the nature of the characters through analysis of the methods of organization of the fictional space by the author of "A Dream of Red Mansions" is very productive and can be successfully applied, without any exception, to all the characters of the novel.

Keywords: Cao Xueqin; A Dream of Red Mansions; Xue Baochai; Lin Daiyu; fictional space; color.

Роман «Сон в красном тереме» (红楼梦 *hónglóumèng*) является ярчайшим образцом того, что Умбэрто Эко называл «открытым произведением» (*opera aperta*). И действительно, он допускает бесконечную череду толкований, зачастую фантастических, в чём легко убедиться, погрузившись в мир китайского хунлоумэноведения – хунсюэ (红学 *hóngxué*): именно эта своеобразная «открытость» во многом объясняет плодovitость китайских исследователей, пишущих об этом произведении. Что же касается российской литературоведческой синологии, то среди персонажей романа наиболее подробно отечественными исследователями разработаны характеры Цзя Бао-юя (贾宝玉 *Jiǎ Bǎoyù*) и Линь Дай-юй (林黛玉 *Lín Dàiyù*).

Здесь авторы ограничились интерпретацией образа одной из главных героинь – Сюэ Бао-чай (薛宝钗 *Xuē Bǎochāi*). Персонаж этот уже анализировался в работах некоторых отечественных исследователей [Лин-Лин 1974; Гао Хай-юн 2001; Сычѐв, Сычѐв 1975].

Несомненно, Сюэ Бао-чай – один из сложнейших образов, вышедших из-под пера Цао Сюэ-цина, требующий детального исследования. Особенность творческого метода Цао Сюэ-цина заключается в том, что художественное пространство в его произведении как бы «отслаивается» от сюжетной канвы, образуя свою неповторимую поэтику. Пространство в тексте «Сна в красном тереме» выступает в качестве самостоятельного повествователя, могущего поведать вдумчивому читателю многое о характере и судьбе главных героев романа.

Ниже мы предлагаем взглянуть на Сюэ Бао-чай несколько иначе. В фокусе нашего внимания будут предметы, которыми автор окружает свою героиню, мастерски используя этот приём для раскрытия образа Бао-чай, во многом трагического.

Для начала обратимся к 40-й главе, в которой матушка Цзя (贾母 *Jiǎmǔ*) навещает обитательниц «Сада роскошных зрелищ». В числе прочих, она наносит визит и Сюэ Бао-чай, живущей в «Саду поллии» Хэнъюань (蘅芜苑 *Héngwúyuàn*).^{*} «В доме было пусто, словно в снежном гроте, безделушек и в помине не было, и только на столе стояла белая ваза из Дин-чжоу, в которой было несколько хризантем, возле неё – пара книг, плетённый короб для чайника, да чайная чашка. Над кроватью висел полог из чёрного флёра (青纱帐幔 *qīngshāzhàngman*), одеяло и матрац тоже были очень простыми» [Cao Xueqin 2018: 539-540].^{**}

^{*} В переводе В.А. Панасюка – «Двор душистых трав». Поллия (лат. *Polliajaponica* Thunb.; кит. *дужохэньу* 杜若蘅芜 *dùruòhéngwú*) – травянистое растение семейства коммелиновых, в старом Китае выращивалось в декоративных целях ради своего аромата; в качестве лекарственного средства используется в традиционной китайской медицине.

^{**} В настоящей работе взят за основу перевод В.А. Панасюка, который ввиду лакун и неточностей корректируется авторами статьи в тех случаях, когда это необходимо.

Известно, что в китайском языке цветообозначение *цин* (青 *qīng*) может подразумевать несколько цветов: чёрный, голубой и зелёный [Li Hongyin 2007]. Переводчик, вероятно, затруднялся точно определить цвет в данном контексте, поэтому предложил нейтральный перевод бинома *цинша* (青纱 *qīngshā*) – «тёмный флёр» [Цао Сюэ-цинъ 1958: 561]. Между тем, в китайском языке, если речь идёт о каких-либо природных явлениях, иероглиф *цин* (青 *qīng*) в зависимости от контекста может обозначать как голубой, так и зелёный цвета. При описании же человека и предметов, его окружающих, *цин* (青 *qīng*) выступает в значении «чёрный» – хэй (黑 *hēi*). Классическим примером здесь может служить знаменитое стихотворение поэта Ли Бо (李白 *Lǐ Bái*, 701-762) «Поднося вино» (Цзян цзиньцзю 将进酒 *Jiāng jìnjiǔ*), известное российскому читателю в блестящем поэтическом переводе А. Ахматовой.*

Таким образом, в романе словосочетание *циншачжанмань* (青纱帐满 *qīngshāzhàngmǎn*) с необходимостью следует переводить как «полог из чёрного флёра». Эта, казалось бы, малозначащая деталь позволяет читателю глубже понять образ Бао-чай. В самом деле, почему наследница богатого рода предпочитает столь скромное убранство, да ещё и занавешивает свою кровать пологом чёрного цвета? Очевидно, что Сюэ Бао-чай живёт, во всём руководствуясь канонами, такими, как «Четверокнижие для девушек» (女书经 *Nǚ shūjīng*), числящих скромность одной из важнейших женских добродетелей. Но только ли показной скромности можно приписать эту деталь её быта, или здесь содержится намёк на что-то большее?

Обратимся к эпизоду из 8-й главы, где Цзя Бао-юй навещает больную Бао-чай: «Резким движением руки он откинул занавеску и увидел Бао-чай, которая сидела на кане и вышивала. Волосы её, блестящие и чёрные, как лак, были сложены узлом. На девушке был медового цвета ватный халат, тёмно-красная безрукавка, шитая золотыми и серебряными нитями, и немного поношенная юбка из набивного сатина цвета пожелтевшего лука. Никакой роскоши, ничего кричащего, во всём изящество и простота» [Цао Сюэ-цинъ 1958: 127].

В этом описании нас, прежде всего, интересуют присутствующие в одежде Бао-чай два цвета, обозначающиеся биномами *михэ* (蜜合 *mìhé*) и *цунхуан* (葱黄 *cōnghuáng*); которые В.А. Панасюк переводит как «медовый» и «цвет пожелтевшего лука» соответственно. Но рус-

* Неужто вы не видите, друзья,
как в царственных покоях зеркала
скорбят о волосах, – они вчера
чернее шёлка были,
а ныне стали снегом?

[Светлый источник 1989: 38].

君不见，高堂明镜悲白发，朝如青丝暮成雪

Jūnbù jiàn, gāotángmíngjìngbēibáifà, cháorúqīngsīmùchéngxuě.

ское прилагательное «медовый» предполагает теплоту, глубину и насыщенность цвета, в то время как в китайском языке *михэ* (蜜合 *mìhé*) обозначает «белый цвет с легким оттенком жёлтого»; что же касается цветообозначения *цунхуан* (葱黄 *cōnghuáng*), то это «жёлтый с прозеленью» [Zhong Zhao-hua, Bai Weiguo 1995: 572, 133].

В сцене 49-й главы, Сюэ Бао-чай предстаёт перед нами в наряде из перьев пурпурного цвета. В русском переводе цвет *ляньцин* (莲青 *liánqīng*) дословно переведён как «цвет свежего лотоса», однако *ляньцин* - это один из оттенков «пурпура» (цзы 紫 *zǐ*). Хотя такой цвет и считается благородным, но на фоне других девушек, в одежде которых преобладает цвет *дахун* (大红 *dàhóng*), наряд Бао-чай весьма скромнен.

На первый взгляд не ясно, почему такая девушка, как Бао-чай предпочитает мрачные цвета и избегает роскоши. Ответ авторам видится двояким. С одной стороны, указывает на характер героини, во всем руководствующейся незыблемыми правилами семейного уклада, принятого в старом Китае. С другой же стороны, посредством множества мелких деталей, Цао Сюэ-цинь намекает читателю на дальнейшую судьбу Сюэ Бао-чай. Перед нами постепенно предстаёт один из сложнейших образов романа, во многом трагический, который невозможно понять, не принимая во внимание тех нюансов, которыми автор в изобилии насыщает своё произведение.

Метод раскрытия характера персонажей посредством анализа способов организации художественного пространства автором «Сна в красном тереме» представляется весьма продуктивным и может быть использован по отношению ко всем героям романа без исключения.

Литература

- Гао Хай-юн. Три ключевые фигуры романа «Сон в красном тереме» // *Вопросы истории, филологии и экономики*. М.: ИВ РАН, 2001. С. 136-159;
- Лин-Лин О.М. Два женских портрета в романе Цао Сюэ-циня «Сон в красном тереме» // *Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока*. Тезисы IX научной конференции. М.: Наука, 1974. С. 128-134.
- Светлый источник. Классическая поэзия Китая, Кореи, Вьетнама. М.: Правда, 1989.
- Сычёв Л.П., Сычёв В.Л. Костюм в романе Цао Сюэ-циня «Сон в красном тереме» // *Китайский костюм: Символика, история, трактовка в литературе и искусстве*. М., 1975. С. 81-90.
- Цао Сюэ-цинь. Сон в красном тереме / пер. с кит. В.А. Панасюка. М.: Художественная литература, 1958.
- Cao Xueqin. Honglouloumeng 曹雪芹. 红楼梦. Beijing: Renmin wenxue chubanshe, 2018.
- Li Hongyin, Xiandai hanyu yanse ciyuyi fenxi 李红印. 现代汉语颜色词语义分析. Beijing: Shangwu yinshuguan, 2007.
- Zhong Zhao-hua, Bai Weiguo. Honglouloumeng yuyan cidian 钟兆华, 白维国. 红楼梦语言词典. Beijing: Shangwu yinshuguan, 1995.

Шу-цзин («Канон записей»)
и И-Чжоу-шу («Неканонические записи Чжоу»):
сходство и отличие

Попова Галина Сергеевна
Институт востоковедения Российской
академии наук (Москва)

Shu-Jing (“The Book of Documents”)
and Yi-Zhou-Shu (“Lost Book of Zhou”):
Similarity and Difference

Popova Galina Sergeevna
The Institute of Oriental studies of Russian
Academy of Science (Moscow)

Abstract. Many researches of *Shu-jing* (“The Book of Documents”) mention the problem of similarity and difference between *Shu-jing* and *Yi-Zhou-shu* (“Lost Book of Zhou”). Chapters of *Yi-Zhou-shu* are considered to be the texts which Confucius (551-479 AD) did not include in *Shu-jing*. Comparison of lexical and grammatical features of two collections showed that they were created during different eras: the first one – during Chun-qiu period (770-453 AD), the second one – during Zhan-guo period (453-221 AD). Types and genres of chapters which both collections contain also differ. The main similarity between them is that both of them contain chapters which can be referred to category “writings” (*shu*書). “Writings” are prosaic liturgical texts, the speeches of kings and their dignitaries about important events of the state: war, transfer of the capital, appointment to the post etc. Such speeches were read by priests during various palace and temple ceremonies. Most chapters of *Shu-jing* are liturgical works of that type of Chun-qiu period. Some chapters of *Yi-Zhou-shu* are liturgical texts too, but most of them are pseudo-liturgical texts, many of others are not “writings”. Thus, most chapters of *Yi-Zhou-shu* are examples of “writings” of Zhan-guo period, so they could not be parts of *Shu-jing*.

Keywords: Shu-jing; Shang-shu; The Book of Documents; Yi-Zhou-shu; Lost Book of Zhou; Ancient China.

Многие фундаментальные исследования одного из древнекитайских канонов *Шу-цзина* 書經 *Shu-jing* («Канон записей», время создания – период Чунью 770-453 гг. до н.э.) не обходятся без рассмотрения темы возможной связи его с другим сборником текстов, известным как *И-Чжоу-шу* 逸周書 *Yi-Zhou-shu* («Неканонические записи Чжоу»). *И-чжоу-шу* – это сборник различных по объему произведений, состоящий из 70 глав, из которых 11 были утрачены. Эти тексты были найдены вместе с другими древнекитайскими памятниками в конце III в. н.э. в гробнице одного из правителей царства Вэй [Бамбуковые анналы 2005: 8].

Одной из причин предполагаемой связи между *Шу-цзином* и *И-Чжоу-шу* могло послужить то, что фрагменты *И-Чжоу-шу* приводились древнекитайскими авторами со ссылкой либо на «записи» (*шу* 書 *shu*, таким же образом вводились отсылки к главам *Шу-цзина*), либо на «Записи [государства] Чжоу» (*Чжоу-шу* 周書 *Zhou-shu*) – такое же название носит один из разделов *Шу-цзина*. В китайской традиционной историографии долгое время бытовало мнение о том, что *И-Чжоу-шу* – это сборник произведений, не включенных Конфуцием (551-479 гг. до н.э.) в *Шу-цзин* [Shaughnessy 1993: 229-230].

Изучая проблему сходства и различия *Шу-цзина* и *И-Чжоу-шу*, китайский исследователь Чэнь Мэн-цзя пришел к мнению, что *И-Чжоу-шу* и чжоуский раздел *Шу-цзина* никак не связаны между собой [Чэнь Мэн-цзя 1985: 295]. Лю Ци-юй, напротив, пришел к выводу, что некоторые из глав *И-Чжоу-шу* (главы 36, 40, 43, 44, 48, 49, 60) могли входить в *Шу-цзин* [Лю Ци-юй 1989: 95-97].

Результаты исследования лексико-грамматических особенностей *И-чжоу-шу* свидетельствуют о том, что его главы были созданы в разные периоды эпохи Чжаньго (453-221 гг. до н.э.) [Попова 2018б]. Это ставит под сомнение версию о том, что Конфуций мог не включить главы *И-Чжоу-шу* в *Шу-цзин*, поскольку очевидно, что ко времени его жизни большинство из них еще не были созданы.

Постоянное использование авторами многих глав определенных иероглифов указывает на целостность лексического состава *И-Чжоу-шу*. Аналогичное изучение часто встречающихся в *Шу-цзине* иероглифов показало, что авторы его глав использовали совершенно другой набор лексических единиц. Это также указывает на разницу между двумя сборниками. Вместе с тем лексика отдельных глав, созданных в начале эпохи Чжаньго, свидетельствует о несомненной стилистической близости *И-Чжоу-шу* и *Шу-цзина*. В частности, это набор устойчивых словосочетаний, характерный для обоих сборников, однако не встречающийся ни в одном произведении эпохи Чжаньго [Попова 2018б].

Различаются также и типы произведений, вошедших в оба сборника. К примеру, большинство глав *Шу-цзина* представляют собой речи правителей и сановников и упоминают исторические события

или имена исторических персонажей. Подобные произведения входят также в состав *И-Чжоу-шу*, однако многие из его глав не содержат прямой речи и не упоминают исторические события или исторических персонажей. Это произведения, которые можно отнести к трактатам, сходным с аналогичными произведениями эпохи Чжаньго.

Если говорить о категориях глав в обоих сборниках, то можно указать на ещё более серьезное отличие. Большинство глав *Шу-цзина* относятся к «записям» (*шу*) – это литургические произведения, исполнявшиеся в ходе храмовых и дворцовых церемоний и содержащие, как правило, речи правителей и их сановников, а также описание их деяний и восхваления. В *И-Чжоу-шу*, напротив, литургических произведений очень мало – это главы 13, 35, 36, 40, 43, 44, 56.

Гораздо больше в *И-Чжоу-шу* так называемых «псевдолитургических» произведений, т.е. глав, сохранивших структуру литургических произведений, но наполненных совершенно иными рассуждениями и сведениями (главы 11, 12, 21–31, 34, 38, 39, 46, 47, 49, 50, 57). Произведения этого типа – явление, характерное для эпохи Чжаньго, когда создание «записей» (*шу*) как сугубо литургических произведений если не прекратилось, то заметно сократилось [Попова, Ульянов 2018]. Тем не менее формально подобные произведения можно отнести к категории «записей». Аналогом подобных произведений в *Шу-цзине* является только одна глава – 4.4 *Хунфань* [Попова 2018в].

Также значительный пласт *И-Чжоу-шу* составляют нелитургические произведения, которые можно назвать трактатами различных видов. Их отличает отсутствие прямой речи, упоминаний об исторических событиях и персонажах. Стилистика и содержание некоторых глав этого позволяет утверждать, что до включения в состав *И-Чжоу-шу* они являлись главами определенных трактатов. Их тематика была различной: управление государством, военная мысль, натурфилософские представления и др. [Попова 2019а].

Если рассматривать жанровую специфику произведений, из которых состоят оба сборника, то большинство глав *Шу-цзина* можно охарактеризовать по шести жанрам, из которых четыре вида («наставления» *сюнь* 訓 *xun*, «обращения» *гао* 誥 *gao*, «речи перед битвой» *ши* 誓 *shi* и «повеления» *мин* 命 *ming*) представляют собой речи правителей или сановников, и только два – «установления» *дянь* 典 *dian* и «рассуждения» *мо* 謨 *mo* – диалоги мифических правителей и сановников. Жанры глав *И-Чжоу-шу* более разнообразны – в нём имеются несколько видов речей (*сюнь*, *ши*, *гао*), трактаты («рассуждения» и «описания»), кроме того, «повествование», «историческое повествование», «ода» [Попова 2015; Попова 2018а; Попова 2019б].

Таким образом, значительная часть глав *И-Чжоу-шу* является продолжением традиции составления произведений категории «записи» (*шу*) и произведениями подобного рода эпохи Чжаньго. *Шу-*

цзин и И-Чжоу-шу – это сборники произведений, большую часть которых можно отнести к категории «записи» двух эпох – соответственно Чуньцю и Чжаньго, никак не связанные между собой и созданные в разных царствах. Об их сходстве позволяют говорить лишь наличие в И-Чжоу-шу отдельных произведений определенных жанров и содержания, а также некоторые лексические особенности, характерные из всех произведений Древнего Китая только для этих двух сборников.

Funding

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №18-09-00504.

Литература

- Бамбуковые анналы: древний текст (Губэньчжу шу цзи нянь). / изд. текста, пер. с кит., вступ. ст., комм. и прилож. М.Ю.Ульянова при участии Д.В.Деопика и А.И.Таркиной. М., 2005.
- Попова Г.С. Категории глав Шу-цзина («Канона записей») // *Ломоносовские чтения. Востоковедение: тезисы научной конференции* (Москва, 20 апреля, 2015 г.). М., 2015, с.11-13.
- Попова Г.С. Классификация 1–35 глав И-Чжоу-шу («Неканонические записи Чжоу») // *48-я научная конференция «Общество и государство в Китае»*. Том 48, часть 2. М., 2018а.
- Попова Г.С. Лексико-грамматические особенности И-чжоу-шу («Неканонические записи Чжоу») // *48-я научная конференция «Общество и государство в Китае»*. Том 48, часть 2. М., 2018б.
- Попова Г.С. Шу-цзин («Канон записей») и И-Чжоу-шу («Неканонические записи Чжоу»): точки соприкосновения // *48-я научная конференция «Общество и государство в Китае»*. Том 48, часть 1. М., 2018в, с. 215–239.
- Попова Г.С. И-Чжоу-шу («Неканонические записи Чжоу»): от литургии к философии // *49-я научная конференция «Общество и государство в Китае»*. Том 49, часть 1. М., 2019а, с 46–79.
- Попова Г.С. Классификация 36–57 глав И-Чжоу-шу («Неканонические записи Чжоу») // *49-я научная конференция «Общество и государство в Китае»*. Том 49, часть 1. М., 2019б, с. 80–109.
- Попова Г.С., Ульянов М.Ю. Этапы истории шу 書 *shu* («Записей [речей государей]») и ши 詩 *shi* («Песен»): от литургии до канона (XI–III вв. до н.э.) // *48-я научная конференция «Общество и государство в Китае»*. Том 48, часть 2. М., 2018.
- Shaughnessy E.L. I Chou Shu // *Early Chinese texts: a bibliographical guide*. University of California, Berkeley, 1993.
- Лю Ци-юй 刘起釪 (Liu Qi-yu) *Шан-шусюэ-ши 尚书学史 Shang-shuxue-shi* («История изучения Шан-шу»). Пекин, Чжунхуашуцзюй, 1989.
- Чэнь Мэн-цзя 陈梦家 (Chen Meng-jia) *Шан-шутун-лунь 尚书通论 Shang-shu tong-lun* («Введение в изучение Шан-шу»). Пекин, Чжунхуашуцзюй, 1985.

Стихотворение Н. Гумилева «Слово» в рецептивной эстетике китайского перевода

Пороль Полина Вадимовна

*Российский университет дружбы
народов (Москва)*

N. Gumilyov's Poem «The Word» in Receptive Aesthetics of the Chinese Translation

Porol Polina Vadimovna

*Peoples' Friendship University
of Russia (Moscow)*

Abstract. The study is devoted to the consideration of the receptive aesthetics of N. Gumilyov's poem «The Word» translated into Chinese. New in the work is a comparative analysis of the perception of the poet and the translator. The author pays special attention to the analysis of the poetic text.

Keywords: poetry; Gumilev N.; receptive aesthetics; translation; semantics.

Обращение к эстетике текста – необходимый шаг в постижении художественной действительности. Видение красоты мира часто становится причиной создания художественной реальности. Особенно это характерно для поэзии, где красота запечатлевается в краткой формуле стиха. Восприятие поэтической действительности иной культурой со своей эстетикой и мировосприятием интереснее и, в то же время, сложнее.

Переводу китайской поэзии на русский язык уделялось большое внимание особенно в середине XX века (известные труды В.М. Алексеева, Тань Аошуан, В.П. Васильева и других ученых). На сегодняшний день перед нами встает проблема перевода русских поэтических текстов на китайский язык – во многом еще более серьезная и сложная, но менее изученная.

Известно, что поэзия Серебряного века сложна для восприятия не только иноязычного, но и русского читателя из-за синтеза многих культур, к которым были приобщены поэты этого периода. «Многострунная культура» создавала особое видение мира в собственно поэтических и переводческих текстах. Поэтический переводческий текст стал синтезом слова, музыки, живописи, в нём отразилось «всё мировое поэтическое многоголосие» [Ахматова 1988: 320]. Неудивительно, что перевести поэтические тексты Серебряного века на китайский язык стало непростой задачей.

Обратимся к стихотворению Н. Гумилева «Слово» (1919) и рассмотрим особенности его перевода на китайский язык.

В оный день, когда над миром новым
Бог склонял лицо Свое, тогда
Солнце останавливали словом,
Словом разрушали города.

那一日, 在新造的世界之上 Na yi ri, zai xinzaode shijie zhi shang
神低垂下自己的面庞, 那时 Shen di chui xia ziji de mian pang, na shi
他们用词语止住了太阳, Tamen yong ciyu zhi zhule taiyang,
用词语摧毁了城市。 Yong ciyu cui huile chengshi

И орел не взмахивал крылами,
Звезды жались в ужасе к луне,
Если, точно розовое пламя,
Слово проплывало в вышине.

苍鹰的翅膀不再舒展, Cang ying de chibang bu zai shu zhan
星辰惊恐地贴紧了月亮, Xingchen jing kong de tie jin le yue liang
然而, 词语恰似玫瑰的火焰, Ran'er, ciyu qiasi meigui de huoyan
在高空徐徐飘荡。 Zai gao kong zhong xu xu piaodang

А для низкой жизни были числа,
Как домашний, подъяремный скот,
Потому, что все оттенки смысла
Умное число передает.

那些数字对于低贱的生活, Naxie shuzi duiyu dijian de shenghuo
犹如驯养的、遭受奴役的牲畜, Youru xunyang de, zaoshou nuyi de shengchux
因为理性的全部色彩 Yinwei lixing de quanbu secai
聪明的数字都可以表达, 传播。 Congming de shuzi dou keyi biaoda, chuanbo

Патриарх седой, себе под руку
Покоривший и добро и зло,
Не решаясь обратиться к звуку,
Тростью на песке чертил число.

大牧首白发苍苍, 那被降服的 Da mu shou bai fa cangcang, na bei xiangfu de
善与恶搀扶着他的臂膊, Shan yu e chanfuzhe ta de bibo
他犹豫地转向那个声音, Ta youyu di zhuan xiang nage shengyin
用手杖在沙子上画出数字。 Yong shou zhang zai shazi shang hua chu shuzi

Но забыли мы, что осиянно
Только слово средь земных тревог,
И в Евангелии от Иоанна
Сказано, что слово это Бог.

Мы же забыли, что есть слово *Women que wangjile, wei you ciyu*
в суете суеты в свете славы, *Zai chen shi de fanluan zhong guangcai yiyi*
Евангелия от Иоанна: *Yuehan fuyin jiu ceng gaosu women*
слово, это Бог. *Ciyu, jiushi shangdi*

Мы ему поставили пределом
Скудные пределы естества,
И, как пчелы в улье опустелом,
Дурно пахнут мертвые слова.

Мы же поставили для него *Women yong bianjie wei ta shezhile*
бедный край. *Pinfa boruo de jiangyu*
как пчелы в пустых ульях, *Rutong mifeng zai kongdangdang de fengfang li*
мертвые слова источают гнилой запах. *Jiangsi de ciyu sanfazhe fulan de qixi*

Хан Ли переводит устаревшее в русском языке слово «оний» современными в китайском языке местоимением «та» *na*, что несомненно снижает высоту слога.

При переводе лексемы «Бог», он использует слово «神» *shen*, что переводится скорее, как «дух», «бог» (ср. 供的什么神 *gong de shenme shen?* Какому богу поклоняешься?). На наш взгляд, было бы уместнее использовать лексему «上帝» *Shang di* (Бог, небеса).^{*} Интересно употребление переводчиком лексемы «数字» *shu zi*, одно из значений этой лексемы – «несколько иероглифов», что может быть рассмотрено как отдельная семантическая связь между понятиями «слово» и «иероглиф».

В третьей строфе Хан Ли неожиданно использует прилагательное «рациональный» вместо существительного «смысл» и «оттенки цвета» вместо «оттенки смысла», что несомненно находка.

В четвертой строфе переводчик сделал явный акцент, указав жест патриарха, о котором говорит автор: помимо глагола «поддержать под руку», Хан Ли использует еще и слово «рука» в значении «от плеча до кисти». Это жест указания властителя. Лексема «转向» *zhuan xiang*, которую переводчик использует для передачи значения «обратиться» в китайском языке может также переводиться как «изменить прежним чувствам, идеям». Данная интерпретация Хан Ли во многом раскрывает новые смыслы стихотворения Гумилева. В этой строфе удивительно точно звучит фраза «Добродетелью подчинивший себе под руку зло». В одной из редакций стихотворения Гумилев обозначал

^{*} «上帝» *Shang di* используется в классических переводах молитвенных текстов на китайский язык, а также в известном выражении «Бог да благословит тебя!» (愿上帝保佑你 *Yuan shangdi baoyou ni*)

эти строки так: «Патриарх изведавший науки / И глядящий как дитя светло / ... / На песке вычерчивал число» [Гумилев 2001: 394]. Примечательно, что если в первой строфе Хан Ли перевел слово «Бог» как «дух», то в пятой это именно «Бог» в первоначальном смысле.

Интерпретация стихотворения Н. Гумилева «Слово» в китайском переводе – один из ярких примеров перевода русской поэзии на китайский язык. Хан Ли как опытный переводчик и поэт старался «перевоплотить» русский текст для китайского читателя и сделал это наилучшим образом. Однако само «божественное состояние» возвышенного гумилевского стиля стало несколько утраченным и оттого – обыденным. Хан Ли использует свои приемы для передачи этого «возвышенного состояния» (лексема «Бог», переведенная им в начале текста как «дух» и только в конце как «Бог»). Читатель словно должен был dorasti до этого осознания и прийти к нему в конце стихотворения.

Funding

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-312-90016. The reported study was funded by RFBR, project number 19-312-90016.

Литература

Ахматова А.А. Дыхание песни: Книга переводов. Сост. и примеч. В. Бояринова; послесл. В. Цибина. М.: Советская Россия. 1988. 320 с.
Гумилев Н.С. Полное собрание сочинений в 10 т. Т. 4. Стихотворения. Поэмы (1918-1921). М.: Воскресенье. 2001. 394 с.

Образ «надломленной ивы»
в стихотворении Ли Бо
«Весенней ночью в Лояне слышу флейту»

Пороль Полина Вадимовна

*Российский университет дружбы
народов (Москва)*

Хуан Юньшэн

*Хэбэйский политехнический
университет (Тяньцзинь)*

The Image of the «Broken Willow»
in Li Bai's Poem «Listening To The Flute At Spring
Night In Luoyang»

Porol Polina Vadimovna

*Peoples' Friendship University
of Russia (Moscow)*

Huang Yunsheng

*Hebei University of Technology
(Tianjin)*

Abstract. The article describes the image of the «broken willow» (折柳 zhe liu) in the poem by Li Bai «I hear the flute on spring night in Luoyang» (春夜洛城笛 chun ye luo cheng wen you). New in the work is the interpretation of the reminiscence of the poem – the song «Putting Pelyushku» (采薇 cai wei) from the collection of «Shijin».

Keywords: poetry image; Li Bai Broken willow; translation; interpretation.

Творчество великого китайского поэта Ли Бо (701-762) уже много лет находится в центре внимания русских переводчиков и исследователей. В настоящей статье мы хотим обратить внимание на один, не привлекавший до сих пор внимания исследователей образ «折柳» *zhe liu* («Надломленная ива») в стихотворении Ли Бо «Весенней ночью в Лояне слышу флейту» («春夜洛城闻笛» *chun ye luo cheng wen you*), который, на наш взгляд, позволит глубже понять поэтический текст.

Сравним переводы А. Гитовича и А. Матвеева.

Перевод А. Гитовича	Перевод А. Матвеева
Слышу: яшмовой флейты музыка, Окруженная темнотой, Пролетая как ветры вешние, Наполняет Лоян ночной. Слышу «Сломанных ив» мелодию, Светом полную и весной... Как я чувствую в этой песенке Нашу родину – сад родной!	Из чьих же ворот украдкой взлетел яшмовой флейты звук? Рассеялся-слился с ветром весны и весь наполнил Лоян. Ночную порой, услышав напев «Ломаются ивы ветвь», Какой человек не вспомнит с то- ской свой маленький старый сад?

В комментарии к переводу стихотворения Ли Бо «Весенней ночью в Лояне слышу флейту» («春夜洛城闻笛» *chun ye luo cheng wen you*) А. Гитович пишет: ««Сломанные ивы» – название популярной в эпоху Тан мелодии», в поэтическом переводе называя мелодию «песенкой» [Антология китайской поэзии 1957: 339].

Упоминание китайским поэтом мелодии «Сломленной ивы» (или «Надломленной ивы») может представлять сознательную отсылку, рассчитанную на читательское восприятие.

Выполним дословный перевод стихотворения Ли Бо:

谁家玉笛暗飞声, <i>Shei jia yu di an sheng</i>	Из какого дома слышу тайный, летящий ко мне голос нефритовой флейты?
散入春风满洛城。 <i>san ru chunfeng man luo cheng</i>	Весенний ветер рассеивается по всему городу Лояну.
此夜曲中闻折柳, <i>Ci yequ zhong wen zhe liu</i>	Мелодия «Надломленная ива» звучит в глубине ночи.
何人不起故园情。 <i>heren bu qi gu yuan qing</i> [Li Tai Bai quan ji 1999: 1161]	Чувство привязанности и любви. Кто не тоскует по дому, услышав эту мелодию?

Мелодия «Надломленная ива» – это строки из песни «Собираем пелюшку» («采薇» *cai wei*), которая входит в собрание Шицзин. Обратимся к оригиналу и сделаем подстрочный перевод (текст «Надломленной ивы» выделен подчеркиванием):

采薇采薇, 薇亦作止。 <i>Cai wei cai wei, wei yi zuo zhi</i>	Собираем пелюшку, собираем пелюшку, пелюшка из-под земли прорастает.
--	--

«日归日归，岁亦莫止。」 Ri gui ri gui, sui yi mo zhi	«Возвращайтесь домой, возвращайтесь домой!» Но год подошёл к концу, а жела- ние наше не исполнилось».
«靡室靡家，玁狁之故。」 Mi shi mi jia, xian yun zhi gu	«Мы не дома, мы не дома. Сианьюны тому причина».
«不遑启居，玁狁之故。」 Buhuang qi ju, xian yun zhi gu	«У нас нет времени на отдых, потому что мы воюем с сианьюнами».
采薇采薇，薇亦柔止。 Cai wei cai wei, wei yi rou zhi	Собираем пелюшку, собираем пелюшку, мягкой зеленью пелюшка прорастай
曰归曰归，心亦忧止。 Yue gui yue gui, xin yi you zhi	Возвращайтесь домой, возвращайтесь домой!» как тоскуют наши сердца!
忧心烈烈，载饥载渴。 Youxin lie lie, zai ji zai ke	Беспокоится сердце пылающее, голод и сильная жажда мучают нас.
我戍未定，靡使归聘。 Wo shu weiding, mi shi gui pin	Я стою на границе, но место службы все время меняется, и нет человека, кто пе- редал бы мои письма домой.
采薇采薇，薇亦刚止。 Cai wei cai wei, wei yi gang zhi	Собираем пелюшку, собираем пелюшку. Пелюшка крепкая.
曰归曰归，岁亦阳止。 Yue gui yue gui, sui yi yang zhi	Возвращайтесь домой, возвращайтесь домой, снова октябрь наступил.
王事靡盬，不遑启处。 Wang shi mi gu, buhuang qi chu	Война не останавливается, у нас нет вре- мени для отдыха.
忧心孔疚，我行不来！ Youxin kong jiu, wo xing bu lai	Беспокоится сердце и очень страдает, а человек, доставляющий мне письма всё не идёт.
彼尔维何？维常之华。 Bi er wei he? Wei chang zhi hua	Что это? Это ирга.
彼路斯何？君子之车。 Bi lu si he? Junzi zhi che	Чья та колесница? Генерала.
戎车既驾，四牡业业。 Rong che ji jia, si mu ye ye	Воины едут на колесницах, четыре здоро- вых коня.
岂敢定居？一月三捷。 Qigai dingju? Yi yue san jie	Смеем ли мы отдохнуть? Три войны за ме- сяц».
驾彼四牡，四牡骎骎。 Jia bi si mu, si mu kui kui	Они управляют теми четырьмя конями, четырьмя смелыми конями.
君子所依，小人所腓。 Junzi suo yi, xiao ren suo fei	Генерал надеется, и простых солдат она защищает.
四牡翼翼，象弭鱼服。 Si mu yiyi, xiang mi yu fu	Четыре стройных коня, лук из слонового зуба, акулей кожи колчан.
岂不日戒？玁狁孔棘！ Qi bu ri jie? Xian yun kong ji	Как можно быть нам невнимательными каждый день? Сианьюны непредсказуе- мы!

昔我往矣，杨柳依依。Xi wo wang yi, yangliu yiyi	<u>Когда я покидал мой дом, ива была особенно нежна, она надеялась, что я останусь.</u>
今我来思，雨雪霏霏。Jin wo lai si, yu xue feifei	<u>Теперь, по дороге домой, метель застилает небо.</u>
行道迟迟，载渴载饥。Xingdao chi chi, zai ke zai ji	Я брожу по улицам, не чувствуя ни жажды, ни голода.
我心伤悲，莫知我哀！Wo xin shang bei, mo zhi wo ai [Shi jing 2006: 247]	Я печален печалью, непонятой никем.

Сюжет песни – события времен династии Чжоу и ее борьбы с сианьюнами. Сохранилось множество легенд, они свидетельствуют о том, что победу над сианьюнами Чжоу помогла одержать колесница. Некоторые современные учёные считают, что технология колесницы была взята из Европы. Другие – что её разработал один мудрец примерно в 1600-1200 годах до нашей эры. Но таких колесниц у Чжоу было немного, и армия, оснащённая колесницами, охраняла только столицу.

Тогда военачальники Чжоу собрали лучших мастеров для постройки колесниц. Каждой колеснице требовалось две или четыре лошади и три солдата. Слева в колеснице находился главный солдат, у него были лук и стрелы. Справа – солдат, что держал копьё. Солдат посередине – управлял колесницей. Так, благодаря появлению колесницы, армия Чжоу разбила сианьюнов. Однако несколько лет спустя, династия Чжоу начала постепенно слабеть. В 770 году до нашей эры император династии Чжоу Ю Ван был убит сианьюнами. Сианьюны пришли в столицу Чжоу – сейчас это город Сиань. Так, Чжоу вынуждены были перенести столицу в город Лоян (洛阳 *luo yang*). Чжоу стали именовать себя как «Восточное Чжоу» (东周 *dong zhou*).

Стихотворения Ли Бо «春夜洛城闻笛» («Весенней ночью в Лояне слышу флейту») – одно из самых сложных с точки зрения семантики. Для истинного понимания авторского замысла важно знание скрытой реминисценции – древней песни, которая по силе выражения, исторической значимости, деталям (растения, оружия воинов и т.п.) может сравниться со «Словом о полку Игореве». Это гимн воинам, горькая и трагичная песнь о защите Родины.

Funding

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-312-90016. The reported study was funded by RFBR, project number 19-312-90016.

Литература

Антология китайской поэзии в 4-х т. Т.2. Перевод с китайского под общей редакцией Го Можо и Н.Т. Федоренко. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957. 375 с.

Li Tai Bai quan ji (李太白全集) Полное собрание сочинений Ли Тайбо / Ли Бай (Династия Тан) (唐) 李白著; Wang Qi (Династия Цин) (清) 王琦 注. Пекин: Китайское книгоиздательство, 北京 : 中華書局, 1999重印. 1766頁.

Shi jing 诗经(«Шицзин») / Перев. и коммент. Wang Xiu Mei 译注者: 王秀梅 Пекин: Китайское книгоиздательство, 北京: 中华书局, 2006年9月第一版. 381頁.

Гуманная педагогика как альтернатива современной системы обучения в Китае (использование чань-буддистских и даосских традиций)

Рябинина Ирена Алексеевна

*Российский университет дружбы
народов (Москва)*

Humanitarian Pedagogics as an Alternative to the Present Day Education System in China (Use of Ch'an School and Traditions)

Ryabinina Irena Alexeevna

*Peoples' Friendship University
of Russia (Moscow)*

Abstract. The article is dedicated to the problem of moving from the present day authoritative system of teaching to an alternative humanitarian pedagogics in China as today's Chinese society is in the permanent stress and social pressing condition when no creative innovations are possible. The article points out that the entire social and political system in China is built on the principles of authoritarianism and hierarchy, and the Chinese education system is not an exception. Ideas alternative to the traditional Confucian authoritative hierarchical culture should be sought within the Chinese cultural tradition. The article proposed to review the sources of those ideas in the Chinese Ch'anschool and Taoism. The Ch'an school has a powerful creative stream, which is absolutely required for today's creative perception. It is the Ch'an school that stored the thought of an absolute creative freedom, enduring value of self-expression. In accordance with the Ch'an school teaching, a teacher does not force a student to learn the "dead" knowledge and rules but together with the student is searching for the way for the student to independently unlock the inherent qualities. The Taoist tradition provides for an opportunity of personal enhancement of a Chinese individual, who is to live and create in the post-industrial society of the XXI century.

Keywords: Education system in China; humanitarian pedagogics; Ch'an school; Taoism; authoritarianism; hierarchy; teacher; student.

Современное преподавание в Китае построено на традиционной конфуцианской системе образования, в основе которой лежат жесткие иерархические отношения ученика и учителя.

Вся система взаимоотношений в традиционном китайском обществе построена на сугубо иерархических традициях, что отражается даже на языковых конструкциях: например в Китае нет «европейского» понятия «братства», которое на китайский язык переводится как отношение «старшего и младшего брата», что также подразумевает не равенство, а иерархию [Духовная культура Китая 2007]. При режиме Си Цзиньпина повсеместно поддерживаются и усиливаются конфуцианские принципы: в детских садах изучаются конфуцианские тексты, в школах такие тексты в массовом порядке зазубриваются наизусть. Целью подобной воспитательной политики является возвращение «почтенного сына» и подчинение индивида жёсткой иерархии, что добавляет дополнительный прессинг к уже существующему давлению на «личность» на фоне постоянно усиливающейся конкуренции.

Многие учёные обеспокоены сложившейся в Китае тревожной ситуацией в связи с проводимой системой социального рейтинга, обязательная программа которой будет запущена в полном объёме к 2020 году. Особенный страх в аспекте данного политического прогноза заключается в том, что «эпидемия синьцзянского концлагеря» в плане тотального контроля над людьми перекинется на другие части Китая. Всё это усиливает постоянный стресс и страх, которым базово подвержено китайское общество, члены которого и так вынуждены с малых лет перманентно держать ситуацию под контролем, дабы не «потерять лицо» и выдерживать жёсткое иерархическое давление, чтобы соответствовать общепринятым традиционным принципам китайского порядка [Духовная культура Китая 2007]. В таких условиях нарастающего напряжения психическое и психологическое состояние китайцев с каждым годом становится всё менее здоровым. Необходимо искать экологичные пути если не разрешения, то смягчения данной ситуации.

В то же время создание современной креативной конкурентно-способной личности требует совершенно иной системы воспитания и качественно другого образования, основанных на иных, неиерархических принципах. Следует подчеркнуть, что китайская культура испытывает особые трудности при восприятии «чужих» некитайских категорий и ценностей. Поэтому китайская педагогическая практика вряд ли будет способна воспринять современную европейскую педагогическую мысль, основанную на «гуманных» ценностях [Амонашвили 2015-2017].

Для того, чтобы конфуцианская дидактическая традиция трансформировалась в соответствии с требованиями постиндустриального

общества, необходимо найти некий образовательный модус, который лежит в русле традиционной китайской культуры. Такой образовательный модус содержится в традициях чань-буддизма и даосизма. В чань-буддизме имеется мощная творческая струя, которая совершенно необходима современному креативному сознанию. Именно на современном этапе развития постиндустриального общества китайскому иерархизированному сознанию совершенно необходима заложенная в чань-буддизме мысль об абсолютной свободе творчества, о непреходящей ценности самовыражения. В соответствии с традицией чань-буддизма учитель не заставляет ученика заучивать «мёртвые» знания и правила, а вместе с учеником ищет путь, через который тот самостоятельно раскрывает собственные потенции, заложенные в природе самого воспитанника [Торчинов 2000].

Роль учителя в данной образовательной концепции фактически эволюционирует от позиции жестокого «ментора» к статусу товарища, помощника в процессе обретения истины. В то же время чань-буддизм не отвергает роль учителя, а предполагает его участие в процессе познания. Более того, роль учителя в определенной мере является ключевой, так как самостоятельно ученик может только подойти к обретению истины, а последний шаг он делает при помощи наставника. Задачей учителя в чань-буддизме является не автоматическая передача знания абстрактному ученику, а индивидуальный подход к каждому подопечному с применением специфических практик (включающих шокирование, загадки, испуг и другие неординарные методы контактирования), рассчитанных на трансформацию сознания и установление духовной общности ученика и учителя. Особое внимание следует обратить на замену в чань-буддизме логико-позитивистского сознания на интуитивное и импровизационное, дающее возможности раскрыть безграничные возможности как ученика, так и учителя в создавшемся поле потока бесконечных вариантов в моменте обучения. Такая чань-буддийская практика как медитация, проводимая под наблюдением и с помощью учителя, может раскрепостить иерархизированное сознание ученика и результатиться в нетривиальное решение самых сложных проблем.

Личное самосовершенствование – такова цель написания даосских текстов [Антология даосской философии 1994]. По мнению ведущего российского синолог-религиоведа Е.А. Торчинова, именно в ориентации на личное самосовершенствование проходит отличие даосского взгляда на мир от других китайских философских школ: конфуцианства, легизма, моизма, которые направлены на этико-политическое и социальное переустройство общества для достижения его подобия единому космическому образцу во имя процветающей Поднебесной [Торчинов 2004]. На мой взгляд, в совершенствовании

даосских практик лежит возможность личностного развития китайского индивида, которому предстоит жить и работать в постиндустриальном обществе XXI века. Если конфуцианский подход к образованию имеет конечной целью получение позитивных знаний, то в чань-буддизме и даосизме знания представляют собой лишь путь к цели, а главным является раскрытие всех граней личности ученика со всеми его бесчисленными возможностями /талантами.

В отличие от конфуцианства педагогика в чань-буддизме и даосизме является не ремеслом, а искусством, имеющее возможность увидеть в ученике зерно таланта и способностей и создать среду, способную взрастить это зерно, которое сможет реализоваться в этом мире.

Таким образом, новый подход к образованию, в котором применение чань-буддийской практики и модификация роли учителя в качестве партнёра-наставника в атмосфере духовной общности и творчества в педагогическом процессе, далеком от репрессивной назидательности, будут сочетаться с даосским самосовершенствованием индивида, сможет заложить основы гуманной педагогики в Китае, способной создать нового гражданина Поднебесной, отвечающего на вызовы времени [Амонашвили 2015-2017].

Воспитанные гуманной педагогией китайские «личности», освободившиеся от иерархической зависимости сначала авторитарного учителя, а затем – сдерживающей творческие силы социальной среды, смогут в здоровой психологической атмосфере достойно сотрудничать на мировой арене с наиболее квалифицированными креативными кадрами, в том числе и с интеллектуалами из Силиконовой долины.

Литература

- Духовная культура Китая. Том 2. Мифология. Религия. Энциклопедия в пяти томах / Гл. ред. М.Л. Титаренко. Ред. тома М.Л. Титаренко, Б.Л. Рифтин, А.И. Кобзев, А.Е. Лукьянов, Д.Г. Главева, С.М. Аникеева. М.: Восточная литература, 2007.
- Торчинов Е. А. Даосизм. «Дао-Дэ Цзин». Санкт-Петербург: Азбука-классика, 2004.
- Торчинов Е.А. Введение в буддологию: курс лекций. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургское философское общество, 2000.
- Антология даосской философии / Сост. В. В. Малявин, Б. Б. Виноградский. М.: Клышников-Комаров и К, 1994.
- Амонашвили Ш. А. Основы гуманной педагогики Кн. 1, 2, 5, 10. Москва: Амрита, 2015-2017.

Творческая школа переводчика:
опыт сопоставительного анализа перевода
и оригинала поэтического текста

Стручалина Галина Валерьевна
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет (Белгород)

Translator's Creative Practice:
Comparative Analysis of the Interpreter's Version
and the Original Poetic Text

Struchalina Galina Valerevna
Belgorod National Research State
University (Belgorod)

Abstract. The article is a brief analysis of the translation from Russian into Chinese Zinaida Gippius' poem, made by Wang Jianzhao. Particular attention is paid to creating and capturing an image that is close to original by exploring specific expressive resources of the Chinese language and poetry.

Keywords: Zinaida Gippius; Wang Jianzhao; poetry translation; Chinese poetry; Russian poetry.

В подготовке лингвиста-переводчика, развитии языкового чутья, эрудиции, чувства стиля и вкуса применительно к языку важную роль играет анализ текстов и их переводов. Данная статья появилась в результате параллельного лингвистического анализа переводов и оригиналов текстов на занятиях со студентами направления «Перевод и переводоведение», второй иностранный язык – китайский.

В качестве одного из текстов был выбран перевод на китайский стихотворения З. Гиппиус «Любовь – одна» (1896) (здесь и далее цит. по [Гиппиус 2017]), выполненный известным современным переводчиком-русистом Ван Цзяньчжао (汪剑钊, Wang Jianzhao) (здесь далее цит. по [Ван Цзяньчжао]), одним из проводников китайского читателя в мир русской поэзии Серебряного века.

Динамика повторов, следующая логике автора, своеобразная полиритмическая организация текста – как альтернатива рифме и четырехстопному ямбу оригинала, сохранение образности – были отмечены студентами как удачные переводческие решения и элементы текстового единства на языке перевода.

Чэньюй, устойчивые выражения национальной поэтической речи с близкой оригиналу оценочностью, органично передающие поэтическую картину мира российского автора, также привлекли внимание: 波涛汹涌 ботаосюн юн / bōtāoxiōng yǒng – волны бурлят, валы вздымаются, 心只有一颗 синь чжию и кэ / xīnzhīyǒu yī kē – сердце – одно.

Однако в последнем случае интертекстуальность, аллюзия на современный китайский текст заставляют задуматься о том, как может быть интерпретирован перевод стихотворения Гиппиус. В среде китайских нетизенов популярно выражение: 心只有一颗, 不要装的太多 [Хуа Цзи Лин Эр] синь чжи ю и кэ, буюочжуань дэтай до; / xīnzhī yǒu yī kē, bù yào zhuāng de tài duō – ‘сердце всего лишь одно, не нужно уж слишком притворствоваться’. Выражение является частью стихотворного эссе, посвященного настоящим чувствам и истинным ценностям, принадлежит перу сетевой поэтессы с ником Хуа Цзи Лин Эр (花祭灵儿, Hua Ji Ling Er). Произведение это хоть и написано современным языком, но «психотерапевтическим эффектом» и идейной составляющей перекликается с лирикой древних авторов, утверждавших, что гармония человеческого существования происходит из умеренности, добродетели в поступках, верности в отношениях, умения находить и ценить простые радости, созерцая прекрасное.

С точки зрения сохранения оценочности интересен третий вариант стихотворения. В оригинале присутствует сравнение человеческой жизни с движением в пространстве [Гиппиус]:

Однообразно и пустынно,
Однообразием сильна,
Проходит жизнь... И в жизни длинной
Любовь одна, всегда одна.

В качестве основы для создания, а скорее, воссоздания образа вербальными средствами, выбрано клише, «стертая» метафора – *жизнь проходит*, которое «освежается» авторскими эпитетами с выраженной негативной оценкой: *однообразно, пустынно*. Связь одного из эпитетов с пространством пустыни активизирует ряд ассоциаций, объ-

единенных также негативной оценочностью, таким образом, текст катрена обретает образную и оценочную связность, подкрепляемую аллитерацией: «заклинательным» чередованием звуков «о» и «н».

Как же передает это сложное единство переводчик? Лексика с эмоциональной окраской и оценочностью также представляет собой «стертые метафоры» с негативной коннотацией: 单调 *дань дяо* / *dān diào* – ‘монотонный’, сравнение с однообразной мелодией; 空虚 *кун суй* / *kōng xū* – ‘пустой, незаполненный, опустошенный, бессодержательный’; 乏味 *фа вэй* / *fá wèi* – ‘пресный, с невыраженным вкусом’; 枯燥 *ку цзао* / *kū zào* – ‘сухой’, сравнение с высохшей, увядшей листвой, засушливой погодой. Целостность образа с разносторонними характеристиками подчеркивается лексически: 单 — *дань у* / *dān yī* – ‘единая, однообразная’ (в своей пустоте, сухости и пресности жизнь).

Образная связь жизни с пространством пустыни в переводе в первых двух строках не столь сильна, однако присутствует в виде порождающей ассоциации лексики.

Зато в третьей строфе выражение 道路漫长又漫长 *даолумань чан ю мань чан* / *dàolù màn cháng yòu màn cháng* – ‘длинный и бесконечно утомительный путь’, которым описывается жизнь, в полной мере, и даже с избытком, передает авторскую оценочность и образность. Эффект усиления создает повтор эпитета с союзом 又 *ю* / *yòu* – ‘и, сверх того’.

Что касается аллитерации, то и она в переводе присутствует, правда, реализована несколько иначе – через повторение звуков в парах соседствующих слов.

И, разумеется, хороший переводчик поэтической речи не только «соразботник» автору, но и в некоторой степени соперник; едва ли он удержится от соблазна добавить нотки своей интерпретации, доступной ему как читателю и носителю другого языка и культуры, носителю иной картины мира.

Однако хороший переводчик всегда поверяет творческий дар чувством меры. В данном случае мы имеем примеры такой деликатной, ювелирной работы. Так, строфа 我们只拥有一次爱的权利 ... *вомэньчжи юн ю и цы ай дэ цюаньли* / *wǒménzhī yǒng yǒu yī cì ài de quánlì* ... ‘правом любить мы распоряжаемся лишь один раз’ не является буквальным переводом соответствующей строфы оригинала: *И любим мы одной любовью*, однако является, на наш взгляд, удачной интерпретацией синтаксически и семантически трудного для перевода фрагмента.

Другой пример – вплетение в ткань перевода иероглифов, содержащих графему ‘вода’ 氵, установление их ассоциативной связи с образом-импульсом – *Единый раз вскипает пеной / И рассыпается волна*: 波 *bō*, 涛汹涌 *bō tāo xiōng yǒng*, 沫 *mò*, 活 *huó*, 没 *mei*, 深 *shēn*, 清 *qīng*. Это придает тексту перевода дополнительную выразительность,

важную, с точки зрения визуально ориентированной национальной поэзии, и дополнительную монолитность.

Формат тезисов не позволяет нам представить анализ настоящего переводческого труда более подробно, однако надеемся, этот краткий обзор будет способствовать усилению интереса к сравнительному анализу поэтических переводов, результатом которого могут быть творческий рост начинающих и опытных переводчиков и увеличение количества качественных и интересных переводов произведений как классической, так и современной литературы на китайском и русском языках.

Литература

Ван Цзяньчжао. Цзинсиньду ши юань: Цзибиусы Айцинчжи ю и гэ (Сад стихов, успокаивающих сердце: Любовь – одна Гиппиус) [Электронный ресурс] // sohu.com [сайт]. URL: http://www.sohu.com/a/293862088_648975 (дата обращения 09.02.2019).

Гиппиус З.Н. Любовь – одна [Электронный ресурс] // Зинаида Гиппиус [сайт]. – [2017]. URL: <https://gippius.com/lib/poetry/ljubov-odna.html> (дата обращения 09.02.2019).

Хуа Цзи Лин Эр. Жэньюй синь доусюйяо и гэ вэньсинь дэганвань (Всем нужна тихая гавань в сердце). [Электронный ресурс] // Личжи жэнья шэн (Вдохновляющая жизнь). 25.01.2015. URL: <http://www.lzrsh.com/renshengganwu/8507.html> (дата обращения 09.02.2019).

Менталитет и формирование базовых ценностей (на материале русского и китайского языков)

Чэнь Ваньжоу

*Московский государственный лингвистический
университет (Москва)*

Mentality and the Formation of Basic Values (Based on Russian and Chinese Material)

Chen Wanrou

*Moscow State Linguistic
University (Moscow)*

Abstract. The abstracts present the traditional values of the Chinese and Russian peoples, which are determined by traditional philosophy, customs, and the specifics of religion and etiquette. The main characteristics of the historically formed mentality of the Russian and Chinese peoples and their influence on the system of modern basic values are considered.

Keywords: mentality; custom; philosophy; religion; etiquette; values.

Психологи и этнологи считают, что у каждой лингвокультуры есть собственный менталитет, отражающий специфические способы познания мира тем или иным этносом. Эти способы познания фиксируются в языке, в характере речевых действий, и передаются с ним от поколения в поколение. Общекультурные, универсальные ценности присваиваются носителями культуры через призму своего национально специфичного менталитета, а потому реально существуют в разных культурных смыслах.

Как отмечал Вильгельм Вундт, основной метод исследования менталитета – это анализ конкретно-исторических продуктов народов, и прежде всего языка, мифов и обычаев [Вундт 1994: 79]. Язык как универсальный способ представления любого содержания объединяет все способы проявления менталитета. Именно вербализованный опыт, накопленный определенным этноязыковым сообществом, и создает ментальность.

Особенности менталитета русского народа

Как отмечал выдающийся русский историк Василий Осипович Ключевский, национальный характер русских содержит множество противоречий. В русской душе и русской культуре сосуществуют «европейское и азиатское, оседлое и кочевое, христианское и языческое, светское и духовное, официальное и оппозиционное, коллективное и индивидуальное» [Ключевский 1998: 10]. Николай Александрович Бердяев, русский религиозный и политический философ, также считал, что «русская душа особая, противоречивая и сложная» [Бердяев 1990: 166].

Какие черты русского национального характера, или ментальности выделяют современные исследователи?

1. Духовность. Процесс формирования менталитета русского народа тесно связан с историей православия на Руси. Как писал Н.А. Бердяев, «душа русского народа была сформирована православной церковью» [Бердяев 1990: 166]. Питирим Сорокин отмечал, что система базовых ценностей русского народа является «воплощением христианской религии». Православие существенно влияло на формирование системы духовно-нравственных ценностей русского народа, так что религиозность являлась духовной и нравственной основой ценностей русского народа и послужило основой ментальности русских, в которой особое место занимают базовые ценности: милосердие, самопожертвование, терпимость, доверчивость, соборность, справедливость и вера.

2. Широта души и щедрость. О широте души и пространственности мышления метафорически писал Н.А. Бердяев: у русского народа «душа расплывается по бесконечной равнинности, уходит в бесконечные дали... она не знает границ и форм жизни, не встречает дисциплинирующих очертаний и пределов в строении своей земли, в своей стихии» [Бердяев 1990: 166]. Эта черта национального характера проявляется и в привычке мыслить не в пределах своего малого клочка земли, окружающей среды, а выходить далеко за его пределы.

3. Толерантность и терпимость. История длительного сосуществования народов многих национальностей на территории России, постоянная необходимость выживания в суровых климатических ус-

ловиях повлияли на формирование терпеливости и послушания как важных черт менталитета. «Специфическим для русского человека является то, что часто его толерантность перерастает в долготерпеливость, во всепрощенчество...» [Сабиров 2009: 4]. В русской культуре толерантность рассматривается как глубоко духовное качество, связанное с созерцанием – с пристальным, уважительным осмыслением в рамках нравственности и одухотворенности.

Особенности менталитета китайского народа

Традиционный китайский менталитет сформирован мышлением трех основных течений традиционной культуры: конфуцианства, буддизма и даосизма. Ядро базовых морально-этических ценностей Китая представлено в шести иероглифах: 仁 (жэнь) / милосердие, 德 (дэ) / нравственность, 礼 (ли) / этикет, 法 (фа) / закон, 化 (хуа) / нейтрализация и 和 (хэ) / гармония. Эти ценности определяют базовые принципы существования индивида, сформулированные философами.

1. 阴阳五行 (иньян у син) / сочетание инь и ян и «пять превращений». Инь и ян символизируют женское (отрицательное) и мужское (положительное) начало в природе. «Пять превращений» связаны с представлением о том, что основными элементами мира являются вода, дерево, огонь, земля и металл. Они взаимно влияют друг на друга, образуя цикличность мира.

2. Второй принцип – 天人合一 (тянжэньхэ и) / гармония между небом и человеком – предполагает единство естественного мира и подчеркивает, что внутренний мир человека взаимодействует с внешним естественным миром.

3. 中和中庸 (чжунхэчжун юн) / золотая середина: «Путь золотой середины» – методология реформизма конфуцианства и одно из основных звеньев его идеологии. В «Лунь Юй» (гл. 7) Конфуций отметил, что «золотая середина, как добродетельный принцип, является наивысшим принципом, но народ давно уже не обладает им». Выражение «золотая середина» означает срединный путь между двумя крайностями, символизируя равновесие и гармонию, суть которой заключается в умеренном и разумном жизненном укладе.

4. 修身克己 (сюшэнькэцзи) / дословно: пристально (или систематически) совершенствоваться и работать над собой, быть самоотверженным в достижении совершенства. Китайская традиционная философия акцентирует необходимость самосовершенствования человека. Известная древнекитайская мудрость 修身齐家治国平天下 (сюшэньцзицзя джи гопиньтянься) говорит о том, что совершенствование начинается с собственного «Я» и продолжается в семье, и именно поэтому в государстве будет порядок, и умиротворится вся Поднебесная.

Ценности – одно из самых сложных и многоуровневых явлений в истории общественной мысли. Они рассматриваются как неразрывная составная часть культуры, уникальный духовный капитал человечества.

В работах некоторых синологов упомянуто, что доминирующей ценностью для восточной цивилизации с древних времен является законосообразность бытия. Считается, что нарушение законосообразности – это несоблюдение движения космического цикла, приносящее беды. Китайские базовые ценности, основывающиеся на учении Конфуция, акцентируют такие моральные черты, как 真 (чжэнь) / искренность, 礼 (ли) / ритуал, 敬 (цзин) / уважение, 让 (жан) / уступчивость, 和 (хэ) / гармония, 仁 (жэнь) / гуманность.

По словам И. А. Василенко, главной характеристикой ценностей конфуцианской цивилизации следует считать «этикоцентризм, социально-нравственную ангажированность» [Василенко 1999: 97].

Подводя итоги, отметим, что на формирование системы ценностей того или иного народа влияют многие причины, к которым относятся различные климатические условия, религия, экономика, политические реалии, характер элиты – словом, культура в целом, детерминирующая ментальность народа. Менталитет специфически отражает базовые ценности культуры, потому что именно он определяет вектор деятельности, нормы поведения и способы познания мира.

Литература

- Бердяев Н.А. Миросозерцание Достоевского // *Бердяев Н. А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. О России и русской философской культуре*. М.: Наука, 1990. 163 с.
- Василенко И.А. Диалог цивилизаций: социокультурные проблемы политического партнерства. М.: Эдиториал УРСС, 1999. 270 с.
- Вундт В. Проблемы психологии народов // *Тексты по истории социологии XIX-XX веков: Хрестоматия*. М.: Наука, 1994. С. 75-90.
- Ключевский В.О. Культурология: теория и практика культуры. М.: Знание, 1998. 290 с.
- Сабиров А.Г. Толерантность как свойство русского человека // *Теория и практика толерантности: этнокультурные и межконфессиональные аспекты: материалы Всерос. науч.- практ. конф. (Нижегородск, 5 дек. 2008)* / Отв. ред. О. Д. Агапов. Казань: Познание, 2009. 380 с.
- Лю Цзайфу 刘再复, Лю Ган 林岗. Чуальтунъюйчжунгожэнь (Традиция и китайцы). 传统与中国人 Пекин: 北京 三联书店, 1988. 288 с.

О переводе иностранных энциклопедий в Китае

Чэнь Хао

*Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова (Москва)*

About Translation of Foreign Encyclopedias in China

Chen Hao

Moscow State University (Moscow)

Abstract. This paper discusses the Chinese translated editions of the end of XX century several foreign encyclopedias, comparative analysis of the macrostructure and microstructure of the original and translation.

Keywords: Chinese lexicography; translation of encyclopedias; comparative analysis; structure of the encyclopedia.

Перевод энциклопедий может осуществляться с разными целями, и даже при наличии собственных национальных энциклопедий с успехом переводятся авторитетные иностранные энциклопедии для того, чтобы дать широкой читающей публике доступ к самым современным знаниям в наиболее систематизированном виде.

В конце XX в. на китайском языке было издано довольно большое количество иностранных энциклопедий, в том числе наиболее авторитетная из них – «Encyclopedia Britannica», впервые опубликованная в 1768–1771 гг. и затем переведенная, в частности, в Греции, Испании, Португалии, Турции, Франции и Японии. В Китае вышло два издания ее перевода – в 1985 г. «简明不列颠百科全书» (Краткая британская энциклопедия) и в 1999 г. «不列颠百科全书» (Британская энциклопедия). Кроме того, были изданы переводы американской «Encyclopedia

Americana» – «大美百科全书» (1994), британских «The Cambridge Encyclopedia» – «剑桥百科全书» (1996) и «Compton's Encyclopedia» – «康普顿百科全书» (2003).

Также было переведено значительное количество советских энциклопедий. В 1983 г. вышел полный перевод издания «Строительство. Энциклопедия современной техники» – «苏联建筑百科全书». В 1986 г. вышли полные переводы «Советского энциклопедического словаря» – «苏联百科词典» и «Советской военной энциклопедии» – «苏联军事百科全书». В ряде случаев переводились и издавались лишь определенные части русских энциклопедических изданий. Так, для китайского однотомного издания «苏联哲学百科全书 (Sūliánzhéxué bǎikē quánshū)» (1984) был переведен только первый из пяти томов «Философской энциклопедии», а из «Советской исторической энциклопедии» в 16 томах в китайскую однотомную «世界历史百科全书 (Shìjiè lìshǐbǎikēquánshū)» (1992) – вошли лишь персоналии [Голубева-Монаткина, Чэнь Хао 2019: 205].

Перевод «Encyclopedia Britannica» был наиболее масштабным и сложным из рассмотренных проектов. Для работы над ним была составлена специальная китайско-американская объединенная редакционная комиссия [Сюй Вэйцзэн 1986: 8]. При переводе остальных энциклопедий китайская сторона ограничивалась созданием собственной комиссией по переводу и все решения относительно изменений формы или правки содержания принимались этой комиссией.

Важной частью работы над переводом иностранных энциклопедий является отбор словарных статей, и удаление некоторых из них, что в основном, было связано с политикой и законодательством КНР. Что касается статей, посвященных самому Китаю, то в переводе «Encyclopedia Britannica» они добавлялись и расширялись [Лю Цзуньци 1986: 4]. В китайских версиях «Советской исторической энциклопедии» и «Compton's Encyclopedia» словарные статьи, посвященные Китаю, были исключены полностью ввиду их малой информативности для собственно китайского читателя. В «Compton's Encyclopedia» также были заметно сокращены статьи, посвященные различным штатам и президентам США. В остальных случаях изменения словарных статей были либо незначительны, либо совсем отсутствовали.

Изменения макроструктуры словаря, сделанные при переводе, касаются, в основном, последовательности словарных статей. В переводах «Encyclopedia Britannica» 1999 г., «Encyclopedia Americana» и «The Cambridge Encyclopedia» словарные статьи расположены по латинскому алфавиту оригинала, а в переводе «Советской исторической энциклопедии» – по кириллице. В условиях китайской иероглифической письменности это означало необходимость использования специального индекса для того, чтобы найти соответствующие слова,

что составляло дополнительную трудность при использовании этих энциклопедий. В переводе «Советской философской энциклопедии» словарные статьи расположены в порядке возрастания количества черт, а в изданном в 1985 г. переводе «Encyclopedia Britannica» для организации материала применялся пиньинь, что сделало использование энциклопедий гораздо удобнее (этому способствовал приведенный дополнительно в конце словаря индекс словарных статей оригинала).

Наиболее значительное изменение макроструктуры наблюдается в переводах «Большой советской энциклопедии» и «Compton's Encyclopedia». Вместо алфавитного порядка материалы в «Большой советской энциклопедии» были организованы по тематическому принципу: переводное издание состояло из более чем 90-ти отдельных томов, каждый из которых был посвящен одной общей теме. Пять томов перевода «Compton's Encyclopedia» назывались соответственно «Наука о жизни», «Естественные науки», «Техника и экономика», «Культура и спорт», «Общество и общественные науки».

Что касается изменений микроструктуры, то при переводе «Encyclopedia Britannica» наибольшее количество споров во время работы объединенной редакционной комиссии возникало из-за статей политического содержания. В результате переговоров и согласования с международной объединенной редакционной комиссией было решено, что в китайской версии в словарной статье «Корейская война» инициатор вообще не упоминается [Фу Цзохуа 1999: 130–131]. При переводе остальных энциклопедий в соответствии с внешней и внутренней политикой КНР собственные комиссии по переводу могли перефразировать отдельные выражения и удалять фрагменты статей, имеющие особое политическое или военное значение. Также исправлялись фактические ошибки в статьях, посвященных Китаю [Цзинь Чанчжэн 1990: 109]. Кроме этого, изменялись или добавлялись лексикографические пометы и иллюстрации.

Проведенный анализ показывает, что при переводе иностранных энциклопедий на китайский язык адаптация макроструктуры и микроструктуры оказывается необходимой ввиду существенных языковых и культурных различий. Переводные издания энциклопедий, в достаточной мере отражая специфику нынешней китайской языковой картины мира, с успехом выполняли свое предназначение в период начала проведения политики реформ и открытости в Китае. Эти издания смогли восполнить пробелы в китайских энциклопедиях, познакомить китайского читателя с иностранной культурой и наукой, а самое главное – послужили хорошими примерами в работе над отечественной справочной литературой следующего поколения.

Литература

- Голубева-Монаткина Н.И., Чэнь Хао. Русская лексикография в современном Китае // *Русский язык: исторические судьбы и современность: VI Международный конгресс исследователей русского языка: Труды и материалы* / под общ. ред. М. Л. Ремнёвой и О. В. Кукушкиной. М.: МГУ, 2019. С. 205.
- Фу Цзохуа. Краткая история перевода «Британской энциклопедии» на китайский язык 傅祚华. 《不列颠百科全书》中译史略 // *Лексикографические исследования. 辞书研究*. 1999. № 6. С. 126–136.
- Сюй Вэйцзэн. Обзор «Краткой британской энциклопедии» 徐慰曾. 《简明不列颠百科全书》简介 // *Лексикографические исследования. 辞书研究*. 1986. № 4. С. 6–10.
- Цзинь Чанчжэн. «Британская энциклопедия» и «Краткая британская энциклопедия» 金常政. 《不列颠百科全书》与《简明不列颠百科全书》// *Китайское книжное обозрение. 中国图书评论*. 1990. № 6. С. 108–109.
- Лю Цзуньци. Значение и роль составления и перевода «Краткой британской энциклопедии» 刘尊棋. 编译《简明不列颠百科全书》的意义和作用 // *Лексикографические исследования. 辞书研究*. 1986. № 4. С. 1–5.

Анализ культуры чайного пути и купечества провинции Шаньси в период династии Мин и Цин

Юй Ван

*Институт международных отношений Казанского
(Приволжского) Федерального Университета (Казань)*

Мартынов Дмитрий Евгеньевич

*Институт международных отношений Казанского
(Приволжского) Федерального Университета (Казань)*

Analysis of the Culture of the Tea Road and Merchants of Shanxi Province During the Ming and Qing Dynasty

Yu Wang

*Institute of International Relations Kazan
(Volga region) Federal University (Kazan)*

Martynov Dmitry Evgenevich

*Institute of International Relations Kazan
(Volga region) Federal University (Kazan)*

Abstract. The purpose of this research is to realize the main commodity of exchange tea in the Ming and Qing dynasty. The tea road began at the end of the Ming dynasty and the beginning of the Qing dynasty. It was one of the important international trade roads after the Great Silk Road, which connects eastern China with western Russia. It was an important channel connecting the Chinese-Russian tea trade and cultural exchanges in the middle of the 17th and 19th centuries. The merchants from Shanxi province opened this tea road and had a long time monopolized tea trade. Supported by an impeccable business reputation and deep commercial culture, the merchants of Shanxi achieved miracle in the business.

Keywords: tea road; merchants Shanxi; culture.

Чайный путь может быть разделен на три части в зависимости от транспортной среды – водный, сухопутный и верблюжий. Чтобы лучше понять экономическое процветание чайного пути и торговую культуру Цзиньшань, мы сосредоточимся на следующих торговых направлениях.

Отправная точка водного пути – деревня Сямэй

Научно подтверждено, что отправная точка чайного пути – деревня Сямэй. Согласно историческим данным первые переселенцы в деревню Сямэй, которые стали специализироваться на чае, были торговые партнеры по фамилии Чан из провинции Шаньси. Благодаря низкой стоимости рабочей силы, обработки, производства и упаковки удалось добиться экспортной торговли. Концепция торговцев Чан и Цзоу, ориентированная на международную торговлю, стала образцом и оказала наибольшее влияние на следующие поколения торговцев чаем.

Сухопутный путь – город Идянь

Город Идянь, известный своими торговыми лавками, является концом водного и началом сухопутного чайного пути. Согласно «Истории династии Сун», Идянь стал оживленным рыночным городом с кораблями, торговцами, купцами. [Нап 2012: 47] Сухопутный путь находился в середине чайного пути, насчитывал около 1440 километров.

В связи с уникальным географическим положением и условиями, здесь завершаются перевозка и транзит большого количества товаров. [Zhang Chunling 2014] В период расцвета население древнего города Идянь насчитывало десятки тысяч человек, а на складах находились десятки видов товаров.

Верблюжий путь: дорога Чжанцзякоу – Кулунь (Чжанку)

Длина дороги Чжанку составляет более 1400 километров: от Чжанцзякоу, провинция Хэбэй до Кулуна, центральной части во внутренней Монголии (ныне столица Монголии Улан-Батор) и простирается до города Чакту, Россия.

Когда торговцы из Шаньси “цзиньшан” только начали отправляться в Кунлунь торговать, в Монголии не было китайской валюты, серебряных и медных монет, поэтому в торговле с монгольскими или русскими купцами они использовали натуральный обмен, к примеру «кирпичный чай». В период Сяньфэн (1851-1861) рубль также укрепился в Монголии как обменная валюта. [Liu 2015: 127]

Во времена поздней династии Цин торговцы Шаньси также экспортировали большое количество чая в Россию и Европу.

Купеческая культура торговцев Шаньси

Культура торговцев Шаньси формировалась сотни лет несколькими поколениями, она обладала неиссякаемой энергией и внутренним богатством. В данной статье упор будет сделан на духовной составляющей наследия торговцев Шаньси.

1. Принцип почитания торговли и выгоды через призму конфуцианства.

Конфуцианство, будучи крепко укоренившейся и ведущей идеологией в китайском феодальном обществе затрагивает его на всех уровнях, также отразилось и на торговцах Шаньси. Торговцы из Шаньси опирались на конфуцианскую философию как на этический кодекс управления бизнесом. Так, Конфуций говорил: «Благородный муж любит деньги и добывает их праведным путем». Данное выражение значит, что благородный муж должен обогащаться честным способом.

Торговцы Шаньси следовали принципу: даже если для них была главной прибылью, она должна основываться на принципе гуманности и справедливости. Среди торговцев Шаньси семья Чан находилась под сильным влиянием неоконфуцианства, получив славу «внеся дух конфуцианства в торговлю и бизнес». Они почитают принципы справедливой выгоды конфуцианской концепции праведности и придерживаются моральной доктрины Мэнцзы «честный и справедливый человек на правильном пути». Поэтому в процессе ведения бизнеса они всегда руководствовались честностью, искренностью и доверием как главными ориентирами. [Хуе 2009]

2. Одновременно претворять в жизнь принципы доверия и честности

Торговцы Шаньси поклонялись одному божеству именуемому Гуангун, о котором есть упоминания в классическом китайском романе «Троецарствие», в дальнейшем эволюционировавшем в объект поклонения и обращения с молитвами за помощью. Гуангун стал символом справедливости, нравственности и следованию своему слову, поэтому торговцы Шаньси выбрали Гуангуна своим тотемом, что еще раз подтверждает, что торговцы Шаньси огромное внимание уделяли доверию и справедливости. При династии Цин торговец из Шаньси Цяо Чжияун выдвинул идею: «на первом месте-доверие, а втором месте – справедливость и только на третьем месте стоит выгода». [Deng 2016: 164]

Именно торговцы из Шаньси стали учредителями первого торгового дома Дашэнкуй, ставшим первым акционерным обществом в Китае. Отношения между инвесторами и дилерами обязаны основываться на принципе взаимного доверия, что, говоря другими словами является общей моральной культурой. Даже во внешнеторговых опе-

рациях, если иностранные торговцы столкнутся с трудностями, торговцы из Шаньси им помогут.

3. Выдающиеся достижения в инновациях

3.1 Перемещение и использование капитала. Со времен династии Мин, внедряли в компании такие коммерческие системы: система ссуд, система сотрудничества с компаньонами (инвесторы для получения прибыли полагаются на дивиденды капитала), акционерная система и т. д. Данный подход играл важную роль в различные исторические периоды, ускорил и преумножил социальные и экономические успехи. [Chen 2015]

3.2 Управление кадрами. У торговцев Шаньси была своя уникальная стратегия работы с персоналом: отбор и обучение кадров, повышение квалификации, система вознаграждения. При отборе кадров основным требованием была добродетель потенциального работника. Во-вторых, рассматривалась способность вести дела. Если он является новичком в деле, ему могут предоставить специализированное обучение навыкам и установят строгие условия для оценки. Механизм вознаграждения и наказания был также направлен на то, чтобы мобилизовать рабочий энтузиазм сотрудников. [Ge 2009]

3.3 Финансирование капиталов. При династии Цин масштаб бизнеса торговцев Шаньси распространился по всему Китаю и даже по Северной Азии. Из-за частой товарной экономики и большого денежного обращения, перевозить большое количество серебра было неудобно. Поэтому торговцы Шаньси использовали расписки, которые можно обменять на серебро. Имея свой счет, вы могли непосредственно обратиться к местной меняльной лавке торговцев из Шаньси, чтобы получить наличные деньги. [Wang 2010] Так, мы видим, что в древнем китайском обществе существовала функция, аналогичная функции современных банков.

Сформированная торговцами Шаньси культура на чайном пути актуальна по сей день и заслуживает внимание современников. Следом за провозглашением инициативы «Одного пояса, одного пути», интерес к чайному пути усилился, более того, вполне возможно в дальнейшем чайный путь будет играть немаловажную роль на международной арене.

Литература

- Han Xiaoxiong, Jin shang wanli chalu tanxun / Taiyuan, China: Shanxi Rengmin Press, 2012. Pages 205.
Zhang Chunling. Wan li cha lu. 万里茶路枢纽: 路店 / Beijing: China Map Press, 2014. Pages 180.

- Liu Xiaohang. Chuan yue wan li cha lu. Wuhan: Wuhan University Press, 2015. Pages 210.
- Xue Yongmin. Ethical Perspective on the Spirit of Shanxi Merchants // *China: Philosophy and Social Science Edition*, Vol.32(6), 2009, pp.131-134
- Deng Jiugang. Wan li cha dao: Kangxi huang di yu Bide da di de shang mao wang shi. China: Yuan Fang Press, 2016. Pages 270.
- Chen Axing. Zhong guo shang bang. Shanghai, China: Shanghai University of Finance and Economics Press, 2015. Pages 182.
- Ge Xianhui. Shang lu man man wu bai nian : Jin shang yu chuan tong wen hua. Taiyuan, China: Shanxi jing ji Press, 2009. Pages 263.
- Wang Jin Ping. Sediment of Historical Culture in Shanxi Merchants' Houses // *Journal of Jinzhong University*, China: 2010. Vol.27(2), pp. 40-43

A Study on the Modern Meaning of Xunzi Political Thought

Cho Wonil 趙源一

Chonnam Normal University
(Chonnam)

Um Younguk 嚴英旭

Chonnam Normal University
(Chonnam)

Abstract. Xunzi (荀子) valued the realistic possibility of moral practice, so he wanted to make it happen in the political realm (Neisheng Waiwang 內聖外王). (This transform to Waiwang is keeping the moral rules of Confucianism and it matches the situation of the times. So it shows enough realistic character of Xunzi theory.) Xunzi called for a combination of civility and the middle point of law, which he called Li (禮) is “a line of carts in the politics.” If you don’t do politics based on Li (禮), politics doesn’t work, he argued, “politics is completed by Li (禮), but if you don’t do it by Li (禮), they ruin it.” On the other hand, Xunzi accepted the notion that strict punishment should be applied and severe punishment should be applied, and insisted that the conflict between the people should be ended with a ban on rule and punishment by law. The modern significance of Xunzi’s political ideas can be said to lie in a sound system of civil administration, which he emphasized is to set up and share posts. Xunzi stressed that the monarch’s hiring of talented people and leaving them to take charge is the basic duty of governing the country. In addition, the monarch has a duty: to set up government posts, to divide their posts, to keep political orders consistent and to clarify the system. Xunzi also insisted that each of his servants should have his own duties and authority.

Keywords: Xunzi; Li; Liyi; a sage sovereign; confucianism.

Xunzi (荀子) valued the realistic possibility of moral practice, so he wanted to make it happen in the political realm. In other words, it was intended to realize a sage as someone who had “the virtue of his wages outside”. (Neisheng Waiwang 內聖外王) This transition to Waiwang, while at

the same time safeguarding the moral rules of Confucianism, is consistent with the times of the Late Warring States Period, which would sufficiently embody the realistic nature of the Xunzi theory. [Xunzi jijie 1992; Xunzi duben 1996]

This realistic nature of the Xunzi theory was the driving force behind the struggle for new life through change in times of turbulent Confucianism, which were already on the way to decline at that time. That's why in the case of Tansitong (譚嗣同), "the study that's been going on for two thousand years is Xunzi's theory." Tansitong made these comments in a negative sense, but he was referring to the basic relationship between Chinese Confucian history and Chinese political history and the basic facts. In other words, Sunzi's theory was that of Confucianism, which maintained a long life in the course of the practice of feudal rule of two thousand years.

Xunzi's academic and historical contribution is to prevent Confucianism from flowing into quasi-religious trends that seek only internal reflection, while also turning their horizons into a vast real world and facing up to the times. In other words, it is in what has allowed Confucianism to practice their morals, political aspirations and orientations to have a sense of awakening that can firmly be realized in the various areas of society.

Xunzi thought that the range of etiquette was very vast and its action was quite large. So he's got a sense of deference and a sense of control. It is therefore regarded as the basis of the state. Xunzi said, "As a man, we do not live properly unless we have an Li (禮), we cannot achieve it if we do not have an Li (禮) in our work, and we are not comfortable if there is no Li (禮) in our country."*

Xunzi made the argument that the Li (禮) should be honored because it is a rule that should be followed by the nation, society and even the individual. Xunzi called for a combination of civility and the middle point of law, which he called Li (禮) is "a line of carts in the politics". If you don't do politics based on Li (禮), politics doesn't work. Because he thought that politics was perfected by precedent, but if not, it would be ruined. On the other hand, Xunzi accepted the notion that strict punishment should be applied and severe punishment should be applied, and insisted that the conflict between the people should be ended with a ban on rule and punishment by law.

As above, I could confirm Xunzi's status as a law other than the importance of politeness in the argument that he respects the Li (禮) and values the law. Xunzi explained the value and independence of the law, which can be said to emphasize the terrestrial and subjective nature of the law in the traditional relationship that Li (禮)s are central and supplemented by the law. So Xunzi said, "People above classical scholar (士 shi) must control their lives with Liyi (禮儀) and music, and the various peoples must

* Xunzi, Xiushen (《荀子》, 〈修身〉). URL: <https://ctext.org/xunzi/xiu-shen/zhs>

control them with law and punishment.”* It refers to Xunzi’s Li (禮) and to clearly define the actions and limitations of the law and, at the same time, to give evidence in its original way of legal status.

Xunzi said the center of gravity of political thought should be placed in polite rule. “The sky has a change of sash, the land has a resource, and man has a way of governing things.”** The reason why a man becomes most precious in heaven is because of his regularity, life, wisdom, righteousness, ability to distinguish and discern. That’s why Xunzi put the focus of politics on people and provinces. Man is a sage sovereign and the province is ruled by Liyi (禮儀). Xunzi drew an ideal national blueprint on these two large axes.

How could a wise king get through all the logic of things and set up all the systems? Xunzi thought that the existence of a wise king was already well aware of the Liyi (禮儀) in detail, and that the order of the nation should be rectified by Liyi (禮儀), because without Liyi (禮儀) in the country, order would not be fixed. That’s why Xunzi said that the way to govern a nation was very polite. Xunzi’s important rule of etiquette is that each member of society can do what is right for his or her position, and eventually can govern the people by clearly distinguishing the order of identity. By emphasizing the distinction between position and status, we can ultimately maintain stability and order in society, which will eventually make the nation stronger.

The modern significance of Xunzi’s political ideas can be said to lie in a sound system of civil administration, which he emphasized is to set up and share posts. Xunzi insists on the appointment of a noble and competent person. In other words, if a monarch sets up a government post and separates the posts, there will be no confusion, which is the most ideal spy for national governance. The civil service system can be said to represent the efficiency of national administration. Because stability and confusion are critical factors in national governance, Xunzi argued the importance of talent recruitment.

Xunzi’s basic plan for national governance is to clearly distinguish the class of status, and to say that when all members of the country do what is appropriate for their respective status and positions, political orders will be implemented properly and social customs will become good, so that the nation will become naturally prosperous. This is the ideal national scheme that Xunzi drew.

References

Xunzi jijie (荀子集解) / Wang Xianqian (王先謙). Beijing: Zhonghua Press, 1992.
Xunzi duben (荀子讀本) / Wang Zhonglin (王忠林). Taipei: Sanmin Press, 1996.

* Xunzi, Fuguo. (“荀子” , 〈富國〉). URL: <https://ctext.org/xunzi/fu-guo/zhs>

** Xunzi, Tiandao. (“荀子” , 〈天論〉). URL: <https://ctext.org/xunzi/tian-lun/zh>

The Evolution of the Relationship Between “Loyalty” and “Filial Piety” and the Transformation of the Ideology of the Han Wei Period

Liu Yameng 刘雅萌

*School of Liberal Arts in Nanjing
University (Nanjing)*

Abstract. The division and combination of “loyalty” (“忠” Zhong) and “filial piety” (“孝” Xiao) during the Han and Wei period of time reflecting the process from construction to disruption of the nation’s ideology, centering on Confucianism. Confucianism of the Han dynasty simplified the connotation of “loyalty” and “filial piety” in the pre-Qin discourse, elaborated the idea of “transferring filial piety to loyalty” in The book of Filial Piety, and implanted the loyalty into the traditional filial piety, which fused the two ideology as a value community. When the unified regime went down the hill at the end of the Han dynasty, the conflict between “loyalty” and “filial piety” revealed. The confrontation of “loyalty” and “filial piety” in the turbulent era also uncovered the contradiction between the textual logic and practical function of Confucianism.

Keywords: Loyalty; Filial Piety; Ideology of the Han and Wei period.

“Loyalty” and “filial piety” have always been regarded as two major components of traditional Confucian morality. One is expected to fulfill “filial piety” to the father, and “loyalty” to the king. For poor or rich, wise or foolish, brave or timid, being a dutiful person and a loyal servant is the fundamental requirement of an individual based on Confucianism. As a fixed term, “loyalty and filial piety” (“忠孝”) seems to be common sense with no need of demonstration in moral education. However, with a closer

examination, I propose that “loyalty” and “filial piety” are not in equivalent status in the pre-Qin Confucian discourse. Compared with “filial piety”, “loyalty” embodies more of legalist ideas and has a mark of centralized politics. Confucianism of Han Dynasty simplified the connotation of “filial piety” and “loyalty”, so that the two principles together have a stronger significance in political indoctrination and practice. Confucianism of Han dynasty give play to the idea of “changing filial piety to loyalty” (“移忠作孝” Yi Zhong Zuo Xiao) since The book of Filial Piety [The book of Filial Piety 1980]. “Loyalty” is embedded in traditional “filial piety” so that the Confucianism can be aligned with the unified regime interpretation. This also connects individual, familial and national emotions and interests. The turmoil during the late Han Dynasty and the weakening of centralization of governing led to a confusion of the meaning of “Loyalty” and a lack of criteria. The power of the great families has been growing, and people’s attention and sensitivity to “Filial piety” have been further strengthened. The value community of “loyalty and filial piety” was challenged. To some extent, it indicates that the ruling ideology of Han Dynasty with Confucianism at the core became unstable. From “a loyal servant must be a dutiful man” (“求忠臣必于孝子之门” Qiu Zhong-chen Bi Yu Xiao-zi Zhi Men”) [The History of Eastern Han Dynasty 1965] to “a loyal man cannot also be a dutiful man” (“忠臣不得为孝子” Zhong-chen Bu De Wei Xiao-zi”) [Records of Three Kingdoms 1982], the integration and confrontation of “loyalty” and “filial piety” also reflects self-contradiction of Confucianism when being combined with politics.

References

- The book of Filial Piety (《孝经》 Xiao Jing) // *The thirteen Classics with commentaries and subcommentaries* (《十三经注疏》 Shi-san Jing Zhu-shu) / With critical notes by RuanYuan (阮元), Peking: Zhong-hua, 1980.
 The History of Eastern Han Dynasty (《后汉书》 Hou-han Shu) / Fan Ye (范晔). Peking: Zhong-hua, 1965.
 Records of Three Kingdoms (《三国志》 San-guo Zhi) / Chen Shou (陈寿). Peking: Zhong-hua, 1982.

Observations on Late-Ming Dynasty Detective Fiction

Stirpe Luca

*University "G. d'Annunzio" of
Chieti-Pescara (Chieti-Pescara)*

Abstract. Chinese crime literature has a very long and unbaiting tradition which can be dated back to the 13th century and includes diverse forms such as dramatic and operatic plays, novels and short stories. Traditional Chinese detective fiction shows characteristics and peculiarities that differ conspicuously from its Western counterpart. The paper aims to highlight various functions and facts underlying the narrative text in detective story collections of the late-Ming dynasty (1368-1644). In these stories the use of vernacular instead of classical Chinese, the occasional use of captioned illustrations, the presence of admonitions or excerpts of law passages alongside the text and the moralistic tone of the verdicts in the text make them products not solely written for entertainment. An analysis of these texts reveals, firstly, a shift from elite culture to moderately literate readership; reflecting a more composite society and the emergence of new social powerful classes such as rich merchants. Secondly, there is an attempt to spread a basic knowledge of the extremely complicated system of law, jurisprudence and punishment outside the narrow circle of judges and legal officials. Finally, there is an indirect, but nonetheless stinging, criticism of bullying officials and the widespread corruption of the late-Ming era. Another worth considering feature of *gong'an* fiction is the extensive use of riddles, conundrums and enigmas in the resolution of the criminal cases. What I intend to highlight is how the very characteristics of the Chinese language allow and foster this strategy, with examples taken from a late-Ming collection of detective short stories titled *Criminal Cases Brilliantly Judged and [Solved] with Perspicacity by the Officials of the August Ming Dynasty*, dated 1598.

Keywords: Chinese traditional crime fiction; social criticism; didacticism and entertainment; riddles and enigmas.

Detective stories, known as *gong'an* 公案, occupy an extremely important position in the panorama of vernacular literature in the Ming period (1368-1644). If translated literally, the two characters used to identify the detective story genre, mean “legal cases of the public administration”. In fact, this is how records of everything concerning the law, trials, sentences and the relative judicial acts, had been identified since ancient times. The word then applied to any literary text dealing with investigation and resolution of crimes.

Already in the late-Song/early-Yuan period (13th century), we have a collection of professional story-tellers' texts entitled *Zuiwengtanlu* 醉翁談錄 (Talks of the Old Drunkard), attributed to Luo Ye 羅燁, who defines one of the eight schools of story-tellers as the “*gong'an* school”, and provides us with plots and titles of a few detective stories. Thus, at least 13th century can be taken as the period of emergence of the genre in China. While the Yuan (1279-1368) saw the heyday of detective plays, the detective story as a genre reached its height at the undo of the Ming Dynasty (1368-1644) [Liu 2009; Miao 2005].

Gong'an fiction belongs to the more general category of *huaben* 話本 literature: narrative texts in prose that may or may not contain parts in verse which constitute a whole without any specific divisions, written in the vernacular, and in various extent linked to the story-telling tradition [Idema 1974]. In the *gong'an* stories the crime and its perpetrator are usually described at the beginning to immediately reveal the main elements of the case; they are followed by the filing of a complaint by the victim or the victim's relatives and, possibly, by an act of defense, which often takes the form of an actual counter complaint made by the accused; at this point the judge enters the scene, who, using every instrument at his disposal, which can range from torture to scientific inquiry, and very often helped by premonitory dreams, supernatural presences and even messages from the gods, unmasks the culprit, reconstructs the case, and finally pronounces sentence; the story usually ends with the official who has conducted the investigation being held in high esteem and praised for his wisdom. This brief outline shows how the Chinese detective story differs completely from its Western counterpart, at least in its early stage starting in 1841 with the first appearance of detective Dupin. Another characteristic that distinguishes the *gong'an* story from its Western equivalent is the strong supernatural element. While it is unthinkable for one of our detectives to count on the help of spirits, ghosts, divinities or the forces of nature, in most *gong'an* stories this expedient results in the case being solved.

The Chinese detective story is basically a didactic and moralistic tale. The symbolism used in *gong'an* stories clearly expresses a distinctly Chinese view of the world, in which everything is controlled by cosmic forces that maintain the equilibrium. When this order is threatened by a crime,

all these forces, which are embodied in the judge (it is no accident that he can count on the assistance of supernatural powers) are called upon to intervene and restore the equilibrium by condemning the offenders, disturbers of the peace, so that justice may triumph. The judge, therefore, is merely instrumental to this process; he is the one who represents and guarantees order. In this framework, political criticism often arises [Yang 1958; Idema 2010]

Another important feature of *gong'an* stories is what can be called “the school of law” [Stirpe 2006]. The use of the vernacular (*baihua* 白話) instead of the classical Chinese (*wenyan* 文言); the occasional presence of captioned illustrations or precept, admonitions and law passages in the upper half of the page; the organizing principles of the collections, where the stories are placed in different categories of crime; and the didacticism underlying the stories; all these elements seem to show a strong concern for spreading basic knowledge of the law system among moderately literate readers, often in the somehow rough but very convincing paradigm of “if you commit this, you will be punished with that”.

A final but not less interesting feature displayed by *gong'an* stories is the extensive use of wordplays, conundrums and enigmas in the resolution of the criminal cases. The Chinese language lends itself to these riddles and enigmas, which are often very difficult to render in Western languages. What I intend to highlight is how the very characteristics of the Chinese language allow and foster this strategy, with examples taken from a late-Ming collection of detective short stories titled *Criminal Cases Brilliantly Judged and [Solved] with Perspicacity by the Officials of the August Ming Dynasty* (*Huang Ming zhushi lianming qipan gong'an* 皇明諸司廉明奇判公案), dated 1598.

References

- Idema Wilt L. *Chinese Vernacular fiction: the Formative Period*, Leiden: E.J. Brill, 1974.
- Idema Wilt L. *Judge Bao and the Rule of Law. Eight Ballad-Stories from the Period 1250-1450*. Singapore: World Scientific Publishing Co., 2010.
- Liu Hongren 刘洪仁. *Gudai gong'an wenxue* 古代公案文学. Chengdu: Sichuan renmin, 2009.
- Miao Huaiming 苗怀明. *Zhongguo gudai gong'an xiaoshuo shilun* 中国古代公案小说史论. Nanjing, Nanjing daxue chubanshe, 2005.
- Stirpe L. La scuola della legge: la funzione e la natura della narrativa poliziesca cinese medievale // *Culturaltao-Giapponese*. Annalidel Centro Studi e Ricerchedell' Università di Tokyo in Firenze. 2006, III. Pp. 9-28.
- Yang F.S. *The Social Background of the Yuan Drama* // *Monumenta Serica*, 1958, 17.

Daoism and Religion in the 21st Century in China

Terol Gabriel

University of Valencia (Valencia)

Abstract. The paper deals to serve as a summary of the most current academic interpretations of the Chinese Daoist philosophical tradition and its interpretation and assimilation in China's modern policies regarding the religious and, by extension, philosophical phenomenon of its native traditions. We propose to understand the Chinese government positioning to the religious phenomenon from a global perspective of modernization of the states. The paper states the need to take into account the weaknesses and strengths that this positioning produces. Maybe a more integrating and sensitive proposal to the weaknesses that this response provokes would provide a useful tool so as not to not dismantle the historical and documentary structure that testifies its existence in the Chinese daoist doctrine, which is sometimes altered. That's why, and by virtue of specialized works, the religion-contextual relationship is located in the Chinese environment and both the origin of the term religion and its official recognition and characteristics regarding the main texts of the official Daoist institutions of the country are reviewed in the Chinese intellectual sphere and the interpretation of the Daoist doctrine in this framework. Finally the paper summarizes the paradigms that aim to be key to their understanding and also demystifies and shows the need to restructure the global interpretation of the Daoist doctrine from two perspectives converted into paradigmatic categories: the daojia/daojiao dichotomy and the historical and cultural context of the doctrine from a germinal perspective.

Keywords: Daoism; philosophy and religion; Chinese policy; religion and modernity; secularism and religion.

The relationship between the Daoist doctrine and the construction of the modern state of China is categorical. This category arises from the proposal of a change in social and state paradigms where the religious phenomenon and nationalism in Chinese societies are very confluent. The starting point is the consideration that both Daoism and nationalism have undergone a transformation and adaptation of traditions and identities since the inheritance of premodernity. Specifically, the phenomenon “Daoism” is a product of the encounter with Western culture and its efforts to renew and reform its philosophical and religious tradition are highly committed to the nationalist movements [Hsieh 2017; Raz 2012].

Without a doubt, and it is a remarkable point, the reconstruction of the Daoist content includes the construction of a sense of community that helps to forge the Chinese cultural identity and its strengthening. Starting from the positioning of the Chinese intellectual elite in the early twentieth century where the religious phenomenon was taken with skepticism and the expansion of scientific-rational thought promoted by the May 4 Movement, as well as the various associations and alliances against the religious concept, mainly in 1920, the religious policy of the Chinese government has pivoted between the desire to build a secular country and coexistence with popular beliefs and legal religions. In this sense, the modern history of Daoism reformulates this doctrine and commits it with the aim of adapting it within the framework of a modern state.

To screen Daoism with these labels, westernize the analysis and inaugurate unprecedented perspectives. The research subject, in those parameters weakens at times and becomes unbalanced. In the first place, it is convenient to emphasize that the religious will be differentiated from the superstitious (迷信 *míxìn*). This distinction must be framed in the loan of the Japanese and in the Chinese context, since 1897 it began to be used together with *zongjiao* to distinguish them from science (科学 *kēxué*) [Goossaert 2018: 2]. It is understandable that this required a clarification based on a rigorous and in-depth exploration and this was done by Liang Qichao who opened an interesting debate on “superstition and debate” concluding the dissociation of Daoism to the realm of superstition. Although, it seems that it was clear, the consequent campaigns against religion in China consecrated an evident forgetting of these conclusions of distinction.

In this context, it is important to remember that Daoism has been recognized by the Chinese government as one of the 5 major religions of the world: Catholicism, Protestantism, Islam, Buddhism and Daoism [Hsieh 2017: 256]. Although this emphasizes aspects of this tradition and forgets others, since its criteria are eminently Western, the well-known “religionization of Daoism” expects a rigorous reflection and without dogmas that can offer the best and most useful reading of its content. Under Western influence, the Chinese government has secularized its attitude towards the

religious phenomenon and with respect to Daoism has preserved its elements related to the state's wishes and has allowed the disappearance of those who were not, suppressing them or simply relegating them to the periphery of the religious framework.

In that sense, the official and governmental positioning pivots between the legal recognition of certain Daoist institutions and the neglect and abandonment of all those that do not correspond to their interests. In the style of Western religious models, among them especially Christianity, it has promoted various aspects: chiefly, its theological principles, curiously little or scarcely remarkable and distinctive in the case of Daoism but also its classic texts, its religious principles and, finally its organization, also curiously obviating its daily practices and its manifestation in the daily life being these its strength next to the cultivation and individual study, rites, talismans and sorcery.

References

- Hsieh ShW. Daoism and Nationalism in Modern and Contemporary China // Cheng-tian K. (ed) *Religion and Nationalism in Chinese Societies*. Amsterdam University Press; 2017. p. 253-278.
- Raz G. *The Emergence of Daoism: Creation of a Tradition*. New York: Routledge, 2012.
- Goossaert V. State and Religion in Modern China: Religious Policy and Scholarly Paradigms // *Communication au colloque du cinquanteaire de l'Institut d'Histoire Moderne de l'Academia Sinica*. 2006 Available from: halshs-00106187 [Accesed 6th January 2018].

Television Literature: a Successful Literary Genre of Today's China

Varriano Valeria

University of Naples "L'Orientale" (Naples)

Abstract. The seriality, in times and ways typical of the television, has become a defining feature of modern Chinese culture. Written narratives, purposefully created to meet the consumer's expectations, find in the television storytelling a way to satisfy the needs of the readers. Needs that are largely emotional than intellectual; more visceral than cerebral. The intention of this speech is to elucidate the radical transformation of the notion of writing in the contemporary Chinese literature, whereby books turn into a product comparable to tv series, music videos or even videogames. In order to show this transformation the paper analyses two literary works: *The Dialogues* according to Yu Dan and Zhou Meisen's *In the Name of People*, whose publication has followed the timing of the broadcasting of two television works. The first one is the transcript of a 2006 TV program of 'Zhongyang dianshitai' – 中央电视台 – (CCTV), called 'Baijia jiangtan' – 百家讲坛 – (Lecture Room), in which Yu Dan, professor at the university of Beijing, highlighted the modern traits of Confucius' thought, by analyzing the *Lunyu* (The Analects). The latter is a crime novel meant as a condemnation of corruption, upon which a highly successful 2017 TV show was based, which shares with it not only the plot, but also the narrative rhythm.

Keywords: Seriality; Contemporary Chinese Literature; Zhou Meisen; Yu Dan.

Seriality is typical of modern cultural production. As Benjamin said in the 1930s, at the time of technical reproducibility, the sense of the sacred of the uniqueness of the work of art was lost in favor of forms of art that find their characteristic in cloning and repetition. In European literature, seriality remembers the nineteenth-century serial novels by Tolstoy, Dostoevsky, Balzac and Victor Hugo [Benjamin 2000]. In China, instead, the vernacular literature has always had a link, desired more than real, with the serial narrative of the storyteller, a link that has its emblem in the expression used in the novels to indicate the chapters: "hui", which recalls, precisely, the return, finding oneself in a given place to continue to hear the story. This relationship of mutual enrichment could be shattered by the disappearance of the

storyteller figure, but instead the development of radio and television did not interrupt it. Television has killed the storyteller, but to replace him progressively, assuming the functions performed by him.

These two works show the weakness the boundaries between genres, and they illustrate how the commodification of art is leading to the hybridization of narrative forms.

These narrative spaces offer a metaphorical presentation of reality, substituting the function of rites in non-industrial societies. TV narrations become symbolic fields and build their stories in order to supply answers to the anxieties and ambiguities of the modern society [Turner 1987].

As Fiske and Hartley have already underlined, the function of television looks like “a social ritual, overriding individual distinction, in which our culture engages in order to communicate with collective self” [Fiske, Hartley 1978: 85]. Television, they suggest, performs a ‘bardic function’ for the culture and thus TV narration becomes a symbolic field through which viewers can build stories in order to provide answers to the anxieties and ambiguities of modern society [Turner 1987]. These forms of social meta-commentary – stories told by a group to and about themselves – create a space for critical reflexion on reality.

These forms of social meta-comments represent a story told by a group to themselves and on themselves, a moment where people recollect an experience, making it easier to read and, at the same time, creating a space for critical reflexion on reality.

Today books are successful if they satisfy the same needs satisfied by television. This creates an osmotic space where two apparently distant genres are dissolved into one another. This is the case of *Dialogues* according to Yu Dan [Yu D. 2006] and of *In the Name of the People* by Zhou Meisen [Zhou M. 2017].

Today we can only sell the books, which satisfy the same needs satisfied by TV narrations. This fact opens an osmotic space where two seemingly distant genres can melt. This is the case of both *The Dialogues* according to Yu Dan of 2006 and *In the Name of the People* of Zhou Meisen.

The Dialogues according to Yu Dan, according to various sources considered “verifiable” and “independent”, would have been sold in ten million copies, and therefore would be the eighth world’s best-selling Chinese book in the history of local publishing. Considering that the first seven titles in this ranking are the publications of books and other writings by Mao Zedong and Jiang Zemin, work tools such as the *Xinhua Dictionary* or novels that have been very translated and read abroad, such as the *Dream of the Red Chamber*, this statistic would attest that Yu Dan’s book is, to date, the most popular scientific popularization text in the history of China [Bell 2007, 2008].

Where can to be found the reasons of such a successful text? It’s being a simple transcription of TV lectures, without any possibility of stylistic im-

provement, should have prejudiced its accessibility and above all its enjoyability. Instead, paradoxically, the very high number of copies sold breaks the linguistic barrier between the spoken and written register, highlighting the potential of the mixture between the two genres. Television, with *The Dialogues according to Yu Dan*, produces a best-seller, creating in its viewers the desire to consume the lessons already seen where and when they want. The readers choose the written version because it satisfies their need to recreate the TV show in their mind, because it offers a free and infinite repeatability of the memory of the tv images. Precisely to allow this type of use, the book it was a merely transcription of the words of the lesson, minimizing the rewriting of the text.

The mechanism behind the success of *In the Name of the People* is no different [Bai 2008; Capowki 2012]. The novel became famous after the broadcasting of the 55-episode series adapted from the novel, with plot-lines inspired by real-life cases involving high-ranking government officials. The drama features a prosecutor's investigation into a fictional province's complex corruption network. It has been praised as ground-breaking for taking a state-level official as a villain, and for its explicit depiction of the political struggles in officialdom. The novel's author Zhou Meisen, who also wrote the screenplay for the TV drama, spent some time at the People's Procuratorate of Pukou District in east China's Nanjing city to get more material for his novel.

The impossibility of separate screen play from novel, tv lesson from essay underlines a new feature of the modern literature of China.

References

- Bai R. "Clean Officials," Emotional Moral Community, and Anti-corruption Television Dramas // Ying Zhu, Michael Keane, Ruoyun Bai (eds), *TV Drama*. Hong Kong: Hong Kong University press, 2008: 47-60.
- Bell D. [Bei Danning 贝淡宁], Lunyu de quzhengzhijia zuozhe 《论语》的去政治化作者 (The depolitizer of the Analecta) // *Dushu*, 2007, 8, pp. 46-55.
- Bell D. China's New Confucianism, Politics and Everyday Life in a Changing Society. Princeton, Princeton University Press. 2008.
- Benjamin W. *Écrits français*, Paris: Gallimard, 2000.
- Capowski J.J. China's evidentiary and procedural reforms, the federal rules of evidence, and the harmonization of civil and common law // *Texas International Law Journal*, 2012, 47: 455-504.
- Fiske J., Hartley J. *Reading Television*, London, Methuen, 1978.
- Turner V. Images and Reflections: Ritual, Drama, Carnival, Film, and Spectacle in Cultural Performance // *The Anthropology of Performance*, Baltimore, AJ Publishing Company, 1987, 21-32.
- Yu D. 于丹. Yu Dan Lunyu xinde 于丹论语心得 (The Analecta according to Yu Dan), Beijing: Zhonghua shuju, 2006.
- Zhou M. 梅森. Renminde mingyi 人民的名义. Beijing: 北京: Shiyue wenyi chubanshe, 2017 十月文艺出版社.

Thousands of Circumstances and Manners: The New Change of Object-Chanting Literatures in the Mid-Tang Dynasty

Wei Yi 韦祎

City University of Hong Kong
(Hong Kong)

Abstract. Object-chanting literatures originated from the pre-Qin, thrived after the Han-Wei and Six Dynasties and reached the peak in Tang. The number of object-chanting literatures increased since Early Tang and proliferated in Mid-Tang, the themes got more developed, the content and angle of expressions also became more various, especially under many poets' efforts like Han Yu, Li He and so on. Most of object-chanting literatures are usually weighted toward the *Shi* of objects, but since Mid-Tang, people started to put more attention on the *qing* and created from the angle of objects with more emotions, personalized descriptions and careful observations.

Keywords: Object-chanting literatures; *Qing*; Mid-Tang.

I. Preface

Object-chanting (*yong wu* 咏物) is one of the most important literary traditions. Among the object-chanting literatures, most are object-chanting poems: the amount of these poems surged in Mid-Tang, with more themes and abundant contents. Poets were striving to make changes and innovations in the forms of expression. Therefore, there presented a new situation of advocating the novelty (*qi* 奇) in poetry creation in the late Mid-Tang Dynasty. The poet group formed by Han Yu bear the brunt and gradually made the “advocating *qi*” (*shang qi* 尚奇) to be their literary ideology and artistic feature. Although these poets have different styles, “*Shang qi*” is their common aesthetic idea: to pursuit of peculiar novelty in the poetry content, try to renovate in the forms and perspectives. They are the main force in poetry creation and reformation in the late Mid-Tang Dynasty.

II. *Thousands of Circumstances and Manners*

Liu Xie 刘勰 pointed: “Man is endowed with seven emotions. When stimulated by external objects, these emotions rise in response. In responding to objects one sings to express his sentiments.” [Liu Xie 2017: 65] The effect of objects on people’s feelings is the original force of the creation of literature, authors regard the “object” (*wu* 物) with its original meaning as the main body and key point, and express the emotions and thoughts by describing the principle (*li* 理), event (*shi* 事), circumstances (*qing* 情) of objects. As described in *the Origins of poetry*: “...Everything has come forth as literary works and have taken shape as poems and poetic expositions. The way is infinitely varied, but I can cover it in three words: ‘natural principle’, ‘event’, and ‘circumstances’. Nothing lies outside of the scope of the three words.” [Ye Xie 1985: 20]. Ye believed that *qing*, *shi* and *li* are not only the objective contents of literary works, but also the basic conditions and requirements for literary creation. With regard of the connotation of *li*, *shi* and *qing*, Ye gave a detailed explanation: “In their largest sense, ...Literary works are the means by which the circumstances and manners (*qing-zhuang* 情状) of Heaven and Earth, and all things are manifested... Take as an example a plant or tree. Its potential for coming to life is ‘principle’. That it comes to life is ‘event’. Having once come to life, it burgeons and twines, is nurtured and takes root in countless and different circumstances and manners, this is ‘circumstance’” Ye takes plants as a metaphor, pointing out that *li* is the essential law and basic principle that causes things to happen, *shi* is the process and result that things happen according to *li*, *qing* is the various states and appearances after the occurrence of things. Ye’s theory is not only a discussion of literature, but also a reference and standard for appreciation of object-chanting literatures.

III. *The New Change*

As described in the preface, the ethos of *shang qi* was flourishing in Mid-Tang, the number of object-chanting works, especially the object-chanting poetry, had increased rapidly; *shang qi* was mostly embodied in the object-chanting literatures. These two phenomena combined with each other which is rather worthy for attentions: the literati in Mid-Tang have much more passions and observations for the “object” than the previous generations. Compared with the previous generations who usually gave many explanations on *shi* in works, these authors in Mid-Tang paid more attention to the depiction of *qing*, focused more on the personalized circumstances and manners of objects. There was an emergence of many object-chanting works were created from a personalized perspective of objects. In these works, the objects became the subject of expression, and presented amounts of various languages, actions, emotions and psychological activities like humans which could be regarded as *qing*: these lite-

rati casted their interests and emotions to the objects with unprecedented enthusiasm, gave more insights and observations to the objects. Therefore, this article is based on this argument to state and elucidate the new change of object-chanting literatures in the Mid-Tang Dynasty – literati started to give a very particular attention to the *qing* of objects.

This new change can be traced back to “Yao Kangcheng” 姚康成 from Zhang Jian’s 张荐 (744-804) “Anthology of Ghosts and Monsters”. Han Yu was extraordinarily interesting in anecdotes, strange people, ghosts and monsters, he wrote “Shun Zun Shi Lu” [Han Yu 1985: 10] 顺宗实录 and listed Zhang Jian’s works which including “Anthology of Ghosts and Monsters”. There may come an assumption: because of the strong interests of anecdotes, ghosts and monsters, Han Yu may have read that anthology, even the article “Yao Kangcheng”; for the strong interests, Han started to explore the writing perspective of that objects could speak and act with various *qing*. His concerns for the *qing* of objects was also reflected in his works like “the Biography of Mao Yin” 毛颖传 and “A Inscription for Burying the Inkstone” 瘞砚铭.

After Han Yu started to pay attentions to the *qing*, Lu Tong created amounts of poems with objects as the subject of expression boldly and novelly. In A.D. 810, Lu wrote “Twenty Reciprocal Poems at Xiao’s House” [Lu Tong 2019]. These works take stone, bamboo or flowers as the subject to express their demands and emotions from a first-person perspective, based on the circumstances and characteristics of these objects, combined with human manners, languages and tones... this makes the objects’ individualities distinctive and rich in a taste of *qi*.

Li He wrote “Song of the Little Wuli Pine” [Li He 2013: 320] in A.D. 809. He described the unique features of this little pine in the first half, then turned into this pine’s tone to tell its owner’s vulgarity. Later, Li He created “the Bronze Statue Leaving Han Palace” [Li He 2013: 81]. From the fifth to eighth line, he turned the author’s narrative perspective to the bronze statue’s, expressed sadness and misery in the bronze statue’s tone. Besides the examples mentioned above, there are also some other poems can be supplementary but not listed.

IV. Conclusion

Before the middle of the 19th century, there came many object-chanting literatures which created with objects as the subject, and be expressed from the first-person perspective. Literati in Mid-Tang started to explore the unique circumstances and manners of objects, created a new trend - they pay more attentions to the *qing* of objects. Those literati who were dedicated to describing thousands of distinct circumstances, manners and features of objects are highly coincident with the members of Han Meng Poetry: they are advocating *qi*, and at the same time, they have unprecedented

passions, observations and explorations for objects. These two phenomena are mutually compatible and complement, which could lead to deeper discussions of the relationship between “advocating *qi*” and objects. This article only discussed preliminarily about the new change of object-chanting literatures in the Mid-Tang Dynasty at the point of expressive forms and creative perspectives. There are still some other poets whose style of works are quite different from “*shang qi*” need to be discussed separately.

References

- Li He Shi Ji Zhu Shu 李贺诗集注疏. Li He, Beijing: People's Literature Publishing House, 2013.
- Liu Xie. Ming Shi 明诗 // *Wenxin Diaolong Zhu* 文心雕龙注. Beijing: People's Literature Publishing House, 2017, p. 65.
- Ye Xie 叶燮, Yuan Shi 原诗 Beijing: People's Literature Publishing House, 1979, p. 20.
- Han Yu, Shun Zong Shi Lu 顺宗实录 Beijing: Zhonghua Book Company, 1985, p. 10.
- Lu Tong, Twenty Reciprocal Poems at Xiao's House. URL: <https://ctext.org/quantangshi/387> (attendance date 20.08.2019).

Study on the Spread of the “Three-Character Classic” in Russia

Zhang Jingning 张婧宁
Jiangsu University (Zhenjiang)

Ren Xiaofei 任晓霏
Jiangsu University (Zhenjiang)

Abstract. As a widely circulated and far-reaching Chinese ancient Mongolian classic, Three-Character Classic has received the attention of the West as early as the 16th century. Since seventeenth century, the Three-Character Classic has been translated into many languages and has become an important medium for many countries to learn Chinese and understand Chinese culture. With the deepening of cultural exchanges between China and Russia, in 18th century, Tsar Peter I has sent Orthodox missionaries to China many times and the Qing Dynasty government set up the Russian pavilion in Beijing. At the same time, the Three-Character Classic was spread to Russia by the Russian Mission in Beijing and four Russian translations of the Three-Character Classic appeared within a short period of one hundred years. In this paper, I will try to explore the spread and influence of the Three-Character Classic in Russia by studying the causes and impacts of four Russian translations of the Three-Character Classic.

Keywords: Three-Character Classic; translation; Russia; spread.

The Three Character Classic has been circulating in Russia for a long time. Referring to the overseas spread of the Three-Character Classic, many people assume that the earliest translation was the English translation published by the American missionary Elijah Coleman Bridgman (1801-1861) in 1835. However, according to Li Mingbin, it has been verified that about a hundred years ago, the Russians had already had an indissoluble bond with the Three-Character Classic [Li Mingbin, 1992]. In 1887, the head of the

Ministry of Revenue in feudal China, Yousun Mou, was ordered to visit Russia. He once mentioned the translation of Chinese ancient books in Russia in his "Russian Tour Collection" (Vol. 8) that "The Chinese books translated into Russian have the Book of Documents, the Book of Filial Piety, the Three-Character Classic, and miscellaneous songs." [Li Mingbin 1993].

The reason why Russians knew the Three Character Classic was from the Russian Orthodox missions to study in Chinese. According to Zhu Renfu, in 1619 and 1649, Russia sent two envoys to Beijing, at that time, the Qing government established the "Russian Pavilion" to receive Russian students in China [Zhu Renfu 2006]. After that, the first batch of Russian students came to China and the Qing Dynasty government "allowed the Russian national students to live in the Russian Pavilion when they arrived China and handed over them to the Guozijian to let the teaching assistants who were chosen to teach them Chinese." [He Qiutao 1996]. At that time, the Russian Pavilion uses the Three-Character Classic as a literacy textbook for Russian students studying in China.

The Russian translation of the Three-Character Classic is inseparable from the Russians' Chinese learning. Cai Hongsheng claimed that Illaline Kalinovich Rossohin should be the first one who took the Three-Character Classic from China to Russia because the Privy Council asked Rossohin to establish a Chinese school in 1741 [Cai Hongsheng 1993]. Yan Guodong reminds us that it should be written in 1740 because Rossohin was the first scholar in Russian Sinology translated the Three-Character Classic into Russian and made a Russian manuscript by himself to help students understand its original text in Chinese. Yan celebrates the fact that although this translation wasn't published, later researchers found the original manuscripts of it in the Library of the Soviet Academy of Science [Yan Guodong 2006]. Meanwhile, it also has important value and significance in the history of Russian Sinology.

The second Russian translation of the Three-Character Classic was from Alexei Leontiyevich Leontiev (1716-1786) and was published in 1779 at the Printing Institute of the Royal Academy of Sciences in Petersburg. The reason why it can be published in public was mainly because of the social atmosphere created by Catherine II herself following the "Chinese style." As B.W. Maggs pointed out, "In the second half of the eighteenth century... Russian poets and essayists have also participated in this effort to bring Chinese things to the Russian readers." [Maggs 1977]. The Three Character Classics was used as a Chinese textbook at the end of the eighteenth century in Russia by Leontiev's translation. More importantly, it describes the traditional Chinese world and social views in a popular form. Moreover, compared with western Europe in a relatively short period of time, the appearance of Leontiev's translation of the Three-character Classic was just the right time to make Russia understand the true Chinese culture.

Wu Yuxing emphasizes that the third Russian translation of the Three-Character Classic which was not officially published appeared at the end of the 18th century was translated by Anton Vladkin (1761-1811) [Wu Yuxing 2007]. This translation which has 46 pages was a reference book for teaching of the Chinese language to the translation school of the Foreign Affairs Institute. The manuscript was deposited in the Archives Division of the Ningrad (present-day St. Petersburg) branch of the Academy of Oriental Studies. However, it has only received the attention of a few Russian sinologists.

The fourth and also the most famous Russian translation of the Three-Character Classic was translated by Nikita Yakovlevich Bichurin (Father Iarkin, 1777-1853) and was published in 1829. According to Wu's comment that nowadays, Russian researchers are still relying on Bichurin's translation or the reprint of the Russian Mission in Beijing in 1908. I'd point out that the translation of Bichurin is almost perfect so that there is no one could match it. In making this comment, He Fangchuan urges us to Alexander Pushkin's book review which introducing the Russian translation of the Three-Character Classic translated by Bichurin as "Three-character Bible", "Concise Children's Encyclopedia" because its language is concise and simple but the content is substantial with deep meaning [He Fangchuan 2008]. After the publication of Bichurin's translation of the Three-character Classic, it caused comments and recommendations from many Russian newspapers at that time. After changes more than 100 years, the translation of the Three-Character Classic by Bichurin has been well-known to the Russian sinologists, and they mentioned it in their works from time to time.

In conclusion, from the middle of the 18th century to the 21st century, the process of the spread of the Three-Character Classic in Russia in different historical periods has produced different social repercussions. The Russians have also understood it from the shallower to the deeper, and have never stopped. As the epitome of Chinese traditional culture, the spread and development of the Russian translation of the Three-Character Classic has always been an indispensable part of Russian Sinology research.

References

- Li Mingbin. Pushkin and the Three-Character Classic // *Soviet Union Literary Journal*. 1992. №6, p 91-92.
Li Mingbin 李明滨. Chinese culture in Russia 中国文化在俄罗斯, Xinhua Publishing House, 1993.
Zhu Renfu. Chinese Confucianism in Russia, *Oriental Forum*, 2006.
He Qiutao. *Shuofangbeicheng: Volume 12·Russian Pavilion*, Shanghai Ancient Books Publishing House, 1996.
Wu Yuxing The Three-Character Classic in Russia // *Academic Research Journal*, 2007. №8, p 110-115.

- Zheng Zhiming. Western Missionaries in China and the Western Legend of the Three-Character Classic // *Journal of Liming Vocational University*, 2011. №3, p 40-43.
- He Fangchuan. History of Chinese and Foreign Cultural Exchanges, International Culture Publishing Company, 2008.
- Yan Guodong. History of Russian Sinology. People's Publishing House, 2006.
- Cai Hongsheng. Chronicle of the Russian Pavilion. Zhonghua Book Company, 2006.
- Maggs B.W. China in Russian Literature in the 18th Century / John Li translated. Chengwen Publishing House, 1977.

Именной указатель

А—Я

- Балоян Марианна Ашотовна 251
Банкова Людмила Львовна 25
Богушевская Виктория 166
Брылёва Наталья Анатольевна 388
Ван Лиюань 333
Ван Тяньцзяо 王天焦 29
Ван Чжаонань см. Wang Zhaonan
Варенов Андрей Васильевич 337
Варриано Валерия 瓦莱里娅 • 瓦里亚诺 см. Varriano Valeria
Воропаев Николай Николаевич 33, 37
Вэй И 韦祎 см. Wei Yi 440
Гао Ян 高扬 см. Gao Yang
Глушкова Светлана Юрьевна 343
Го Жуй 郭锐 42
Го Иян 郭伊阳 см. Guo Yiyang
Григорян Наира Лерниковна 251
Грунтов Илья Александрович 44
Гурьян Наталья Викторовна 49
Демидова Татьяна Васильевна 255
Демченко Ксения Александровна 259
Дондокова Максара Юрьевна 59
Дрейзис Юлия Александровна 63
Ду Жунъюэ 杜容玥 см. Du Rongyue
Дун Сюфан 董秀芳 55
Дурыманова Анастасия Дмитриевна 67
Ершов Александр Валерьевич 346
Ефименко Мария Владимировна 349
Жэнь Сяофэй 任晓霏 см. Ren Xiaofei
Завьялова Ольга Исааковна 71
И Яньпин 380
Иванченко Надежда Вадимовна 354
Ивченко Тарас Викторович 75
Игнатенко Александр Владимирович 357
Иоффе Татьяна Владимировна 263
Ишутина Юлия Александровна 267
Калинин Олег Игоревич 271
Калинин Олег Игоревич 79
Калита Анна Викторовна 274
Карапетьянец Артемий Михайлович 83, 88
Карпенко Сергей Юрьевич 49
Кисель Полина Олеговна 92
Колпачкова Елена Николаевна 96
Кондратова Татьяна Ивановна 360
Коробова Анастасия Николаевна 364
Кралина Екатерина Дмитриевна 277
Круглов Владислав Владиславович 367
Круглова Екатерина Дмитриевна 100
Куан Яньцзы 鄺龔子 см. Kwong Charles
Куангнам Тьен Сы 黄天仕 см. Ng Tiensze

Кубатиева Александра Аланов
на 104
Лемешко Юлия Геннадьевна 371
Лепнева Мария Леонидовна 375
Ли Вэньси 李文曦 см. Li Wenxi
Ли Луяо 李露瑶 см. Li Luyao
Ли Тао 李桃 108
Лин аль-Рабаб 林娜 см. Lina Ad-
nan Mohammad Alrababh
Лобанова Татьяна Николаевна 110
Лю Ямэн 刘雅萌 см. Liu Yameng
Лю Яньтин 劉彥廷 см. Liu
Yanting
Ма Сяохуэй 马晓辉 114
Ма Тяньюй 马天玉 37
Ма Юэ 马钺 см. Ma Yue
Мавлеев Руслан Рафаэлевич 79
Мазо Ольга Михайловна 44
Малых Оксана Андреевна 280
Мартынов Дмитрий Евгенье
вич 421
Масловец Ольга Александров
на 282
Мирзиева Лейсан Рифхатовна 380
Митькина Евгения Иосифовна 286
Могжанова София Андреевна 290
Назарова Сайера Анваровна 294
Наний Людмила Олеговна 117
Насирова Саодат Абдуллаевна 384
Наумова Ксения Михайловна 121
Немтинова Алена Владимиров-
на 125
Осокин Александр Владимиро-
вич 388
Павлова Алена Дмитриевна 298
Пан Анна Владимировна 128
Пеллин Томмасо см. Pellin
Tommaso
Попова Галина Сергеевна 392
Пороль Полина Вадимовна 396,
400
Руководельникова Мария Бори-
совна 302
Рябинина Ирена Алексеевна 405

Салазанова Ольга Александров-
на 306
Салтанова Надежда Юрьевна 360
Сбоев Александр Николаевич 132
Семенов Кирилл Игоревич 136
Симатова Софья Андреевна 139
Соловьева Татьяна Михайлов
на 255
Сомкина Надежда Александров
на 286
Старостин Георгий Сергеевич 225
Стирпе Лука 白流火 (卢卡° 斯啼
尔贝) см. Stirpe Luca
Стручалина Галина Валерьев
на 409
Су Муюань 苏牧原 143
Суй Цзинь см. Xu Jin
Суй Шуанчжоу 徐双胄 см. Xu
Shuangzhou
Суй Юинь 许又尹 см. Hsu Yu-Yin
Сяо Линь 肖琳 см. Xiao Lin
Терол Габриел см. Terol Gabriel
Трощинский Павел Владимиро-
вич 301
Ульянова Ксения Анатольевна 147
Ум Ёунгук 嚴英旭 см. Um
Younguk
Фань Ян 范阳 см. Fan Yang
Фэн Юэ 冯月 152
Холкина Лилия Сергеевна 193
Хуан Юньшэн 400
Хэ Мусюань см. He Muxuan
Цзи Цзинцзин 季晶静 314
Цзинь Мэньяо 金夢瑤 см. Jin
Mengyao
Цзян Юйбинь 蒋玉斌 см. Jiang
Yubin
Цян Сы 牆斯 см. Qiang Si
Чечина Наталья Юрьевна 156
Чжан Сяоцзин 318
Чжан Цзиннин 张靖宁 см. Zhang
Jingning
Чжан Юймэй 张玉梅 см. Zhang
Yumei

Чжан Янь 张雁 см. Zhang Yan
 Чо Вонил 趙源一 см. Cho Wonil
 Чэнь Ваньжоу 413
 Чэнь Ханьчжу 陈瀚竹 см. Chen Hanzhu
 Чэнь Хао 417
 Шакирова Светлана Айратовна 321
 Шатравка Анна Владиславовна 159
 Шевцова Наталья Ивановна 163
 Юй Ван 421

A—Z

Baloyan Marianna 251
 Bankova Liudmila Lvovna 25
 Bogushevskaya Victoria 166
 Bryleva Natalia Anatolievna 388
 Chechina Natalia Yuryevna 156
 Chen Hanzhu 陈瀚竹 172
 Chen Hao 417
 Chen Wanrou 413
 Cho Wonil 趙源一 426
 Demchenko Ksenia Aleksandrovna 259
 Demidova Tatiana Vasilievna 255
 Dondokova Maksara Yurievna 59
 Dong Xiufang 董秀芳 55
 Dreyzis Yulia Aleksandrovna 63
 Du Rongyue 杜容玥 176
 Durymanova Anastasia Dmitrievna 67
 Efimenko Mariia Vladimirovna 349
 Ershov Alexander Valerevich 346
 Fan Yang 范阳 176
 Feng Yue 冯月 152
 Gao Yang 高扬 179
 Glushkova Svetlana Yurievna 343
 Grigoryan Naira 251
 Gruntov Iliya Aleksandrovich 44
 Guo Rui 郭锐 42

Guo Yiyang 郭伊阳 182
 Gurian Natalia Viktorovna 49
 He Muxuan 186
 Hsu Yu-Yin 许又尹 176
 Huang Yunsheng 400
 Ignatenko Aleksandr Vladimirovich 357
 Ioffe Tatiana Vladimirovna 263
 Ishutina Yuliya Alexandrovna 267
 Ivanchenko Nadezhda Vadimovna 354
 Ivchenko Taras Viktorovich 75
 Ji Jingjing 季晶静 314
 Jiang Yubin 蒋玉斌 190
 Jin Mengyao 金梦瑶 325
 Jin Mengyao 金梦瑶 325
 Kalinin Oleg Igorevich 271
 Kalinin Oleg Igorevich 79
 Kalita Anna Victorovna 274
 Karapetyanz Artemiy Mihaylovich 83, 88
 Karpenko Sergey Yuryevich 49
 Kholkina Liliya 193
 Kisel Polina Olegovna 92
 Kolpachkova Elena Nikolaevna 96
 Kondratova Tatiana Ivanovna 360
 Korobova Anastasia Nikolaevna 364
 Kralina Ekaterina Dmitrievna 277
 Kruglov Vladislav Vladislavovich 367
 Kruglova Ekaterina Dmitrievna 100
 Kubatieva Alexandra Alanovna 104
 Kwong Charles 鄺龔子 195
 Lemeshko Yuliya Gennadevna 371
 Lepneva Mariia Leonidovna 375
 Li Luyao 李露瑶 199
 Li Tao 李桃 108
 Li Wenxi 李文曦 202
 Lina Adnan Mohammad Alrababh 林娜 207
 Liu Yameng 刘雅萌 429
 Liu Yanting 劉彥廷 327
 Liu Yanting 劉彥廷 327
 Lobanova Tatiana Nikolaevna 110
 Ma Tianyu 马天玉 37

- Ma Xiaohui 马晓辉 114
 Ma Yue 马钺 211
 Malykh Oksana Andreevna 280
 Martynov Dmitry Evgenovich 421
 Maslovets Olga Alexandrovna 282
 Mavleev Ruslan Rafaelevitch 79
 Mazo Olga Mikhailovna 44
 Mirzeva Leisan Rifhatovna 380
 Mitkina Evgeniya Iosifovna 286
 Mogzhanova Sofiya Andreevna 290
 Naniy Ludmila Olegovna 117
 Nasirova Saodat Abdullayevna 384
 Naumova Ksenia Mikhailovna 121
 Nazarov Sayyora Anvarovna 294
 Nemtinova Alena Vladimirovna 125
 Ng Tiensze 黄天仕 207, 213
 Osokin Alexander Vladimirovich 388
 Pan Anna Vladimirovna 128
 Pavlova Alena Dmitrievna 298
 Pellin Tommaso 217
 Popova Galina Sergeevna 392
 Porol Polina Vadimovna 396, 400
 Qiang Si 墙斯 221
 Ren Xiaofei 任晓霏 444
 Rukodelnikova Maria Borisovna 302
 Ryabinina Irena Alexeevna 405
 Salazanova Olga Aleksandrovna 306
 Saltanova Nadezhda Yurievna 360
 Sboev Aleksandr Nikolaevich 132
 Semenov Kirill Igorevich 136
 Shakirova Svetlana Airatovna 321
 Shatravka Anna Vladislavovna 159
 Shevtsova Natalia Ivanovna 163
 Simatova Sofya Andreevna 139
 Soloveva Tatiana Mikhailovna 255
 Somkina Nadezhda Aleksandrovna 286
 Starostin George 225
 Stirpe Luca 白流火 (卢卡·斯啼尔贝) 431
 Struchalina Galina Valerevna 409
 Su Muyuan 苏牧原 143
 Terol Gabriel 434
 Troshchinskiy Pavel Vladimirovich 310
 Ulyanova Ksenia Anatolevna 147
 Um Younguk 嚴英旭 426
 Varenov Andrei Vasilievich 337
 Varriano Valeria 瓦莱里娅·瓦里亚诺 437
 Voropaev Nikolai Nikolaevich 33, 37
 Wang Liyuan 333
 Wang Tianjiao 王天焦 29
 Wang Zhaonan 228
 Wei Yi 韦祎 440
 Xiao Lin 肖琳 230
 Xu Jin 233
 Xu Shuangzhou 徐双胄 237
 Yi Yanpin 380
 Yu Wang 421
 Zavyalova Olga Isaakovna 71
 Zhang Jingning 张靖宁 444
 Zhang Xiaojing 张晓静 318
 Zhang Yan 张雁 242
 Zhang Yumei 张玉梅 246

Научное издание

КИТАЙСКАЯ ЛИНГВИСТИКА
И СИНОЛОГИЯ

Тезисы докладов
международной конференции
Москва, 3–5 октября 2019 г.

*Отпечатано с готового
оригинал-макета*

*Оригинал-макет подготовлен
в Институте лингвистики*

Компьютерная верстка *Н.Г. Семеновой*

Подписано в печать 23.09.2019

Формат 60х90¹/₁₆

Уч.-изд. л. 30,1. Усл. печ. л. 29,5.

Тираж 300 экз. Заказ № 604

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6